

Национальная академия наук Беларуси
Институт философии НАН Беларуси

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ
в глобальных и региональных
контекстах**

Материалы
Девятой международной научной конференции
(20–21 ноября 2025 года, г. Минск)

В двух томах
Том 1

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2025

УДК [1+008](476)(082)

ББК 87.3(4Бел)я43

И73

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института философии НАН Беларуси
(протокол № 9 от 29.10.2025 г.)

Редакционная коллегия:

А. А. Лазаревич (председатель), А. Ю. Дудчик (зам. председателя), М. Б. Завадский (секретарь),
Т. И. Адуло, И. М. Бобков, Е. В. Давлятова, С. Г. Доронина, В. Б. Еворовский, Е. И. Жук, Н. Е. Захарова,
Е. В. Згировская, А. О. Карасевич, А. Ю. Косенков, Д. В. Кравченко, Е. В. Кузнецова, А. Л. Куиш,
Н. А. Кутузова, В. А. Максимович, П. С. Навицкая, Ю. Ф. Никитина, Т. Е. Новицкая, О. А. Павловская,
В. В. Полюлян, И. Е. Прись, Е. В. Реут, Е. П. Саковский, С. И. Санько, Е. В. Свечникова,
Ю. П. Середа, А. Н. Спасков, И. К. Ставровский, О. Л. Сташкевич, А. С. Цмыг

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *Л. Е. Криштанович*,
доктор философских наук, доцент *Т. Н. Буйко*

И73

Интеллектуальная культура Беларуси в глобальных и региональных контекстах : материалы Девятой междунар. науч. конф. (20–21 ноября 2025 г., г. Минск). В 2 т. Т. 1 / Ин-т философии НАН Беларуси ; редкол. А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2025. – 288 с.

ISBN 978-985-581-790-2 (т. 1).

Сборник в двух томах содержит тексты докладов и выступлений, включенных в программу работы IX Международной научной конференции «Интеллектуальная культура Беларуси в глобальных и региональных контекстах» (Республика Беларусь, г. Минск, 20–21 ноября 2025 года). Материалы демонстрируют актуальность и важность философской рефлексии для осмысления проблем современного общества, для преодоления стоящих перед ним вызовов, а также для обеспечения социокультурной, антропологической, информационной безопасности. Особое внимание уделено взаимосвязи глобализационных и регионализационных процессов, их влиянию на формирование интеллектуальной культуры, философии, науки и общественного сознания.

Издание предназначено для ученых, преподавателей, специалистов органов государственной власти и управления, представителей общественных структур, аспирантов, магистрантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной философии и гуманитарных наук.

УДК [1+008](476)(082)

ББК 87.3(4Бел)я43

ISBN 978-985-581-790-2 (т. 1)

ISBN 978-985-581-789-6

© ГНУ «Институт философии
НАН Беларуси», 2025

© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	9
Раздел 1 Роль философского наследия Беларуси в укреплении гуманитарной безопасности	12
<i>М. В. Анцыповіч</i> Інтэрпрэтацыя філасофскай спадчыны Г. В. Ф. Гегеля (XIX – сярэдзіны XX ст.)	12
<i>А. І. Бабко</i> Дыялектычны рацыяналізм Г. В. Ф. Гегеля: праблема інтэрпрэтацыі і ацэнкі ў кантэксце аналізу гістарычных перспектыв чалавека і грамадства	15
<i>І. М. Бабкоў</i> Думаць (з) традыцыяй. Зацэмы на палях беларускай інтэлектуальнай гісторыі	18
<i>Т. П. Барысюк</i> Ідэі М. Бахціна, Э. Фрома, Э. Сарокі і М. Эпштэйна для развіцця сучаснага беларускага літаратуразнаўства	20
<i>Е. А. Баум</i> История науки как зеркало глобализации: трансфер идей и интеллектуальные контексты Беларуси.....	23
<i>В. Ф. Берков</i> О кризисе современного исторического познания.....	26
<i>С. В. Воробьева</i> Номотетическая и идеографическая модели понимания в методологии В. Н. Ивановского	30
<i>Е. О. Далимаева</i> Роль белорусской диаспоры в продвижении позитивного имиджа Республики Беларусь за рубежом	33
<i>С. Г. Доронина</i> Развитие белорусской эстетической мысли в 60-х гг. XX ст.	36
<i>С. Г. Доронина</i> Советская белорусская эстетическая мысль 50-х гг. XX ст.	39
<i>І. М. Дубянецкая</i> Этнафіласофія ў навуковым дыскурсе: паміж мінулым і будучыняй	43
<i>А. Ю. Дудчик</i> К вопросу о соотношении исторического и философского подходов в исследованиях в области истории философии.....	46
<i>В. Б. Евароўскі</i> Нацыянальная ідэя Беларусі: канцэптуальны каркас і функцыянальнае значэнне.....	49
<i>В. К. Игнатов</i> Духовные истоки белорусской культуры как колыбели панъевропейского мировоззрения	53

А. И. Климович Концепция общего блага в полоцкой неосхоластике: ресурс для гуманитарной безопасности современности	57
Н. Б. Ломакина Минская философско-методологическая школа Степина и Московский методологический кружок Щедровицкого – сходства, отличия, значение	60
В. М. Макаров Вызовы в мировоззренческой сфере: актуальные аспекты развития социогуманитарного знания	62
Л. С. Навицкая, К. Д. Довматович Философия истории В. Н. Ивановского	65
А. А. Павильч Развитие сравнительного культурологического знания в Беларуси на рубеже XIX – XX веков	67
Я. П. Сакоўскі "Наша Ніва": нараджэнне, структура, раннія палітыка-філасофскія ідэі	70
В. А. Салееў Выдатны творца беларускай эстэтыкі	73
Н. Г. Севостьянова Уникальность отечественной философии в системе координат ее становления и развития	76
Т. Ю. Сидорина Интеллектуальная культура и духовные ценности в глобальном контексте: реакция на вызовы технического развития в философии В. Ф. Одоевского	80
В. У. Старасценка Станаўленне нацыянальнай самасвядомасці беларускага народа ў адлюстраванні айчынной думкі X – XVII стст.	81
М. А. Филипчик Проблема сохранения национальной идентичности	83
Раздел 2 Социально-философское знание в глобальных и региональных контекстах	86
С. У. Абдуллаев Профессиональное образование и рынок труда: опыт нового Узбекистана в условиях глобальных вызовов	86
Т. И. Адуло Развитие К. Марксом теории исторического процесса в работе "Критика Готской программы"	91
В. В. Анохина, Сюй Цзявэнь Китайская концепция экологической цивилизации: философские основания и принципы	94
Н. А. Балаклеец Эрих Фромм о причинах человеческой агрессии	98
С. А. Бурьянов, М. С. Бурьянов О необходимости эволюционной смены парадигмы цивилизационного развития с неустойчивой государствоцентричной на управляемую человекоориентированную, обеспеченную цифровыми правами человека	101

В. Н. Ватыль Дискурс отечественной национальной идеи: сущностное измерение	105
П. А. Водопьянов Духовно-нравственный императив достижения безопасного будущего	109
Д. Н. Гиргель Ван Чун в оценках китайских либеральных интеллектуалов периода Китайской Республики (по материалам журнала "T'ien Hsia Monthly")	112
А. А. Головач, Н. В. Медведев Социально-философское осмысление кризиса и войны: общее и особенное	114
М. А. Гребенчук Цифровая трансформация образовательного процесса: интеграция искусственного интеллекта в преподавание дисциплины "Современная политэкономия"	116
Д. Г. Доброродный Эпистемическая несправедливость и проблема цифрового неравенства	119
А. Ю. Дудчик Типология академического капитала в работах П. Бурдьё	123
И. А. Евдокимов Антонио Негри: философия как способ осмысления социальной онтологии современности	126
А. И. Екадумов Экоцентрическая парадигма интерпретации политического в мире глобальных рисков	130
И. И. Екадумова Трансформация власти в эпоху глубокой медиатизации	131
А. С. Кодиркулов Патриотическое воспитание курсантов Академии МВД Республики Узбекистан: опыт преподавания и перспективы развития	134
И. Н. Колядко Конструирование социальной реальности в эпоху медиатизации: универсалии культуры и "символическая власть" в процессах коммуникации	137
А. Ю. Косенков Концепция социотехнического воображения: характеристика и перспективы развития в социально-гуманитарных науках	141
В. А. Ксенофонов Философия национальной безопасности: проблема конституирования.....	144
А. В. Кузнецов, В. В. Кузнецов Концепции устойчивого развития и современность	148

Н. А. Кутузова ООН как драйвер инновационного развития в социальной сфере: межсекторальный анализ в контексте Целей устойчивого развития	151
Г. Ф. Ласута, А. Б. Богданович, А. С. Щур Философское осмысление понятия "безопасность" в период античности	156
А. А. Легчилин, В. С. Сайганова, С. В. Воробьева Белорусская государственность в контекстах глобальной истории и культурного трансфера	158
И. И. Лещинская Феномен "социальной невидимости" в контексте философии признания А. Хоннета	161
А. Е. Михайлов, М. В. Михайлова К. А. Неволин о нравственных основаниях совершенствования права в античной философии	164
Ю. Ф. Никитина Политика идентичности: социально-технологический аспект	167
Т. Е. Новицкая Социальные сети как фактор внешнеполитической коммуникации	169
А. Ю. Опарин Предварительное распределение: поиски путей преодоления негативных эффектов капитализма в либерально-ориентированной социальной философии	172
О. А. Павловская Проблема морального фактора в контексте современных социально-политических угроз	175
И. М. Ратникова Критическая теория как интеллектуальная традиция: история и современность	179
Г. А. Русецкая Субъект как пространство надписей. О преимуществе концепта "субъект" для социальной аналитики	182
Акбар Саиткасимов Социально-философский анализ значения инноваций в развитии общества	184
А. Я. Сарна Изучение цифровой трансформации социокультурных практик в современной Беларуси	187
Ю. П. Середа Общественная безопасность Беларуси в системе международного мониторинга человеческого развития и прогресса	190
Д. В. Столяров Роль принципов культуры безопасного поведения в процессах обеспечения общественной стабильности и защиты института семьи	193

А. Ал. Успенский, Ал. А. Успенский Республиканский центр трансфера технологий – продукт стратегического сотрудничества Правительства Республики Беларусь, ПРООН и ЮНИДО	197
А. А. Челядинский Организация Объединенных Наций: трудности деятельности	200
Круглый стол «Сознание и искусственный интеллект в аналитической и континентальной традициях»	203
Е. В. Беляева О кодексах этики в сфере искусственного интеллекта.....	203
И. И. Ганчерёнок, Н. Н. Горбачёв Информационные ресурсы как философский базис технологий искусственного интеллекта	206
Н. В. Даниелян Природа сознания: от естественного к искусственному	209
И. В. Девятко Тождество личности, моральная ответственность и ментальная субстанция. Почему разграничения метафизики и практики критичны для дуалиста.....	212
А. О. Карасевич Когнитивная психотерапия и контекстуальный реализм	216
А. М. Кардаш Автономия знания в аналитической эпистемологии	219
П. М. Колычев Может ли машина понимать?	222
И. Г. Красникова Континентальная философия сознания и биоэтические аспекты создания и использования систем искусственного интеллекта	225
Т. Г. Лешкевич Трансформации сознания в перспективе взаимодействия с ИИ.....	227
А. И. Лойко Применения аналитической философии в технологиях искусственного интеллекта	230
Г. И. Малыхина, В. И. Чуешов Об исторических логико-математических предпосылках концепции искусственного интеллекта	232
А. Е. Михайлов, М. В. Михайлова, И. А. Окатьев Этический аспект применения искусственного интеллекта в медицине и здравоохранении	235
К. Е. Морозов Критика аргумента случайных двойников В. В. Васильева	238
И. Е. Прись Искусственный интеллект (ИИ) и расширенный разум.....	241

И. Н. Сидоренко Эмерджентное сознание: онтологический статус и каузальная дилемма	245
И. Р. Скиба Мысленный эксперимент "Два солдата"	248
А. Н. Спасков Природа феноменального сознания в концепциях сознательного реализма, аналитического идеализма и квантовой монадологии.....	253
И. К. Ставровский Ограничения алгоритмического подхода к рациональности	257
Круглый стол «Белорусско-турецкое экспертное сотрудничество в социально-гуманитарной сфере: точки роста и стратегические приоритеты»	259
Emrah Dokuzlu Distant neighbor, close friend: the historical and current dynamics of Belarus-Türkiye relations	259
A. Kara Representations of Noble Women in Turkish and Belarusian Folk Narratives	262
Р. А. Александровіч-Туфкрэо Турэцкая "прысутнасць" у жыцці беларускіх татароў.....	266
К. І. Жук Беларуская мусульманская традыцыя ў нацыянальнай культурнай прасторы	269
С. Г. Карасёва, Е. В. Реут Структура и функции восприятия в контексте религиозного опыта.....	272
Н. А. Кутузова Перспективные направления исследований в философии ислама и возможности для взаимодействия экспертов Беларуси и Турции	275
Е. В. Реут Виртуальная среда как платформа для формирования транснационального социального капитала в контексте белорусско-турецких отношений	278
Е. А. Рупакова Об истории белорусско-турецких связей в контексте присутствия турецких военнопленных на территории Беларуси	283
А. С. Цмыг Исследование этнорелигиозных меньшинств в Беларуси и Турции: общие черты.....	285

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Современная эпоха глобальных перемен ставит перед философией и гуманитарным знанием задачи особой сложности – осмыслить характер и последствия трансформаций, происходящих в культуре, обществе, науке и человеческом сознании. В этом контексте IX Международная научная конференция «Интеллектуальная культура Беларуси в глобальных и региональных контекстах», состоявшаяся в Минске 20–21 ноября 2025 года, стала значимым событием в жизни философского сообщества Беларуси и международных исследовательских кругов. Форум объединил исследователей из Беларуси и зарубежья, предложив широкую платформу для обсуждения ключевых проблем современного философского и культурного пространства.

Основное внимание участников было сосредоточено на взаимосвязи глобализационных и регионализационных процессов, их влиянии на формирование интеллектуальной культуры, философии, науки и общественного сознания. Конференция показала, что Беларусь становится все более заметным интеллектуальным центром, в котором соединяются традиции европейской философской культуры и собственные национальные подходы к осмыслению современности. Отличительной особенностью стало расширение проблемного поля философских исследований и введение новых тематических направлений, отражающих актуальные вызовы современной эпохи. Среди них особое место заняли: развитие философии науки и техники с акцентом на этические, когнитивные и антропологические аспекты искусственного интеллекта; исследование региональной идентичности как философской категории и культурного феномена в условиях глобальных трансформаций; осмысление интеллектуальной культуры как основы национального самоопределения и гуманитарной устойчивости общества; анализ взаимодействия философии, религии, науки и образования как взаимодополняющих компонентов духовного пространства Беларуси; обсуждение новых форм социально-философского знания в контексте нарастающих мировых рисков и трансформации ценностных систем. Эти темы не только углубили традиционное направление исследований, но и обозначили переход философской мысли Беларуси к новому этапу –

философии открытого диалога, в которой сочетаются национальные традиции, технологические инновации и этическая ответственность.

Особое внимание в сборнике докладов уделено вопросам философии науки и техники, которые в последние годы приобретают стратегическое значение для всего гуманитарного знания. Впервые столь последовательно и глубоко была поставлена проблема искусственного интеллекта как философского и этического вызова современности. В рамках круглого стола «Сознание и искусственный интеллект в аналитической и континентальной традициях» обсуждались не только эпистемологические и онтологические аспекты искусственного интеллекта, но и его значение для переосмысления самого понятия разума, субъективности и ответственности человека. Доклады участников показали, что формирование искусственного интеллекта требует философской рефлексии, способной соединить методы аналитической философии сознания с культурно-антропологическим подходом континентальной традиции. Таким образом, в философию науки и техники введено новое проблемное измерение – вопрос о границах рациональности и моральной автономии в условиях технологического разума. Этот поворот отражает тенденцию к переосмыслению роли человека в эпоху машинного мышления и цифровой трансформации общества.

Не менее важным теоретическим направлением стало обсуждение концепта региональной идентичности как философской категории. Если ранее регионализация рассматривалась преимущественно как социально-культурный процесс, то на нынешнем форуме она предстала в более сложном философском измерении – как способ духовного самоопределения и инструмент сохранения интеллектуальной автономии нации. Доклады подчеркнули, что региональная идентичность не противопоставляется глобализации, а выступает формой критического осмысления глобальных тенденций с позиций национальной культуры и традиции. Белорусская философия в этом контексте проявила стремление к поиску нового гуманитарного синтеза, где региональное и универсальное не конфликтуют, а взаимно обогащают друг друга. Такой подход открывает возможности для формирования модели культурного суверенитета, в которой философская мысль становится не только отражением, но и активным инструментом конструирования национального образа мира.

Материалы, представленные в настоящем сборнике, свидетельствуют о высоком уровне философской и научной рефлексии, о

стремлении белорусских мыслителей осмыслить сложные процессы современности в категориях культуры, науки и нравственности. Интеллектуальная культура Беларуси развивается в русле мировых философских тенденций, при этом сохраняя свою самобытность, ценностную ориентацию и связь с национальной традицией. Представленные в сборнике доклады открывают новые горизонты для дальнейших исследований в области социальной философии, философии науки и техники, философии сознания и этики, а также способствуют укреплению диалога между белорусской и мировой философскими школами.

Оргкомитет выражает благодарность всем участникам конференции, авторам докладов и научным организациям, поддержавшим проведение форума, и выражает уверенность, что материалы сборника послужат дальнейшему развитию гуманитарной и философской мысли Беларуси.

Раздел 1 РОЛЬ ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛАРУСИ В УКРЕПЛЕНИИ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ІНТЭРПРЭТАЦЫЯ ФІЛАСОФСКОЙ СПАДЧЫНЫ Г. В. Ф. ГЕГЕЛЯ (XIX – СЯРЭДЗІНЫ XX СТ.)

М. В. Аницыповіч

Этапы эвалюцыі поглядаў Г. В. Ф. Гегеля з’яўляюцца асновай для разумення паслядоўнай гісторыі вывучэння ягонай спадчыны, так як усе інтэрпрэтатары непазбежна далучаліся да тых ці іншых характарыстык сістэмы філасофіі, якія даваліся яе аўтарам. Першы этап – ранні, да пачатку працы над «Фенаменалогіяй духа»; на гэтым этапе погляды Г. В. Ф. Гегеля часта і рэзка мяняюцца. Другі – ахоплівае стварэнне «Фенаменалогіі духа» і «Навукі логікі», якія рэалізуюць праект «Сістэмы навук». Трэці этап – на працягу якога на першым плане апыняецца трыадычная паслядоўнасць энцыклапедычнай сістэмы, якая сфарміравалася як вынік навуковых пошукаў філосафа. Паводле Г. В. Ф. Гегеля, «сукупнасць навукі падзяляецца на тры галоўныя часткі: 1) логіку, 2) навуку аб прыродзе, 3) навуку аб духу. Логіка ёсць менавіта навукай аб чыстым паняцці і абстрактнай ідэі. Прырода і дух складаюць рэальнасць ідэі, першая – як вонкавае тут-быццё, другі – як той, што ведае сябе (Інакш кажучы: лагічнае ёсць вечна простае сутнасцю ў сабе самім; прырода ёсць гэтая самая сутнасць як адчужаная (entauBert); у той час як дух ёсць вяртаннем гэтай сутнасці ў сябе са свайго адчужэння)» [1, с. 33]. Супярэчнасці паміж гэтымі этапамі ў разуменні сістэмы Гегеля яшчэ больш узмацніліся з выхадам збору сачыненняў філосафа, зробленае намаганнямі яго вучняў і паслядоўнікаў. Адным з першых прынцыповых крытыкаў энцыклапедычнай сістэмы Гегеля быў Ф. В. І. Шэлінг, які адмаўляў абагуленае разуменне быцця Гегелем, лічачы, што быццё заўсёды падзяляецца на суб’ектнае і прадметнае. Прадметнаму быццю папярэднічае сапраўднае існаванне суб’екта. Канстатуючы крытычнае стаўленне адной гістарычнай эпохі да другой, у тым ліку і ў філасофскай сферы, трэба адзначыць, што ў гісторыі філасофіі не заўсёды інтэрпрэтацыя мінулага з’яўляецца самамэтай. І гэта выплывае з таго факта, што: «Менавіта мысленне спекулятыўнага характару ўвесь час

імкнецца да абагульненняў універсальнага характару. Калі гістарычная навука проста паказвае мінулае, то філасофія любіць узнімаць пытанні пра мэтазгоднасць тэмпаральнага працэсу, сэнс чалавечага існавання і г. д.» [2, с. 103].

Да сярэдзіны XIX ст. крытыка гегелеўскай філасофіі робіцца характэрнай рысай еўрапейскай філасофскай літаратуры. Яна зыходзіла як з самой гегелеўскай школы, так і ад новых філасофскіх напрамкаў. У вобразе крытыкі гегелеўскай філасофіі новая эпоха, па сутнасці, развіталася з класічнай філасофіяй увагулле, а самай далёкай ад інтарэсаў і патрэбаў гэтай эпохі, несумненна, апынулася тэарэтычная аснова філасофіі Гегеля – «Фенаменалогія духа» і «Логіка». У гегелеўскай логіцы праз пераадольванне супрацьлегласці паміж здумленнем, якое адносіцца да чалавека як думачага суб'екта і быццём усяго існага, якое здумляецца ў выглядзе сапраўднага сапрацьпастаўляемага яму аб'екта, чалавек дасягае такой пазіцыі, калі здумленне мяркуецца як цалкам тоеснае быццё. Простае, «чыстае» быццё, з якога пачынаецца логіка, пераходзячы ў супрацьлеглае яму небыццё, не мае ніякага сутнаснага зместу і нічога не вызначае ў быцці існага. Філасофія чалавека Гегеля прадстае арганічнай часткаю яго агульнай «касмалогіі» свету, непарыўна ўключана ў шырокі пласт іншых тэм: духа, свабоды, рацыянальнасці, сацыяльных адносін, гісторыі, абсалюта і г. д. Па-за імі філасофія чалавека не здольна адбывацца, страчвае тую атмасферу, у якой толькі і здольна існаваць. Дух – гэта ўсепранізваючы пачатак, які яднае сабой увесь універсум: прыроду, гісторыю, грамадства, нават Бога. Гегель шмат у чым пераасэнсавуе паняцце чалавека ў параўнанні з тым, як яно разумелася папярэдний гісторыка-філасофскай традыцыяй. Ён падышоў да чалавека як да шматмернай істоты: чалавечая асоба разглядалася ім як комплекснае паняцце, у якім прысутнічаюць самыя розныя пласты дэтэрмінацыі і дзейнасці: рэфлексіўны і эмацыянальны, суб'ектыўна-асабісты і аб'ектыўна-сацыяльны. Чалавек, маючы адзіную сутнасць з светам, таксама ўнутрана глыбокі і шматстайны, як і сам гэты свет. Чалавек разумеецца Гегелем не проста як індывідуальны дух, гэта шматузроўневая субстанцыя, якая разгортваецца на самых розных пластах – біялагічным, суб'ектыўна-індывідуальным, сацыяльна-духоўным. Аб'ектыўнасць не па-за чалавекам, яна ў ім самім. Права канстытуіруе індывіда як элемента соцыума і высупае як яго «другая прырода»: як і першая, яна прытрымліваецца сваіх законаў і «змушае» чалавека жыць і дзейнічаць у адпаведнасці з імі.

Гегелеўская філасофія як цэлае, ці «сістэма філасофіі», падпадала далёка не заўсёды пад аб'ектыўную і зусім паўнаважную пазагістарычную крытыку. Заклапочаныя абгрунтаваннем адмысловасцяў сваіх напрамкаў, мысляры XIX – сяр. XX ст. аб'ектыўна не былі зацікаўлены ва ўзнаўленні гегелеўскай філасофіі як адзінага цэлага.

Разбурэнне класічнай філасофіі з сярэдзіны XIX ст. і наступіўшае за гэтым адхіленне ўсёй філасофскай культуры ад кантэкста класічнай філасофіі зайшлі так далёка, што для тагачаснай філасофскай свядомасці (і пры тым – якой бы яна не была) гегелеўская філасофія, як апошні і найбольш вядомы варыянт класічнай філасофіі, болей увогулле у гэтыя часы не з’яўляўся ні асновай, ні гістарычным узорам уласнага філасофствавання, ні, тым больш, актуальным апанентам. Сцвярджаючы факт разбурэння класічнай філасофіі неабходна браць пад увагу, што калектыўнай свядомасці ўласціва пэўная інэрцыйнасць у ва ўсіх сферах, у тым ліку і ў перадачы ўніверсальных маральных каштоўнасцей. Філасофія не з’яўляецца выключэннем з гэтага правіла. «Адсюль вынікае, што той ці іншы мысліцель атрымлівае ў якасці пачатковага кампанента сваёй інтэлектуальнай дзейнасці не толькі тую ці іншую філасофскую парадыгму, ад якой ён павінен адштурхоўвацца, але і пэўную форму сацыяльнага кантролю, якой ён мусіць кіравацца» [2, с. 71]. Зварот нэакантыянцаў да Гегеля ў пачатку XX ст. звязаны з спробамі зместавага абнаўлення нэакантыянства, што адначасова прывяло да адраджэння цікаўнасці да філасофскай спадчыны Гегеля і ўзнікненню новай хвалі гегельянства, да актыўнай пераапрацоўкі яго ідэй, да асэнсавання лагічнай канцэпцыі ў цэлым. У выніку гэтага выяўлялася супярэчнасць паміж рацыянальным і ірацыянальным у гегелеўскіх падыходах і, як вынік, сцвярджалася немагчымасць у канцэпце Абсалютнага духа злучыць вышэйузгаданыя два бакі.

Інтэрпрэтацыям філасофіі Гегеля ў дыялектычным матэрыялізме XIX – сяр. XX ст. уласціва вялікая разнастайнасць як па складу тэм, так і па напрамках трактовак унутры гэтых тэм. Выдзяленне адзінага складу інтэрпрэтацый, характэрнага для дыялектычнага матэрыялізма ў цэлым, немагчыма з прычыны шматстайнасці і ўнутранай супярэчлівасці, якая ўласціва практычна па ўсіх аспектах філасофіі Гегеля. Аўтары твораў з аналізам філасофіі Гегеля вар’іраваліся ад крайне негатыўнага да крайне пазітыўнага. Пасля публічнай навуковай філасофскай дыскусіі агульнасаюзнага маштабу ў студзені, чэрвені 1947 г. для дыялектычнага матэрыялізма стала выяўляцца тэндэнцыя паслядоўнага агульнага пагаршэння адносін да філасофскай спадчыны Гегеля. У аснове такога становішча прысутнічалі як знешнія фактары (зменлівая палітычная абстаноўка; рэпрэсіі 1930-х гг.; супрацьстаянне розных групавых саветаўкага філасофскага таварыства і інш.). Адначасова давалі аб сабе ведаць і ўнутраныя ўласцівасці філасофіі дыялектычнага матэрыялізма: супярэчнасць паміж яго трактоўкай у якасці навуковага метада і ў якасці ідэялогіі пралетарыята; дэклараваннем неабходнасці пастаяннага абнаўлення і развіцця дыялектычнага матэрыялізма поруч з тэндэнцыямі па дагматызацыі ягоных асноў. Найболей істотнае ўздзеянне на змяненне склада па перавазе інтэрпрэтацый спрыялі такія фактары, як зніжэнне

пасля ўсталявання савецкай улады ў запатрабаванасці выскоў аб непазбежнасці перыядычных рэвалюцыйных грамадска-палітычных пераўтварэнняў, магчымасна выплываўшых з адпаведных трактовак філасофіі Гегеля.

Літаратура і крыніцы

1. Гегель, Г. В. Ф. Вучэнне аб паняцці і філасофская энцыклапедыя / Г. Ф. В. Гегель. – Мінск : Зміцер Колас, 2023. – 107 с.
2. Нацыянальная філасофія Беларусі: тэорыя, археалогія, гісторыя, генеалогія, школа / В. Б. Евароўскі ; навук. рэд. Л. Ф. Яўменаў. – Мінск : Беларус. навука, 2014. – 559 с.

ДЫЯЛЕКТЫЧНЫ РАЦЫЯНАЛІЗМ Г. В. Ф. ГЕГЕЛЯ: ПРАБЛЕМА ІНТЭРПРЭТАЦЫІ І АЦЭНКІ Ў КАНТЭКСЦЕ АНАЛІЗУ ГІСТАРЫЧНЫХ ПЕРСПЕКТЫЎ ЧАЛАВЕКА І ГРАМАДСТВА

А. І. Бабко

Праблема ўзаемадачынненняў розуму і адрозных ад яго спосабаў тэрэтычнага і практычнага засваення рэчаіснасці мае істотнае значэнне ў кантэксце высвятлення існасці чалавека і грамадства, а таксама магчымых шляхоў іх гістарычнага развіцця. У сучасных умовах усё больш шырокае ўжыванне інфармацыйных тэхналогій, шпаркае ўваходжанне штучнага інтэлекту ва ўсе сферы грамадскага жыцця і нястрымны рост дыгіталізацыі найважнейшых кірункаў чалавечай дзейнасці ствараюць грунт для апаскі і трылогі адносна магчымай лічбавізацыі і самога чалавека, і ўсёй культуры. У дадзенай сувязі ўсё больш выразна выяўляецца, з аднаго боку, высокая духоўная каштоўнасць адрозных ад чыста рацыянальнага светабачання духоўных формаў (пачуцця, фантазіі, творчай інтуіцыі і г. д.), а з іншага, – іх грунтоўны патэнцыял у плане прадухілення татальнай фармалізаваанай інфарматызацыі грамадства. Такі стан спраў змушае пільна прыгледзецца да традыцыі філасофскага рацыяналізму (як артыкуляцыі першаснай ролі розуму ў пазнанні і духоўным жыцці ўвогуле) і да канкрэтных яго ўвасабленняў. Ці не спрыяюць яны (у той ці іншай ступені, аб'ектыўным і апасродкаваным чынам) магчымай татальнай «рацыяналізацыі» чалавечага грамадства, здзейсненай з дапамогай «разумных» машын? І ці не ствараюць падставу для неадэкватнага стаўлення да памянёных вышэй адрозных ад розуму феноменаў?

Згаданыя пытанні паўстаюць і ў адносінах да філасофіі Гегеля, якая нярэдка падавалася як яскравы прыклад лагізацыі ўсёй рэчаіснасці (хоць перспектыва перанясення метадаў матэматычнага злічэння ў сферу філасофскай логікі ні ў якім разе не з'яўляецца блізкай яму). Варта

адзначыць, што тэрмін «панлагізм» быў уведзены (праўда, зусім не з крытычнымі інтэнцыямі) менавіта для характарыстыкі гегелеўскай сістэмы як паслядоўнага тэарэтычнага ўвасаблення прынцыпу вяршэнства лагічнага пачатку ў быцці і пазнанні [1, с. 49]. Даследчыкі, якія крытычна ставіліся да Гегеля, інтэрпрэтавалі яго погляды як ідэнтыфікацыю рэальнага і рацыянальнага [2, с. 731], а іх разгортванне ў канкрэтных даследаваннях (напрыклад, гістарычных) – як звязанае з пэўным скажэннем фактаў і нават з прыкметнымі праявамі невуцтва [2, с. 735].

Непазбежным вынікам гегелеўскага пункту гледжання, згодна з якім рэчаіснасць вызначаецца разумнасцю, а філасофія выступае як яе найвышэйшае выяўленне, падавалася таксама поўнае дамінаванне філасофскага мыслення ў адносінах да рэальнасці, да грамадскага жыцця, да іншых духоўных феноменаў. У адпаведнасці з гэтым даводзілася, што, паводле Гегеля, сваё сапраўднае існаванне рэлігія, дзяржава, прырода, мастацтва маюць менавіта ў філасофіі (філасофіі рэлігіі, прыроды і г. д.) [3, с. 167].

Неабходна адзначыць, што ў прыведзеных вышэй крытычных атаках на гегелеўскую сістэму не ўлічваецца (ці недастаткова ўлічваецца) яе грунтоўны прынцып: філасофская тэорыя павінна адлюстроўваць дыялектычную натуру духоўнай рэальнасці, у якой адзінае раздвойваецца, разрываецца вострымі супярэчнасцямі, што вырашаюцца праз сінтэз супрацьлеглых пачаткаў. У выніку процілегласці ператвараюцца ў неад’емныя моманты вышэйшага цэлага пры захаванні сваёй адноснай самастойнасці. Моманты духоўнага цэлага самі выяўляюцца як цэласныя ўтварэнні. Народ, напрыклад, разумеецца філосафам як адмысловы «дух», як «канкрэтная ідэя», гэта значыць як засяроджаны на сваім самаздзяйсненні, саматоесны носьбіт гістарычнай дзейнасці, які разам з тым мае сваё праўдзівае вызначэнне ў прыналежнасці да чалавецтва – «сусветнага духа», «канкрэтнай ідэі», якая здзяйсняецца ў форме ўсеагульнасці [4, с. 435]. Задачай філасофіі з’яўляецца раскрыццё змястоўнага багацця духоўнага жыцця, узятага ва ўсіх яго праявах, як дынамічнага цэлага. Згаданыя праявы – гэта супрацьлегласці, што вырываюцца ў рэальнасць з ідэальнай тоеснасці (як віртуальныя элементарныя часцінкі робяцца рэальнымі, вырываючыся з ідэальнага адзінства квантавага вакууму) і ў сваім самаразвіцці, у сваім самасцвярджэнні ўтвараюць усё больш высокае адзінства.

У кантэксце метадалогіі філасофскага пазнання даведзенае вышэй азначае неабходнасць аб’яднання рацыяналізму і эмпірызму ва ўлонні сінтэтычнай кагнітыўнай стратэгіі. Зыходзячы з таго, што прыярытэт у дадзеным сінтэзе павінен належаць рацыянальнаму складніку, Гегель настойвае, аднак, на тым, што без апоры на вопыт розум не здолее паспяхова вырашыць задачу спасціжэння найглыбейшай сутнасці існага. Так, у «Эстэтыцы» ён найпрост указвае, што метада, які грунтуецца

выключна на ідэі, як і чыста эмпірычны спосаб разгляду мастацтва, узятых адасоблена адзін ад аднаго, не могуць забяспечыць адэкватнага філасофскага спасціжэння існасці дадзенай духоўнай сферы [5, с. 33].

Што да папрокаў у падпарадкаванні розных формаў пазнання, грамадскага жыцця і быцця ўвогуле філасофскаму мысленню, якое нібыта мае месца ў гегелеўскай сістэме, дык яны таксама падаюцца неадпаведнымі сутнасці развітых у ёй ідэй. Гегель глыбока ўсведамляў адметнасць філасофіі. Непазбежным наступствам дадзенага ўсведамлення з'яўляецца прызнанне спецыфікі іншых пазнавальных формаў і сацыяльных практык, а таксама іх прыярытэтнага становішча ў межах сваёй кампетэнцыі. І Гегель паслядоўна кіраваўся дадзеным правілам. Так, ён крытыкаваў ў пэўных выпадках навуковыя тэорыі, але рабіў гэта толькі тады, калі гаворка ішла пра рэлевантныя ў філасофскіх адносінах іх аспекты, пра іх канцэптуальныя асновы [6, с. 196].

У дачыненні да адрозных ад розуму духоўных формаў пазіцыя Гегеля таксама не з'яўляецца аднабакова засяроджанай на прыярытэце рацыянальнага. Паводле філосафа, згаданыя формы сапраўды толькі праз іх сувязь з розумам могуць здзейсніцца як духоўныя ўтварэнні. Аднак дадзеная сувязь не пазбаўляе іх адноснай незалежнасці. Разам з тым яны пэўным чынам уплываюць на сферу мыслення. Артыкулюючы дадзены момант у кантэксце аналізу ўвасобленай у гегелеўскай філасофіі формы паняцця, Г. Глокнер, напрыклад, вытлумачваў яе як лагічна-металагічнае, рэлігійна-эстэтычна-тэарэтычнае змешанае ўтварэнне («Mischgebilde») [7, с. 7]. Хоць апошні тэрмін наўрад ці адпавядае інтэнцыям Гегеля і характару яго мыслення (гаворка павінна ісці менавіта пра пэўны варыянт дыялектычнага сінтэзу на рацыянальнай аснове, а не пра змешванне розных момантаў), тым не менш з канстатацыяй адлюстравання ў гегелеўскай філасофіі ўздзеяння на розум з боку іншых духоўных феноменаў варта пагадзіцца.

Такім чынам, артыкуляцыя Гегелем вяршэнства рацыянальнага ў духоўным жыцці не вядзе да грэбавання іншымі духоўнымі формамі, да адмаўлення іх важнасці і адноснай самастойнасці, а таксама іх уплыву на мысленне. Гэта звязана з дыялектычным характарам яго рацыяналізму, згодна з якім розум не застаецца супрацьпастаўленым пачуццю, перажыванню, натхненню і г. д. Як пазнавальная стратэгія гегелеўскі рацыяналізм не адпрэчвае эмпірызм, заставаючыся ў абстрактнай супрацьлегласці да яго. Дыялектычная метадалогія таксама не дазваляе філасофскаму мысленню аднабаковым чынам падпарадкаваць разнастайныя сацыяльныя, культуратворчыя і пазнавальныя практыкі. Таму цалкам правамерна сцвярджаць, што гегелеўскі рацыяналізм не павінен разглядацца як спрыяльны для дэгуманізацыі грамадства ў выніку скажонага разгортвання тэхналагічнага прагрэсу. Наадварот, яго можна і неабходна задзейнічаць у пошуках шляхоў супрацьстаяння дэструктыўным

тэндэнцыям у грамадскім жыцці.

Літаратура і крыніцы

1. Sass, H.-M. Panlogismus / H.-M. Sass // Historisches Wörterbuch der Philosophie: in 13 Bänden / hrsg. von J. Ritter, K. Gründer, G. Gabriel. – Basel : Schwabe Verlag, 1971–2007. – B. 7. – S. 49–50.
2. Russell, B. A History of Western Philosophy and Its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day / B. Russell. – New York : Simon and Schuster, 1945. – 895 p.
3. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 1. – С. 41–174.
4. Hegel, G. W. F. Grundlinien der Philosophie des Rechts, oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse / G. W. F. Hegel. – Berlin : Duncker und Humblot, 1833. – 440 p.
5. Hegel, G. W. F. Ästhetik : in 2 b. / G. W. F. Hegel. – 3. Aufl. – Berlin, Weimar : Aufbau-Verlag, 1976. – B. 1. – 591 p.
6. Inwood, M. A. Hegel Dictionary / M. A. Inwood. – Oxford : Wiley, 1992. – 356 p.
7. Glockner, H. Der Begriff in Hegels Philosophie: Versuch einer logischen Einleitung in das metalogische Grundproblem des Hegelianismus / H. Glockner. – Tübingen : J. C. B. Mohr, 1924. – 87 p.

ДУМАЦЬ (З) ТРАДЫЦЫЙ. ЗАЦЕМЫ НА ПАЛЯХ БЕЛАРУСКАЙ ІНТЭЛЕКТУАЛЬНАЙ ГІСТОРЫІ

І. М. Бабкоў

У 1841 годзе А. Міцкевіч распачынае адну з самых дзіўных прыгодаў свайго жыцця: займае кафедру славянскіх моваў і літаратураў ў Калеж дэ Франс і пачынае чытаць курс лекцый пра славянскія літаратуры, у якім спрабуе прадставіць гэты малавядомы культурны мацярык цывілізаванай Еўропе.

Лекцыі чытаюцца па-французскі, польскія версіі друкуюцца амаль сінхронна, неўзабаве выходзіць нямецкі пераклад. Самі лекцыі збіраюць публіку не толькі сваім зместам, але і асобай лектара: А. Міцкевіч цешыцца славай вялікага рамантычнага паэта, імправізатара, духавідца і містыка.

Курс доўжыцца чатыры гады і выклікае не проста цікавасць: ён становіцца падзеяй еўрапейскай інтэлектуальнай гісторыі. І ў той жа час самым загадкавым і недаінтэрпрэтаваным творам Міцкевіча.

Хаця А. Міцкевіч гаворыць у ім пра літаратуру (і літаратуры), ён відавочна не літаратурны крытык, гаворыць пра славянскія народы, але не як гісторык і не як народазнаўца, гаворыць пра ідэі, але не як філосаф.

Што гаворыцца – навідавоку, але адкуль, з якой прасторы, з якой

суб'ектнасці, застаецца загадкай. Незразумела нават, да якога жанра ўсё гэта аднесці.

У 1926 Ластоўскі, у сваім ковенскім прытулку, выдае вялізны том па гісторыі беларускай пісьмовасці, называючы яго *Гісторыяй беларускай (крыўскай) кнігі*. І хаця Ластоўскі быў моцна абмежаваны ў матэрыялах і давёў сваю работу толькі да XVII стагоддзя, ягоная *Гісторыя* адразу стала легендарнай. Ніколі наўроств не забароненая, яна, тым не менш, у савецкія часы знаходзіла сабе прытулак выключна ў спецхранах.

Парадаксальна, але ўласна гісторыі ў гэтай рабоце было няшмат. Калі пад гісторыяй мы разумеем расшуканні і вытлумачэнні гістарычных фактаў на аснове дакументаў і сведчанняў. Задача Ластоўскага другая: канструяванне канона беларускай інтэлектуальнай гісторыі. Атрымалася штосьці сярэдняе між анталогіяй старажытных тэкстаў і іх даследаваннем, інтэрпрэтацыяй. У прадмове Ластоўскі піша са здзіўленнем пра асноўную праблему ў напісанні гісторыі паняволеных народаў: усе іх набыткі прысвоеныя каланізатарамі, важныя гістарычныя падзеі выдаленыя на маргінэз. Таму, перш чым прыступаць да асноўнай задачы – стварэнню свайго культурнага канона, сваёй гісторыі, – гісторыкі паняволеных народаў вымушаныя займацца крытыкай каланіяльных наратываў, займацца дэканструкцыяй міфаў.

Як быццам адгукаючыся на прапанову Ластоўскага, у гэтыя ж часы ў Менску Аляксандар Цвікевіч піша свой *Заходнерусізм: даследаванні ідэяў і ідэалогій XIX стагоддзя*. Кніга напісаная яна ў сугуччы з эпохай, і выступае як марксісцкая крытыка ідэалогіі заходнерусізма.

Гэтыя тры кнігі паўстаюць у розных кантэкстах, ставяць розныя інтэлектуальныя задачы, ідуць у розных кірунках. Тым не меней ёсць і агульнае.

Усе тры з'яўляюцца адказам на пэўны крызіс сучаснасці, які патрабуе звароту да традыцыі, яе перачытання.

Усе тры спробы абапіраюцца на пэўную матрыцу веды, на акадэмічную, дысцыплінарную работу, але не супадаюць з ёй да канца.

Усе тры кнігі становяцца легендарнымі. Яны выступаюць не проста як знешняе апісанне традыцыі. Яны частка традыцыі, яе самарэфлексія.

Мала раскладаць асобы і творы на палічках гістарычных эпохаў. Трэба ўмець думаць традыцыю. І думаць з традыцыяй.

Першае: каб думаць традыцыю, трэба быць суб'ектам, тым хто задае пытанні. Другое: важна мець (і разумець!) сваё месца і свой кантэкст. Каб пытацца пра мінулае, трэба акрэсліць сваю ўласную эпоху. І нарэшце: трэба ўмець думаць. Умець ставіць пытанні, весці дыялог з мінулым.

У еўрапейскай інтэлектуальнай гісторыі такія тып работы з традыцыяй мае сваіх герояў і сваіх прыхільнікаў.

Ніцшэўская генеалогія маралі, Гайдэгераўскія інтэрпрэтацыі дасакратыкаў, Фуко са сваімі гісторыямі – вар'яцтва і сексуальнасці, – усе

гэтыя праекты выклікаюць крытыку адмыслоўцаў, акадэмічных работнікаў, – і захапленне чытачоў.

Зрэшты, нават у тых выпадках, дзе работа з прамінулымі эпохамі атрымоўвае ўсеагульнае прызнанне акадэміі – як у выпадку *Рэнесанса і барока* Вёльфліна, альбо *Рэнесанса* Уолтэра Пэйтэра, пры больш уважлівым разглядзе мы бачым гэтыя самыя прыкметы.

Укаранёнасць у кантэкст, спробу не проста даследаваць прамінулыя эпохі з іх ідэямі і інтэлектуальнымі парадыгмамі. Але перадусім спробу думаць традыцыю. І думаць разам з традыцыяй.

**ІДЭІ М. БАХЦІНА, Э. ФРОМА,
Э. САРОКІ І М. ЭПШТЭЙНА ДЛЯ РАЗВІЦЦЯ
СУЧАСНАГА БЕЛАРУСКАГА ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА**

Т. П. Барысюк

У свой час Ісаак Ньютан сказаў вельмі слушную фразу: «Калі я бачыў далей за іншых, то таму, што стаяў на плячах гігантаў». Сучасныя мысляры дасягнулі свайго поспеху дзякуючы таму, што наследавалі і развівалі ідэі сваіх слаўтых папярэднікаў. М. Бахцін, Э. Фром, Э. Сарока і М. Эпштэйн, якія з’яўляюцца юбілярамі ў 2025-м годзе, вялікім узроўнем сваіх пошукаў і адкрыццяў працягваюць ураджаць сучасных мысляроў і творцаў, дзякуючы чаму спрыяюць філасофскаму і літаратуразнаўчаму прагрэсу.

Філолагам, якія вывучаюць мастацкія тэксты, найперш прозу, Міхаіл Бахцін (1895–1975) вядомы сваімі геніяльнымі міждысцыплінарнымі пераносамі тэрмінаў «поліфанія» (з музыкі ў літаратуразнаўства) і «хранатоп» (з фізікі ў літаратуразнаўства). Тым самым ён даў усім зразумець, што каб зрабіць рэвалюцыю ў навуцы, не абавязкова адкрываць у ёй нешта прынцыпова новае, а можна ўзяць цікавую з’яву ў іншай сферы чалавечай дзейнасці і перанесці ў тую, у якой вынаходнік доўга і плённа працуе. Звярнуўшы ўвагу на гэтую метадалогію як на плённую, прадуктыўную і перспектыўную, мы таксама ажыццявілі шэраг міждысцыплінарных пераносаў у паэтычнай жанралогіі: перанеслі жанры фальклорныя ў паэтычныя [1; 2], рэлігійныя ў паэтычныя [3] і напісалі, але яшчэ не зрабілі публікацыю, на прыкладзе творчасці Зніча пра перанос музычнага жанру санаты ў паэтычны. Вывучэнне хранатопа, якому такую вялікую ўвагу надаваў М. Бахцін, актуальна і сёння. Гэта мы можам прасачыць на аснове публікацый літаратуразнаўцаў Ж. С. Шаладонавай, А. Д. Чарняцова, А. В. Канаваленка і інш.

Эрых Фром (1900–1980), якога мы ведаем як прадстаўніка неафрэйдызму і які зрабіў вялікі ўнёсак як у філасофію, так і ў псіхалогію,

літаратуразнаўцам можа быць карысным сваімі працамі «Чалавек для сябе» (1947) – для аналізу працэсаў самапазнання ў свядомасці персанажаў мастацкіх твораў, «Псіхааналіз і рэлігія» (1950) – для вывучэння біблейскіх тэм, вобразаў і сімвалаў, «Мастацтва любові» (1956) – для даследавання міласнай праблематыкі ў драматургіі, прозе і інтымнай лірыцы. У прыватнасці, А. В. Браздзіхіна ў сваёй кандыдацкай дысертацыі «Сучасная беларуская інтымная лірыка: генезіс, тэндэнцыі развіцця, кантэкст» (2005) згадала Э. Фрома як аднаго з тых аўтараў, якія паўплывалі на метадалогію яе даследавання [4, с. 2].

Эдуард Сарока (1940–2024) абараніў кандыдацкую дысертацыю пра залатое сячэнне. Мы, як літаратуразнаўцы, прымянілі веды пра гэтую прапорцыю, вынайшаўшы новую цвёрдую форму верша «залатое сячэнне» [скарочана «ЗС». – Т. Б.]. Гэта 13-радковая страфа з пяці- і васьмі-радкоўя са схемай рыфмоўкі радкоў *абааб вгвгдеде* ці васьмі- і пяцірадкоўя для «перавернутага» формы са схемай рыфмоўкі радкоў *абабвгвгг дедее*. Гэта форма падобна да санета, але больш гарманічная паводле матэматычнай прапорцыі. Схема рыфмоўкі васьмірадкоўя ЗС нагадвае два «склееныя» графічна катрэны санета, самастойныя часціны мовы ў тэксце, як правіла, не паўтараюцца, а заканчваецца ЗС ключавым словам / словазлучэннем / радком, істотным для канцэпцыі ўсяго твора. Гэта вершы-характарыстыкі заяўленых з’яў ці адрасатаў, вершы-формулы. Ідэйны змест павінен быць глыбокі і адлюстроўваць тэмы, экзістэнцыйна-светапоглядна значныя для паэта: ідэальнай форме павінен адпавядаць ідэальны змест. Паколькі ёсць пэўныя адрасаты (дыялог тут як сродак пазнання свету і чалавека), можна сказаць, што гэта яшчэ і вершы-прысвячэнні. Магчымасці жанрава-тэматычнага раскрыцця ЗС найшырокія – праз грамадзянскую, філасофскую, пейзажную і інтымную лірыку. Рыфмы ў творах ЗС пераважаюць жаночыя. ЗС могуць быць напісаны амаль любым метрам сілаба-танічнай сістэмы вершаскладання. Так што змястоўныя і выяўленчыя патэнцыйныя магчымасці гэтай цвёрдай формы верша вялікія. У беларускай, рускай і замежнай літаратурах такіх форм мы не сустракалі. Так што можна казаць аб нашым наватарстве ў тэорыі стварэння і практыцы напісання залатога сячэння як цвёрдай формы верша.

Трэба заўважыць, што гэтаму нашаму наватарству паспрыяў таксама наш дыялог з Э. М. Сарокам на калідоры Інстытута філасофіі НАН Беларусі 6 верасня 2016 года, дзе мы ў яго спыталіся, ці мае прынцыповае значэнне для такой прапорцыі, калі яе прымяніць у 13-радковай цвёрдай паэтычнай форме, 5 радкоў будучь зверху, а 8 – знізу, ці наадварот. Ён сказаў, што перамена месцамі 5-ці – або 8 радкоў для такой прапорцыі значэння не мае, і тады мы вырашылі варыянт 5 радкоў зверху і 8 знізу зрабіць прамой формай такога верша (бо піраміда мае сваё вастрыё як найбольш вузкую частку зверху, а шырокае аснаванне – знізу), а 8 зверху і 5 знізу – перавернутай.

Э. М. Сароку мы ведаем і як аўтара доктарскай дысертацыі «Самаарганізацыя сістэм: праблемы меры і гармоніі» (1991), дзе эстэтыка ўзаемадзеінічае з сінергетыкай, дзякуючы чаму адбываецца іх узаемаўзбагачэнне. Як развіццё гэтай плённай традыцыі можна ўспрымаць вывучэнне Т. А. Ціхановіч (Аляшкевіч) сінергетыкі паэтычнага твора ў калектыўнай манаграфіі «Міждысцыплінарныя даследаванні актуальных праблем тэорыі літаратуры» (2011) і ў часопісе «Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук» (2014, № 2).

Міхаіл Эпштэйн (нар. 1950) вядомы як вынаходнік мноства новых тэрмінаў у філасофіі, культуралогіі і літаратуразнаўстве. Нас асабліва зацікавіла яго кніга «Філасофія магчымага. Мадальнасці ў мысленні і культуры» (2001). Сучасная псіхалогія таксама вучыць людзей здымаць абмяжоўваючыя перакананні пры асобасным і інтэлектуальным ўдасканаленні. Таму гэтая тэма мае перспектывы для развіцця. Зрабіць немагчымае заклікаў у сваім вершы з кнігі «Назаўжды» (1974) і беларускі паэт-філосаф Алесь Разанаў, які ўзбагаціў лірыку новымі аўтарскімі жанрамі: зномамі, квантэмамі, вершаказамі, пункцірамі і злёсамі. Пра вялікія патэнцыйныя магчымасці чалавечага мозгу выступалі расійскія навукоўцы Наталля Бехцерава, Таццяна Чарнігаўская, Аляксей Сітнікаў і многія іншыя.

Такім чынам, М. Бахцін, Э. Фром, Э. Сарока і М. Эпштэйн зрабілі настолькі вялікі ўнёсак у развіццё філасофіі, што сучаснае беларускае літаратуразнаўства таксама натхнілася і працягвае натхняецца гэтым неверагодным патэнцыялам і знаходзіць магчымасць прымянення іх найкаштоўных ідэй у сваім семантычным полі.

Літаратура і крыніцы

1. Барысюк, Т. П. Запазычаныя з фальклору жанры (замова, праклён, калыханка, загадка) у сучаснай беларускай паэзіі / Т. П. Барысюк // Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў : матэрыялы Міжн. навук.-практ. канф. : у 2 ч. – Мінск : Права і эканоміка, 2014. – Ч. II. – С. 223–232.
2. Барысюк, Т. П. Сучасная беларуская калядная і купальская аўтарская лірыка / Т. П. Барысюк // Творчая спадчына Янкі Купалы і Якуба Коласа ў эпоху інфармацыйных тэхналогій : зб. навук. арт. : да 140-годдзя з дня нараджэння класікаў беларус. літ. / Уклад. А. А. Манкевіч ; рэдкал. : А. А. Бараноўскі [і інш.]; Нац. акад. Навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т літаратуразнаўства імя Я. Купалы. – Мінск : Беларуская навука, 2023. – С. 264–271.
3. Барысюк, Т. П. Запазычаныя з рэлігіі жанры ў сучаснай беларускай паэзіі / Т. П. Барысюк // Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў : зб. дакладаў і тэзісаў VI міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 19–20 лістап. 2015 г. / Гал. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2016. – С. 467–469.

4. Браздзіхіна, А. В. Сучасная беларуская інтымная лірыка: генезіс, тэндэнцыі развіцця, кантэкст : аўтарэф. дыс. ... канд. філалагічных навук : 10.01.01 ; 10.01.08 / А. В. Браздзіхіна. – Мінск, 2005. – 21 с.

ИСТОРИЯ НАУКИ КАК ЗЕРКАЛО ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ТРАНСФЕР ИДЕЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ БЕЛАРУСИ

Е. А. Баум

Влияние глобализационных процессов на культуру и философию Беларуси особенно ярко проявляется в сфере гуманитарного знания, в том числе в истории науки как особом феномене интеллектуальной культуры. История науки, будучи пространством трансфера идей, технологий и институциональных форм, может рассматриваться как своеобразное зеркало глобализации. В нем можно проследить динамику как интеграции в мировое интеллектуальное пространство, так и усилий по сохранению собственной культурной самобытности, отражаются процессы взаимопроникновения культур, интеллектуальных заимствований и локальных ответов на вызовы модернизации.

Для Беларуси с её географическим и культурным положением между Востоком и Западом характерна особая роль науки как канала межкультурного диалога. Уже в XIX веке университеты Виленский и затем Императорский Санкт-Петербургский стали площадками, через которые в белорусскую интеллектуальную среду проникали европейские философские и естественнонаучные идеи. Особая роль принадлежала в начале XIX века Виленскому университету.

Его история символична: возникнув как продолжение иезуитской академии и Главной Виленской школы, университет в 1803 году обрел статус императорского и стал центром не только образования, но и управления всем учебным округом, включавшим белорусские земли. Тем самым он превратился в важнейший канал культурного и научного трансфера, где сталкивались и переплетались европейские, польские, российские и местные интеллектуальные традиции. Среди них были и уроженцы белорусских земель, чьи судьбы наглядно иллюстрируют процессы миграции и трансфера идей. Так, Рафаил Слипень, выходец из Новогрудского уезда, выпускник юридического факультета, некоторое время служил в Министерстве иностранных дел в Санкт-Петербурге, а также проявил себя как художник и медальер, включённый в культурные и интеллектуальные сети своего времени. Игнацы Домейко, родом из Минской губернии, окончил физико-математический факультет Виленского университета и впоследствии получил мировое признание как геолог и минералог в Чили, где его называли «апостолом науки». Ромуальд

Зенкевич вошёл в историю как один из первых белорусских этнографов, педагог и собиратель народного творчества. Эти биографии показывают, что университет не только формировал национальную интеллектуальную элиту, но и способствовал её включению в глобальные культурные процессы. Сюда же можно отнести и пример Р. Г. Геймана – выпускника университета, впоследствии профессора Московского университета и организатора одной из первых химических лабораторий, чья деятельность ярко отражает трансфер идей и миграцию научных кадров в пространстве Восточной Европы.

Виленский университет явился пространством своеобразной «локальной глобализации». Преподавание на нескольких языках, разнообразие факультетов, активная научная жизнь – всё это способствовало формированию у студентов и профессуры опыта интеллектуального многообразия и сопричастности европейскому научному сообществу. Вместе с тем этот опыт не был нейтральным: трансфер идей оказывался связанным с процессами культурной самоидентификации, а сама университетская среда становилась ареной напряжений между универсализмом научного знания и национально-политическими ожиданиями общества.

Закрытие университета в 1832 году после польского восстания символизирует не столько конец просветительского проекта, сколько уязвимость каналов глобализации в условиях политической турбулентности. История Виленского университета демонстрирует, что философия науки и культуры в Беларуси формировалась на пересечении интеграционных процессов и локальных сопротивлений, а сама наука выступала не только источником модернизации, но и маркером цивилизационных выборов [1].

Миграция учёных, участие белорусских исследователей в транснациональных научных проектах, переводная литература – всё это способствовало тому, что интеллектуальная жизнь Беларуси развивалась не в изоляции, а в постоянном взаимодействии с мировыми тенденциями. В то же время отсутствие собственного университета на территории Беларуси в XIX веке ограничивало возможности для консолидации национальной научной школы. Многие молодые люди уезжали учиться в Петербург, Москву, Варшаву или за границу, а возвращаясь, становились проводниками новых идей в локальном культурном контексте. Этот маятниковый процесс – отток и возвращение интеллектуальных ресурсов – сам по себе был формой глобализационного обмена.

Ситуация изменилась в XX веке с созданием в 1921 году Белорусского государственного университета в Минске. Появление национального университета стало не только важным образовательным событием, но и символом закрепления белорусской идентичности в глобальном интеллектуальном пространстве. Именно через БГУ

оформились первые системные исследовательские центры в гуманитарной и естественнонаучной сферах, а университетская среда превратилась в арену для интенсивных научных и культурных дискуссий, в которых переплетались универсальные модели знания и задачи национальной культуры. История БГУ во многом продолжила линию, заложенную Виленским университетом, но уже в новых политических и культурных условиях, открыв возможность для устойчивого развития науки и интеллектуальной культуры Беларуси в XX веке.

Особое значение приобрели связи БГУ с университетами Советского Союза, прежде всего с Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова. Сотрудничество выражалось как в обмене профессорами и студентами, так и в совместных исследовательских проектах. В разные годы белорусские и московские учёные сотрудничали в области философии науки, физики и биологии, участвовали в подготовке совместных публикаций и конференций. Подобные формы взаимодействия способствовали двустороннему трансферу знаний и закреплению Беларуси в общесоюзном и мировом академическом пространстве. Выпускники БГУ становились преподавателями и исследователями в ведущих российских вузах, в том числе в МГУ, одновременно обогащая национальную науку опытом советской академической школы.

Период Второй мировой войны оказался трагическим, но в то же время показательным для понимания роли глобализационных процессов. Университет был частично эвакуирован в Москву, затем некоторое время не функционировал. В мае 1943 года деятельность возобновилась, а занятия проводились на подмосковной станции Сходня. В августе 1944 года БГУ вернулся в Минск. В годы оккупации имущество было уничтожено или разграблено, корпуса разрушены, однако в восстановлении университетской деятельности решающую поддержку оказал МГУ. Этот опыт эвакуации и восстановления ярко продемонстрировал тесное переплетение белорусской и российской академических традиций в условиях глобального военного кризиса и подтвердил роль университета не только как образовательного, но и как культурно-интеграционного центра.

В постперестроечный период сотрудничество получило новые формы: была разработана рабочая программа совместных исследований и образовательных инициатив, в частности, между истфаками БГУ и МГУ. Символическим шагом стало создание первого совместного выпуска магистратуры, что стало примером институциональной интеграции и практикой «глобализации снизу». Эти инициативы не только укрепили связи между университетами МГУ и БГУ, но и сформировали новую академическую идентичность, ориентированную на открытость, междисциплинарность и включённость в международное образовательное пространство [2].

Заключая, можно сказать, что история науки и университетской культуры Беларуси в XIX – XX веках предстает как зеркало глобализационных процессов. От Виленского университета до БГУ мы видим, как трансфер идей, миграция учёных, культурные обмены и сотрудничество с крупнейшими центрами России формировали уникальный интеллектуальный ландшафт страны. Эти процессы одновременно укрепляли национальную идентичность и открывали Беларусь мировому научному пространству, превращая историю науки в важный ресурс, в том числе, философского осмысления культурной динамики.

Работа выполнена в рамках государственного задания МГУ им. М. В. Ломоносова регистрационный номер 121121600197–3.

Литература и источники

1. Friedman, J. Cultural Identity and Global Process / J. Friedman. – L. : Sage, 1994. – 288 p.
2. Астахова, С. Белоруссия и Россия: 20 лет интеграции / С. Астахова // Россия и новые государства Евразии. – 2020. – № I (XLVI). – С. 53–69.

О КРИЗИСЕ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

В. Ф. Берков

Уточняя ключевое понятие истории, обратим внимание на определение, которое получило широкое распространение в научной литературе: «История есть действительность в ее развитии, движении». Авторы, прежде всего философы, обычно не отвергая этой формулировки, наполняли ее разным и, неизменно собственным, содержанием. Гегель считал действительность воплощением деятельности разума, Фейербах отождествлял ее с чувственно-данном, у Кьеркегора она – субъективная вера, у Шопенгауэра – волевой акт. Но существует истолкование действительности как *практической деятельности людей, практики*. Такая интерпретация характерна для марксизма. В частности, в своих знаменитых «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс критиковал предшествующий материализм за то, что тот действительность брал только в форме объекта, в форме созерцания, а не в форме практики, не субъективно [1, с. 1–2]. Ф. Энгельс дополнял: «Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой – только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу»

[2, с. 545].

Категория практики и органически связанный с ней деятельностно-практический принцип познания использовались и развивались в трудах ряда советских исследователей. Среди них почетное место занимает В. С. Стёпин. В совместном исследовании с Л. М. Томильчиком им показано, что принципы и способы построения физической теории могут быть осмыслены с позиций теории отражения и, в частности, ее фундаментальной идеи о практической природе познавательных процессов [3, с. 96].

Но, с точки зрения указанных авторов, работа не завершена. В силе остается программный ориентир, заключенный в следующей оценке Ф. Энгельсом «Тезисов о Фейербахе»: это «первый документ, содержащий в себе зародыш нового мировоззрения» [4, с. 371]. На данный момент многие вопросы (например, о схемах практики в социально-гуманитарном, в том числе историческом, познании, о социокультурном влиянии практики на развитие исторической науки, о критериях выбора объектов социальной памяти и др.), требуют дальнейшей теоретической разработки. В структуре простейшего акта практической деятельности (трудового действия), допустимо различать следующие элементы:

а) ее субъект, деятель (он представляется принадлежащими ему ценностными регулятивами, идеологическими установками, психологическими качествами и пр.);

б) преследуемая субъектом цель (как идеальный образ продукта деятельности);

в) соотносимые с целью средства, операции с ними;

г) предмет, то есть непосредственный материал, готовый к обработке и преобразованиям в заданном направлении;

д) результат.

При более общем подходе к средствам можно отнести всё то, что так или иначе служит достижению поставленной цели. Это не только «вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет», не только «все материальные условия, необходимые вообще для того, чтобы процесс мог совершаться» [5, с. 190–191], но и регулятивы идеального плана (образцы, методы, социокультурные ориентиры, средства понимания, оценки, контроля, санкционирования производственных операций и процедур и т. д.).

Практическая деятельность в целом – это временная последовательность ее простейших актов, где достигнутый результат неоднократно, но всегда на новой основе становится средством для достижения новой цели.

Отношение средства, цели и результата принадлежит классу причинно-следственных отношений. В познавательном процессе в

качестве непосредственной причины выступает средство, а следствие приобретает форму идеально положенного в виде цели результата.

По хорошо известным словам В. И. Ленина, «практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение *аксиом*» [6, с. 172]. В этих словах кроется объяснение того, почему наша «фигура»-пятичленка (или ее аналог) проявляет себя не только в объективном мире, но и в сфере познания.

Если речь идет о цели научного познания, то следует иметь в виду, что одной из важных ее специфических черт (по сравнению, например, с производственной или управленческой деятельностью) является представление полагемого ею результата в весьма общих, неопределенных чертах, предвосхищение ее в недостаточной степени. Фактически цель задается множеством целей и означает направление поиска научной истины, но еще не саму истину. Лишь одна из целей может совпасть с конечным результатом.

Формой предъявления каждого акта познавательной (исследовательской, образовательной и пр.) деятельности является требование (в виде вопроса, повеления и т. д.). Требование соотносится с отдельным элементом нашей практической модели. Например, вопрошается, «Что представлял собой субъект познания в социокультурном измерении?», «Каковы его цели?», «Какими средствами (достаточными, необходимыми) он вооружен?», «К каким результатам (новым знаниям) пришел?» и т. д. Создание научного текста с необходимостью связано с решением такого рода вопросов и пр.

Средства познания как бы угасают в получаемом результате, кристаллизуются в нем (но уже не «в форме деятельности», а «в форме объекта»), диктуемая не наукой, а чьими-то интересами.

При анализе феномена исторического познания естественно отметить его общие и специфические признаки. К общим, то есть к тем, которые присущи не только историческому, но и любому иному познанию – физическому, биологическому, экономическому и пр., относятся его объективная истинность и его логическая обоснованность.

Существует ряд признаков, производных от основных. Таковыми являются: системность познавательного процесса, его сущностность, опережение практики, общезначимость, употребление специального (искусственного) языка. Мыслить научно – значит учитывать эти признаки (основные и производные) в качестве обязательных оценочно-методологических ориентиров.

Историческое познание есть разновидность научного. Касаясь его специфических признаков, то есть таких, которые принадлежат только ему, обратим внимание на его атрибутивное свойство – на обращение к прошлому, на жизнь и действие в нем при сохраненности в

человеческой памяти. Кризисное состояние современного исторического познания считается бесспорным фактом даже среди самих профессиональных историков. Оно предопределено, прежде всего, жесткой, невыносимой духовной атмосферой, которая сложилась в процессе проводимых с начала «лихих 90-х» социальных преобразований на постсоветском пространстве.

На фоне справедливых высказываний о значимости исторического знания произошел отказ от принципа его объективности, от поиска критериев его истинности. Под лозунгом деидеологизации было провозглашено крушение марксистской концепции материалистического понимания исторического процесса. В противовес ей были навязаны методологические установки, почерпнутые из ресурсов давно изжившего себя позитивизма и представленные в глянцевах упаковках постмодернизма, постструктурализма, деконструктивизма и пр., которые якобы не только новы, но и более прогрессивны. Теперь, оказывается, незачем вскрывать глубинные причинно-следственные связи событий, вникать в соотношение сущности и явлений, давать им объяснения, отделять необходимое от случайного, общее от особенного и т. д. Достаточно простого предъявления сведений о событиях, именах, датах.

На фоне справедливых высказываний о значимости исторического познания произошел отказ от принципа его объективности, от поиска критериев его истинности.

Таким образом, продуктивное решение задачи по анализу кризиса современного исторического познания может быть успешным, если: а) в качестве методологического фундамента этого анализа выступает марксистский деятельностный принцип; б) исторический процесс рассматривается как прошедшая практическая деятельность (практика); в) историческое познание есть отображение этого процесса в научных понятиях.

Литература и источники

1. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 3. – 629 с.
2. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1961. – Т. 20. – 828 с.
3. Степин, В. С. Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики / В. С. Степин, Л. М. Томильчик. – Минск : Издательство «Наука и техника», 2015. – 96 с.
4. Энгельс, Ф. Предисловие к книге «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» / Ф. Энгельс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1961. – Т. 21. – 746 с.
5. Маркс, К. Капитал / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 23. – 840 с.

6. Ленин, В. И. Философские тетради / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1977. – Т. 29. – 643 с.

НОМОТЕТИЧЕСКАЯ И ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ ПОНИМАНИЯ В МЕТОДОЛОГИИ В. Н. ИВАНОВСКОГО

С. В. Воробьева

Особое место в интеллектуальной культуре Беларуси занимают методологические изыскания В. Н. Ивановского (1867–1939) в сфере истории философии, сопряженной с генезисом теоретического мышления и становлением методологии. В условиях смены эпох и глобальной турбулентности именно эти аспекты актуализируются в разных ракурсах, зависящих от контекста решаемых проблем. Многообразие таких проблем обусловлено активным участием Беларуси на международной арене, что влечет необходимость уточнения логико-когнитивного инструментария, лежащего в основе понимания исторических процессов и конструирования образов будущего. Поэтому цель публикации – обосновать диалектическую связь номотетической и идеографической моделей понимания в методологии В. Н. Ивановского.

Глобальный мир – это постоянный вызов в мире идей, обусловленный непреодолимой несовместимостью мировоззренческих систем, что влечет противостояние интересов, полемику взглядов, конкуренцию за влияние. В подобных ситуациях, проистекающих из множественности интерпретаций, сила аргументов и прогнозов, правильность решений зависят от диалектики номотетической и идеографической моделей понимания. Знаковой является статья В. Н. Ивановского «Логика истории как онтология единичного» [1; 2]. Она стала результатом исследования, предпринятого в рамках неофициального оппонирования диссертации Г. Г. Шпета. Сделаю акцент на критической аргументации, которая затрагивает решение проблем, связанных с философией истории и историей философии.

В. Н. Ивановский принимает к сведению различие Г. Г. Шпетом вслед за Риккертом трех типов философии истории: как универсальной истории, как науки об общих исторических принципах, как логики исторического познания. Связь между первыми двумя типами Г. Г. Шпет интерпретирует в контексте установления отношения обусловленности. «Переход от универсальной истории», которая лишена принципов, значит, несовершенна и догматична, к философии истории, основанной на принципах, обусловлен тем фактом, что как только первая «изобразит историческую жизнь как *единое* целое, тотчас возникает вопрос: в чем *принцип этого единства?*» [1, с. 24]. В. Н. Ивановский выразил несогласие с таким видением проблемы, в соответствии с которым «автор

универсальной истории» может совершенно адекватно выразить «принцип единства действительности», не прибегая вовсе «к помощи философско-исторических анализов» [1, с. 24–25].

Изъяны в схеме Г. Риккерта В. Н. Ивановский связал с наличием других принципов, кроме принципа единства исторического процесса. Указав на терминологическую искусственность «универсальной истории», или «действительности», он подверг критике выводимость из нее истории учения о принципах. В. Н. Ивановский выразил сомнение в возможности убеждения, что «совершенно адекватно выразил принцип единства действительности», скрытого под явлениями [1, с. 25] без философско-исторического анализа, поскольку принцип единства несовместим с фактическим утверждением, принадлежащим миру явлений. Недоверие Г. Риккерта и Г. Г. Шпета к такому анализу не позволило им преодолеть узкое понимание фактов как внешних событий. Вне философско-исторического анализа обработка фактов как конфигураций всевозможных значений и смыслов оказывается невозможной, значит, не видна множественность переходов от действительности к ее принципам. Множественность означает разнообразие способов, которыми реальные явления, факты и события могут быть сведены к своим принципам, сущностям, законам развития. Например, в фокусе диалектики действительность раскрывается через принцип смены качественных состояний, когда накопление изменений приводит к соответствующим изменениям.

В. Н. Ивановский не допускает резких разрывов между историей философии и философией истории вследствие связанности их методологий. Если история философия, исследуя идеи и концепции в контексте истории, объясняет их специфику, то философия истории рассматривает историю как единый процесс, в котором выявляются направления, обнаруживаются тенденции, общие принципы и движущие силы. В работе «Методологическое введение в науку и философию» он обосновал, что «каждая из исторически сложившихся философий стоит под влиянием весьма разнообразных элементов и сторон жизни своей эпохи». И, несмотря на то, что «каждая отражает в своих высших достижениях лучшие стороны гения своего автора», она не в состоянии охватить «истины и "действительности" с той полнотой, с какою мы... можем сделать это сейчас на основании имеющихся у нас данных». Такую неполноту ученый объясняет тем фактом, что каждая философия «носит на себе печать современного ей состояния научного знания, теперь уже превзойденного и покинутого». Позволяя прояснить «частичную сторону мира истин», ни одна философская система «не может удовлетворить всем запросам нашего ума» [2, с. 44].

Второй переход – «от действительности к понятиям и принципам науки об этой действительности» – Г. Г. Шпет, в отличие от первого,

признал неправомерным. Контрдоводы В. Н. Ивановского проистекают из вывода Г. Г. Шпета: «логика вообще (и логика истории в частности) не имеет отношения к "философии истории" – к "учению об исторических принципах", поскольку она освещает пути исторического (как и всякого другого) познания» прежде всего для себя [1, с. 25]. В контексте перехода от исторических принципов к логике исторического познания история и философия истории автономны в своих сферах деятельности. Они лишь «доставляют материал для самой логики» [1, с. 25].

В. Н. Ивановский обосновал одинаковость обоих переходов с позиции методологии. В них «совершается переход одновременно и от одной *действительности* к другой, и от одной формы *науки* к другой, – ибо действительностью мы называем то, что устанавливается в таковом качестве наукой» [1, с. 25]. В методологическом смысле правомерность этого обоснования обусловлена постановкой двух вопросов: В каком смысле «универсальная история» признается в качестве действительности? Почему такое признание невозможно вне воспроизведения действительности в науке? Однако если изначально Г. Г. Шпет определил логику как основную науку, предоставляющую «теорию "предмета" истории», из которой вытекает и ее методология, то далее, как подметил В. Н. Ивановский, он стал утверждать иное. В исследованиях логика, с одной стороны, история и философия истории, с другой, присутствуют в исследовании сами по себе [1, с. 25].

Поскольку не существует философии как единой системы воззрений, постольку, «каждый мыслитель несет ответственность только за свои воззрения» [2, с. 44–45]. Поэтому В. Н. Ивановский предупредил новичков в философии. Для них «особенно важно понять и постоянно иметь в виду», что они склонны «поддаваться власти слов и полагать, будто все, что называется одним и тем же термином, имеет и один смысл» [2, с. 45]. С позиции современной логики и методологии это означает, что становление философских воззрений происходит под влиянием языка, устоявшихся / не устоявшихся в нем значений, референций и коннотаций. Поэтому методологически важно осознать, что метафизические представления о законченном, сформированном, полном, непротиворечивом, разрешимом знании в реальности оборачивается знанием незаконченным, несформировавшимся, неполным и т. д.

Таким образом, обе модели понимания следует принимать в диалектическом контексте. Номотетическая модель ориентирует на выявление типического и потенциально предсказуемого, позволяющего осуществлять анализ и концептуализацию государственной, общественной коллективной жизни. Идеографическое понимание сосредоточено на конкретных исторических событиях и явлениях с целью объяснения их специфики, определяющей неповторимость и индивидуальность. Если в первой модели выявляются агрегатные признаки, характеризующие объект

с позиции холизма, то во второй – индивидуальные признаки, значение и смысл которых зависят от пространственно-временного контекста.

Литература и источники

1. Ивановский, В. Н. Логика истории как онтология единичного (Окончание следует) / В. Н. Ивановский // Труды Белорусского государственного университета. – 1922. – № 1. – С. 14–25.
2. Ивановский, В. Н. Логика истории как онтология единичного (Окончание) / В. Н. Ивановский // Труды Белорусского государственного университета. – 1922. – № 2–3. – С. 35–49.

РОЛЬ БЕЛОРУССКОЙ ДИАСПОРЫ В ПРОДВИЖЕНИИ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ЗА РУБЕЖОМ

Е. О. Далимаева

Анализ роли белорусской диаспоры в продвижении позитивного имиджа Беларуси и белорусов за рубежом позволил установить, что белорусская диаспора – это важный культурный и социальный ресурс, способный влиять на восприятие Беларуси в международном контексте. В условиях глобализации и усиления межкультурных коммуникаций, представители диаспоры становятся неформальными «послами» своей страны, транслируя ценности, достижения и культурное наследие белорусского народа. Диаспоры становятся условием эффективного социально-экономического, политического и культурного развития стран мира. Ярким тому примером является еврейское, армянское лобби в США, китайские хуацяо, не последнюю роль сыгравшее в экономических и культурных успехах стран своего исхода. Вышесказанное обуславливает актуальность изучения этнополитических характеристик белорусской диаспоры, выявление форм и методов ее функционирования, а также путей взаимодействия с белорусским государством. Актуализация значимости установления продуктивного взаимодействия с белорусской диаспорой привело к принятию в мае 2014 г. Закона Республики Беларусь «О белорусах зарубежья».

Признание индивидами своей принадлежности к белорусам зарубежья является актом их самоидентификации, подкрепленным общественной или профессиональной деятельностью по сохранению белорусского языка, развитию белорусской культуры за рубежом, укреплению дружественных отношений государств гражданской принадлежности или постоянного места жительства белорусов зарубежья с Республикой Беларусь и другими, подтверждение добровольного выбора в пользу духовной и культурной связи с белорусским государством [1].

По разным оценкам белорусская диаспора насчитывает от 3 до 3,5 млн человек, причем после распада Советского Союза на постсоветском пространстве осталось около 2,4 млн белорусов [2]. Хотя, по мнению лидеров общественных организаций белорусов в этих странах, численность лиц, причисляющих себя к белорусской национальности, существенно занижена. Дело в том, что далеко не все белорусы хотят открывать свои корни. Известны случаи, когда некоторые из них отказывались от своего происхождения и записывались в титульную нацию страны проживания. Это чаще всего мотивируется тем, что человеку «местной национальности» легче решать вопросы трудоустройства, продвижения по службе, социальные проблемы и т. д.

Цель исследования – выявить механизмы, через которые белорусская диаспора способствует формированию позитивного имиджа Беларуси за рубежом, а также оценить эффективность этих механизмов.

Среди белорусов, живущих за рубежом, складываются две диаметрально противоположные тенденции: с одной стороны, процесс ассимиляции, приводящий к сокращению численности диаспоры, с другой – возвращение к своим корням и оживление общественных инициатив за рубежом. Неясная самоидентификация способствует ассимиляции, и значительная часть соотечественников нередко вливается в более многочисленные и организованные польскую, русскую или украинскую диаспоры.

Перед государственными структурами стоит задача максимально задействовать потенциал диаспоры как для восполнения демографических потерь, так и для привлечения инвестиций и создания позитивного образа Беларуси на международной арене. В первом случае необходимы механизмы репатриации, прежде всего для граждан постсоветских стран (Украина, Молдова, Россия, Узбекистан, Казахстан, Грузия, Азербайджан), где социально-экономические условия схожи или хуже белорусских; среди «выталкивающих» факторов из стран Центральной Азии можно выделить усиление фундаменталистских настроений и исламского экстремизма. В качестве «рычагов» предлагаются обеспечение возвращающихся жильём в сельской местности, финансовая и организационная помощь при переезде, содействие в трудоустройстве и предоставление социальных гарантий. Во втором случае ключевым становится создание мягкого инвестиционного климата для диаспоры из дальнего зарубежья за счёт приоритетного права на покупку предприятий и льготного налогообложения при открытии бизнеса в первые годы. Соотечественники с накопленными за рубежом знаниями и опытом могут сыграть значительную роль в технологической модернизации экономики.

Существенная часть белорусской диаспоры сосредоточена в таких странах, как Польша, Литва, Германия, США, Канада и Израиль, причём каждая из этих общин имеет свои особенности формирования и методы

взаимодействия с локальным обществом. В крупных городах западных стран культурные центры и ассоциации регулярно организуют фестивали традиционной музыки и ремёсел, выставки прикладного искусства и кулинарные праздники.

Важной составляющей работы диаспоры становится активное использование цифровых медиа: блоги, видеоканалы, подкасты, освещающие повседневную жизнь белорусских общин и успехи их представителей в самых разных сферах. Герои этих историй – врачи, инженеры, художники, предприниматели – становятся убедительным доказательством того, что люди из Беларуси легко вливаются в международные сообщества и вносят значимый вклад в развитие принимающих стран. Совместные инициативы с локальными СМИ и участие в международных конференциях позволяют расширять аудиторию и налаживать долгосрочные партнёрства, что в итоге способствует устойчивому укреплению позитивного образа Беларуси как страны образованных, талантливых и открытых к диалогу людей.

Тем не менее в работе диаспоры существуют и определённые вызовы. Финансирование проектов зачастую носит фрагментарный характер и зависит от личной мотивации участников, что ограничивает масштабы и регулярность культурных и образовательных мероприятий. Политическая поляризация вокруг темы Беларуси может приводить к искажениям восприятия и негативным стереотипам, с которыми приходится бороться дополнительными усилиями. Кроме того, со временем у вторых и третьих поколений эмигрантов заметно ослабевает связь с белорусским языком и традициями, что требует разработки специальных программ по сохранению культурной памяти.

Для повышения эффективности продвижения позитивного имиджа Беларуси диаспоре целесообразно активнее привлекать партнёрские организации и государственные структуры, расширяя рамки сотрудничества с посольствами, международными фондами и образовательными учреждениями. Развитие цифровых платформ, объединяющих белорусов по всему миру, а также поддержка молодёжных и волонтёрских проектов помогут не только сохранить, но и передать культурное наследие следующим поколениям.

В итоге роль белорусской диаспоры в формировании позитивного внешнего образа страны оказывается многогранной и стратегически значимой. Через культурную дипломатию, образовательные и медийные инициативы, а также активное гражданское участие диаспора продвигает образ Беларуси как динамичной и культурно самобытной нации. Системная поддержка и координация таких усилий могут стать ключевым фактором в глобальном продвижении положительного имиджа белорусского народа.

Статья подготовлена при поддержке ГПНИ в рамках реализации проекта НИР «Антропологические угрозы глобализирующегося мира и социокультурные средства их минимизации», 2021–2025 гг. (договор № ГР20210709).

Литература и источники

1. Закон Республики Беларусь «О белорусах зарубежья» // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – URL: <https://mfa.gov.by/upload/Law.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).
2. 10 стран и регионов, где живут белорусы // Interfax.by. – URL: <http://www.interfax.by/article/105775> (дата обращения: 10.09.2025).

РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В 60-Х ГГ. XX СТ.

С. Г. Доронина

Развитие белорусской эстетической мысли 60-х гг. XX ст. неотделимо от формирования общих тенденций в научной и социальной сферах деятельности этого периода в СССР. Фиксированные всесоюзные рамки исторического и идеологического фона во многом предопределили направление развития белорусской эстетики. В 60-е гг. в отечественной науке происходит постепенная дифференциация социально-гуманитарных дисциплин, возникает необходимость в повышении профессионализма специалистов, занимающихся эстетическими, литературоведческими и искусствоведческими исследованиями, в расширении тематической области изысканий и увеличении объема эмпирического материала, анализ которого позволил бы создать теоретическую базу новой области белорусской науки – эстетики.

Также можно говорить и об отличительных особенностях формирования белорусской эстетики, связанных с усложнением культурной и научно-исследовательской жизни в стране в это время. В этот период актуальными становятся исследования, посвященные переосмыслению истории развития советской эстетики и белорусской культуры, деятельности отечественных творческих объединений, известных писателей и поэтов, анализ идей и работ которых способствовал бы выработке подхода, позволяющего все своеобразие искусствоведческого и литературного материала подвести под эстетико-философскую проблематику. В область эстетических исследований были включены не только источники по национальной литературе и различным видам искусства, педагогике, философии, теории марксизма-ленинизма и т. д., но и материалы по этнографии и фольклору.

На протяжении 60-х гг. заведующий сектором фольклора Института

искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, член-корреспондент Академии наук БССР, И. В. Гуторов продолжает разрабатывать тему белорусской фольклористики, начатую им в 50-е гг. В 1963 г. публикуется сборник «Сучасны беларускі фальклор» [2], в рамках которого фольклор представлен в качестве вида искусства, воплощающего нравственное сознание народа и идеалы коммунистической партии. Интерес к исследованиям фольклора в 60-е гг. в белорусской эстетике также тесно связан с широко дискутируемыми темами народности и национальности искусства, во многом определяющими цели и задачи некоторых научных поисков. Специалисты в это время приходят к общему мнению, что эстетические изыскания, по сути, должны быть историчными и по необходимости включать теоретическое рассмотрение народных традиций и национальной специфики искусства [1].

Одним из первых исследователей, уделившим внимание изучению истории белорусской эстетики и многовековой белорусской художественной культуры, являлся В. М. Конон. В 1964 г. ученый защитил кандидатскую диссертацию «Развитие эстетической мысли в Белоруссии в 1917–1934 гг.», по результатам которой была издана монография [3]. Актуальность данной темы во многом задавалась общими тенденциями всесоюзной эстетики и ее интересом к проблеме обоснования социального реализма в качестве основы искусства. Теория социалистического реализма была объявлена ядром любых художественно-литературных практик и теорий искусства, главная линия развития которых была направлена на укрепление связей с народом, правдивое отображение многообразия социалистической действительности [4, с. 131, с. 325]. Народность искусства становится одной из самых широких и общих категорий белорусской эстетики этого периода, тесно связанной с такими понятиями, как «доступность», «популярность», «жизненность», «художественная правда» и др. Тема национальной специфики искусства имела меньшее значение, поскольку формирование советской белорусской эстетики определялось, прежде всего, интернациональными идеями марксистско-ленинского учения. В концепциях этого периода эстетические явления и категории осмысливаются исключительно в рамках материалистического понимания развития искусства, антагонистических взаимоотношений советской марксистско-ленинской эстетики и идеалистических, субъективистских, буржуазных и вульгаризаторских зарубежных тенденций.

Советский период эстетико-философских изысканий 60-х гг. в Беларуси связан также с расширением и углублением проблематики, имеющей отношение к попыткам разработать объективную методологию эстетического исследования. Такая методология должна была по аналогии с методом стройной системы политэкономии К. Маркса «вскрыть» внутренние механизмы существования и формирования эстетических

понятий и категорий, обуславливающих развитие системы эстетического знания, в зависимости от производственных и общественных отношений [5]. Другими, вызывающими широкие дискуссии в научном сообществе этого периода, темами являлись вопросы диалектического взаимодействия эстетического объекта и субъекта, народного / национального и советского в искусстве, сущностной связи формы и содержания, чувственного и рационального в нем, поиска способов адекватного и объективного отражения действительности. По-своему значимой и новой являлась проблема определения таких понятий, как «эстетическое чувство», «эстетическое восприятие», «эстетическая оценка», «эстетический вкус», «эстетическое переживание», наиболее основательно представленных и разработанных в труде К. С. Островского «Воздействие искусства на человека», вышедшем в 1969 году [6].

На протяжении всего десятилетия в белорусской эстетике большое внимание уделялось разработке марксистско-ленинской теории, обобщающей творческую практику советского искусства и являющейся основой культурного воспитания широких масс в этот период [7]. Приобретают теоретическую значимость и практическую ценность историко-философские исследования прогрессивных традиций культуры, помогающих культивировать у советских людей «идейную зрелость» и художественный вкус. Также популярными становятся работы, доказывающие, что труд и социальная деятельность лежат в основе формирования эстетических чувств, оценок, восприятий у советского человека. С точки зрения некоторых авторов этого периода, большое значение в общественной жизни приобретает искусство и эстетика именно по причине научно-технического и социального прогресса [8]. Выходит ряд публикаций и книг по технической и производственной эстетике, в которых обосновывается необходимость союза техники, науки и искусства, что свидетельствует о возникновении новой материальности эстетики, выходящей за рамки исключительно идеологического содержания.

Отечественные искусствоведческие, философские и литературные дискуссии об искусстве в 60-е гг. заложили новый виток развития белорусской эстетики и инициировали интерес к этой сфере знания, благодаря чему была частично разрушена односторонность ее понимания как исключительно элемента марксистско-ленинской теории и идеологической надстройки производственных отношений. В этот период осуществляются качественные изменения, связанные с необходимостью преодоления недостатков советской белорусской эстетики и формирования новых обоснованных подходов в исследовании и систематизации этой области знания. Появляются относительно самостоятельные направления изучения эстетических проблем общего искусствоведения и литературно-художественной критики, исследования истории эстетической мысли и

белорусской культуры, которые реализовывались преимущественно на базе двух научных центров страны – Академии наук БССР и Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина.

Литература и источники

1. Ладыгіна, А. Б. Народнасць савецкага мастацтва і беларуская музыка / А. Б. Ладыгіна. – Мінск : Выд-ва Акадэміі навук Беларускай ССР, 1961. – 191 с.
2. Сучасны беларускі фальклор / Акадэмія навук БССР, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск : Выд-ва Акадэміі навук БССР, 1963. – 141 с.
3. Конон, В. М. Развитие эстетической мысли в Белоруссии в 1917–1934 гг. / В. М. Конон. – Минск : Акад. наук БССР, 1964. – 327 с.
4. Гуторов, И. В. Основы советского литературоведения: методическое пособие по курсу «Введение в литературоведение» для студентов-заочников филологических факультетов и слушателей народных университетов культуры и художественного воспитания / И. В. Гуторов. – 3-е изд., испр. и доп. – Минск : Вышэйшая школа, 1967. – 350 с.
5. Крюковский, Н. И. Логика красоты / Н. И. Крюковский. – Минск : Наука и техника, 1965. – 463 с.
6. Островский, К. С. Воздействие искусства на человека / К. С. Островский. – Минск : Наука и техника, 1969. – 275 с.
7. Белорусское искусство : сборник статей и материалов / Институт искусствоведения, этнографии и фольклора. – Минск : Изд-во Академии наук Белорусской ССР, 1957–1962. – Выпуск № 1–3.
8. Эрман, Н. Эстетика производства / Н. Эрман. – Минск : Наука и техника, 1966. – 136 с.

СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССКАЯ ЭСТЕТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ 50-Х ГГ. XX СТ.

С. Г. Доронина

Когда речь заходит о белорусской эстетике 50-х гг., то целесообразно отталкиваться от общего состояния социально-гуманитарного научного знания в этот период в странах бывшего Советского Союза и, с одной стороны, рассматривать ее в качестве элемента всесоюзной эстетики, а с другой – попытаться выявить характерные только для нее особенности развития. Последняя задача составляет отдельную методологическую и эпистемологическую проблему по причине того, что в этот переходный период [1, с. 4–5] белорусская эстетика, как и всесоюзная, развивалась исключительно в рамках идей социалистического прогресса и марксистско-ленинской теории познания, что не могло не отразиться на немногочисленных формах ее репрезентации.

Основные тенденции этого периода в науке и искусстве связаны с

укреплением интернациональных связей, что особенно характерно прослеживается в периодических изданиях этого периода, в которых подчеркивается значимость творческого сотрудничества научных деятелей и писателей разных стран, акцентируется внимание на сближении национальных традиций и культур [5, с. 3]. В послевоенный период было создано много предметов искусства, отражающих единую идею советского народа, его любовь к Родине, во многом антагонистическое отношение к зарубежным тенденциям в творческой деятельности. Остро поднималась проблема переоценки буржуазных эстетических теорий, актуализировалась необходимость устранения их «вульгарного» и «извращенного» влияния на советское искусство [6].

Характерные черты советской эстетической мысли Беларуси данного периода проявляются также в отдельных попытках частично разработать принципы соцреализма, демонстрации связи дореволюционного и социалистического искусства, поиске и переосмыслении идеологических корней советской эстетики в русской и белорусской литературе, обосновании связи искусства с правдой народной жизни. «Правда народной жизни» в искусстве становится базовым научным критерием, определяющим магистральные линии развития эстетического осмысления действительности, непосредственно отсылающим к программным идеям марксизма-ленинизма и указывающим на глубокие «земные корни» эстетической функции искусства. Именно вокруг этого понятия в это время выстраивается ценностная и категориальная матрица, своеобразное «эстетическое койне» (*греч. ἡ κοινὴ διάλεκτος* – «общий диалект»), в материальности которого изначально заложены критериальные правила и нормы понимания эстетического.

Специфическая функция искусства как формы общественного бытия определяла в это время саму сущность и предмет искусства, отражающих действительность посредством таких связанных с идеями социалистического реализма базовых категорий, как «народность», «правдивость», «художественная ценность», «партийность», «действенность», «конкретность», «типичность» и др. Такое положение дел последовательно привело к тому, что между марксистско-ленинской философией и эстетикой установилась диалектическая взаимозависимость, в рамках которой и наука, и искусство существовали постольку, поскольку отражали закономерную связь действительности с идеями социализма и коммунизма [2, с. 148–149, с. 156]. Наука посредством формирования системы знания в понятиях «обнажала» сущность действительности, искусство в конкретно-чувственной форме, через единичные проявления «высвечивало» явления объективной реальности [6, с. 70]. Рассмотрение самого диалектического взаимодействия эстетики и искусства, их влияния друг на друга не являлось предметом отечественных научных изысканий и с практической точки зрения представляло трудновыполнимую задачу.

Такое положение дел связано с тем, что в этот период развитие эстетики в нашей стране существенно отставало от теории искусств и литературно-художественной критики, которая в середине десятилетия получила особенно широкую популярность.

Наиболее существенной чертой белорусской эстетики 50-х гг. является ее синкретизм с литературно-художественной критикой, задававшей контуры ее формообразования и магистральные пути развития. Поэтому, если речь заходит о точке отсчета исследований в области советской белорусской эстетики, – обычно ссылаются на работы И. В. Гуторова, которые в настоящее время рассматриваются больше в рамках литературоведения, нежели эстетико-философского подхода [3]. Прогресс белорусской эстетической мысли в это время проявлялся в попытках выявить концептуальные эстетико-философские идеи, заложенные в теории искусства и непосредственной художественной и литературной практике. В это же время постепенно преодолеваются искаженные, утрированные представления о белорусской культуре и народном творчестве, осуществляются попытки выявить национальный характер искусства, что в последующем позволило расширить границы эстетической проблематики и повысить научный уровень ее рассмотрения.

Несмотря на некоторые позитивные тенденции, статус эстетики, как формы философского и научного осмысления природы и сущности искусства, был незначителен. Искусство по-прежнему было производным от общественного и производственного бытия и в некоторой степени представляло «слепок» действительности, эстетические контуры осмысления которой во многом задавались идеями марксистско-ленинской гносеологии. Эти особенности повлияли не только на формы репрезентации белорусской эстетики, но и на степень проработанности эстетико-философской проблематики в отечественном социально-гуманитарном знании этого периода.

Фрагментарность исследований и несистемный подход в построении эстетических теорий; структурная неразработанность категориально-понятийного аппарата; неопределенность критериев дифференциации эстетики и других социально-гуманитарных дисциплин; заимствование методологических приемов исследования у таких областей знания, как искусствоведение и литературно-художественная критика, – это те немногие черты, которые обозначают специфические вехи развития белорусской эстетики в 50-е гг. Незатронутыми научным интересом остались темы, касающиеся определения целей и предмета эстетического знания, закономерностей его развития, выявления четких признаков разделения (не)эстетических форм мышления и познания. Рассмотрение вопросов формирования системы эстетических категорий и понятий, выявление содержательных и формальных связей эстетики с искусствоведением и литературно-художественной критикой, на тот

момент имеющих незначительное отношение к философскому уровню рассмотрения вопросов искусства, также оказались за скобками научного осмысления.

Несмотря на обозначенные выше недостатки, к концу 50-х гг. некоторые успехи развития белорусского искусствоведения и художественно-литературной критики позволили начать работу по формированию общего философско-эстетического каркаса отечественной культуры и искусства. Это стало возможным по причине того, что марксистско-ленинская эстетика стала новым и, с точки зрения большинства исследователей этого периода, *высшим* этапом развития эстетической мысли, которая посредством реализации основных положений диалектического и исторического материализма в рассмотрении природы искусства теоретически обобщила всю его историческую и современную практику. Здесь уместно поставить вопрос о философской и эстетической оценке такого подхода, однако это представляет тему отдельных дискуссий. В настоящий же момент спор об «эстетическом» в 50-е гг., уже в известной степени успевший стать предметом истории и научных исследований, продолжает эхом звучать в работах современников, что не позволяет судить о нем с позиции абсолютно незаинтересованного наблюдателя.

Литература и источники

1. Конон, В. М. Эстетическая мысль советской Беларуси / В. М. Конон. – Минск : Наука и техника, 1978. – 112 с.
2. Лакизо, А. С. К вопросу об отношении философии к эстетике / А. С. Лакизо // Научные труды по философии / Министерство высшего образования СССР, Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина. – 1956. – Вып 1. – С. 132–159.
3. Салеев, В. А. Современная эстетика Белоруссии / В. А. Салеев. – Минск : Вышш, школа, 1979. – 224 с.
4. Гуторов, И. В. Эстетические основы советской литературы / И. В. Гуторов. – Минск : Академия наук Белорусской ССР, 1950. – 515 с.
5. Александровіч, С. Важная задача літаратуразнаўства / С. Александровіч // Літаратура і мастацтва. – 1959. – 4 лютага. – С. 3.
6. Захаров, В. Против извращений в освещении вопросов об эстетических основах советской литературы / В. Захаров // Большевик Белоруссии. – 1952. – № 2.

ЭТНАФІЛАСОФІЯ Ў НАВУКОВЫМ ДЫСКУРСЕ: ПАМІЖ МІНУЛЫМ І БУДУЧЫНЯЙ

І. М. Дубянецкая

1. Мысленне знутры культуры

Этнафіласофія даследуе не толькі традыцыйныя ўяўленні пра свет, але і спосаб мыслення, які ўзнікае знутры культуры, з яе мовы, рытмаў, вобразаў, практык. Гэтае мысленне адлюстроўвае сфармаваны традыцыйнай народны светапогляд, каштоўнасную структуру і спосабы ўзаемадзеяння з рэчаіснасцю. У традыцыйнай карціне свету духоўнае пераплеценае з матэрыяльным, сакральнае з побытавым, строгае маральнасць не замяняе камічнасці, адданае вербальным формулам з амаль страчаным сэнсам сумяшчаецца з няспынным прадукваннем новых форм і вобразаў. Аднак традыцыйнае светабачанне годна праходзіць і праз выпрабаванне фармальнай сістэматызацыяй, выяўляючы трывалыя ўнутраныя сувязі, скразную несупярэчлівую логіку і здольнасць да самарэфлексіі. Яго магчыма структураваць, вылучаючы асобныя сферы канцэнтраванага мыслення – этнакасмалогія, этнатэалогія, этнаантрапалогія, этнасацыялогія, этнааксіялогія, – бо народная філасофія базуецца на глыбокіх анталогічных, эпістэмалагічных і этычных інтуіцыях, уласцівых традыцыйнай супольнасці.

У беларускай традыцыі мыслення свет праяўляецца не толькі як завершаная складаная сістэма, дзе кожны з велізарнай колькасці элементаў мае сваё месца, ролю і вызначаныя функцыі, але і як поле напружаных узаемадзеянняў: паміж стихіямі, паміж Богам і светам, паміж жывымі і памерлымі, паміж словам і маўчаннем. Сучаснаму чалавеку яна не дае рэцэптаў, але прапануе спосаб бачыць свет – як супольнасць, як працэс, як памяць. Традыцыйная карціна свету – гэта заўсёды жывая, напружаная, шматузроўневая структура, у якой няма простых схем: чалавек улучаны ў мірыяды сувязей, якія немагчыма прасачыць, але якія фармуюць чалавека, будучы самі залежнымі ад яго выбараў; Бог, які ўтрымлівае ўсё і адказвае за ўсё, сам ёсць удзельнікам працэсу з невядомым вынікам; свет не ствараецца раз і назаўсёды – ён пачынаецца, пераўтвараецца, драматычна сканчаецца, і зноў пераствараецца, або аднаўляецца – у памяці, у слове, у святле.

2. Этнафіласофія як праца з традыцыяй

Навуковая праца з традыцыяй – гэта не толькі і не столькі сістэматызацыя вялікага корпуса запісаных у розныя часы тэкстаў, але найперш інтэрпрэтацыя і асэнсаванне карціны свету, якая стаіць за гэтымі тэкстамі, што вымагае ад даследчыка актыўнага дыялогу з культурнай памяццю. Этнафіласофскія даследаванні дазваляюць убачыць, як

традыцыйнае мысленне фармуе структуры сэнсу, як яно адказвае на фундаментальныя пытанні пра пачатак, пра мэту, пра сувязь паміж бачным і нябачным. Гэта праца не з фальклорам як аб'ектам, а з мысленнем як суб'ектам.

У гэтым падыходзе важна не толькі апісваць, але і слухаць: як традыцыя гаворыць пра свет, пра чалавека, пра час. Мы не навязваем ёй тэрміны, а спрабуем пачуць яе ўласную логіку, яе рытм, яе структуру. Этнафіласофія становіцца метадам – не толькі аналізу, але і прысутнасці.

Пры гэтым адной з першачарговых задач застаецца даследаванне генеалогіі беларускай культурнай традыцыі – праз кампаратыўны аналіз вялікай колькасці матэрыялу старажытных пісьмовых цывілізацый і розных бліжэйшых ці далейшых па часе культурных традыцый.

3. Традыцыя як аснова ідэнтычнасці ў зменлівым свеце

Матывы сённяшняга свету, апроч іншага, гэта высокія хуткасці, фрагментарнасць і перагружанасць інфармацыяй. Глобалізацыя стварае адчуванне блізкасці, але часта суправаджаецца стратаю лакальных сэнсаў, напрацаваных стагоддзямі і тысячагоддзямі. Лічбавізацыя адкрывае новыя формы камунікацыі, але зачастую разбурае цэласнасць калектыўнага досведу, замест якога прыходзіць атамізацыя грамадства, якая вядзе да адчужэння, да страты сувязі з супольнасцю, з месцам, з памяццю.

У гэтым кантэксце зварот да традыцыі не з'яўляецца панацэяй і не мусіць разглядацца як вяртанне ў мінулае. Традыцыйная культура не прапануе адказаў на выклікі сучаснасці. Але яна можа быць тым, што дае чалавеку пункт апоры – не як ідэалогія, а як форма прысутнасці. Традыцыя – гэта не толькі тое, што было, але і тое, што працягвае жыць: у культурных кодах, у маральных выбарах, у эстэтычных прыярытэтах.

Для асобы традыцыя можа стаць нябачным і часам неўсвядомленым цэнтрам ідэнтычнасці, не замкнёнай, а адкрытай. Гэта не набор правіл, а хутчэй поле магчымасцей: як думаць, як адчуваць, як быць. Для культуры – гэта спосаб захавання сваёй унікальнасці без ізаляцыі. Для навукі – гэта магчымасць убачыць іншае мысленне, іншы лад светаўспрымання, іншы спосаб быць у свеце і апісваць свет.

Беларуская традыцыя захоўвае ў сабе глыбінныя структуры сэнсу, якія могуць быць актуалізаванымі ў сучасным дыскурсе. У ёй ёсць вобразы, што не трацяць сваёй сілы ўздзеяння: Праўда і Крыўда, што разам падарожнічаюць па краіне; сакральная прастора, якая змяшчае ў сабе яшчэ больш сакральную прастору, у нетрах якой захоўваецца яшчэ большая сакральнасць – і так усё глыбей, ажно пакуль не праявіцца тое самае-самае зерне, што змяшчае ў сабе ўвесь свет, яго лёсы і праўды; які пачынаецца і сканчаецца не адзін раз, а цыклічна, у рытме часу і памяці.

Гэтая традыцыя не супрацьстаіць сучаснасці, а можа стаць яе часткай – як форма ўнутранай арыентацыі, як спосаб не згубіцца ў плыні

інфармацыі, як магчымасць слухаць і быць пачутым. Яна не закрывае, а адкрывае: да дыялогу, да пераасэнсавання, да новага разумення сябе і свету.

4. Традыцыя і глабальны дыялог

У сучасным гуманітарным дыскурсе гучыць патрэба ў дыялогу розных форм мыслення, у адкрытасці да іншасці, у прызнанні множнасці светапоглядаў. Этнафіласофія кладзе на агульны стол народнае светамысленне – не як экзотыку, не як архаіку, не як фальклорнае упрыгожанне, а як паўнаважасны голас, які гаворыць з уласнай глыбіні.

Беларуская традыцыя мыслення, захоўвае ў сабе не толькі вобразнасць, але і структуру сэнсу. Яна ведае, што свет не зводзіцца да матэрыі, што час не лінейны, што памяць – гэта форма прысутнасці. Яна ведае, што слова можа быць дзеяннем, а маўчанне – веданнем. У гэтым – яе філасофская каштоўнасць.

Этнафіласофія працуе з моўнымі формуламі-кодамі, рытмамі, вобразамі, з унутранай логікай тэксту і з транстэкстуальнымі сэнсамі. Яна вымагае міждысцыплінарасці: у ёй скрыжоўваюцца антрапалогія, культурная гісторыя, тэалогія і рэлігіязнаўства, мастацтвазнаўства, лінгвістыка і кампаратыўнае мовазнаўства, семіотыка і інш.

У кантэксце глабальнага дыялогу этнафіласофія можа стаць мостам – паміж мінулым і сучаснасцю, паміж лакальным і універсальным, паміж мовамі і формамі мыслення.

У свеце, дзе голас лакальнай традыцыі часта губляецца, дзе сувязі становяцца павярхоўнымі, а веданне – фрагментарным, этнафіласофія прыцягвае ўвагу да патрэбы захавання і развіцця. Яна не кансервуе, а актуалізуе; не ізалюе, а ўключае; не абараняе, а гутарыць; не прапануе гатовыя формулы, а стварае прастору для слухання, для прысутнасці, для сэнсавай глыбіні. Вяртаючы чалавеку мінулае, яна дапамагае яму знайсці сябе ў сучаснасці – не згубіцца, не растварыцца, не страціць сябе.

5. Этнафіласофія як прастора сэнсу

Для навукі этнафіласофія – гэта магчымасць працаваць з жывым мысленнем, з вобразам, з рытмам, з маўчаннем. Яна патрабуе новай метадалогіі – не толькі аналітычнай, але і эмпатычнай, не толькі рацыянальнай, але і інтэнсіўнай. Яна адкрывае доступ да тых пластоў культуры, якія не заўсёды бачныя, але заўсёды дзейныя.

Для чалавека – гэта форма духоўнай арыентацыі. Традыцыя дае пункт адліку, адкуль можна ісці далей – у сучаснасць, у будучыню, у дыялог. Бо яна захоўвае ў сабе і памяць, і здольнасць да пераўтварэння. Яна можа быць актуалізаваная – у навуцы, у мастацтве, у адукацыі, у міжкультурных кантэкстах. У гэтым – яе навуковая і чалавечая каштоўнасць.

Літаратура і крыніцы

1. Авілін, Ц. Паміж небам і зямлёй: этнаастраномія / Ц. Авілін. – Мінск : Тэхналогія, 2015.
2. Беларуская міфалогія : энцыклапедычны слоўнік / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 2004.
3. Вадзіца-царыца, усяму свету памачніца : беларускія замовы з пераказам на рускую і перакладам на англійскую мову / Запіс і ўклад. Т. В. Валодзінай ; навук. рэд. А. І. Лакотка ; пер. на англ. мову І. М. Дубянецкай; іл. Н. А. Сухой. – Мінск : Беларуская навука, 2025.
4. *Міфалогія беларусаў: энцыклапедычны слоўнік* / Склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011.
5. Трошкі бліжэй да Сонца, трошкі далей ад Месяца: беларуская народная філасофія / Т. В. Валодзіна [і інш.]; уклад. і агул. рэд.: І. М. Дубянецкая, С. І. Санько ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск : Беларуская навука, 2021. – 481 с.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО И ФИЛОСОФСКОГО ПОДХОДОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

А. Ю. Дудчик

Изучение истории философии, или, иначе – историко-философские исследования являются важной частью философского знания как такового. История философии достаточно давно и уверенно существует в качестве самостоятельного направления философских исследований и важной составляющей философского образования. Регулярно проходят научные конференции и семинары, издаются монографии и тематические журналы, читаются университетские курсы по истории философии. Для специалистов, занимающихся этим направлением философии, характерна достаточно явно выраженная специализация в зависимости от изучаемого периода, философского направления, конкретной персоналии и т. д. Характер исследовательской деятельности, эмпирическая база, используемые методы могут существенно различаться, например, у исследователей античной философии и немецкой философии XX в. Вместе с тем последние несколько десятилетий активно обсуждаются и вопросы о статусе и специфике истории философии как отдельной дисциплины, возможности прогресса в полученном в данной области знании, соотношении истории философии с собственно философией и т. д. (из русскоязычных работ последних лет можно назвать коллективную монографию [1], в которой, помимо прочего, представлен достаточно подробный обзор дискуссий в англоязычной литературе).

Прежде всего, следует кратко охарактеризовать современные

представления об истории философии как области философского знания. Сразу стоит отметить, что словосочетанием «история философии» может обозначаться как минимум два разных явления: название философской дисциплины и обозначение ее предметного поля, то есть совокупности идей и концепций, изучаемых в рамках истории философии как дисциплины. В данном тексте история философии будет пониматься преимущественно в первом значении – как область философского и научного знания.

Начнем с того, что многие исследователи отмечают двойственный характер истории философии, которая имеет одновременно отношение и к философскому, и историческому знанию. Что видно уже из самого словосочетания, история философия предполагает, как минимум два аспекта исследовательской деятельности – собственно философский и исторический. Об этом, например, пишет известный современный французский феноменолог и одновременно историк философии Ж.-Л. Марион: «Как следует уже из названия истории философии – это философская (а не только историческая) дисциплина, которая стремится к убедительности, ибо претендует на выдвижение тезисов, основанных на доказательствах... история философии, конечно, должна стремиться к тому, чтобы оставаться философичной. Однако это не должно служить оправданию лени, поскольку история философии должна быть, прежде всего, научной. Для того чтобы обосновать себя в качестве научной дисциплины, она должна постоянно приумножать обоснованные знания» [2, с. 99, с. 103–104]. Соответственно, в работах по истории философии, по мнению ученого, можно выделить два типа аргументов – «с помощью факта и с помощью разума» [2, с. 101]. Как видим, Ж.-Л. Марион исходит из различия философского знания, которое основывается на умозрительных рассуждениях и выводах, и знания научного (в данном случае – исторического), опирающегося на определенные эмпирические данные и обладающего «позитивным» (проверяемым, верифицируемым) характером.

Конечно, открытым является вопрос о границах «позитивности» научного знания, которое, как показывают исследования по эпистемологии и философии науки, также основывается на ряде теоретических положений и допущений, не выводимых из опыта напрямую (что убедительно показано, например, В. С. Стёпиным [3]). Кроме того, можно отметить, для разных наук в разные периоды их развития степень «научности» также может существенно меняться, и, конечно, современная история как дисциплина не ограничивается утверждениями по поводу событий прошлого, занимаясь, например, изучением и самой памяти о прошлом. Тем не менее, все же можно согласиться, что для истории философии как направления знания характерны не только философско-умозрительные суждения, но и суждения по поводу эмпирической реальности: об

авторстве текстов, времени их написания, установлении контактов и влияния между конкретными мыслителями и т. д. В качестве примера можно упомянуть работы Псевдо-Аристотеля – корпус текстов различного авторства и разных исторических периодов, в свое время приписываемых Аристотелю. Сам факт установления авторства (в данном случае – опровержения тезиса об авторстве) может рассматриваться скорее, как исторический, нежели как философский результат. Тем не менее это знание позволяет уточнить имеющиеся представления о содержании и структуре философии Аристотеля, ее распространенности и влиянии в определенных регионах и т. д. Точно так же публикация ранее неизвестных текстов, даже не являющихся в строгом смысле исключительно философскими, может оказать влияние на восприятие и оценку философских идей (например, относительно недавний случай с «Черными тетрадами» М. Хайдеггера – ранее не публиковавшимися дневниковыми записями, содержащими рассуждения на политические темы). В этом случае работа по истории философии выступает как историческое исследование.

С определенной долей условности указанные выше два аспекта историко-философской деятельности можно обозначить как собственно философский, спекулятивный, логический, с одной стороны, и собственно исторический, ориентированный на позитивные опытные данные, изучающий социально-культурные условия существования философских идей, с другой.

Соответственно, в качестве определенных «идеальных типов» история философии может быть представлена как по преимуществу философская либо как историческая дисциплина. Конечно, подобное противопоставление будет достаточно условным, редко встречающееся в реальных исследованиях, которые, скорее, будут тяготеть к определенному соотношению «философской» и «исторической» составляющих. Это соотношение, в свою очередь, может определяться спецификой предмета и целей конкретного исследования.

В реальной исследовательской практике исследование по истории философии может быть в большей степени либо философским, либо историческим. В качестве примера первого можно вспомнить случаи, когда известные и вполне самостоятельные мыслители (Г. Гегель, М. Хайдеггер, Б. Рассел и т. д.) обращаются к авторам прошлого. Конечно, рассуждения этих авторов на темы истории философии во многом продолжают их собственные философские взгляды в форме заочного диалога или даже полемики со своими предшественниками, не всегда способствуя более взвешенной и объективной (при всей условности использования этого термина в данном случае) оценке взглядов философов прошлого. Возможна и противоположная ситуация, когда исследование, объектом которого являются взгляды философов прошлого, является по

преимуществу историческим. В качестве примера можно привести работу известного французского историка культуры М. Эспаня «Франко-немецкий культурный трансфер» [4], в которой достаточно подробно показано восприятие идей немецкой философии во Франции XVIII – XIX вв. Безусловно, нельзя утверждать, что в своих работах ученый полностью избегает содержательного анализа философских идей, тем не менее изучение философских концепций наряду с анализом истории социальных и гуманитарных дисциплин необходимо ему для прояснения специфики более общих процессов культурного трансфера. При этом результаты исторического исследования могут быть интересны как историкам философии, так и собственно философам, помогаю прояснить отдельные аспекты собственно философских идей.

Литература и источники

1. Берестов, И. В. Аналитическая история философии: методы и исследования / И. В. Берестов, М. Н. Вольф, О. А. Доманов. – Новосибирск : Офсет ТМ, 2019. – XVIII, 242 с.
2. Марион, Ж.-Л. Некоторые правила в истории философии / Ж.-Л. Марион // Философские науки. – 2010. – № 8. – С. 99–107.
3. Степин, В. С. Становление научной теории / В. С. Степин – Минск : БГУ, 1976. – 319 с.
4. Эспань, М. Франко-немецкий культурный трансфер / М. Эспань // История цивилизаций как культурный трансфер / М. Эспань. – М. : Новое лит. обозрение. – С. 35–374.

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ ІДЭЯ БЕЛАРУСІ: КАНЦЭПТУАЛЬНЫ КАРКАС І ФУНКЦЫЯНАЛЬНАЕ ЗНАЧЭННЕ

В. Б. Евароўскі

Для глыбейшага разумення ролі беларускай нацыянальнай ідэі трэба пачаць з паняццевага ўдакладнення. Нацыянальная ідэя – гэта не набор лозунгаў і не рытуальная формула, якую можна лёгка запомніць і паўтараць пры выпадку. Яна функцыянуе як сістэма ідэйных устаноў, што акумулюе калектыўны духоўны досвед, задае каштоўнасныя арыенціры і пазначае цывілізацыйныя прыярытэты, народжаныя гістарычным шляхам, геапалітычным становішчам і сталеннем нацыянальнай самасвядомасці. Гэта ядро ідэнтычнасці, вакол якога складана і бесперапынна фарміруюцца дзяржаўныя прыярытэты, культурная палітыка і грамадзянская еднасць. Таму канцэпцыю нацыянальнай ідэі правільней уяўляць як жывы інтэлектуальна-духоўны арганізм, што ўзаемадзейнічае з мінулым, рэагуе на выклікі сучаснасці і праектуе будучыню ў катэгорыях сэнсу, а не толькі карысці.

Важна дакладна адрозніваць нацыянальную ідэю ад нацыянальнага дэвізу. Дэвіз – кароткі, сімвалічны імпульс, здольны мабілізаваць пачуцці і волю; прыкладам можа служыць французскае «Свабода, Роўнасць, Братэрства». Аднак нават самы ўдала падобраны дэвіз застаецца толькі вяршыняй айсберга; пад ім павінна ляжаць шырокая прастора інтэлектуальных абгрунтаванняў, гістарычнай памяці і практычных пратаколаў дзеяння. Нацыянальная ідэя ахоплівае шматпластовы вопыт, у якім сплятаюцца філасофскія канцэпцыі, культурная самасвядомасць, прававыя традыцыі і знешнепалітычныя адносіны. Зводзіць такую складаную архітэктuru да лозунгу – гэта абясцэньваць сутнасць, ператвараючы арганічнае ў штучнае і занадта простае. Там, дзе пануе спакуса абмежавацца дэвізам, звычайна растае адказнасць за стратэгічную глыбіню і здольнасць вытрымліваць гістарычныя нагрузкі.

Каб ідэя працавала не як абалонка, а як механізм фарміравання самасвядомасці, ёй неабходны філасофскі падмурак. Нацыянальная філасофія – гэта рэфлексія народа над уласным існаваннем і гістарычным шляхам, жывое разважанне пра тое, хто мы, адкуль і куды накіроўваемся. Яна адкрывае герменеўтычнае вымярэнне, тлумачачы і ўпарадкоўваючы досвед мінулага, каб зрабіць яго апорным пунктам для адказаў на пытанні сучаснасці. Яна фармуе аксіалагічны каркас – сукупнасць каштоўнасцей, якія не толькі дэкларуюцца, але і перакладаюцца ў мову інстытутаў, адукацыі, медыя і штодзённай практыкі. Яна дае экзістэнцыяльную апору, злучаючы асабістае і агульнае ў пошуку дзеля сэнсу супольнага існавання. Нарэшце, яна выконвае канструктыўную ролю, задаючы інтэлектуальныя асновы для сацыяльна-палітычных канцэпцый і ператвараючы ідэі ў праграму адказных дзеянняў. Без такога вымярэння любая ідэя рызыкуе стаць запазычанай і штучнай, што лёгка ператвараецца ў рызыку для нацыянальнай бяспекі, таму што чужыя сэнсы ніколі не будуць служыць уласным мэтам без страт.

Беларускі кантэкст робіць задачу яшчэ больш складанай і адначасова плённай. Вопыт страт дзяржаўнасці, перакрываючых уплываў і перыядаў культурнай маргіналізацыі стварыў умовы, у якіх непрымальна капіяваць чужыя мадэлі, але жыццёва неабходна ператварыць уласныя выпрабаванні ў крыніцу сілы. Беларусь гістарычна і прасторава знаходзіцца ў становішчы культурнага і геапалітычнага перакладу паміж Усходам і Захадам, Поўначчу і Поўднем. Місія, якая вынікае з гэтага становішча, не зводзіцца да ролі паслугача або нейтральнай «праходнай». Яна прадугледжвае ўменне інтэграваць сэнсы, ператвараючы напружанне мяжы ў рэсурс сумяшчальнасці, а разнастайнасць правілаў і кодэксаў – у мову ўзаемнага разумення. Там, дзе іншыя бачаць лініі падзелу, беларуская ідэя прапануе механізмы перакладу і ўзгаднення, якія робяць складанасць кіравальнай, а адрозненні – канструктыўнымі.

З гэтай перспектывы нацыянальная ідэя выступае сістэмным

каркасам, што звязвае мінулае, сучаснасць і будучыню ў адзіны працэс. Яна задае контуры бяспекі не толькі ў класічным ваенным або эканамічным разуменні, але і ў культурна-моўным і лічбавым вымярэннях, дзе захаванне і развіццё ўласнай мовы, памяці і інфармацыйнага суверэнітэту становіцца пытаннем доўгатэрміновай устойлівасці. Яна скіроўвае адукацыйную і інавацыйную палітыку так, каб веды і тэхналогіі не размывалі ідэнтычнасць, а ўзбагачалі яе. Яна працуе як механізм сацыяльнай кансалідацыі, ствараючы агульныя рамкі для дыскусій і кампрамісаў. І, урэшце, яна функцыянуе як своеасаблівая аперацыйная сістэма для дзяржаўных інстытутаў: не як жорсткая дактрына, а як набор прынцыпаў, якія дазваляюць пастаянна абнаўляць праграмы дзеянняў у адпаведнасці з каштоўнасцямі арыенцірамі.

Ключавым прынцыпам, які надае гэтай сістэме дынаміку, з'яўляецца пазіцыя культурнай самаўпэўненасці. Імкненне быць сабой не праз ізаляцыю, а праз уменне рэзанаваць з іншымі цывілізацыйнымі арэаламі і культурамі ператварае Беларусь у «вузел сумяшчальнасці». У такім вузле не сціраюцца адрозненні, але яны атрымліваюць пераклад і інструменты стыкавання. Палітыка «мяккай сілы» ў гэтых умовах набывае асаблівую вагу: яна не патрабуе перавагі рэсурсаў, але патрабуе перавагі аргументаў, сэнсаў і здольнасці прапанаваць прывабныя мадэлі супрацоўніцтва. Менавіта тут самаўпэўненасць выяўляецца як культура дыялогу, у якой уласная форма не губляецца, калі ўступае ў кантакт з іншай.

У еўразійскай перспектыве беларуская ідэя супраціўляецца спакусе імперскага маштабу і выбірае логіку духоўнай шчыльнасці і гістарычнай трываласці. Яна прапануе ўніверсальнасць не праз пашырэнне межаў, а праз рэпрадукцыю прыкладу, як гарчычнае зерне, здольнае ўтрымліваць у сабе цэлую гару – канцэнтрат сілы, што вырастае з унутранай працы, а не з знешняга прымусу. Гэта можна назваць стратэгіяй стабільнага рэзанансу: быць сабой без замыкання, адкрывацца свету без растварэння. Рэзананс тут азначае здольнасць знімаць канфлікты частот паміж рознымі сэнсавымі сістэмамі і надаваць ім агульную рытміку, у якой адрозненні не знікаюць, а працуюць сумесна.

Кантэкст Новага Шаўковага шляху дае натуральную сцэну для такой ролі. Беларусь не павінна заставацца толькі транзітнай тэрыторыяй, праз якую праходзяць тавары; яна можа і павінна стаць канцэптуальным мастом, дзе «перагружаюцца» сэнсы, стандарты і тэхналогіі. Індустрыяльны парк «Вялікі Камень» у гэтай логіцы паўстае не проста як склад ці лагістычны цэнтр, а як рэзанатар узаемаўзмацнення: месца, дзе сустракаюцца розныя прававыя і тэхналагічныя рэжымы, узгадняюцца патрабаванні да якасці і бяспекі, выпрацоўваюцца сумесныя рашэнні для вытворчасці і інавацый. Калі так разумець задачу, лагістыка ператвараецца ў філасофію ўзаемадзеяння, а эканоміка – у практыку перакладу каштоўнасцей у працэсы.

Адпаведна фарміруецца і практычны каркас, які лепш апісваць не як спіс пунктаў, а як узаемазвязаны трохкутнік. У яго аснове – *культурная самаўпэўненасць*, што патрабуе сістэмнай працы з мовай, памяццю і адукацыяй, бо без гэтых складнікаў няма суб’екта, здольнага весці дыялог з іншымі. Другі бок – *стратэгічная адкрытасць*, якая рэгулюе праходнасць мяжы паміж уласнай формай і сусветам, дазваляючы ўваходзіць у складаныя кааперацыі і не губляць пры гэтым сэнсавы цэнтр. Трэці – *адказная прысутнасць*, што азначае экалагічны і лічбавы суверэнітэт: удзел у глабальнай цыркуляцыі тэхналогій з увагай да аднаўляльнасці рэсурсаў, абароны даных, кібербяспекі і справядлівага доступу да інфармацыі. Тры бакі трымаюць адзін аднаго: без самаўпэўненасці адкрытасць вядзе да растварэння, без адкрытасці самаўпэўненасць ператвараецца ў ізаляцыю, без адказнай прысутнасці абодва прынцыпы губляюць давер і перспектыву.

Так зразумелая беларуская нацыянальная ідэя не патрабуе ад грамадства адзінадушнасці ў дробязях, але патрабуе згоды ў галоўным – у прызнанні каштоўнасці ўласнай формы, здольнай да дыялогу, і гатоўнасці падтрымліваць інстытуты, якія гэты дыялог робяць прадуктыўным. Яна прапануе ператварыць знешнія выклікі ў рэсурс унутранага развіцця, бо кожная сітуацыя няпэўнасці – гэта нагода для ўдакладнення сэнсаў, кожная сустрэча з іншым – магчымасць праверыць трываласць уласнай формы і ўмацаваць яе. Сутнасць такой стратэгіі – быць настолькі моцнымі ў сабе, каб не баяцца адкрыцця свету, і настолькі адкрытымі, каб унутраная моц пастаянна ўзбагачалася ў новым досведзе. Менавіта так напружанне мяжы ператвараецца ў рытм развіцця, а гісторыя – з цяжару ў крыніцу энергіі.

Калі звесці сказанае ў адно, беларуская нацыянальная ідэя паўстае як інтэлектуальна-практычная сістэма, здольная да самакрытычнага абнаўлення і праграмавання будучыні. Яна не імкнецца дамінаваць, але ўмее прапаноўваць форму, якая робіць сумяшчальнымі разнастайныя светлы; не адмаўляе розніцу, але перакладае яе ў супрацоўніцтва; не бяжыць ад глабалізацыі, але адказна структуруе ў ёй сваю прысутнасць. Гэта дарога стабільнага рэзанансу – ад адчування ўласнага сэнсавога цэнтра да здольнасці даваць яму гучаць далёка за межамі ўласнай тэрыторыі. І калі гэтая дарога патрабуе цяроўнасці і доўгай працы, дык менавіта яна спалучае годнасць мінулага, патрабаванні сучаснасці і надзею будучыні ў адзіны, пазнавальны і ўстойлівы рытм.

ДУХОВНЫЕ ИСТОКИ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК КОЛЫБЕЛИ ПАНЪЕВРОПЕЙСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

В. К. Игнатов

На протяжении столетий белорусские земли являлись местом социального, идейно-политического и религиозного творчества, где две ипостаси европейского христианского мира не только сосуществовали, но и переплетались, обмениваясь самобытными и оригинальными культурными ценностями.

Истоки наполненной духом соперничества истории общения двух традиций христианского мировосприятия восходят к эпохе борьбы религиозных движений на переходе от Античности к Средневековью. Пестрота социальной панорамы и духовного климата, двуполярность христианско-эллинистической культуры европейской цивилизации этого времени вызвали к жизни религиозно-философские концепции, где на основе парадокса и контраста духовный мир Священного Писания соединялся с вершинными достижениями позднеантичной интеллектуальной мысли.

С одной стороны, раннехристианская экзегетика, опираясь на учение о предвечном и довременном бытии Логоса, интерпретировала историю земной жизни Христа как воплощение и «вочеловечение» Слова, что влекло за собой естественную ассоциацию «Логоса» или «Слова» с понятием «слова» как текста, с понятием книги. Поскольку согласно догмату боговоплощения Иисус Христос совмещает в личностном единстве как божественную, так и человеческую природы, то после воскресения и вознесения Христа человеческая природа, исходя из положения христианской догмы о субстанциональном тождестве Логоса Богу-Отцу, оказывается воспринята в глубины внутрибожественной жизни. «Вочеловечение» Бога, совершившего тем самым акт «искупления» людей, открывает перед человеком перспективу спасения для «жизни во Христе» и в этом аспекте постижение Слова – один из важнейших путей, ведущих вверх, в бесконечность Абсолюта.

С другой стороны, в IV – VII вв. возникает ранневизантийское учение об «исихии» (покой, безмолвие, отрешенность), созданное египетскими и сирийскими аскетами Евагрием, Иоанном Лествичником, Макарием Египетским. Ранневизантийский исихазм, впитавший в себя идею «молчания» гностицизма, отрицательную диалектику школы афинских неоплатоников V в., трактовавших сверхсущность всех явлений как вечное молчание, апофатическую теологию христианской неоплатонической доктрины Псевдо-Дионисия Ареопагита, неоднократно становился законодателем духовной моды не только на православном Востоке, но и на католическом Западе.

Патристика, которая достигает высшей точки своего развития в

деятельности каппадокийского кружка (Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский и Амфилохий Иконийский) на Востоке и Августина на Западе, закрепляет различия между ранневизантийской культурой и латинским миром.

Истоки восточного богословия восходят к позднеантичной греческой философии (прежде всего неоплатонизму) с ее тяготением к объективно-онтологической спекуляции и с ее опытом такой организации «единения» с божественным началом, который определялся взаимодополнением, даже взаимопроникновением двух контрастирующих начал – культовой мистики и логико-диалектических конструкций. Идейные традиции теологии Запада следует искать в окрашенном в субъективистские тона римском эклектизме, сочетавшем психологизм философской рефлексии позднего стоицизма и практический характер этатистского юридизма, восходящего к классическому римскому праву.

Примат онтологической проблематики обусловил выдвижение в центр теологических умопостроений православной мысли проблему соотношения человеческой и божественной природ в Богочеловеке. Главная тема католической теологии – корреляция свободной воли человека и предопределяющей воли божества. У классиков православия отсутствует характерная для августинизма тенденция описывать божественную личность по аналогии с человеческой личностью, дополненная в теологии католицизма постулатом «анalogии бытия» между бытием Бога и бытием вещей. Бытие высшего существа, по мысли представителей восточного богословия, есть «вседействующая сила», одновременно и присутствующая во всем и запредельная. В католицизме поиск гармонизации человеческой воли и божественной благодати осуществлялся либо на путях индивидуалистического искания внеинтеллектуального слияния души с Богом, либо в русле рационалистическо-юридических категорий учения о церкви как институции универсального спасения, в руках которой находится и оценка заслуги, приобретаемой верующим через повиновение церкви, и его награда в загробной жизни. В отличие от Запада мыслительный кругозор восточной церкви оказался свободным от теории предопределения: православие развивает учение о претворенной и обожествленной материи и представление о воле Бога к спасению всех.

Мистическое направление теологии, культивирующее принцип общения с Богом на путях «внутреннего опыта» и отвергающее аристотелевскую культуру рассудочных дефиниций, уже в эпоху становления института христианского монашества, развивавшего традиции ближневосточного аскетизма и наиболее восприимчивого к мистике с ее стремлением «узреть» истину в экстатическом созерцании, обнаруживает две основные смысловые тенденции его функционирования: если восточные «пустынники» развивали идею полного отречения от мира как

царства гибели, то западные аскеты полагали, что мир, «лежащий во зле», должен быть покорен для Бога влиянием монашества.

Разделяя субъективную самососредоточенность индивидуализма, православная мистика вместе с тем сочетала ее с утверждением первенствующего значения общины верующих, сверхличной «соборности» церкви. Методика мистического восхождения к Богу, отработанная тысячелетней аскетической практикой восточных анахоретов, носила строго объективный характер, отвергая присущие индивидуалистическому религиозному переживанию католической мистики психологизм и внутренние искания человеческой личности.

Тотальная социальная и культурная катастрофа, постигшая в V в. государственность Запада, породила острый интерес католической теологии к динамике истории. Восточная ортодоксия, оформлявшаяся в атмосфере христианизированной Византии, усваивает космологический стиль неоплатонической онтологии, демонстрируя нечувствительность к истории и приверженность к статическим конструкциям осмысления человеческого общества.

Исторические судьбы двух ведущих направлений христианской религиозно-философской мысли Средневековья оказались различными на Западе и на Востоке. Если духовным итогом византийского культурного развития стал исихазм, возрождавший в условиях религиозной реставрации XIV в. традиции «молчальничества», то западноевропейская схоластическая философия, культивируя тенденцию к рассудочной систематизации бытия, осуществляла движение в направлении усвоения принципов античной рациональности, что в исторической перспективе вело к зарождению новоевропейской науки. Византийское культурное наследие и после угасания ромейской державы продолжало оказывать огромное влияние на умственную жизнь Европы.

Помимо теологических разногласий, предметом острой полемики католичества и православия на белорусских и украинских землях стали восходящие к IV в., обозначившему существенное расхождение историко-культурных перспектив западного и восточного Средневековья Европы, догматические и обрядовые различия. Православное вероучение отвергает западное добавление к христианскому символу веры филиокве (исхождение Духа Святого не только от Отца, но и от Сына), которое порождено субординационистскими и эманационистскими мотивами, вносимыми католической теологией в интерпретацию структуры триединства и совершенно неприемлемыми для восточного богословия с его преимущественным интересом к проблемам сущности божества. В отличие от православной концепции, где первородный грех – это событие, повлекшее за собой повреждение человеческой природы и наследственную предрасположенность ко злу, юридизм мышления западной церкви породил понимание грехопадения как правовой ответственности,

переходящей от предков к потомкам, с которым в католицизме связано представление о возможности выкупа грехов за счет «сверхдолжных заслуг» святых. В западной теологии важную роль играет учение о месте очистительных мук, воспринятое ею из античной эсхатологии. Православие, хотя и включает в себя представление о «мытарствах» разлученной с телом души, отвергает западнохристианскую концепцию чистилища, развивая идею о всеобъемлющем просветлении и «обожении» материи на исходе мира. Характерный для Запада пафос сакрального институционализма, обосновываемый Лжеисидоровыми декреталиями (IX в.), которые содержали положение о папстве как центре христианского мира, независимости папского престола от светской власти и идею непогрешимости папы в делах веры и нравственности, не мог вызвать сочувствия у официального ромейского правоверия.

Конфликт доктрины папской теократии и византийской концепции «симфонии властей» во многом отразил различие в положении церквей в западном и восточном макрорегионах Европы. В то время как католицизм имел строго централизованную церковную организацию во главе с папой римским, обладавшим не только непререкаемым религиозным авторитетом, но и значительной светской властью, православная «ойкумена» не знала ни единого духовного центра, ни единого главы церкви, утверждая господство авторитета соборов и идею христианизированной вселенской священной державы. Социальный аристократизм западного клира, проявляющийся, в частности, в celibате и причащении духовенства вином и хлебом, а мирян только хлебом, на Востоке выступал гораздо слабее: все верующие причащались под обоими видами, безбрачие распространялось только на епископов и монахов.

Все эти теологические, догматические и социально-политические несогласия усугублялись расхождением церковных традиций Запада и Востока, продиктованным языковыми различиями и локальными обычаями богослужения. Типологические особенности восточной ортодоксии обусловили ослабленность универсалистской тенденции, культивируемой католицизмом, и создали почву для соединения православного вероучения с идеей русского мессианизма, в XVI в. принявшей облик политической теории Москвы как третьего Рима, а в XIX ст. получившей концептуальное оформление в трудах представителей славянофильства.

Одними из самых ярких наследников культурных традиций европейского Запада и Востока Европы в белорусской интеллектуальной истории стали два уроженца Беларуси – Адам Бернارد Мицкевич и Михаил Осипович Коялович. В их творчестве традиционная антитеза двух европейских цивилизаций обретает облик транскультурного единства, порождая парадоксальное сопряжение двух современных проектов в интегральный комплекс идей, взглядов и ценностей.

КОНЦЕПЦИЯ ОБЩЕГО БЛАГА В ПОЛОЦКОЙ НЕОСХОЛАСТИКЕ: РЕСУРС ДЛЯ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОСТИ

А. И. Климович

Полоцкая неосхоластика представляет собой корпус текстов, содержащих идейный комплекс программных установок религиозной философии, относящихся к неосхоластическому направлению, ее философская сущность определяется как реальный томизм. Ряд ее представителей довольно многочисленный, среди наиболее значимых следует выделить Д. Анджолини, В. Бучиньского, Я. Ф. Ротана, Ж.-Л. Розавена, Ф. К. Стаховского, С. Петровича.

Социально-политические идеи комплекса полоцкой неосхоластики представляют собой ценный интеллектуальный ресурс для формирования современных стратегий гуманитарной безопасности. Их потенциал может быть использован для укрепления суверенитета, дальнейшего развития теорий, связанных с социальной стабильностью, защиты культурной идентичности.

Полоцкая неосхоластика вызывает исследовательский интерес и с позиций актуальных вызовов глобализации, это модель общества, сочетающая традиционные ценности, среди которых находятся долг, добродетель, верность существующей традиции с рациональным управлением. Особое значение ее идеи приобретают в эпоху стремительного технологического развития, поскольку содержат программные установки, являющиеся антитезой развивающемуся технологическому детерминизму и дегуманизации, новой модели личности, ориентированной лишь на профессиональную эффективность – homo economicus. Среди идей, обладающих мировоззренческим потенциалом в области гуманитарной безопасности, следует особо выделить этику долга, разработанную в рамках концепции *societas perfecta* полоцких неосхоластов. Она представлена двумя важными составляющими: ориентиром на достижение общего блага и концепцией должностования, являющегося врожденной идеей для каждого представителя общества. В рамках нашего сообщения мы уделим внимание категории общего блага как актуальной с точки зрения укрепления нравственного здоровья общества, чьи программные установки могут быть использованы для формирования солидарности в обществе, поддержания его стабильности, разработки стратегий противодействия цифровым рискам.

Общее благо в творчестве полоцких авторов предстает не только как идеальная категория горизонта развития общества, оно имеет практическую направленность и выступает фундаментальным

организующим принципом общества, наполненным вполне конкретным содержанием. В противоположность теориям Ж. Ж. Руссо и Т. Гоббса, рассматривающим общественный договор как условное соглашение, в социальной теории полоцких авторов общее благо объективно существует как высшая цель и критерий справедливости общественного устройства, данный в естественном праве.

Нами были выделены объективные критерии достижения общественного блага, присутствующие в творческих изысканиях представителей полоцкой неосхоластики: наличие условий для добродетельной жизни, сбалансированность прав и обязанностей отдельной личности в рамках общества, справедливость в виде закона и милосердия как основа развития законодательства, и эволюционное развитие, заключающееся в репродукции социальных норм через верность традиции.

Условия для добродетельной жизни в творчестве полоцких авторов представлены в критерии индивидуального блага. Мерилом индивидуального блага в полоцкой неосхоластике выступает счастье [1, с. 62]. Однако счастье здесь не означает лишь удовлетворение материальных потребностей. По мысли полоцких авторов, человек счастлив, когда реализует свое предназначение [1, с. 130]. Для того чтобы это произошло, необходима эффективная работа государства. Полоцкие авторы далеки от рассмотрения государства в качестве «ночного сторожа». В их работах оно представлено как социальный институт, дающий возможность развития добродетели. Это происходит через законы, основанные на естественном праве. Они представляют собой пример объективного морального порядка, системообразующими категориями в котором выступают справедливость, уважение к достоинству личности, патерналистические нормы почтения к семье и государству. Одновременно, по мысли полоцких авторов, должно происходить подавление развития порока в первую очередь через недопущение циркуляции идей, несоответствующих вышеобозначенным критериям, в широких массах. Ярким примером этой позиции является статья «Рассуждение, в котором доказывается, что люди испорченных нравов хорошими писателям в области моральных наук быть не могут» [2].

Инструментом для формирования условий добродетельного общества у полоцких авторов выступает образование, целью которого является не только формирование знаниевого компонента, но и развитие нравственной личности, способной к социальному служению [3, с. 98]. Формирование добродетели у полоцких авторов требует личных усилий и одновременно поддержки общества через образование, законодательную систему, культуру взаимопомощи, реализованную в указанной выше концепции долженствования.

Сбалансированность прав и обязанностей отдельной личности в

рамках общества у полоцких авторов имеет источником традиционную идею естественного права о правах личности, данных каждому от момента рождения и коренящихся в богоданном достоинстве личности. При этом само наличие прав порождает систему обязанностей через долг перед самим собой, семьей, подчиненными, государством и Богом [1, с. 86–87]. Государство в такой системе выступает хранителем естественного порядка, имеющего в своем распоряжении такие инструменты как закон и суд для восстановления попорченного права личности. Для полоцких авторов правовой статус личности является органической взаимосвязью прав и обязанностей в рамках высшего порядка. Права существуют для того, чтобы личность была эффективна в процессе социального служения.

Справедливость в творчестве полоцких авторов является категорией, понимаемой как *justicia* (закон) и *benevolentia* (милосердие). Такое деление является итогом специфически понимаемой человеческой личности. Закон призван воздействовать на рациональную природу человека, а милосердие является воззванием к его совести [1, с. 164–165]. В итоге формируется специфический правовой подход, основанный на принципе гуманности и имеющий целью не столько наказание, сколько исправление личности.

Авторами также подчеркивается важность значения традиции в науке, истории и повседневной жизни человека [4, с. 23]. Основания этой традиции ассоциированы с догматами христианской религии и ее главными элементами являются вера, обычаи и знание

Таким образом, принцип общего блага выступает жизнеспособной, обладающей объективными критериями оценки понятием, обладающим потенциалом для оценки эффективности работы государственного механизма не только с точки зрения ВВП и уровня потребления, но с позиций социально-нравственного развития, что соответствует фундаментальным идеям белорусской государственности социально ориентированного государства.

Литература и источники

1. Buczyński, V. *Instutiones philosophicae, pars tertia continens ethicam* / V. Buczyński. – Viennae, 1844. – 206 p.
2. Iwicki, I. Rozprawa, w której się dowodzi, iż ludzie zepsutych obyczajów we względzie nauk moralnych dobrymi pisarzami być nie mogą / I. Iwicki // *Miesięcznik Połocki*. – 1818. – Т. 3, № 12. – Р. 274–296.
3. Rozaven, J. L. Uwagi nad wychowaniem młodzieży / J. L. Rozaven // *Miesięcznik Połocki*. – 1818. – Т. 1, № 1. – Р. 93–107.
4. Ostrzeżenie czytelnika Historii powszechnej J. M. Schroeka z niemieckiego po polsku w 3ch tomikach 813 i 1814 roku w Wilnie wydanej przekładania X. Pawła Kotowskiego // *Miesięcznik Połocki*. – 1818. – № 5. – Р. 20–29.

МИНСКАЯ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА СТЕПИНА И МОСКОВСКИЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КРУЖОК ЩЕДРОВИЦКОГО – СХОДСТВА, ОТЛИЧИЯ, ЗНАЧЕНИЕ

Н. Б. Ломакина

В середине XX века на территории двух союзных республик – РСФСР и БССР, действовали, работали, мыслили философы, объединенные в два знаковых, знаменитых объединения – Минскую философско-методологическую школу и Московский методологический кружок. Оба эти феномена внесли значительный вклад в развитие российской и белорусской философской мысли, поэтому хочется рассмотреть их, и выявить основные сходства и различия.

Московский Методологический Кружок (ММК), философско-методологическая и интеллектуально-практическая школа Георгия Петровича Щедровицкого, начал свою деятельность в начале 50-х годов XX века. Главная заслуга ММК – разработка системомыследеятельностного подхода (дает возможность анализировать самые разнообразные социально-культурные явления) и организационно-деятельностных игр (инструмент для анализа и развития почти любых систем мыследеятельности).

Минская философско-методологическая школа сформировалась чуть позже, в 60-х годах XX века, ее создание связано с именем Вячеслава Семеновича Степина, академика РАН, советского, белорусского и российского философа и организатора науки. Методологическая школа добилась больших успехов в разработке следующих концепций: структуры и генезиса научной теории, знаменитой концепции типов научной рациональности, оригинальной концепции философии культуры. Большое значение для философии имеет созданная В. С. Стёпиным историко-генетическая модель научной рациональности, которую можно применять в качестве эффективного методологического инструмента [1, с. 41–42].

Сама возможность формирования этих философских школ обусловлена неким, по словам В. А. Лекторского, «философским Ренессансом», возникшем в Советском Союзе в 1960-е – 1980-е гг., и на то были причины:

– опосредованное отношение к идеологическим и политическим вопросам тех областей философии, которые посвящены изучению познания и науки (теория познания, логика, философские проблемы естественных наук), а значит, возможностей для творчества и свободной мысли здесь больше (в отличие, например, от социальной философии);

– ослабление вмешательства партийных инстанций в научные дела к концу 1950-х гг. [2, с. 7].

Благодаря создавшейся ситуации объединения философов получили

шанс на существования и довольно свободное функционирование. Хотя, конечно же, обе рассматриваемые нами философские школы развивались в рамках советской философской мысли и социалистической парадигмы.

Минская философско-методологическая школа поддерживала связь с Московским методологическим кружком, а также с Ленинградской школой философии науки, Киевской методологической школой, и вообще ее отличала открытость к сотрудничеству и диалогу.

Члены ММК в основном были сконцентрированы на вопросах построения содержательно-генетической логики, изучения связи мышления и речи, разработка теории деятельности и организационно-деятельностных игр, а также построения новой логики, понимаемой одновременно как теория мышления и методология науки на основе диалектического метода. Философов Минской философско-методологической школы волновал широкий спектр вопросов: в 60-е – 70-е годы они вели исследования в области структуры и динамики естественнонаучного знания, проблематики методологии физического знания, в конце 70-х – начале 80-х годов уделяли внимание изучению вопросов становления научной теории, обоснования природы научного познания, поиска идеалов и норм науки, изучения научных революций и их роли в динамике культуры, а с конца 80-х годов проводили изыскания в области методологии социально-гуманитарного знания, метатеоретических оснований науки в развитии современного научного знания, мировоззренческих и аксиологических оснований в научном познании [3, с. 6].

Наработки ММК и МФМШ оказали значительное влияние на ход и развитие самых разных областей науки. Оба философских объединения внесли значительный вклад в развитие отечественной и мировой философской мысли, их наследие изучается и применяется.

Литература и источники

1. Сайганова, В. С. Нормы навуковай рацыянальнасці ў кантэксце сучасных філасофска-метадалагічных даследаванняў / В. С. Сайганова // Вышэйшая школа. – 2006. – № 6 (56). – С. 40–44
2. Лекторский, В. В. О философии России второй половины XX в. / В. В. Лекторский // Вопросы философии. – 2009. – № 7. – С. 3–11.
3. Сайганова, В. С. Место и роль Минской методологической школы и Рижского методологического семинара в социально-гуманитарном познании второй половины XX века / В. С. Сайганова // Латыши и белорусы: вместе сквозь века : сб. науч. ст. – Минск : РИВШ, 2016. – Вып. 5. – С. 4–8.

ВЫЗОВЫ В МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ СФЕРЕ: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

В. М. Макаров

Современный мир находится в состоянии глобальной геополитической напряженности, обусловленной процессами разрушения сложившегося мирового порядка [1, с. 7].

Борьба между однополярным и многополярным миропорядком представляет собой, прежде всего, столкновение идей. Соответственно, одним из главных орудий в борьбе за будущее является социогуманитарное знание, формирующее мировоззрение.

К сожалению, современная наука об обществе во многих странах все больше напоминает позднесредневековую схоластику. Запад смог навязать всему миру своё видение реальности, свою «сетку» обществоведения. Даже в Японии котируются лишь те японцы-ученые, кто публикуется в англосаксонских журналах. Но нейтрального знания не бывает. Невозможно идти в будущее, пользуясь чужой «сеткой» наук об обществе и историческом развитии [2].

В 1990-е годы появились учебники так называемой соросовской генерации. Они были выстроены на представлении о том, что главный порок всего советского – это тоталитарность [3].

Во многих белорусских учебниках по политологии и социологии до сего времени тиражируется именно западные классификации политических режимов. А для характеристики того же тоталитарного режима используются идеологемы Ханны Арендт и Збигнева Бжезинского [4, с. 89–101].

Причем белорусские ученые-педагоги предупреждали об опасности следования в фарватере западной модели образования [5; 6; 7].

Вполне закономерно, что ряд ученых считают, что термин «тоталитаризм» и соответствующая концепция единства нации должны быть признаны антинаучными [8].

Соответственно, важнейшая задача – бескомпромиссное освобождение социально-гуманитарного знания от концепций, доктрин и идей Запада.

Нам придется развивать науки об обществе и человеке, создавая собственные матрицы обучения, отличные от западных идеологем. Для этого, в частности, следует возродить преподавание логики. До конца 40-х годов прошлого века формальную логику преподавали даже в старших классах школы [9].

В качестве актуальных задач уместно предложить следующие.

Во-первых, нужна инвентаризация, идеологическая экспертиза содержания программ, учебников и учебных пособий социогуманитарной

направленности. Положение дел в этой области четко охарактеризована Президентом Республики Беларусь, остро поставившим вопрос о преподавании данных дисциплин и качества учебников, в частности по философии [10].

Во-вторых, применительно к системе обеспечения военной безопасности нам придется преодолеть «болезнь» системы высшего образования, которая тянется еще со времен позднего СССР, когда образовательные стандарты военного образования дублировали гражданские стандарты.

Сегодня согласно Концепции оптимизации содержания, структуры и объема цикла (модуля) социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования, утвержденного Министерством образования Республики Беларусь 29 апреля 2022 г., в военных учебных заведениях Республики Беларусь устанавливается всего три обязательных учебных дисциплины: История белорусской государственности, Философия и Современная политэкономия (и три учебных дисциплины по выбору), а количество часов отводимых на социально-гуманитарные дисциплины составляет 540 часов (в том числе 270 аудиторных). То есть, за последние двадцать лет объем учебного времени, отводимого на соответствующие дисциплины, радикально сократился (табл. 1).

Таблица 1. Объем учебного времени,
отводимого на цикл социально-гуманитарных дисциплин

Учебные предметы	МВВК 1994	Военная акад. 1998	Военная акад. 2018	Военная акад. 2024
Всего времени	1200	1098	420	540
Философия Командные специальности	90	80	42	54
Философия Инженерные специальности	90	100	42	54

Примечательно, что в 1944 году в военных училищах РККА только на военную психологию и педагогику отводилось 111 часов [11].

Такое положение дел обусловлено также нормативными требованиями Кодекса об образовании, согласно которому (статья 201) только Комитетом государственной безопасности разрабатываются и утверждаются образовательные стандарты высшего образования для учреждений образования, находящихся в подчинении органов государственной безопасности [12]. Поэтому следует учиться у КГБ

Беларуси защищать национальные интересы, в том числе в сфере собственной системы образования.

Главный же вывод заключается в том, что не может быть и речи о достойном будущем страны в новом веке без завоевания интеллектуального превосходства.

Литература и источники

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: решение Всебелорусского народного собрания, 25 апр. 2024 г., № 5. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – 2024. – 64 с.
2. Фурсов, А. И. Сетка социальных наук трещит по швам / А. И. Фурсов // Изборский клуб. – URL: <https://izborsk-club.ru/354?ysclid=mfjy2cgreb789312164> (дата обращения: 08.10.2009).
3. Багдасарян, В. Антицивилизация / В. Багдасарян // Изборский клуб. – URL: izborsk-club.ru/24971 (дата обращения: 23.11.2023).
4. Вонсович, Л. В. Политология: курс интенсивной подготовки / Л. В. Вонсович. – Минск : Тетралит, 2013. – 368 с.
5. Шамякина, Т. И. Проблемы образования с позиций филолога / Т. И. Шамякина // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2014. – № 1. – С. 87–94.
6. Кирвель, Ч. С. Современное образование «в тисках» либерально-рыночного экстремизма / Ч. С. Кирвель // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2018. – № 4. – С. 88–96.
7. Берков, В. Ф. Замалчивание как способ декоммунизации современного отечественного обществоведения / В. Ф. Берков // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2022. – № 1. – С. 64–70.
8. Полиновская, Е. Термин «тоталитаризм» – плод фашистской и антинаучной концепции / Е. Полиновская // ИА Красная Весна. – URL: <https://rossaprimavera.ru/news/21eb60f4d> (дата обращения: 23.05.2021).
9. Агеев, А. Поломанные судьбы / А. Агеев // Изборский клуб. – URL: <https://izborsk-club.ru/24946> (дата обращения: 15.11.2023).
10. Встреча с членами Республиканского совета ректоров учреждений высшего образования // Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-chlenami-respublikanskogo-soveta-rektorov> (дата обращения: 13.02.2024).
11. Макаров, В. М. Национальные интересы белорусского государства: роль социально-гуманитарного знания в формировании мировоззрения офицерских кадров / В. М. Макаров // Идеологические аспекты военной безопасности. – 2019. – № 1. – С. 16–21.
12. Кодекс Республики Беларусь об образовании: 13 января 2011 г. № 243-З: Принят Палатой представителей 2 декабря 2010 года : одобрен Советом Респ. 22 декабря 2010 года: в ред. Закона Респ. Беларусь от 14 янв. 2022 г. № 154-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk110_0243 (дата обращения: 21.03.2025).

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ В. Н. ИВАНОВСКОГО

Л. С. Навицкая, К. Д. Довматович

Философия истории является важнейшей частью исторической науки. Она помогает определить роль и место истории в системе наук, а также её значимость для социума. Помимо этого, философия истории позволяет эксплицировать основополагающие концепты, которые в ту или иную эпоху детерминировали развитие историографии. Также важность этого направления заключается в том, что философия истории формирует не только нарративы, но и методологические основы исторического исследования.

Философия истории активно развивалась и продолжает развиваться в западноевропейской философской мысли. В особенности данное направление актуализировалось после Первой мировой войны (1914–1918 гг.), когда историческая наука вступила в стадию методологического кризиса. Во Франции, а в дальнейшем и в Западной Европе и США, данный кризис был преодолен благодаря «Школе Анналов», основателями которой являются М. Блок и Л. Февр.

В это же время в Беларуси происходили революционные изменения, связанные со становлением национальной государственности на советской основе в 1919–1920 гг., а также с реализацией идей Октябрьской революции 1917 г. В 1920-е гг. в Беларуси создаются центры интеллектуальной деятельности. Прежде всего, это Белорусский государственный университет (далее – БГУ) (1921 г.) и Институт белорусской культуры (1922 г.). Данные учреждения должны были вырабатывать научные концепты, в которых нуждалось молодое белорусское государство. Поскольку своих кадров ещё не было, особенно воспитанных в марксистско-ленинских идеалах, многих приглашали из-за рубежа. Среди них был уже состоявшийся учёный Владимир Николаевич Ивановский, который в годы работы в БГУ разработал собственный проект философии истории. Поэтому цель настоящей работы – охарактеризовать философию истории В. Н. Ивановского.

В «минский период» жизни (1921–1927 гг.) В. Н. Ивановский активно занимался вопросами методологии науки, в рамках которой затрагивал проблему философии истории. Впервые она была заявлена в его статье «Логика истории, как онтология единичного» [1; 2], опубликованная в 1922 г. и явившая собой рецензию на диссертацию русского философа Г. Г. Шпета «История как проблема логики».

По мнению В. Н. Ивановского, объектом понимания и осмысления *истории как теоретического вида знания* всегда был человек и его уникальное положение, место в мировом пространстве, а *философии истории* – идея и смысл исторического процесса как такового.

Исторические науки, согласно В. Н. Ивановскому, – это науки об *индивидуальном*, или *частном*. В историческом знании излагается генезис и течение единичных, неповторяемых событий и вещей, что противоположно описанию неких универсальных, общих отношений (чем, собственно, и занимаются «науки об общем»). Аналогично этому некоторые мыслители (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) определяют исторические науки как *индивидуализирующие*, или *идиографические* (от греч. – частный, единичный, специфический), а главный смысл истории – в описании этих индивидуальных особенностей (культуры, цивилизации и др.).

По мнению В. Н. Ивановского, история предполагает изучение человека и связанных с ним фактов прошлого, которые составляют суммарную совокупность определенных причин и, соответственно, каких-либо последствий. История обращается к исследованию единичного и индивидуального в цельном составе общих положений, – фокусируясь на том, как частное обстоятельство вплетено в ткань целого контекста. Так, открытие и констатирование новых фактов осуществляется на основе ранее выявленных исторических источников.

Объектом исследования в истории предстает не только внешняя канва тех или иных событий, которая во многом конструируется и обосновывается описательным методом, но и «вскрытие» внутреннего хода случившегося, обоснование глубинных причин и оснований его возникновения.

Вместе с тем наиболее важный объект осмысления и изучения в исторических науках, на взгляд мыслителя, это единичный человек и его судьба, переживания и жизненная борьба. Поэтому история – это, прежде всего, «история человека и человечества: человеческих переживаний и их выражений – и человеческого общественного бытия» [3, с. 226].

Таким образом, В. Н. Ивановский сыграл важную роль в организации и распространении философского образования, становлении философско-исследовательской традиции в Беларуси. Им были разработаны проблемы методологии науки и проект философии истории как осмысление единичного существования человека, которые в дальнейшем оказали значительное влияние на развитие философской мысли в Беларуси.

Литература и источники

1. Ивановский, В. Н. Логика истории, как онтология единичного (Окончание следует) / В. Н. Ивановский // Труды Белорусского Государственного Университета. – Минск, 1922. – № 1. – С. 14–25.
2. Ивановский, В. Н. Логика истории, как онтология единичного (Окончание) / В. Н. Ивановский // Труды Белорусского Государственного Университета. – Минск, 1922. – № 2–3. – С. 35–49.

З. Ивановский, В. Н. Методологическое введение в науку и философию / В. Н. Ивановский. – Минск : Белтрестпечат, 1923. – Т. 1. – 239 с.

РАЗВИТИЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В БЕЛАРУСИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ

А. А. Павильч

Формы развития компаративного знания в Беларуси определялись историческими, конфессиональными, социально-политическими и идеологическими контекстами функционирования культуры на протяжении многих веков. Опыт нерелексивного донанучного восприятия культурного разнообразия и межкультурных различий известен благодаря текстологическому анализу произведений религиозной и светской письменности, исторических, философских и литературно-художественных изданий. Основным объектом сравнительного анализа в традиционном обществе являлась этнокультурная организация разных племен и народов, а компаративные наблюдения отличались случайностью и непоследовательностью, отсутствием целевых установок и определенных критериев соотношения разных реалий культуры [1]. Только с конца XIX века осуществлялся процесс становления теоретических основ компаративистики как научного направления гуманитарного знания.

Историографический опыт Беларуси конца XIX – начала XX в. убедительно подтверждает факты целенаправленного и системного использования сравнительного подхода в специальных исследованиях в области истории, этнологии, краеведения, фольклористики и искусствоведения. В этот период развития гуманитарных наук сравнение являлось обязательным методологическим условием, обеспечивающим реконструкцию процессов исторического развития белорусского языка и этнической культуры белорусов, сопоставительную интерпретацию языковых единиц и разных форм этнокультурного творчества, а также целостную репрезентацию мультикультурного пространства Беларуси и ее отдельных регионов. Именно сравнение позволяло определить типологические отношения, генетическую и контактную связь языка и этнической культуры белорусов с другими этническими общностями, выявить отличительные особенности белорусской культуры.

Ресурс компаративного подхода позволил осуществить целостную и многоаспектную репрезентацию природного и социокультурного окружения белорусских и литовских территорий в популярном многотомном издании «Живописная Россия», в состав которого вошло значительное количество научных работ исследователя-краеведа XIX в. Адама Киркора. В подготовленных им очерках третьего тома о белорусском и литовском Полесье одновременно с общей историко-

краеведческой информацией представлены фрагменты сравнения этнографических реалий исторических земель Беларуси, соотнесены их народные говоры, мифотворчество, коммуникативные особенности населения, традиции, ритуалы, календарные и семейные обряды [2].

Значимость сравнения одновременно и как метода исследования, и как логического приема изложения и усвоения краеведческой информации подчеркивается и обосновывается в учебнике А. А. Смолича «География Беларуси». По мнению автора, глубина познания далекого и незнакомого земного пространства наряду с чужеземной культурой связана прежде всего со степенью познаний о родной стране и ближайшей местности, без чего сложно осмыслить уникальность чужих земель. Соответственно, зная природное окружение своей отчизны, «намного легче понять географические явления любого края» [3, с. 1]. Практическим подтверждением того, что А. А. Смолич активно использовал методологические ресурсы компаративистики в репрезентации краеведческой и этнокультурной информации, являются представленные в учебнике факты сравнения территорий, форм рельефа, особенностей ландшафта, демографического состава Беларуси и разных европейских стран; соотнесения физических и биопсихических характеристик белорусов и других славянских народов; этнопсихологических наблюдений, основанных на сопоставлении национальных характеров белорусов, россиян, украинцев, поляков, где в свою очередь заметно стереотипное восприятие многих народов.

Очевидным подтверждением практической реализации методологических ресурсов компаративистики в системном исследовании Е. Ф. Карского является его фундаментальное издание «Белорусы» [4]. Сфера использования сравнительного анализа в этом исследовании охватывает этническую историю славян, фольклорное творчество, народную поэзию и язык, мифологию и религиозные традиции. Использование компаративного подхода позволило Е. Ф. Карскому определить степень взаимоотношения культур разных славянских и неславянских общностей в исторической и социокультурной динамике; установить факты языковых контактов и влияний, осуществить атрибуцию языковых заимствований и выявить пути их проникновения в лингвокультурное пространство Беларуси; обосновать взаимодействие языческих и христианских традиций в культурном пространстве восточных славян; осуществить реконструкцию мифологии с помощью архаических языковых элементов и др.

Основоположник теоретического искусствознания в Беларуси Н. Н. Щекотихин в своих «Очерках из истории белорусского искусства» на основе компаративного подхода к изучению мирового и белорусского художественного творчества определил специфику отечественных памятников архитектуры и искусства, выявил идеологические тенденции и

влияния в их научной интерпретации и презентации в период Российской империи [5]. Основательный анализ историографического опыта исследования тех времен позволил исследователю критически оценить доминирующие подходы к анализу артефактов белорусской художественной культуры и прийти к определенным заключениям. По мнению исследователя, русификаторская политика в гуманитарной науке обусловила соответствующую тенденциозность в исследовании истории развития художественного творчества Беларуси и отразилась на распространенных в Российской империи подходах к выявлению и интерпретации заимствований и объяснений путей их распространения на белорусских землях. Обращалось внимание, что не определялись исследователями самобытные черты и национальные особенности памятников искусства и архитектуры Беларуси, а их анализ сводился к обоснованию единства белорусского искусства с древнерусской культурой и византийскими традициями. Подчеркивалось, что в анализе художественного и архитектурного наследия Беларуси без достаточного внимания оставалось самое очевидное присутствие элементов и традиций западноевропейского искусства, оказавших системное и продолжительное влияние на разные сферы белорусской культуры.

Особую роль в становлении теоретических основ компаративистики сыграла научная публицистика начала XX в., представленная творчеством В. Ластовского, М. Богдановича, Я. Купалы и др. Популяризации компаративных поисков исследователей культуры содействовал общественно-политический журнал «Кривич» (1923–1927 гг.).

Таким образом, фундаментальные гуманитарные исследования конца XIX – начала XX в. подготовили богатую фактологическую базу для дальнейших научных интерпретаций в сфере компаративного изучения культур. Сравнительные исследования разных аспектов и явлений культуры имели синкретический характер, поскольку осуществлялись в рамках разных направлений гуманитарного знания. Новые поколения исследователей не только расширили традиционную предметную область сравнительного анализа, но и переосмыслили актуальные для белорусской научной и общественной мысли проблемы, касающиеся культурной идентичности и самоопределения белорусов.

Литература и источники

1. Павильч, А. А. Компаративные исследования культурного разнообразия: методологический опыт и коммуникативная проекция / А. А. Павильч. – Минск : МГЛУ, 2017. – 168 с.
2. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: Литовское и белорусское Полесье / Ред. П. П. Семенов. – Минск : БелЭн, 1993. – 550 с.
3. Смоліч, А. Геаграфія Беларусі / А. Смоліч. – Мінск : Беларусь, 1993. – 382 с.

4. Карскі, Я. Беларусы / Я. Карскі. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 2001. – 640 с.
5. Шчакаціхін, М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва / М. Шчакаціхін. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 336 с.

«НАША НІВА»: НАРАДЖЭННЕ, СТРУКТУРА, РАННЯ ПАЛІТЫКА-ФІЛАСОФСКІЯ ІДЭІ

Я. П. Сакоўскі

Дзейнасць газеты «Наша ніва» ў пачатку XX стагоддзя азнаменавала сабой знакавы этап у станаўленні Беларусі і беларускага ў цэлым. Пачатак публікацыйнай актыўнасці аўтараў «Нашай нівы» з аднаго боку закрывала народніцкую эпоху развіцця беларускага нацыянальнага праекта і адчыняла іншую, эпоху дыскусій пра беларускую дзяржаўнасць, яе форму, змесціва і нават метады захавання (таго, чаго яшчэ не было, незалежнасці). Газета, асабліва ў перадваенныя і ваенныя гады (з 1913 па 1914 год), вылучалася не проста намёкамі пра неабходнасць пэўнай нацыянальна-культурнай аўтаноміі Беларусі. Яна стварала пляцоўку для дыскусіі пра долю яшчэ не здабытай краіны.

Ранні XX век характарызаваўся ўзрастаючым усведамленнем нацыянальнай ідэнтычнасці і жаданнем культурнага самавыяўлення сярод беларускага насельніцтва, асабліва на фоне ўтасання ўплыву Расійскай імперыі. Пасля рэвалюцыі 1905 года ў Расіі адбыўся сапраўдны бум адкрыцця палітычных перыядычных выданняў, якія задавальнялі менавіта гэтыя патрэбы. Аднак газета Наша ніва ў пэўным сэнсе даволі позна заскочыла ў гэты цягнік Выдавецтва была заснавана ў канцы 1906 года братамі Антонам і Іванам Луцкевічамі, Вацлавам Іваноўскім, Аляксандрам Уласавым і Зыгмундам Вольскім. Усе яны ўваходзілі ў кіруючую групу Беларускай сацыялістычнай грамады, што значна абумовіла палітычную пазіцыю газеты. Але не поўнасцю. Фармальна пра яе заснаванне было публічна абвешчана на канферэнцыі БСГ у Вільні ў чэрвені 1906 года А. Луцкевічам. Назва выдання паходзіць з верша Янкі Лучыны, сімвалізуючы сувязь з нацыянальнай ідэнтычнасцю і спадчынай. Як стала ясна ўжо пазней, Наша Ніва адыграла значную ролю ў своеасаблівым культурным і літаратурным рэнесансе Беларусі, прыцягваючы аўтараў, якія потым сталі прыкметнымі асобамі ў палітыцы і інтэлектуальным жыцці. Напрыклад, сярод вядомых аўтараў быў малады Браніслаў Тарашкевіч, у будучым значны палітычны лідэр заходняй Беларусі, і Аляксандр Уласаў, які служыў доўгатэрміновым выдаўцом і рэдактарам газеты; усім вядомыя пісьменнікі і паэты Янка Купала, Якуб Колас, М. Багдановіч і іншыя шматлікія вядомыя прозвішчы. Варта таксама адзначыць, што газета доўгі час з'яўлялася адзіным у краіне голасам нацыянальнай ідэнтычнасці і культурнага самавыяўлення. Як гэта

выражалася ў яе дзейнасці мы зараз разгледзім.

Першы нумар газеты выйшаў 10 (23) лістапада 1906 года. Цікавым супадзеннем і адначасова штуршком да паскарэння пачатку выдання стала знікненне іншай газеты – «Наша доля». Адразу на першай старонцы мы можам бачыць пэўную рэакцыю рэдакцыі на гэту падзею. «"Наша Ніва" будзе другой беларускай газетай – першая газета "Наша Доля" больш не існуе. Яна праіснавала вельмі кароткі час, бліснула як маланка і знікла дзесьці» [1, с. 1]. З адрыўка відаць, што лёс папярэдняга выдання на момант першага нумара Нашай Нівы (далей у некаторых месцах НН) быццам бы быў невядомы. Але вядома, што значная частка найпершых аўтараў НН непасрэдна ўдзельнічалі ў выданні «Нашай Доля» ў верасні-кастрычніку 1906 г. Потым з-за паліцэйскага пераследу і ўнутраных свар з выдаўцом І. А. Туркесам было вырашана стварыць іншае выдавецтва і тым самым адкрыжавацца ад мінулага. Таму ў працытаваным ўрыўку рэдакцыя жадала «заблытаць след».

У той жа прадмове рэдакцыя НН прапісвае свае мэты і матывацыю. Яны пішуць: «Мы з сваёй стараны будзем старацца, каб усе беларусы, што не ведаюць, хто яны ёсць, – зразумелі, што яны беларусы і людзі, каб пазналі свае правы і памаглі нам у нашай справе» [1, с. 1]. Простымі словамі гэта нацыянальнае адраджэнне і набор прыхільнікаў-чытачоў. Адразу пасля выхаду першага нумару на газету пачаўся ціск як ад прарасейскіх так і ад прапольскіх друкаваных СМІ, аб чым было напісана ў другім нумары выдання. Крыху пазней рэдакцыя газеты, у асабістасці А. Уласаў, назаве іх «істинно-русскими» «істинно-польскими» СМІ пры гэтым пазіцыянуючы сябе як сапраўдна-беларускіх. Яны будуць змагацца з падобнымі уплывамі (у тым ліку праз паліцыйскі прыгнёт) увесь час сваёй працы. Магчыма ў сувязі з гэтым выдавецтва Нашай Нівы даволі часта будзе мяняць месца-знаходжання офіса.

Пасля выдання некалькіх першых нумароў сталі зразумелымі акцэнтны ўвагі газеты і яе асноўны змест. Гэта перш за ўсё думская палітыка, зямельнае пытанне, пытанне самакіравання, свабод і правоў чалавека, павышэнне якасці адукацыі на роднай мове. Спрабавалася таксама паляпшаць эканамічную і фінансавую граматынасць людзей, што адлюстравана ў шэрагу артыкулаў на гэтыя тэмы.

У НН часта пісалі пра цемру. Падразумяваюць пад ёй перш за ўсё адсутнасць адукаванасці сярод ніжэйшых страт грамадства (але тут можна знайсці і пэўныя філасофскія адценні сэнсу). Таму прыкладна 1/5 ад аб'ёму нумара газеты перыядычна прысвячалася навукова-папулярным тэмам кшталту артыкулаў пра мікробаў, ледніковы перыяд ці мамантаў.

Увогуле структура ранніх нумароў выглядае крыху хаатычнай: спачатку пэўнае палітычная заява, потым верш, далей праграмны артыкул або вялікі палітычны агляд (напрыклад, агляд працы думы, агляд выбараў і г. д.), далей ўрывац з літаратурнага твора, затым ідуць журналісцкія

нататкі, мясцовыя навіны, навіны імперыі, замежныя навіны, у канцы час ад часу публікуецца навукова-папулярны артыкул і/або аб'явы. З гэтай структуры, вядома, ёсць шмат выключэнняў, але збольшага яна выглядае так.

Да пэўнага часу нумары газеты выдаваліся ў межах 8 старонак. Далей (з 1-га нумару за 1909 год) яна крыху змяніла свой фармат. НН пачала выходзіла ўжо на 16 старонках і, што важна, з 4-га нумару пачала публікаваць аб'ёмныя артыкулы ці адрывкі вялікіх навуковых і публіцыстычных прац. Адною з такіх работ быў артыкул «Беларусы і іх нацыянальная адраджэнне» [2, с. 1–14]. У ім украінец Д. І. Дарашэнка паспрабаваў стварыць пэўную храналогію беларускага нацыянальнага руху, што ўключала ў сабе яго перадагісторыю і сучаснае на той момант становішча. Шмат увагі надаваў беларускай літаратуры. Гэта першы вялікі артыкул, амаль на ўвесь нумар у гісторыі «Нашай нівы». Рэцэнзент і адначасова перакладчык названай работы на беларускую мову Я. Журба піша аб ёй так: «Вельмі цікавяцца беларусамі нашы браты украінцы. Кніжка Дарашэнкі дае кароткі нарыс гісторыі беларусаў і стараецца вытлумачыць, як пачалося адраджэнне нашага народу. Дарашэнка піша і аб нашай паэзіі, але разбірае больш творы трох паэтоў: Марцінкевіча, Верыгі-Дарэўскага і Янука Купалы. Шкада, што трохі мала напісана тутак аб песьнях Багушэвічу, Неслухоўскім і Коласе, якія вельмі збагацілі беларускую поэзію сваімі творамі; напрыклад, Якуб Колас, чалавек яшчэ зусім малады, ужо паказаў, што імя яго ў гісторыі літаратуры займе належнае яму месца, – а тым часам аб ім сказана два-тры словы, і таму аб Коласе трэба было-б напісаць ешчэ асобна» [2, с. 1–2].

У выніку можна сказаць, што акцэнт увагі НН амаль заўсёды быў зафіксаваны або на аглядзе палітычнай сітуацыі за тыдзень (ці два тыдні), або на аналізе думскай палітыкі. У 1907 годзе з'явілася ўстойлівая рубрыка «У Думе і каля Думы», дзе аналізавалася дзейнасць думы, яе фракцыі, выступленні дэпутатаў. Падавалася гэта, канешне, разам са сваім асаблівым меркаваннем па ўсяму, што адбылося. Відавочна, што палітычныя правы былі для нашаніўцаў аднымі з самых важных. У агульным стаўленне да Дзяржаўнай Думы было станоўчым. Балюча ўспрымаліся яе разгоны. Пасля выбараў у Трэцюю Дзяржаўную Думу на старонках газеты нават выказвалі расчараванне, што «1-я Дума – народнага гневу, 2-я Дума – мужыцкая, 3-я Дума – памешчыцкая». Тым не менш, фокус увагі выдання на палітыцы ва ўсіх яе праявах заўсёды заставаўся моцным.

Літаратура і крыніцы

1. Наша Ніва. – 1906. – № 1. – 8 с. – URL: https://knihi.com/none/Nasa_Niva_zip.html (дата звароту: 01.11.2024).

ВЫДАТНЫ ТВОРЦА БЕЛАРУСКАЙ ЭСТЭТЫКІ

В. А. Салееў

20-я гады XX стагоддзя сталіся унікальным часам для развіцця нацыянальных культур многіх краін былой Расійскай імперыі.

Вялікая Кастрычніцкая рэвалюцыя адчыніла для многіх народаў шляхі для свабоднай творчасці.

Сярод іх быў і беларускі народ, хаця з пачатку 20-х гадоў ён быў штучна падзелены, згодна з усталяваным Рыжскім дагаворам (пасля савецка-польскай вайны) на дзве часткі.

Але і ў Заходняй Беларусі з'явіліся таленавітыя пісьменнікі, публіцысты і філосафы (У. Самойла, Ф. Аляхновіч, У. Канчэўскі), якія ўзбагацілі беларускую культуру, у тым ліку і яе тонкую і неабходную частку – эстэтыку.

Што датычыцца Савецкай Беларусі, то ў 20-я гады (перш за ўсё ў перыяд т. з. «беларусізацыі» з 1920 – па 1928 год) у ёй здарыўся сапраўдны «сейсмічны выбух» і ў сэнсе арганізацыі высокіх інстытутаў культуры і ў плане навукі. Паслядоўнае стварэнне ўніверсітэта (БДУ – 1921 г.), Інбелкульт, ператвораны ў 1929 г. у Акадэмію навук садзейнічалі развіццю вышэйшых духоўных вяршынь у культуры маладой рэспублікі.

Менавіта даследаванні ў галіне эстэтыкі ўпершыню пачаліся ў Белдзяржуніверсітэце. І гэтыя даследванні пачаў Я. І. Барычэўскі. Аб ім былі згадкі ў працах выбітнага гісторыка эстэтыкі Беларусі У. М. Конана, так і пазней. Але гэта былі кароткія паведамленні ў некалькі абзацаў. Так, у працы 1978 года У. Конан памячае: у працы «Аб прыродзе эстэтычнага суджэння» (1923 г.) Я. Барычэўскі імкнуўся пераадолець суб'ектывістскую аднабаковасць кантаўскай «Крытыкі здольнасці суджэння», даказваў, што адноснасць эстэтычных густаў, паняццяў і суджэнняў абумоўлена «характарам светапогляда» [1, с. 17].

Ды і аўтар гэтых радкоў у сваёй манаграфіі 1979, таксама толькі згадвае спробу Я. Барычэўскага вырашыць праблему эстэтычных катэгорый, прысвячаючы творчасці беларускага эстэтыка ўсяго некалькі радкоў [2, с. 91].

Гісторыя неаднаразова адзначала, што творчасць не толькі мастакоў, але і вучоных калісьці пазабытая, можа ўзнаўляцца на новым узроўні, калі ўзнікае ў іх патрэба і яны адпавядаюць часу і духу сучаснасці, гэта тычыцца і творчасці Я. Барычэўскага, якая, пры пільным і аб'ектыўным падыходзе прадстаўляецца выдатным дасягненнем беларускай эстэтыкі, якая не мае параўнання ажно да 70-х гадоў XX стагоддзя.

У «Энцыклапедыі літаратуры і мастацтва Беларусі» нам прадстаўляюць Яўгена Барычэўскага ў якасці літаратурнага крытыка. Гэта не зусім так. Зразумела, што ў спадчыне Я. Барычэўскага шмат твораў, якія так ці інакш закранаюць праблемы літаратуры паколькі ў 20–30-х гадах ён актыўна выступаў у перыядычным друку ў якасці літаратурнага крытыка (пасля стварэння Акадэміі навук БССР ён працаваў навуковым супрацоўнікам у Інстытуце літаратуры і мастацтва Акадэміі).

Але ягоныя творы яскрава сведчаць, што ён належыў перш за ўсё эстэтыцы. Пры тым вельмі высокага, сапраўды еўрапейскага класа. І як інакш ацэньваць мысляра, калі ён у сваім творы «Аб прыродзе эстэтычнага суджэння» (Мінск, 1923) вядзе амаль на роўных спрэчку з самім І. Кантам?

Зразумела, тут мы маем мноства фактараў і перш за ўсё фундаментальнасць адукацыі, якую атрымаў ураджэнец Мінска (Я. Барычэўскі спачатку вучыўся ў Берлінскім, а потым у Маскоўскім універсітэце, які скончыў у 1910 г.). Вяртаючыся да галоўнай праблематыкі першага філасофска-эстэтычнага твора Я. Барычэўскага заўважаем, што беларускі эстэтык адразу ж уступае ў палеміку з І. Кантам, па праблеме эстэтычнага (мастацкага) густу. Апошні, згодна з пастулатамі І. Канта, з’яўляецца прыроджаным, і таму, суджэнні, якія заснаваны на праяўленні густу прынцыпова суб’ектыўныя, спрэчка аб іх бяссэнсоўна. Барычэўскі падкрэслівае, што аб густах у жыцці людзі не спрачаюцца («...спрэчка аб тым, наколькі тая ці іншая страва немагчымая»), але «аб каштоўнасці мастацкіх твораў мы спрачаемся на кожным кроку». Барацьба класаў, пакаленняў, асобных індывідуальнасцяў адлюстроўваецца ў гэтых спрэчках. Мы вядзем гаворку аб дрэнным і добрым гусце. Развіццё мастацкага густу ставім адной з задач сацыяльнага выхавання [3, с. 2]. Я. Барычэўскі абгрунтоўвае неабходнасць дыскурсу аб прыродзе эстэтычнага суджэння, але гэтае абмеркаванне, па думцы беларускага эстэтыка, не можа быць «чыста лагічным» таму, што суджэнне звязана з асалодай і асабістым густам. Аднак, аддавая належную пачуццёваму, беларускі эстэтык пастуліруе розніцу паміж «чыстым» геданізмам і эстэтычнай асалодай: «Эстэтычная асалода адпраўляецца не ад адчування, а ад сузірання, і ў адрозненне ад геданістычнага суджэння, звязанае не з рэальнасцю прадмета, а толькі з яго ідэальным вобразам» [3, с. 3].

Тут узнікае праблема філасофскай метадалогіі: сузіральны характар эстэтычнай асалоды дае падставу абодвум філосафам (Канту і Барычэўскаму) устанавіць некаторую роднасць паміж эстэтычным і лагічным суджэннямі. Праблема змяшчае ў сябе ідэю агульнасці. Лагічнае суджэнне аўтаматычна ўладае гэтай якасцю, паколькі ёсць вынік пазнання праз паняцце аб аб’екце. Але і эстэтычнае суджэнне ўладае ўсеагульнасцю. І Кант, і Барычэўскі прызнаюць прыроду гэтай усеагульнасці суб’ектыўнай, але Я. Барычэўскі сцвярджае, што яна мае адносіны, толькі да пачатку пачуцця асалоды, якое выклікаецца дадзеным

аб'ектам [3, с. 4].

І яшчэ адзін важны бок процістаяння Я. Барычэўскага пазіцыі класіка нямецкай філасофіі. Гэта праблема спрэчкі. Па Канту і па выяўленнях эстэтычнага густу і па эстэтычных суджэннях спрэчкі не можа быць. А беларускі эстэтык упэўнена сцвярджае: аб эстэтычных суджэннях мы спрачаемся [3, с. 8].

Для спрэчкі неабходна мець нейкую нарматыўную аснову; акрамя гэтага Я. Барычэўскі імкнецца прадставіць апаненту ў спрэчцы «...аналіз твора (лагічны элемент спрэчкі) і жыва выявіць сваё перажыванне (эмацыянальны элемент спрэчкі), прымусіць паглядзець на твор тымі ж вачыма, якімі бачу яго я» [3, с. 8].

Суразмовец будзе сцвярджаць, – разважае далей філосаф, – што аналіз зроблены мной самавольна. Такім чынам «спрэчка, якая вядзецца ў гэтай плоскасці, ёсць спрэчка розных разуменняў». Аднак не толькі розніца разуменняў, але і розніца патрабаванняў да таго што суразмоўцы прызнаюць эстэтычна-каштоўнымі, наяўна, сказваецца ў спрэчцы. Калі разыходжанне апанентаў знаходзіцца не ў розніца разуменняў, а ў розніцы патрабаванняў, то за гэтым стаяць эстэтычныя каштоўнасці і сістэма эстэтычных норм. Аднак эстэтычныя нормы адрозніваюцца ад норм лагічнай і этычнай. «Асновай эстэтычнага суджэння з'яўляецца пачуццё асалоды. Але ўсялякая норма змяшчае ў сябе элемент прымусовасці. Прымусовая ж асалода ёсць паняццё абсурднае» [3, с. 8]. І беларускі філосаф на фоне гэтага разважання робіць канструктыўную выснову, якая зберагае значнасць і ў наш час. Паколькі «каштоўнасць нашых эмоцый не можа быць перададзена шляхам лагічным, эстэтычныя суджэнні на непасрэднае перажыванне. Таму задача эстэтычнай спрэчкі – зруйнаваць непасрэднае перажыванне суразмоўца і загадаць шлях да іншага ўспрыняцця аб'екта» [3, с. 9].

Напрыканцы свайго невялікага па аб'ёму, але вельмі значнага твору, Я. Барычэўскі пастуліруе 3 тыпы эстэтычных ацэнак. Першы тып тычыцца да аб'ектыўнага значэння мастака, альбо твора мастацтва. Другі тып ацэнкі вылучае «любімыя» творы, хаця і саступаючы па свайму аб'ектыўнаму значэнню іншым – «вялікім». У трэцім тыпе эстэтычнага суджэння навуковае і мастацкае, па думцы Я. Барычэўскага, ураўнаважваюць у ім адзін аднаго, ён прызначаны пераадольваць непазбежную аднабаковасць двух іншых тыпаў.

Невялікі па памеры эстэтычны трактат Яўгена Барычэўскага вельмі значны і знамянальны для развіцця беларускай эстэтычнай думкі. Ён з'явіўся, па сутнасці, першай спробай філасофскай эстэтыкі (пасля намаганняў беларускіх філосафаў у галіне эстэтыкі у XVIII ст.) у XX стагоддзі, і ў гэтым сэнсе Я. Барычэўскага трэба лічыць наступнікам беларускай філасофскай традыцыі. А сам тэкст трактата яскрава сведчыць аб тым, што ягоны аўтар не толькі знаходзіўся на належным філасофскім

узроўні свайго часу, але і аб тым, што шматлікія ідэі беларускага эстэтыка былі накіраваны на будучыню, і атрымалі цягам XX стагоддзя новае развіццё. Яўген Барычэўскі не ў якой ступені не нагадваў вобраз эстэтыка, які замыкаецца ў «вежы са слонавай косці». Ён актыўна выкарыстоўваў свае моцныя эстэтычныя веды і ў практычнай галіне, асабліва ў найбольш блізкімі да ягонай творчасці сферамі, якімі з'яўляліся літаратуразнаўства і літаратурная крытыка. У гэтым плане ўвагу выклікаюць дзве работы Я. І. Барычэўскага, пазначаныя 1927 годам. Гэта, перш за ўсё, невялікая кніжка «Тэорыя санэту» і даволі аб'ёмістае «Паэтыка літаратурных жанраў». Трэба пазначыць, што падобная праблематыка ў першыню з'яўлялася ў беларускай эстэтычнай і літаратуразнаўчай літаратуры, таму гэтыя навуковыя творы Я. Барычэўскага, безумоўна можна лічыць наватарскімі. Узорам літаратурна-крытычнай працы Я. І. Барычэўскага можа служыць ягоны навуковы аналіз творчасці А. Гаруна «Матчын дар», надрукаваны ў часопісе «Узвышша» (№ 2 (8), 1928 г.). І ў цэлым – творчасць Я. Барычэўскага азначае вышэйшы ўзлёт беларускай філасофскай эстэтыкі ў палымныя 20-я гады XX стагоддзя.

Літаратура і крыніцы

1. Конон, В. М. Эстетическая мысль Советской Белоруссии (основные этапы становления и развития) / В. М. Конон. – Минск : Наука и техника, 1978. – 110 с.
2. Салеев, В. А. Современная эстетика Белоруссии / В. А. Салеев. – Минск : Вышэйшая школа, 1979. – 224 с.
3. Боричевский, Е. Н. О природе эстетического суждения / Е. Н. Боричевский. – Минск : Белтрестпечать, 1923. – 12 с.

УНИКАЛЬНОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ ЕЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Н. Г. Севостьянова

География, история и культура страны глубинно определяют национальное самосознание и философию населяющего ее народа. «Белорусский народ как уникальная историческая общность» «осознает свою принадлежность к уникальной поликонфессиональной восточнославянской цивилизации» [1, с. 2]. В этой связи отечественная философия рассматривается как восточнославянская, по преимуществу русскоязычная философия, которая включает в себя белорусскую, самобытную русскую и российскую философию; как уникальный феномен, сформировавшийся на пересечении западноевропейской, восточнославянской и евразийской интеллектуальных традиций. «Под русской философией в широком смысле понимается вся совокупность философских идей, образов, концепций отечественной культуры»

[2, с. 130].

Изучение многомерной, уникальной отечественной философии предполагает знание исторических форм белорусской и русской государственности, их воплощений в интеллектуальной культуре; осмысление этноконфессионального многообразия и традиционных духовно-нравственных ценностей. В то же время угроза их деформации, необходимость «защиты от деструктивной идейной и ценностной экспансии» [1, с. 2] актуализируют изучение национальной философии. Ее становление и развитие детерминировано многими факторами.

Во-первых, географическими, которые раскрывают восточно-западную уникальность отечественной философии. «Расположение на стыке двух цивилизаций – между Востоком и Западом» [1, с. 3], Европой и Азией, в центре Европы, в Евразии, определило промежуточный статус славянства, его пограничную, переходную культуру. «Славянство оказалось неразрывно связанным с цивилизационными полюсами мира, отсюда все изгибы и зигзаги его истории, особый драматизм его судьбы» [2, с. 449]. Несмотря на то, что «славянство есть термин одного порядка с эллинизмом, латинством, европеизмом» (Н. Я. Данилевский).

Отечественная философия рассматривается в методологии Восток–Запад как философия «пограничья», а «местоположение» восточных славян – как «мост», «буфер», «коридор», «внешний периметр безопасности западной Европы», «восточный вал», разделяющий Союзное государство Беларуси и России и Европейский союз. Из этого следуют различные версии о характере отечественной философии. Она рассматривается либо как результат «столкновения», конфликта, «поле битвы» восточных и западных мировоззренческих систем; либо как их возможный «синтез» или даже «симбиоз»; либо как рецептивная по существу, без признаков оригинальности.

Получила известность и так называемая «диффузная модель» развития философии в Беларуси, которая сообщает о распространении идей Запада от центра к периферии, о белорусском западничестве как более глубоком по сравнению с российским по причине непосредственного пограничья. Даже в русской философии белорусскую философию, в особенности «золотого века» ее развития, называют «западнорусской духовностью». Российская философия, в советское время называемая марксистско-ленинской философией, также имеет западную природу. Но учения белорусских и русских западников – представителей всех направлений западноевропейской философии – лишь подтверждают уникальность отечественной мысли. Несмотря на исконную русофобию Запада, национальная философия всегда несла в себе признание его интеллектуальных достижений. Сегодня европоцентризм и прогрессизм вызывают критику, «идолопоклонство» перед Западом преодолевается, и доказано, что цивилизованность неправомерно отождествлять с одним

лишь Западом. «Россия есть великий и цельный Востоко-Запад по замыслу Божьему» (Н. А. Бердяев).

Век тому назад, в 1921 г. в г. Вильно было опубликовано под псевдонимом *І. Абдзіраловіч* философское эссе Игната Владимировича Кончевского (1896–1923) «Извечным путем: Очерки белорусского мировоззрения». Эта небольшая по объему работа получила широкую известность. Автор принадлежал вильнюсской школе истории, политической партии эсеров и был защитником украинского национального движения. Вместе с тем, в своей работе И. Абдиралович раскрыл драматизм исторической судьбы белорусов, их стремление сохранить независимость своего духа. Философское эссе состоит из четырех частей, и в части первой – Беларусь между Западом и Востоком – раскрыта история колебаний национального самосознания белорусов, живущих на границе между Западом и Востоком. И. Абдиралович отмечает, что «в истории белорусов была большая трагедия народного духа, которую выпало пережить только двум-трем европейским народам, Беларусь с X века и до сих пор фактически является полем борьбы двух направлений европейской культуры – восточного и западного» [3].

«Колебания между Западом и Востоком и искреннее неприятие того и другого – главная черта истории белорусского народа. Пример Скорины, о котором до сих пор неизвестно, кем он был, католиком или православным, а наверняка и тем и другим, отражает этот феномен белорусского духа в индивидуальности, в душе нашего первого интеллигента... Над нами довлеет мрачное предостережение Скорины: "Ищите на востоке и на западе!"» [3]. К слову, в учебном пособии по философии сказано, что «Ф. Скорина гармонично соединял две ветви культуры – восточную, византийскую, и западную, латинскую, с духовными ориентациями родной для него культуры» [2, с. 185].

Во-вторых, уникальность отечественной философии определена ее восточнославянской и евразийской историей. В самобытной русской философии славянофильство развивалась как «русское воззрение», «самобытничество», «православно-русское», «славяно-христианское», несхожее с западным. Идеолог панславизма Н. Я. Данилевский (1822–1885) разработал теорию культурно-исторических типов, имеющих существенными параметрами экономику, политику, культуру, религию. Обосновал культурно-историческое единство славянских народов. Считал, что славянский тип ярче всего выражен в русском народе, а борьба с Западом – единственная спасительная задача русской политики.

Русофил К. Н. Леонтьев (1831–1891) предрекал высокую миссию России по созданию русско-азиатской цивилизации. Полагал, что Россия с ее принципами «византизма» (самодержавие, православие и нравственный идеал разочарования во всем земном) наследовала погибающую европейскую культуру. Но далее византизм воспитал русский царизм, дал

силы перенести татарский погром, выстоять в борьбе с врагами. Философ «перенес» славянофильскую оппозицию России и Запада в русло евразийства как взаимодействия России и Востока. В дальнейшем евразийцы, в отличие от славянофилов, акцентировали не восточный, а «туранский» элемент русской культуры, положительную роль монголо-татарского ига в сохранении православия, которое, в силу «языческой толерантности», интегрирует и ассимилирует существующие на территории Евразии вероисповедания.

Самобытная философия русской истории «последнего евразийца» Л. Н. Гумилева (1912–1992) сообщает, в частности, что евразийские народы строили общую государственность, исходя из принципа первичности прав каждого народа на определенный образ жизни. На Руси этот принцип воплотился в концепции соборности. Отечественная философия сформировалась на пересечении православно-византийского, западноевропейского и степного тюрко-монгольского миров. Именно этот синтез обусловил уникальность отечественного культурно-исторического пространства.

В-третьих, уникальность отечественной философии определяется ее традиционными духовно-нравственными ценностями. По сути своей моральная, смысложизненная, экофильная, самобытная русская философия отличается православным мировоззрением и соборностью, историософией и мессианством. Содержит идеалы патриотизма и справедливости, семьи и государства, моральные и художественные ценности. Ей свойственны литературоцентризм, академическая форма самовыражения, эпистолярная и трактатная традиции, творческий характер заимствований идей западных философов и «новомыслие» [4]. Русская философия означает соборную мысль как выражение коллективного единства, основанного не на рациональном договоре, а на духовном согласии. Соборность напрямую связана с православной традицией, но отражает также влияние степных азиатских моделей общественного устройства. Ф. М. Достоевский и В. С. Соловьев видели в соборности путь к духовному спасению России. Л. Н. Гумилев рассматривал соборность как отражение пассионарности русского этноса. Сегодня нередко утверждается, что восточнославянская соборность – не архаичное явление, а альтернативная форма социального устройства, способная конкурировать с западным либерализмом.

Духовная культура Беларуси отмечена поликонфессиональностью, различными версиями антитринитаризма и свободомыслия по причине ее пограничного центрально-европейского характера. На белорусских землях исторически сложилось этноконфессиональное многообразие. Веротерпимость, двуязычие, мирное сосуществование представителей всех конфессий и этнических групп стали важнейшими условиями единства и согласия в современном белорусском обществе. Уникальность философии Беларуси выражается также в ее прагматизме, реалистичности и

практичности, соборности и критическом рационализме. В особенности взаимодействие целей и ценностей духовных культур белорусского и русского народов показывает, что «только на фундаменте своей истории, географии и культуры можно сохранить себя и найти свое место в современной геоструктуре мира» [2, с. 473].

Литература и источники

1. Директива Президента Республики Беларусь от 9 апр. 2025 г. № 12 : «Основы идеологии белорусского государства». – 5 с.
2. Философия : учебное пособие / Под ред. О. А. Романова, Ч. С. Кирвеля. – Минск : РИВШ, 2024. – 644 с.
3. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам : Дасьледзіны беларускага сьветагляду / І. Абдзіраловіч ; прадмова С. Дубаўца. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 44 с.
4. Севостьянова, Н. Г. Русская философия: основные вехи развития / Н. Г. Севостьянова. – Минск : МГЛУ, 2019. – 308 с.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: РЕАКЦИЯ НА ВЫЗОВЫ ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ФИЛОСОФИИ В. Ф. ОДОЕВСКОГО

Т. Ю. Сидорина

Доклад посвящен социальной мифологии В. Ф. Одоевского, в которой философ обращается к вопросам сохранения традиционных ценностей человека: добра, истины, справедливости – в условиях трансформации общества, науки, морали. В своих работах В. Ф. Одоевский обращается к противопоставлению технического и поэтического как векторов социального развития, что представляет особенный интерес в современных условиях формирования технического общества и технологической перспективы. Одоевского волнует вопрос: какое будущее ждет человека, сохранится ли в нем то, что на протяжении столетий признавалось безусловно ценным – личное достоинство, свобода? Признавая значение технического прогресса, достижения механики и техники, Одоевский видит опасность, которая таится в механицизме и рассудочном знании. Этой опасностью станет утрата целостности, распад и опустошение, которые постигнут мир, переживший кризис культуры и гуманизма. Обращаясь к творчеству мыслителя, мы прослеживаем тенденции в рефлексии о технике с философских позиций, а также в единстве с поэтическим и музыкальным.

СТАНАЎЛЕННЕ НАЦЫЯНАЛЬнай САМАСВЯДОМАСЦІ БЕЛАРУСКАГА НАРОДА Ў АДЛЮСТРАВАННІ АЙЧЫННАЙ ДУМКІ X – XVII СТСТ.

В. У. Старасценка

Звяртанне да гісторыі станаўлення нацыянальнай самасвядомасці ў X – XVII стст. асабліва значна, паколькі ў гэты час у духоўным жыцці беларускага народа фармаваліся ідэі патрыятызму, нацыянальна-рэлігійнай свабоды, дзяржаўнага суверэнітэту, самакаштоўнасці народнай культуры, гісторыі, роднай мовы; чалавечай і нацыянальнай годнасці, вяршэнства закону, рэлігійнай, інтэлектуальнай і духоўна-культурнай цягнёмасці, прадуктыўнасці сінтэзу ўсходніх і заходніх каштоўнасцей, славянскага духоўнага яднання і да т. п. Асноўнымі этапамі гэтага працэсу, зафіксаванага ў помніках айчыннай думкі, з'яўляюцца перыяды: 1) Старажытнай Русі, X – першая палова XIII стст.; 2) складання беларускай народнасці, дзяржаўнасці і культуры ў складзе ВКЛ, другая палова XIII – XV стст.; 3) Адраджэння і Рэфармацыі, найперш XVI ст.; 4) Кантррэфармацыі і ўвядзення царкоўнай уніі, канец XVI – XVII стст.

У перыяд Старажытнай Русі зараджаюцца спецыфічныя светапоглядныя элементы протабеларускага этнасу. У грамадска-палітычнай самасвядомасці прысутнічаюць дзве тэндэнцыі: кансалідацыі, якая базуецца на імкненні да захавання этнакультурнага, рэлігійнага і палітычнага адзінства, і дыферэнцыяцыі, якая з'яўляецца вынікам узнікнення і развіцця рэгіянальна-ментальных асаблівасцяў, палітычнага размежавання земляў Русі. У выніку, канкрэтна-гістарычныя кампаненты самасвядомасці эпохі маюць супярэчлівы характар. Аднак менавіта ў гэтай супярэчнасці закладзена аснова далейшага развіцця. У прыватнасці, ідэі «агульнарускага» адзінства і рэгіянальна-княжацкага сепаратызму, духоўнай агульнасці і культурнай спецыфікі ў дыялектычным сінтэзе трансфармуюцца ў ідэі дзяржаўна-этнічнага патрыятызму і каштоўнасці нацыянальнай культуры, а ў далейшым – дзяржаўнай і нацыянальна-культурнай самастойнасці.

У другім перыядзе ў нацыянальнай самасвядомасці фарміруюцца дзве асноўныя ідэі – дзяржаўнага і нацыянальна-культурнага суверэнітэту. Адлюстроўваючы спецыфіку гістарычнага развіцця грамадства, нараўне з традыцыйнымі, феадальна-карпаратыўнымі духоўнымі ідэаламі ў самасвядомасці народа сцвярджаюцца ідэі рэлігійнага плюралізму, нацыянальна-культурнага патрыятызму, палітычнага лібералізму (законапраўя, правоў саслоўна інтэграванага грамадзяніна і інш.).

У трэцім перыядзе пад уплывам айчыннай і еўрапейскай рэнесансна-гуманістычнай і рэфармацыйнай думкі ідэі палітычнага суверэнітэту, вяршэнства закона, правоў і свабод, верацягнёмасці, грамадзянскасці,

сінтэзу цывілізацыйных дасягненняў Усходу і Захаду і іншыя замацоўваюцца ў самасвядомасці адукаванай і прагрэсіўна думачай феадальнай эліты, духавенства, мяшчанства. Класічным выразнікам беларускай нацыянальнай самасвядомасці гэтай эпохі з’яўляецца Ф. Скарына. Ім і яго сучаснікамі і паслядоўнікамі (М. Гусоўскім, В. Цяпінскім, С. Будным, А. Валовічам, Л. Сапегам і інш.) сфармуляваны фундаментальныя каштоўнасці індывідуальнага і грамадскага быцця беларусаў, у склад якіх акрамя вышэйназваных уваходзяць гуманізаваная вера, інтэлектуалізм, высокая маральнасць і патрыятызм, які даходзіць да гатоўнасці да самаахвяравання, мова і культура народа, служэнне «агульнаму дабру», каштоўнасць прыроднага асяроддзя і інш. Нараўне з ярка выяўленай нацыянальнай тэндэнцыяй, актуальнай па-ранейшаму застаецца ідэя генетычнага сваяцтва і гістарычнай супольнасці са славянскім светам і яго культурай.

Характэрнай рысай грамадскага жыцця і нацыянальнай самасвядомасці беларускага народа з’яўлялася талерантнасць, якая дасягнула свайго апагею ў другой палове XVI стагоддзя і адыграла вялікую ролю ў кансалідацыі рознарэлігійнай і этнічна неаднароднай беларуска-ўкраінска-літоўскай грамадзянскай супольнасці, канструктыўным дыялогу Усходу і Захаду.

На працягу чацвёртага перыяду ў канцы XVI – XVII стст. у сувязі з актывізацыяй Контррэфармацыі, гвалтоўным увядзеннем Брэсцкай царкоўнай уніі, вайной 1654–1667 гг. асаблівую грамадскую актуальнасць набывае праблема абароны рэлігійнай, духоўна-культурнай і палітычнай свабоды. У перыядзе вылучаецца два этапы: 1) канец XVI – 20-я гг. XVII ст. і 2) 30–90 гг. XVII ст.

Самасвядомасць першага этапа абумоўлена рэзкім абвастрэннем канфесійнага супрацьстаяння ў сувязі з грамадскай барацьбой і рэлігійна-ідэалагічнай палемікай вакол уніі. Прагрэсуе працэс раздвойвання самасвядомасці на аснове ўніяцкай і антыўніяцкай пазіцый. Кожны з ідэйных бакоў імкнецца прадставіць сваё разуменне рэлігійна-канфесійнага ўладкавання грамадства, гісторыі, духоўна-культурных традыцый народа, адносін з іншаверцамі і іншадумцамі, прычым у саміх канфесійна аднастайных супольнасцях не назіраецца ідэйнага аднадумства. Грамадска-рэлігійны канфлікт на дадзеным этапе дасягае сваёй вышэйшай кропкі, і ў свядомасці найбольш дальнабачных беларускіх і ўкраінскіх царкоўных і дзяржаўных дзеячаў усё больш сцвярджаецца думка аб неабходнасці кампрамісу.

Гэтая акалічнасць абумовіла другі этап у развіцці нацыянальнай самасвядомасці дадзенага перыяду. На дзяржаўным узроўні распрацоўваецца план грамадска-рэлігійнай згоды (1632–1635). Ліберальнай і прагрэсіўна думачай праваслаўнай элітай ажыццяўляецца пошук новай стратэгіі сацыяльна-рэлігійных паводзін, у якой робіцца ўпор

не на канфрантацыю, а на духоўную асвету і здараўленне грамадства, адукацыю, развіццё нацыянальнай культуры. Ва ўніяцтве нараўне з тэндэнцыяй лацінізацыі-паланізацыі выяўляецца тэндэнцыя развіцця нацыянальна арыентаванай культуры і светапогляду. Дыскрымінацыйная палітыка ўрада Рэчы Паспалітай у адносінах да праваслаўнага насельніцтва справакавала развіццё ў нацыянальнай самасвядомасці ідэі палітычнай інтэграцыі з Расіяй. Аднак вайна 1654–1667 гг. істотна падарвала гэтую ідэю і прыярытэтнай працягвала заставацца думка аб дзяржаўнай самастойнасці і царкоўнай аўтаноміі.

Станаўленне нацыянальнай самасвядомасці атрымала адлюстраванне ў самаідэнтыфікацыі беларусаў, якая эвалюцыянуе ад лакальна-зямляцкіх азначэнняў да вызначэнняў агульнадзяржаўных і агульнанацыянальных. Паступова ў нацыянальнай самасвядомасці на аснове «рускай» этнапалітоніміі складалася паняцце «Белая Русь». Не пазней за XIV ст. гэта назва стала ўжывацца ў адносінах да Усходняй Беларусі, такое абазначэнне Полацка-Віцебска-Аршанска-Мсціслаўска-Магілёўскіх зямель становіцца ўстойлівым з канца XVI – першай паловы XVII ст. У гэты перыяд пачынае выкарыстоўвацца і этнікон «беларусцы». Папулярнасць гэтага паняцця звязана з ростам нацыянальнай самасвядомасці беларусаў ва ўмовах жорсткай барацьбы за захаванне палітычнай, нацыянальна-культурнай і рэлігійнай свабоды, што яскрава праявілася найперш ва ўсходняй частцы Беларусі, на Віцебшчыне, Магілёўшчыне, Аршаншчыне, Полаччыне. Дадзеная акалічнасць спрыяла актыўнаму пранікненню гэтай народнай саманазвы ў літаратурныя помнікі, афіцыйныя дакументы. Другой перадумовай узнікнення вызначэння «беларусцы» ў памежнай беларуска-рускай зоне выступала, відаць, імкненне да этнапалітанімічнага дыстанцыявання «рускіх» ВКЛ і «рускіх» Маскоўскай дзяржавы.

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

М. А. Филипчик

В современном глобализирующем мире особо остро встает вопрос о сохранении национальной идентичности. Глобализация формирует общее социокультурное поле, характеризующееся широким обменом в сфере политики, экономики и искусства.

Особенно заметно влияние этого процесса на культуру: исчезают границы между разными национальными традициями, ослабевают устоявшиеся обычаи. Прослеживается стремление к единообразию в образе жизни, манерах и мировоззрении. В речи всё чаще встречаются иностранные слова и конструкции, что угрожает веками сложившемуся языковому своеобразию народов. Появляется концепция универсального

культурного пространства.

Ключевую роль в распространении универсального культурного пространства играют крупные медиахолдинги, владеющие источниками информации, и международные корпорации со своими разветвлёнными производствами. Развитие всемирных коммуникаций привело к созданию единого рынка, где борьба идёт за превосходство не столько продукции, сколько убеждений, мировоззрений и взглядов. Транснациональные компании продвигают во всём мире определённые нормы, образы и идеи, стимулируя возникновение подчинённых желаний, что упрощает продажу конкретных продуктов и предложений потребителям [1, с. 94].

Наиболее восприимчивы к этим изменениям молодые люди – будущая надежда государства. Поэтому важно создавать и развивать связь между поколениями, которая будет способствовать сохранению национальной идентичности, сохранению и передаче исторической правды, культурных норм, устоев и самобытности народа. Любовь к Родине – важнейшая основа для сохранения национально-культурной идентичности. Воспитывать патриотизм необходимо с самого детства: сохранять и передавать память о титаническом героизме предков, воспитывать гордость за свершения и достижения, воспитывать уважение к символам родной страны, способствовать сохранению традиционных семейных ценностей [2, с. 70].

Формирование чувства собственной национальной идентичности неразрывно связано и с осознанием своей причастности к конкретной культурной традиции. Социокультурная идентичность – ключевой признак любой социальной общности, входящей в состав нации. Чувство принадлежности к конкретной социальной группе и культурной среде укрепляет личность, упрощает понимание различных жизненных обстоятельств согласно общепринятым нормам, формирует ощущение стабильности и поддержки. Развитая социокультурная идентичность способствует выходу из сложных периодов как в личной жизни, так и в обществе, и, таким образом, оказывает значительное влияние на прогресс государства и его дальнейшее становление [3, с. 207].

Поэтому важно поддерживать развитие как персональной идентичности, понимания своего места в социуме, так и коллективной идентичности, вовлеченности в совместные общественные проекты, готовности к взаимопомощи в достижении общих созидательных целей.

Современная глобализация, затронувшая практически все сферы жизни общества, представляет собой многогранный и неоднозначный процесс. Он обусловлен развитием человеческой цивилизации и ведет к усилению взаимосвязанности различных культур, обществ и государств. Однако этот же процесс может оказывать влияние на утрату самобытности, традиционных взглядов и культурного наследия народа, стирая границы между ними и приводя к унификации мира. Тем не менее,

существуют возможности для смягчения этих негативных тенденций, которые необходимо развивать, чтобы минимизировать недостатки глобализации и сохранять уникальность национального своеобразия.

Литература и источники

1. Лысак, И. В. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации / И. В. Лысак // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – № 4. – С. 91–95.
2. Вонсович, Л. В. Сохранение национально-культурной идентичности белорусского народа в условиях глобализации / Л. В. Вонсович // Феномен границы в глобализирующемся мире : сб. науч. статей Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 17 октября 2020 г. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. – С. 69–71.
3. Степанюк, В. К. Проблема национально-культурной идентичности белорусов в условиях глобализирующегося мира / В. К. Степанюк // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Сер. : Гуманитарные науки. – 2011. – № 5 (68). – С. 205–210.

Раздел 2 СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ЗНАНИЕ В ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНТЕКСТАХ

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И РЫНОК ТРУДА: ОПЫТ НОВОГО УЗБЕКИСТАНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

С. У. Абдуллаев

В мире проводится множество социологических исследований, направленных на обеспечение занятости населения и снижение безработицы. Эти исследования способствуют освещению процессов социального и экономического развития. В частности, изучается влияние занятости на рынок труда, необходимость разработки стратегий по сокращению безработицы, а также то, каким образом создание рабочих мест влияет на социально-экономический рост.

Исследования, включающие интеграцию политики занятости и регулирования рынка труда, помогают определить эффективные методы снижения уровня безработицы и повышения благосостояния населения.

На основе оценки демографических процессов в мире принимаются важные решения по обеспечению занятости, созданию рабочих мест, планированию инфраструктуры, строительству, развитию системы образования и здравоохранения.

Согласно статистическим данным, сегодня на Земле проживает более 8 миллиардов человек, из которых 205,2 миллиона считаются безработными. Это на 11,2 миллиона меньше по сравнению с 2021 годом и на 30 миллионов меньше, чем в начале пандемии 2020 года. Однако по сравнению с докризисным периодом (2019 год) данный показатель на 13,3 миллиона выше. Это свидетельствует о том, что, несмотря на частичное восстановление утраченных рабочих мест в период пандемии, уровень безработицы остаётся выше, чем до неё.

В настоящее время в нашей стране проводится масштабная работа по совершенствованию системы профессионального образования и обеспечению занятости выпускников. В частности, внедряются меры по модернизации профессионального образования на основе передового зарубежного опыта, введены начальная, средняя и средне-специальная

ступени профессионального образования, что позволяет готовить квалифицированные и конкурентоспособные кадры для рынка труда. К этому процессу активно привлекаются работодатели.

Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев, говоря о «Новом Узбекистане» и «Третьем Ренессансе», отметил: *«Если мы поставили перед собой великую цель построить фундамент Третьего Ренессанса, мы должны создать условия и среду для воспитания новых Хорезмийцев, Беруниев, Ибн Сино, Улугбеков, Навои и Бабуров».*

Третий Ренессанс определил новые основы развития страны, что сегодня имеет особую актуальность. Изменение идеологии в обществе оказывает влияние на мировоззрение человека, его понимание своего места и роли в мире.

Для становления личности необходимо с детства овладевать знаниями и профессией. Наука и образование играют важную роль в духовном развитии человека и прогрессе общества. Следовательно, достоинство человека оценивается не его богатством, а знаниями и умениями.

Сегодня, когда говорят о нашей стране на международной арене, часто звучат слова «Новый Узбекистан» и «Третий Ренессанс». Это свидетельствует о том, что за последние девять лет страна вступила в принципиально новый этап развития и добилась значительных успехов во всех сферах.

Несмотря на сложную мировую ситуацию, экономика Узбекистана стабильно растёт темпами свыше 6%. За последние восемь лет валовой внутренний продукт удвоился и в прошлом году составил 115 миллиардов долларов, объём экспорта достиг 26 миллиардов долларов. За этот период количество малых и средних предприятий увеличилось вдвое, и сегодня в данном секторе трудятся более 10 миллионов человек. С начала текущего года занятость была обеспечена для 5 миллионов граждан. Только в этом году 700 тысяч наших соотечественников, ранее работавших за рубежом, вернулись в страну и к своим семьям.

Современный мир переживает стремительные изменения, обусловленные глобализацией, цифровизацией и трансформацией рынка труда. В этих условиях особое значение приобретает система профессионального образования, которая должна оперативно реагировать на новые вызовы и готовить специалистов, соответствующих требованиям времени. В Республике Узбекистан в последние годы предпринимаются масштабные реформы в сфере образования, направленные на создание конкурентоспособной и инновационно-ориентированной системы подготовки кадров. Данный процесс тесно связан с задачами повышения занятости выпускников, формирования интеллектуального потенциала и обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны.

Профессиональное образование в XXI веке характеризуется рядом

ключевых тенденций. Во-первых, усиливается интеграция образования и производства, что находит отражение в развитии дуального обучения. Во-вторых, возрастает роль цифровых технологий, дистанционного образования и онлайн-курсов. В-третьих, повышается внимание к формированию так называемых «мягких навыков» (soft skills), включающих коммуникативные, управленческие и креативные способности.

В Узбекистане профессиональное образование занимает особое место в системе реформ. Создаются новые профессиональные колледжи и техникумы, укрепляется взаимодействие с работодателями, внедряются современные образовательные стандарты. Президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёев неоднократно подчеркивал, что подготовка кадров должна соответствовать потребностям рынка труда и способствовать росту занятости молодежи.

Рынок труда Узбекистана в последние годы демонстрирует динамичное развитие. С одной стороны, создаются новые рабочие места в сфере промышленности, строительства, транспорта, логистики и информационных технологий. С другой стороны, сохраняется проблема несоответствия между спросом и предложением рабочей силы.

Рынок труда – задает требования к компетенциям выпускников, определяет структуру спроса и предложения.

Бизнес / работодатели – предоставляют рабочие места, участвуют в формировании практических навыков выпускников, развивают социальное партнерство.

Молодежь – является активным участником процесса занятости, определяет личные мотивации, карьерные стратегии и готовность к профессиональной адаптации.

Таким образом, занятость выпускников следует рассматривать как результат комплексного взаимодействия государства, системы образования, рынка труда, бизнеса и самой молодежи. Только при согласованной деятельности данных акторов возможно формирование устойчивого механизма занятости.

Занятость выпускников профессионального образования не является одномоментным процессом, а формируется как результат взаимодействия различных элементов социальной системы. В таблице 1 представлена модель социального механизма занятости, включающая ключевые структурные компоненты.

Таблица 1

Социальный механизм занятости выпускников	
Элемент системы	Содержание
Образование	Подготовка кадров в колледжах, техникумах и профессиональных школах
Производство	Практика и стажировка на предприятиях
Рынок труда	Спрос и предложение на рабочую силу
Переподготовка	Обучение новым профессиям, повышение квалификации
Работодатель	Непосредственное трудоустройство выпускников

- Образование является стартовой точкой, где молодежь получает базовые профессиональные знания и компетенции.
- Производство обеспечивает практическое закрепление знаний через стажировки, что формирует необходимые трудовые навыки.
- Рынок труда выступает связующим звеном, отражая потребности экономики и определяя уровень востребованности выпускников.
- Переподготовка позволяет адаптироваться к изменениям в технологиях и профессиях, сохраняя конкурентоспособность специалистов.
- Работодатель завершает данный цикл, обеспечивая реальное трудоустройство и интеграцию выпускников в профессиональное сообщество.

Каждый из элементов играет ключевую роль: образование формирует знания, производство закрепляет их на практике, рынок труда определяет востребованность, переподготовка обеспечивает адаптацию, а работодатель завершает процесс трудоустройства.

Таким образом, социальный механизм занятости представляет собой *динамичную систему*, где каждый элемент тесно взаимосвязан с другими. Нарушение одного из звеньев – будь то несоответствие образовательных программ, слабое взаимодействие с производством или низкий уровень профориентации – ведет к дисбалансу занятости молодежи.

Социологический анализ показал, что занятость выпускников профессионального образования является не только экономической, но и социальной категорией. Современный рынок труда предъявляет новые требования к выпускникам, что обуславливает необходимость постоянной адаптации образовательных программ, развития дуального обучения и укрепления взаимодействия с работодателями.

Международный опыт подтверждает: в развитых странах

приоритетное внимание уделяется дуальному образованию, консорциумам «образование – производство» и ранней профориентации молодежи. Применение этих подходов в Узбекистане позволит повысить уровень трудоустройства выпускников и сформировать более гибкую, конкурентоспособную систему профессионального образования.

Таким образом, профессиональное образование в Узбекистане проходит этап глубоких преобразований, направленных на формирование конкурентоспособных специалистов и снижение уровня безработицы. Для достижения поставленных целей необходимо:

1. Усилить практическую направленность образовательных программ;
2. Наладить системное сотрудничество с работодателями и развивать государственно-частное партнёрство;
3. Совершенствовать систему мониторинга потребностей рынка труда;
4. Повысить престиж рабочих профессий и стимулировать занятость молодёжи;
5. Внедрять международные стандарты сертификации и подготовки специалистов.

Реализация данных мер позволит обеспечить устойчивое развитие профессионального образования и повысить уровень занятости выпускников в условиях глобальных вызовов.

Литература и источники

1. Закон Республики Узбекистан «О занятости населения». – URL: <https://lex.uz/docs/5055696> (дата обращения: 24.08.2025).
2. Конституция Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/docs/6445147> (дата обращения: 24.08.2025).
3. Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан». – URL: <https://lex.uz/docs/3107042> (дата обращения: 24.08.2025).
4. Becker, G. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis / G. Becker. – Chicago : The University of Chicago Press, 1993. – 376 p.
5. Global education monitoring report 2022: gender report, deepening the debate on those still left behind / Global Education Monitoring Report Team. – Paris : UNESCO, 2022. – 70 p.

РАЗВИТИЕ К. МАРКСОМ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РАБОТЕ «КРИТИКА ГОТСКОЙ ПРОГРАММЫ»

Т. И. Адуло

В этом году исполнилось 150 лет со дня написания К. Марксом работы «Критика Готской программы». По существу, она представляет собой «Замечания к программе Германской рабочей партии», подготовленные основоположником марксизма в апреле – начале мая 1875 года и направленные им руководству эйзенахской партии в лице В. Бракке. Непосредственным поводом для их написания послужил предстоящий в Готе объединенный съезд двух социалистических партий – лассальянской и эйзенахской. В качестве идеологической платформы создаваемой объединенной социал-демократической партии выступила ее программа, которая и стала объектом теоретического анализа К. Маркса. Под названием «Критика Готской программы» работа была опубликована Ф. Энгельсом спустя шестнадцать лет, т. е. в 1891 году, в журнале «Die Neue Zeit».

В процессе экспертизы данного программного документа К. Маркс выявил серьезные его изъяны и пришел к заключению, что он «решительно никуда не годится и деморализует партию» [1, с. 11].

В первую очередь, К. Маркс отметил неудовлетворительную теоретическую базу разработанной программы. В частности, он указал на ошибочность экономических положений, заложенных в программу, касающихся процесса труда и распределения совокупного общественного продукта, полученного в процессе общественного производства.

Недостаток предложенной программы К. Маркс усмотрел и в том, что в ней «на место существующей классовой борьбы ставится фраза газетных писак о "социальном вопросе"», «вместо процесса революционного преобразования общества» ведется речь о «государственной помощи» производительным товариществам, о государственных субсидиях. «И главная беда состоит не в том, что это специфическое чудодейственное средство внесли в программу, а в том, что вообще идут вспять от точки зрения классового движения к точке зрения сектантского движения» [1, с. 25–26]. В программе фактически обойден вопрос об интернационализме рабочего класса, о переходном периоде от капитализма к социализму, о государстве данного периода и о «государственности коммунистического общества».

К. Маркс обратил также внимание на необходимость в процессе использования тех или иных понятий строго придерживаться их содержания. В Готской программе этого нет. В качестве примера некорректного использования понятий он приводит задействованное в ней понятие «свободное государство» и задается вопросом: что это такое?

Далее поясняет, что для рабочих, «избавившихся от верноподданнического образа мыслей», не является целью «сделать государство свободным». Их цель – «превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный» [1, с. 26]. Серьезнейшая ошибка разработчиков программы состоит в следующем: «Германская рабочая партия – по крайней мере, если она принимает эту программу, – обнаруживает, как неглубоко прониклась она социалистическими идеями; вместо того чтобы рассматривать существующее общество (а это сохраняет силу и для всякого будущего общества) как *"основу"* существующего *государства* (или будущее общество как основу будущего государства), она, напротив, рассматривает государство как некую самостоятельную сущность, обладающую своими собственными *"духовными, нравственными, свободными основами"*» [1, с. 27].

К. Маркс указывает на некорректное использование и даже «грубое злоупотребление» в программе и таких понятий, как «современное государство» и «современное общество». Он разъясняет, что «современное общество» есть капиталистическое общество, существующее во всех цивилизованных странах, а «современное государство» «меняется с каждой государственной границей». Поэтому «современное государство» есть просто фикция [1, с. 27]. Можно говорить лишь о «современной государственности», исходя из того, что, несмотря на разнообразие форм государств, «различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого» [1, с. 27].

К. Маркс не ограничился экспертизой Готской программы. Наряду с этим, он дал ответы на многие вопросы общественного развития, – прежде всего, на вопросы, касающиеся социалистической революции и построения коммунистического общества.

Как было отмечено выше, в качестве серьезного недостатка программы К. Маркс считал отсутствие в ней анализа переходного периода от капитализма к социализму. Как диалектик, органично увязывающий теорию с активно развивающейся социальной практикой, он, как и его соратник Ф. Энгельс, избегал конкретных деталей построения коммунистического общества, отчетливо осознавая то, что повседневная динамичная жизнь постоянно будет вносить соответствующие коррективы в, казалось бы, логически выверенные, схемы. Поэтому они выстраивали лишь общий контур гуманистического проекта, не вдаваясь в разработку его деталей, о чем можно судить по «Манифесту Коммунистической партии», в котором речь шла о коммунистической революции, т. е. о насильственном ниспровержении существующего общественного строя, о применении победившим рабочим классом жестких мер для удержания власти над буржуазией, хотя термин «диктатура пролетариата» в том

документе еще не использовался, об интернационализме рабочего класса. По мере развития рабочего движения и практики революционной борьбы основоположники марксизма вносили в этот стратегический план построения коммунистического общества соответствующие коррективы.

В «Критике Готской программы» К. Маркс конкретизировал процесс построения коммунистического общества. Он впервые дал развернутое представление о переходном периоде от капитализма к коммунизму и о двух фазах коммунизма – первой (низшей) и высшей. При этом обратил внимание на то, что период «революционного превращения первого во второе» длительный, ему «соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*» [1, с. 27]. В свое время советские обществоведы много диссертационных исследований посвятили двум ступеням коммунистического общества, но при этом обходили стороной это важнейшее положение К. Маркса.

Произошедший в 1990-е годы развал СССР, достигшего, якобы, «*полной и окончательной победы социализма*», а заодно с ним развал и мировой социалистической системы, подтвердил правоту данного вывода К. Маркса. Включенное в третью Программу КПСС заключение о полной и окончательной победе социализма в Советском Союзе оказалось ошибочным. СССР, вплоть до его развала, находился на переходном этапе (периоде), а конкретнее, на стадии построения его первой ступени (социализма), о чем свидетельствовали наличные превращенные формы социальности как на уровне индивида, так и на уровне общества в целом, его государственных институтов, а, согласно учению К. Маркса, этот период должен был быть по своей сущности не чем иным, как «*революционной диктатурой пролетариата*». Политиками же и обществоведами, не владевшими диалектическим мышлением, на вооружение был взят принцип абстрактной «социалистической демократии», завершившейся «новым мышлением» генерального секретаря ЦК КПСС.

Злую шутку в развале СССР и мировой социалистической системы сыграл и метафизический, антимарксистский принцип «мирного» сосуществования двух политических систем. Следовательно, теоретиков на уровне К. Маркса, теоретиков, способных *диалектически* мыслить и решать практические задачи в сложнейший переходный период, в СССР не оказалось. Иначе как расценить признание отдельных ныне действующих политиков о *сознательном* развале СССР с целью «вхождения» в «общеевропейский дом»? Как и ожидалось, для отдельных постсоветских государств поставленная цель оказалась недостижимой, а ее цена – чрезмерно высокой.

В работе получили теоретическое осмысление важные экономические вопросы, касающиеся организации производства и

распределения созданного продукта в переходный период. Большое внимание в ней уделено системному анализу института государства, как капиталистического, так и государства переходного периода от капитализма к коммунизму, а также его судьбы в коммунистическом обществе. Подняты такие актуальные и в наши эпоху вопросы, как «свободное» государство, «государство и государственность».

Таким образом, несмотря на небольшой объем, данная работа воплотила в себе важные теоретические идеи, получившие в дальнейшем подтверждение.

Ф. Энгельс, со своей стороны, в письме к известному деятелю немецкого и международного рабочего движения Августу Бебелю тоже критически оценил Готскую программу, причем его оценка фактически совпадала с оценкой К. Маркса. Как и его коллега, он акцентировал внимание на включенные в программу «сектантские лозунги» и надежду на «государственную помощь» наемным работникам, что шло в разрез с принципом пролетарского интернационализма и установкой на революцию как на основное орудие свержения буржуазии и завоевания рабочим классом политической власти [2, с. 2].

Большой интерес к работе «Критика Готской программы» проявил В. И. Ленин. Как свидетельствуют подготовительные материалы к сочинению «Государство и революция», его внимание привлек тезис К. Маркса о «будущей государственности коммунистического общества», экономический анализ будущего общества и общий анализ его двух фаз – низшей и высшей [3, с. 173–187].

Литература и источники

1. Маркс, К. Критика Готской программы / К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1955–1981. – Т. 19. – 1961. – С. 9–32.
2. Энгельс, Ф. Письмо А. Бебелю / Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1955–1981. – Т. 19. – 1961. – С. 1–8.
3. Ленин, В. И. Государство и революция / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1967–1975. – Т. 33. – 1974. – 433 с.

КИТАЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРИНЦИПЫ

В. В. Анохина, Сюй Цзявэнь

Современный Китай выдвинул концепцию экологической цивилизации – новую форму цивилизационного развития, выходящую за пределы традиционной индустриальной парадигмы и нацеленную на

достижение гармоничного сосуществования человека и природы. Эта концепция имеет глубокие идейные корни, восходящие к истокам традиционной китайской философии, а также чётко очерченные основные принципы.

Ценностное ядро концепции экологической цивилизации формируется из трёх взаимосвязанных источников.

Во-первых, экологический идеал цивилизационного развития Китая основывается на традиционной китайской экологической мудрости, воплощённой в принципе «гармонии человека и природы». Конфуцианская идея человеколюбия и даосский принцип «Дао следует природе» являются теми исходными философскими положениями, на основе которых выстраивается современная интерпретация гармонии социоприродных взаимодействий в китайском экологическом дискурсе.

Рассматривая человеколюбие в качестве основы организации социальных отношений в Поднебесной, Конфуций говорил об идеальном обществе «*да тонг*» (канонический трактат «*Лунь юй*»). Согласно исследованиям Ли Сяняня, эта идея легла в основу последующего конфуцианского учения о гармоничном обществе Великого Единения. В учении о «*благородном муже*» (*Цзюнь Цзы*) Конфуцием была сформулирована идея «*Цзюнь Цзы хэ эл бу тонг*», «где хэ означает гармонию, равновесие или единство между различными элементами; при сопоставлении хэ и тонг, где тонг – это абсолютная согласованность, значение хэ эл бу тонг приобретает особый смысл: "*хотя люди или вещи разные, но они могут жить в гармонии, помогать друг другу*". С философской точки зрения, это означает единство в многообразии; с социальной точки зрения, это означает общие законы развития общественных отношений и социальных вещей. Таким образом хэ эл бу тонг воплощает в себе основное требование гармоничного общества», – заключает Ли Сянянь [1, с. 213].

Во-вторых, концепция основывается на присущем марксизму системном понимании диалектического взаимодействия человека и природы, что придаёт ей научную строгость и методологическую глубину. Суть данного учения в контексте современных экологических дискуссий позволяет уйти от узкой технократической трактовки устойчивого развития, присущей концепциям «естественного» («зеленого») капитализма (П. Хокен, Э. Ловинс, Х. Ловинс, Э. фон Вайцзеккер и др.). В этих концепциях обосновывается идея «зеленой» промышленной революции, которая призвана радикально изменить способ производства, присущий индустриальному капитализму, за счет учета стоимости природного капитала и радикального снижения материало- и энергоемкости продукции. Следствием технологического прорыва будет значительный рост производительности труда при еще более значимой экономии ресурсов (знаменитые «фактор 10», «фактор 4», «фактор 5»). Как

подчеркивают авторы концепции, «радикальное повышение производительности ресурсов – краеугольный камень естественного капитализма» [2, с. 31]. На новом технологическом фундаменте, предполагающем «зеленые» наукоемкие технологии и замкнутые циклы производства, будут обеспечены широкие возможности социального развития, высокий уровень материального изобилия при одновременном уменьшении «экологического следа» индустриальной цивилизации.

Современное прочтение идей К. Маркса позволяет выявить значимый экологический потенциал диалектико-материалистической концепции взаимодействий в системе «человек – общество – природа». В рамках марксистской философской традиции путь решения экологических проблем и переход к устойчивому развитию может рассматриваться с позиций Марксова учения о социальном метаболизме. Как отмечает П. Н. Кондрашов, «социальный метаболизм, будучи изначально только базисным обменом веществ между человеком и природой, экстраполируется Марксом на все сферы социального бытия, в каждой из которых развёртывается своя специфическая форма социального метаболизма» [3, с. 80]. Социально-практическая объективация родовой сущности человека, согласно логике Марксова учения, предполагает исторически развивающуюся социализацию природы на всех взаимосвязанных уровнях социального бытия людей – от экономики до культуры и идеологии. Поэтому «социальный метаболизм у К. Маркса, понятый в таком широком и тотализующем смысле, представляет собой не только деятельностный, праксиологический (а именно трудовой) обмен в системе "человек / общество – производство – природа", но и одновременный социоэкологический обмен со всеми "мирами", которые формируются в процессах осуществления базового трудового социального метаболизма и образуют когерентную органическую тотальность – социальный универсум» [3, с. 80].

Китайское прочтение марксизма в контексте целей устойчивого развития как раз и предполагает акцент на достижении диалектической целостности и гармонии всех взаимосвязанных и взаимозависимых сторон знаменитой космологической триады «Небо – Человек – Поднебесная», в которой мироустроительная (разрешающая противоречия) и гармонизирующая роль человека обеспечивает созидание глобальной экологической цивилизации – общества Великого Единения в социально-экономическом, экологическом и геополитическом смыслах.

В-третьих, концепция экологической цивилизации является ответом как на глобальный экологический кризис, так и на внутренние вызовы устойчивого развития современного китайского государства, тем самым воплощая в себе двойную ответственность – за судьбу планеты и за будущее китайской нации [4, с. 9].

Под влиянием этих ценностных установок строительство

экологической цивилизации опирается на четыре базовых принципа. Главный из них – уважать природу, следовать природе, охранять природу, что требует фундаментального пересмотра взаимоотношений между человеком и окружающей средой. На уровне практики реализуется модель зелёного, цикличного и низкоуглеродного развития, направленная на формирование устойчивой экономической системы, согласованной с экологическими ограничениями. В качестве ключевого концепта выступает идея «чистая вода и зелёные горы – это и есть золотые горы и серебряные горы», ярко подчёркивающая неразрывную связь между охраной природы и экономическим процветанием [5, с. 122]. Институциональную гарантию обеспечивает внедрение наиболее строгой системы экологической защиты, предполагающей, что правовые и нормативные механизмы играют решающую роль в обеспечении устойчивого экологического развития.

Таким образом, китайская концепция экологической цивилизации представляет собой органичное соединение традиционной мудрости и современной научной рациональности. Она нацелена не только на обеспечение устойчивого развития Китая, но и предлагает китайское решение для достижения глобальной устойчивости и планетарной гармонии между человеком и природой.

Литература и источники

1. Ли Сянянь. Концепция «национальной политики» Конфуция в прошлом и настоящем / Ли Сянянь // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2016. – № 33. – С. 212–218.
2. Хокен, П. Естественный капитализм. Грядущая промышленная революция / Поль Хокен, Эймори Ловинс, Хантер Ловинс ; пер. с англ. В. Д. Новикова. – М. : Наука, 2002. – 458 с.
3. Кондрашов, П. Н. Экология Карла Маркса: тотализация социального метаболизма / П. Н. Кондрашов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2023. – № 1. – С. 73–83.
4. Хуань Цинчжи. «Зелёное развитие» в строительстве экологической цивилизации / Хуань Цинчжи // Вестник Пекинского университета (Философия и общественные науки). – 2021. – № 4. – С. 5–14.
5. Чжан Юньфэй. Философский смысл и ценность эпохи концепции «Чистая вода и зелёные горы – это и есть золотые и серебряные горы» / Чжан Юньфэй // Исследования по диалектике природы. – 2020. – № 10. – С. 119–124.

ЭРИХ ФРОММ О ПРИЧИНАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ АГРЕССИИ

Н. А. Балаклеец

Работа Эриха Фромма «Анатомия человеческой деструктивности» увидела свет в 1973 году, но и с учетом изменившегося социокультурного контекста ряд ее выводов сохраняют эвристическую ценность.

Важнейший вывод Фромма заключается в отказе рассматривать агрессию в качестве врожденного свойства человеческой натуры. Отыскание причин таких явлений, как войны, преступления, социальные конфликты, некорректно связывать с присущими человеческому роду «инстинктами». Вопреки широко распространенному тезису о естественном состоянии человечества как «войне всех против всех» (Т. Гоббс) Фромм отстаивает положение о неправомерности признания агрессивного характера первобытных охотников и собирателей: «примитивные народы гораздо менее агрессивны, чем их цивилизованные собратья» [3, с. 122]. Если «естественное состояние», реконструированное Т. Гоббсом, представляет собой результат мысленного эксперимента, призванного продемонстрировать роль государства как политического регулятора насилия, то выводы Фромма о взаимосвязи степени интенсивности агрессии и уровня цивилизованности общества подкреплены данными антропологии. Как стремится обосновать автор, насилие, присущее первобытным сообществам, принципиальным образом отличается от современных войн: оно не подчиняется принципу эскалации, преследуя ограниченные цели. Масштабы и формы современного насилия обусловлены усложнившейся социальной структурой и тем уровнем категориального мышления и организации, который был, достигнут на протяжении человеческой истории [3, с. 130–134].

Основываясь на эмпирическом материале, Фромм предлагает классификацию первобытных обществ в зависимости от выраженных в них элементов враждебности и насилия. Социальные системы первого типа – жизнеутверждающие общества – отличаются миролюбивым характером, коллективизмом, отсутствием или слабой степенью выраженности таких человеческих пороков, как зависть, жадность и тщеславие, и сопряженных с ними форм проявления деструктивности (войн и преступлений). Соответственно, слабо выраженная степень агрессии делает ненужными в социальных системах подобного типа репрессивные институты. Общества второго типа – недеструктивные, но при этом агрессивные – характеризуются индивидуализмом, соперничеством и иерархичностью. При этом им чужды такие черты, как чрезмерная подозрительность и воинственность. Наконец, в первобытных обществах третьего типа – деструктивных обществах – распространены предательство и коварство. Насилие здесь преобладает как внутри

племени, так и по отношению к иноплеменникам [3, с. 148–156]. Таким образом, согласно Фромму, неправомерно рассматривать «примитивное общество» как единообразный тип социальной организации, обладающий имманентной агрессивностью. С ходом человеческой истории изменения претерпевают не только формы и способы организации насилия в человеческом мире, но и социально приемлемые и культивируемые человеческие типы. Так, вопреки выводам ряда современных авторов о переходе высокотехнологичных западных обществ на постгероическую стадию развития [1, с. 278–298], Фромм обнаруживает отсутствие героического начала культуры в первобытном обществе недеструктивного типа, в котором «идеальным человеческим типом» признавался «отнюдь не герой, а целеустремленный и прилежный, бесстрастный и результативный труженик» [3, с. 154].

Но если человек не агрессивен по своей природе, в чем кроется причина насилия, неустранимого из социальной жизни? В поисках ответа на данный вопрос Фромм рассматривает гипотезу, согласно которой деструктивные формы поведения животных обусловлены нарушением равновесия в окружающей их среде, в частности, в условиях скученности. Гиперагрессивность человека выводится из социальных факторов: условия жизни, провоцирующие проявления агрессии (перенаселенность), становятся в данном случае не исключением, а нормой. Однако данная гипотеза, несмотря на свою привлекательность, не объясняет того обстоятельства, что человеческая деструктивность далеко не всегда проявляется в условиях перенаселения или в ситуации непосредственной опасности. Как утверждает ученый: «только человек бывает деструктивным независимо от наличия угрозы самосохранению и вне связи с удовлетворением потребностей» [3, с. 163]. Проводя границу между доброкачественной (биологически адаптивной, способствующей поддержанию жизни) и злокачественной (биологически неадаптивной, деструктивной) агрессией, Фромм усматривает в последней специфику человеческой агрессивности.

Многочисленные случаи проявления воинственности человека автор «Анатомии человеческой деструктивности» выводит из оборонительной агрессии. Проводя сравнение между человеком и животным, ученый подчеркивает, что лишь человек способен реагировать не только на сиюминутную угрозу, но и на возможную, воображаемую опасность (и в этом пункте выводы Фромма пересекаются с идеями Гоббса о том, что время войны распространяется не только на кровопролитные действия, но и на ожидание таковых [2, с. 87]). Анализируя трансформацию целей ведущихся человечеством войн, Фромм отмечает, что они уже не связаны с «приобретением дешевых рынков сырья и рабочей силы» [3, с. 171]. «Поворотным пунктом» в истории политически организованного насилия автор (и здесь его взгляды совпадают с выводами ряда военных теоретиков

[1, с. 37–38]), считает Французскую революцию. Именно это событие способствовало переходу от компактных армий, укомплектованных на профессиональной основе, к «огромным народным армиям». Стимулом, направленным на мобилизацию оборонительной агрессии народных масс, является страх перед опасностью, исходящей от политического противника. В данном случае срабатывает миметический механизм эскалации агрессии: страх перед угрозой ответной войны порождает ответный страх и необходимость вооружаться [3, с. 171–172]. Анализируя способы эскалации оборонительной агрессии, Фромм вступает в область знаково-символических средств насилия. Примитивные общества, в которых отсутствовали сложные дискурсивные практики и надежные средства формирования коллективных представлений, не знали и войн, ведущихся исходя из воображаемых целей (страха перед будущим).

В отличие от биологически адаптивной агрессии, которая необходима для поддержания жизни, деструктивная агрессия не обусловлена биологическими задачами человеческого выживания. Лишь человек способен уничтожать других представителей человеческого рода, не получая при этом никакой выгоды. Более того, специфически человеческим чувством является удовольствие от осознания своей способности причинять мучения другим [3, с. 189–190]. Фромм констатирует, что за всю историю своего существования человеку так и не удалось развить в себе высокие задатки: благие намерения поглощались все возрастающими жадностью и деструктивностью [3, с. 225]. Причина этого кроется не в имманентных человеческой психике факторах, но в окружающих условиях, которые могут как благоприятствовать развитию личности, так и тормозить его.

Теоретически значимым выводом Фромма является разграничение биофилии и некрофилии как двух альтернативных жизненных установок. Отмечая в своих современниках развитие некрофильских установок (любовь к мертвому вытесняет любовь к живому, техника начинает цениться превыше человека), мыслитель вместе с тем обращает внимание на противостоящие им антинекрофильские тенденции, свидетельствующие о неослабевающем жизнелюбии человечества.

Литература и источники

1. Балаклеец, Н. А. Война и ее трансформации в современном обществе: опыт политико-философского анализа / Н. А. Балаклеец. – СПб. : Алетейя, 2024. – 330 с.
2. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 2001. – 478 с.
3. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М. : Республика, 1994. – 447 с.

О НЕОБХОДИМОСТИ ЭВОЛЮЦИОННОЙ СМЕНЫ ПАРАДИГМЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ С НЕУСТОЙЧИВОЙ ГОСУДАРСТВОЦЕНТРИЧНОЙ НА УПРАВЛЯЕМУЮ ЧЕЛОВЕКООРИЕНТИРОВАННУЮ, ОБЕСПЕЧЕННУЮ ЦИФРОВЫМИ ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА

С. А. Бурьянов, М. С. Бурьянов

Человеческая цивилизация подвержена системному кризису, дальнейшее усиление которого чревато наступлением глобальной катастрофы. На данный момент глобальный цивилизационный кризис наиболее остро проявляется через обострение силового геополитического противостояния. Наблюдаемые сегодня дисфункции планетарного масштаба в сфере общественно-техноприроднокосмических взаимодействий могут привести к более масштабным негативным последствиям, что обуславливает необходимость поиска новых научных подходов для их устранения и перехода к устойчивому развитию. В условиях цивилизационного кризиса, в значительной мере обусловленного противоречивым развитием современных глобальных процессов 4.0, представляется актуальным исследование ключевых тенденций и причин обострения силового геополитического противостояния, а также определение стратегических направлений для их урегулирования.

Усиление геополитического противостояния взаимосвязано с ослаблением авторитета международного права на фоне неспособности и нежелания государств выполнять взятые на себя международные обязательства в области международной безопасности, прав человека и запрета дискриминации [5].

К наиболее опасным трендам нынешнего обострения геополитического противостояния следует отнести: увеличение числа и ожесточенности международных военных конфликтов с вовлеченностью почти половины государств; существенный рост военных бюджетов; модернизацию и наращивание ядерных арсеналов; интеграцию военного искусственного интеллекта с ядерным оружием; сокращение международного сотрудничества в области ядерного разоружения; усиление тенденций превращения космоса в арену вооруженного противостояния; борьбу за технологическое превосходство и высокотехнологичную гонку неядерных вооружений, имеющую потенциал нарушения стратегического баланса и стабильности (гиперзвуковые системы, робототехника, беспилотные аппараты (наземные, летательные, надводные, подводные) в сочетании с искусственным интеллектом и квантовыми вычислениями); отмену ограничений для разработчиков и нечеловекоориентированное внедрение искусственного интеллекта; монополизацию сферы высоких технологий компаниями и / или

государствами, которая может стать сквозной проблемой, усугубляющей все вышеупомянутые с труднопредсказуемыми последствиями; тенденции к рискованному смещению коммерческих интересов и интересов безопасности через участие крупных корпораций в вооруженных конфликтах в качестве самостоятельных игроков и др. [6].

В Заявлении от 28 января 2025 года Совета по науке и безопасности Бюллетеня ученых-атомщиков о символических часах Судного дня говорится, что «до полуночи осталось 89 секунд», в 2024 году человечество приблизилось к катастрофе еще больше. В качестве экзистенциальных были обозначены угрозы, создаваемые ядерным оружием, изменением климата и потенциальным неправомерным использованием биологической науки и различных новых технологий, включая искусственный интеллект [13].

Весной 2025 года стало известно, что Германия, Польша, Южная Корея и Япония рассматривают планы создания собственного ядерного оружия. Эксперты указывают, что утрата силы Договора о нераспространении ядерного оружия (1968) может привести к появлению более десятка новых ядерных государств с перспективой усиления риска атомной войны [14].

Особо подчеркнем, что милитаризация искусственного интеллекта является глобальным вызовом, способным нанести существенный ущерб человечеству и даже его уничтожить. В целом в современных условиях прослеживается тенденция к превращению цифровых технологий в ведущий фактор геополитического противостояния. К сожалению, уже поздно говорить о запрете цифровой милитаризации, включая военное использование искусственного интеллекта. В этих реалиях представляется целесообразным создать эффективную систему международного контроля за внедрением искусственного интеллекта, опираясь на опыт Международного агентства по атомной энергии.

Для выявления ключевых причин геополитического противостояния необходим целостный взгляд на мир как единый организм, где тесно переплетены экономика, технологии, политика, культура и ценностные системы. В указанном контексте можно выделить такие две противоречивые тенденции, как глобальная экономическая интеграция и региональная политическая фрагментация, которые в значительной мере определяют возврат к силовому противоборству и иные негативные последствия планетарного масштаба. Казалось бы, столь тесная связность и взаимозависимость должны способствовать мирному сотрудничеству и устойчивому человекоориентированному развитию, однако реальность последних лет свидетельствует об обострении силового геополитического противостояния (военные конфликты, нетерпимость и вражда, международные санкции, ожесточенное конкурентное соперничество за ресурсы и технологическое превосходство, а также многие иные

негативные последствия).

С момента создания ООН в 1945 году еще более усилилась планетарная взаимозависимость, экономика почти превратилась в глобальную, но мировая политическая система сохранила в своей основе государства, обладающие возможностями применения военной силы в международных отношениях, включая ядерное оружие. После трагических итогов Второй мировой войны в целях сохранения международного мира и безопасности кардинально обновилось международное право. Однако, скорость и качественное обновление глобальных процессов 4.0 привели к отставанию международного права и уровня его взаимодействия с внутригосударственными правовыми системами, предопределив бессилие перед лицом глобальных вызовов миру и безопасности, экологических и климатических, социального расслоения, а также новейших цифровых [7].

Принципы, нормы и механизмы ООН, сформированные для обеспечения международного мира и коллективной безопасности в прошлом веке, в современных условиях оказываются не вполне эффективными, поскольку зависят от интересов государств и не успевают за быстро меняющейся реальностью кумулятивного взаимодействия глобализации и цифровизации [10]. Созданные в условиях индустриальной эпохи, сосредоточенной на национальных государствах и видимой военной угрозе, они оказались беспомощны перед лицом глобальных цифровых вызовов, включая военный искусственный интеллект и кибероперации.

Международная система прав человека базирующаяся на Уставе ООН (1945), Всеобщей декларации прав человека (1948), Пактах о правах человека (1966) требует развития для эффективного поиска ответов на новейшие вызовы цифровой трансформации государств. Без разработки и принятия юридически обязательной Конвенции о глобальных цифровых правах человека Глобальный цифровой договор (2024) не может быть в полной мере воплощен в жизнь [12].

Эволюционные перспективы преодоления, основанного на праве силы геополитического противостояния, неразрывно взаимосвязаны с перспективами формирования адекватного миропорядка и достижения устойчивого управляемого развития человечества. Здесь в очередной раз нельзя не согласиться с исследователями, указывающими на планетарное «единство судеб человечества» [8, с. 11] и вытекающую отсюда необходимость «глобальной цивилизационной революции» [11, с. 14].

В качестве вывода отметим, что преодоление глобального кризиса и геополитического противостояния требует эволюционной смены парадигмы цивилизационного развития с неустойчивой государствоцентричной на управляемую человекоориентированную обеспеченную цифровыми правами человека [2]. Также представляется важной реализация права каждого на свободный выбор мировоззренческой системы [4; 9]. Для этого в первую очередь необходимо реформирование

международного права и усиление его взаимодействия с внутригосударственными правовыми системами [3]. В дальнейшем, сохранение и устойчивое человекоориентированное развитие человеческой цивилизации потребует переформирования в глобальном смысле системы образования, права, управления. Это значит, что цифровое развитие государств также должно базироваться на приоритете прав человека [1].

Литература и источники

1. Бурьянов, М. С. Перспективы развития российской государственности в условиях современных глобальных процессов и вызовов / М. С. Бурьянов // Актуальные проблемы глобальных исследований: Россия в глобализирующемся мире: сб. науч. трудов участников VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под редакцией И. В. Ильина. – М., 2019. – С. 67–73.
2. Бурьянов, М. С. Цифровые права человека в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации: монография / М. С. Бурьянов; под науч. ред. С. А. Бурьянова. – М.: РУСАЙНС, 2024. – 148 с.
3. Бурьянов, С. А. Будущее международного права в условиях глобализации общественных отношений через призму творческого наследия Игоря Ивановича Лукашука / С. А. Бурьянов // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 7 (98). – С. 77–81.
4. Бурьянов, С. А. Значение и перспективы международно признанных прав человека, включая свободу мысли, совести и религии, в условиях глобализации общественных отношений / С. А. Бурьянов // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 12 (91). – С. 25–28.
5. Бурьянов, С. А. В поисках адекватного миропорядка. Будущее верховенства права в эпоху цифровой глобализации 4.0 / С. А. Бурьянов, М. С. Бурьянов // Век глобализации. – 2024. – № 2 (50). – С. 127–140.
6. Бурьянов, С. А. Глобализация мирового порядка и право силы. Что привело к обострению силового геополитического противостояния в современном мире и есть ли перспектива эволюционировать к устойчивому человекоориентированному развитию? Часть 1 / С. А. Бурьянов, М. С. Бурьянов // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 5 (204). – С. 23–27.
7. Куксин, И. Н. Цифровизация – новая реальность в праве и новые угрозы / И. Н. Куксин, В. Д. Хода // Теория государства и права. – 2020. – № 4 (20). – С. 115–140.
8. Лукашук, И. И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов / И. И. Лукашук. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.
9. Право на свободу совести в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации в Российской Федерации. – М., 2020. – 236 с.
10. Чумаков, А. Н. Глобализация и цифровизация: социальные последствия кумулятивного взаимодействия / А. Н. Чумаков // Вопросы философии. – 2021. – № 8. – С. 36–46.

11. Чумаков, А. Н. Основные тренды мирового развития: реалии и перспективы / А. Н. Чумаков // Век глобализации. – 2018. – № 4 (28). – С. 3–15.
12. Buryanov, M. Global digital human rights in the implementation of the Global Digital Compact / M. Buryanov. – Kindle Edition, 2024. – 491 p.
13. Closer than ever: It is now 89 seconds to midnight. 2025 Doomsday Clock Statement. – URL: <https://thebulletin.org/doomsday-clock/2025-statement/> (дата обращения: 21.07.2025).
14. Trump stirs fears of a new nuclear arms race. – URL: <https://www.ft.com/content/1a7c9b17-862d-4986-ac09-42de2dee44f2> (дата обращения: 21.07.2025).

ДИСКУРС ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ: СУЩНОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В. Н. Ватиль

1. Актуализация предлагаемой формулировки национальной идеи:

Дискурс-анализ истории национальных идей убедительно свидетельствует о том, что верховная власть и управление для продуктивного воплощения государственного курса, всегда использовала и использует идейно-символический ресурс национальной идеи. Особенно, во времена значимых исторических переломов.

Сегодня мир находится на одном из таких этапов исторического развития. Как показывает анализ глобальных геоэкономических и геополитических процессов, этому этапу присущи две устойчивых особенности: а) появление новых возможностей социально-экономического роста, обусловленных последствиями промышленной и научно-технической революций; б) неравномерность экономического и политического развития стран и регионов, порожденная нарастающей нехваткой жизненно важных для всех естественно полезных ресурсов и вызывающей на этой основе всеобщую острую конкуренцию и противоборство. Согласно теории длинных экономических циклов Кондратьева, апробированной современной практикой, мир находится в кризисной фазе своего развития, которой присущи такие черты, как пространственно-временная длительность неустойчивости и неопределённости, нарастание конфликтности, развёртывание борьбы между ведущими державами за передел мира.

В условиях роста глобального геополитического противоборства и региональной международной напряжённости, на авансцену

государственного и социального строительства страны объективно выдвигаются факторы защиты и укрепления инфраструктуры государственного суверенитета и государственной безопасности Беларуси, создаваемой посредством продуктивных социально-экономических трансформаций и консолидированных совместных усилий власти, общества, граждан.

Именно от этих факторов сегодня и на перспективу будет зависеть настоящее и будущее Беларуси. Именно они выражают витальную необходимость предлагаемой формулировки национальной идеи (НИ) – «Беларусь была, Беларусь есть, Беларусь будет всегда!».

II. Побудительный мотив

Для характеристики сущности, структуры и программы реализации предлагаемой модели НИ, потребуется создание смысловой первоосновы. Она включает 4 исходных побудительных вопроса:

1. почему появилась объективная необходимость смены парадигмы национальной идеи?
2. чем объясняется исключительность предлагаемой формулировки НИ?
3. из каких частей состоит предлагаемая модель НИ?
4. как осуществляется воплощение предлагаемой модели НИ?

III. О специфике сущностного понимания предлагаемой формулировки НИ

Ответы на два первых вопроса дают возможность выявить сущностную специфику предлагаемой нами модели НИ. Для её определения потребуется применение четырех критериев.

Геополитическое измерение. Современный мир, Беларусь в том числе, находится на длительном этапе перехода к основам полицентричного миропорядка и постиндустриального уклада жизни, где «цифра» начинает играть одну из главных ролей. Либеральные идейно-мировоззренческие претензии на тотальную монополию не выдерживают проверку историческим временем и, сопротивляясь, покидают идеологическую авансцену. На их место приходят те востребованные идейно-смысловые установки, в которых отражён назревший запрос на устойчивое социальное развитие, суверенное и независимое государственное существование, равноправное и справедливое сотрудничество наций и цивилизаций на планете. В полной мере подобные запросы присущи и Беларуси, о чём убедительно свидетельствуют разные грани современной истории отечественной государственности, общества, страны, жизнедеятельности сознательного белоруса.

Конкретно-историческое измерение. В реализации белорусской модели общественного развития, значимое место занимает идеологическое

сопровождение внутри и внешнеполитической деятельности белорусского государства. Начиная с 2003 года, с подачи Президента идеологический ресурс получил официальный нормативно-правовой и властно-управленческий статус. Его возрастающую роль наиболее весомо в жизни страны показал институт президентства. Эпицентр идеологического процесса в Беларуси олицетворяет фигура первого Президента. Его многолетняя плодотворная деятельность по консолидации совместных усилий общества и государства для достижения стратегических целей явственно демонстрирует реальный национально-государственный запрос на новый формат идейно-символического пространства белорусской политики – сопряжения идеологического воплощения с ценностно-мировоззренческим обеспечением государственного курса. Ядрообразующую основу этого сопряжения составляет Беларусь как страна, общество и государство с её прошлым, настоящим и будущим. В этой связке термин «прошлое» отражает многовековую историю белорусской государственности и культуры, который в предлагаемой формулировке НИ зафиксирован в словах «Беларусь была».

Экзистенциальное измерение. Экзистенциальное в сущностной характеристике НИ означает самое главное, фундаментальное, неустрашимое в жизни каждого белоруса и всех нас в целом. То, с чего начинается жизненный выбор, развёртывается в дальнейшем в полноте конкретики жизни, что становится предметом размышлений о главном в судьбе отдельного гражданина и всей нации, выступает изначальной «точкой отсчёта» движения к желаемому.

Учитывая особенности геополитического вызова в отношении нашей страны и конкретику её исторического пути, главным экзистенциальным направлением для всех и каждого выступает устойчивое суверенное и независимое функционирование и развитие современной Беларуси. В предлагаемой нами формулировке НИ он связан со словами «Беларусь есть» и представлен рядом раскрывающих содержание этих слов материальных факторов и духовных потенциалов.

Ценностное измерение. Данное измерение отражает представление о непрерывности, вечности существования Беларуси и выражено словами – «Беларусь будет всегда!». Его содержание раскрывается рядом духовных потенциалов, которые в их совокупности называют высшими ценностями. Их неоспоримая высота определяется тем, что именно они способствуют преобразованию представлений об устройстве современного миропорядка и кодов существования Беларуси в нём в ориентиры деятельности всех и критерии приоритетного личного выбора и идентификации. Для государства эта сторона высших ценностей становится генеральным ресурсом в разработке уровней ценностной агрегации и критериев ценностной идентификации. Это первое.

Второе. Высшие ценности являют собой ту систему мотивационных

предпочтений, от которых в конечном итоге зависит разработка стратегических целей белорусского государства и реализация программ устойчивого социального и государственного развития. Этот аспект для государства становится важнейшим ценностным интегратором и навигатором.

Третье. На индивидуальном уровне высшие ценности фиксируются в позиции личной убеждённости в правоте осуществления общегосударственного дела и сознательного соучастия в его реализации, на коллективном – признании легально разработанного и легитимно признанного образа будущего Беларуси и участия в программах его воплощения. Символическим пространством для объединения личных и коллективных усилий по реализации высших ценностей становится идеология патриотизма.

Трансляторами высших ценностей в Беларуси выступают семья, школа, университет, малая родина, армия, власть и управление, патриотически настроенные граждане, большое Отечество. Это четвёртое.

IV. Структура национальной идеи

Сущностное измерение НИ получает содержательное наполнение и развитие в её структурных элементах. В развёрнутом виде структура демонстрирует реальность, исключительность и продуктивность НИ.

Высший уровень структурной схемы модели национальной идеи состоит из: а) материальные факторы; б) духовные потенциалы.

В состав материальных факторов входят: территория – народонаселение – власть.

В состав духовных потенциалов входят: историческая память, справедливость, народность, государственность.

V. О взаимосвязи национальной идеи и государственной идеологии

Символическое пространство современной белорусской политики состоит из двух взаимосвязанных частей:

1-я – ценностно-мировоззренческая, представляющая высшие духовные приоритеты Беларуси. Сфера местоположения – национальная идея.

2-я – ориентационно-целеполагающая, нацеленная на перевод высших ценностей и смыслов в плоскость определяющих установок идеологического сопровождения и обеспечения государственного курса. Сфера местоположения – государственная идеология (ГИ).

Создание системных взаимосвязей высших ценностей и приоритетных идеологических программ позволит превратить идейно-символическое пространство в стратегический ресурс обеспечения и реализации внутренней и внешней политики белорусского государства.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТИВ ДОСТИЖЕНИЯ БЕЗОПАСНОГО БУДУЩЕГО

П. А. Водопьянов

В условиях глобальной нестабильности мирового развития, обусловленной нарастанием военных конфликтов, резким изменением климатических условий, которые уже сегодня охватили всю планету, сокращением биологического разнообразия как условия стабильности биосферы, уничтожения жизненного пространства и недостатка природных ресурсов перед современной наукой, возникает практическая потребность выбора основных направлений дальнейшего развития человечества.

Особая роль в этом плане принадлежит философии, интегративная функция которой состоит в разработке стратегии выживания человечества на основе представлений об устройстве мира, поскольку именно она ориентирована на поиск основных мировоззренческих ориентаций, задающих способы человеческой деятельности во взаимодействии общества и природы.

Эвристическая функция философия имеет особое значение в современных условиях, поскольку человечество столкнулось с угрозами глобального характера, преодоление которых вызывает необходимость выбора путей дальнейшего развития. Именно поэтому философия играет интегративную роль в определении направлений всех остальных наук, направленных на разработку проблем выживания человечества.

Философия всегда была ориентирована на формирование новых ценностей по отношению к миру в целом. Особую значимость это обстоятельство приобретает в переломные, критические эпохи, что присуще и современному этапу развития цивилизации. В такие эпохи всегда происходит напряженный поиск путей дальнейшего развития человечества, а задача самой философии состоит не только в прояснении мировоззренческих структур, определяющих образ мира и жизни людей, но и в выявлении смысло-жизненных установок формирования новых ценностей.

Именно философия, аккумулировавшая многовековой опыт человеческой культуры, должна помочь людям осмыслить новые вызовы времени и наметить стратегические направления достижения стабильного будущего. Отражая самосознание современной эпохи, философия занимает центральное место среди дисциплин гуманитарного профиля, способствуя формированию новых взглядов на место и роль человека в природе.

Задача философии направлена на формирование и развитие такого типа мировоззрения, для которого характерно критическое осмысление картины мира, природной и социальной реальности, установка на

гуманистические ценности, уважение к национальным традициям, глубокое осмысление достижений современной науки и социальной практики.

Решение этих задач в условиях глобального экологического кризиса связано с формированием универсальной морали, которая ориентирована на выработку такого поведения людей, которое не приносит вреда окружающей среде и направлена на сохранение жизни в любой форме как непреходящей ценности сохранения биосферы. Важную роль в достижении этой цели играет и переориентация науки на решение проблем выживания человечества на основе разработки и использования методов и способов сознательного регулирования обмена веществ между обществом и природой, включении человеческой деятельности в биологический круговорот планеты. Речь идет о необходимости с помощью открытий в науке найти пути создания такой техносферы, которая обеспечивала бы процессы самовосстановления естественного кругооборота энергии и вещества на основе разработки технологий, направленных на обеспечение процессов их повторного использования [1, с. 95]. Выполнение этой задачи зависит от ценностных и мировоззренческих ориентаций, стоящих перед современной наукой.

В условиях экстремальной экологической ситуации необходим незамедлительный переход на принципиально новый путь осмысления мира – путь поклонения природе, с чего начинало первобытное общество и что получило закрепление в античной философии. Достижение этого возможно при условии утверждения новой нравственности, включающей традиционные общечеловеческие ценности и учитывающей современные реалии бытия человека. Это возможно на основе переосмысления антропоцентристской ориентации по отношению к природе.

Новый гуманизм направлен на выбор созидательного компромисса между людьми, социальными группами, государствами в целях сохранения природы. Такая стратегия нацелена на формирование мировоззрения, ориентированного на достижение безопасного будущего на основе введения системы запретов на характер человеческой деятельности в тех случаях, когда масштабы этой деятельности подрывают (нарушают) механизмы самовосстановления нарушенных процессов.

Достижение этой цели возможно на основе усвоения знаний о культурном наследии мировых ценностей, понимании причин кризисных явлений в различных сферах жизнедеятельности людей, необходимости утверждения биосферного мышления, направленного на формирование бережного отношения к природе, осознание важности использования системного подхода к изучению мировых процессов. Реализация этого возможна на основе использования наиболее перспективных достижений современной науки, позволяющих осуществить синтез рациональных идей естественных и гуманитарных наук.

Острота современной экологической ситуации обусловлена стремительно нарастающим ростом численности населения, истощение природных ресурсов, в том числе ранее не представляющих угрозу для людей, таких как недостаток водных ресурсов, почвы и воздуха, усиливающимся загрязнением окружающей среды, приведшим к изменению климатических условий, распространяющейся нищетой и голодом, растущим дефицитом энергии, снижением биологического разнообразия и многое другое. Эти и другие опасности вызывают необходимость изменения направления развития мирового сообщества на пути обновления сложившегося вектора социально-экономического развития. Препятствием выполнению этой задачи является непрерывная погоня за материальными благами, культивируемая средствами массовой информации, в особенности через Интернет, жажда получить все больше денег, которые становятся призрачным символом для многих людей, не видящих реальной опасности для ближайшего будущего.

Особые условия жизни, навязываемые массовой культурой, утрата интереса к чтению научной литературы и книг, погоня за материальными благами, свобода превыше всего, известная вседозволенность в действиях и поступках, игнорирование и утрата традиционных моральных норм и общечеловеческих ценностей – эти и многие другие негативные явления приводят к утрате многих подлинных человеческих качеств и ведут к нарастанию и углублению антропологического кризиса.

Погружение личности в информационную сферу оказывает негативное влияние на физиологическое состояние организма, ведет к изменению состояния нейронных сетей головного мозга у многих людей, которые широко пользуются современными средствами связи – компьютерами, смартфонами, планшетами для получения интересующей информации. Это приводит к формированию «клипового» мышления, утрате способностей к мышлению логическому, к неспособности адекватно оценить события ближайшего будущего, и в конечном итоге, к снижению инстинкта самосохранения самого себя. Такого рода негативные явления обусловлены маргинализацией культуры современного общества, навязыванием низкопробной массовой культуры, которая транслируется средствами информационных коммуникаций.

Литература и источники

1. Кондратьев, К. Я., Крапивин, В. Ф., Савиных, В. П. Перспективы развития цивилизации. Многомерный анализ / К. Я. Кондратьев, В. Ф. Крапивин, В. П. Савиных. – М. : Логос, 2003. – С. 95–146.

ВАН ЧУН В ОЦЕНКАХ КИТАЙСКИХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ ПЕРИОДА КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «T'ïEN HSIA MONTHLY»)

Д. Н. Гиргель

Ван Чун (27 – около 97 г. н. э.) – выдающийся китайский философ и просветитель эпохи династии Хань (206 до н. э. – 220 н. э.). Он отстаивал идею единства, вечности и материальности мира, критиковал конфуцианский культ предков и даосские представления о физическом бессмертии. Его скептицизм и конструктивная критика были направлены против слепого почитания авторитетов и суеверий. Единственное сохранившееся произведение Ван Чуна – «Лунь хэн» («Критические рассуждения»), которое долгое время оставалось малоизвестным и практически не исследовалось. В средневековье «Лунь хэн» подвергался гонениям за критику Конфуция и его учения.

В первой половине XX века идеи Ван Чуна нашли отклик у китайских интеллектуалов, выступавших за модернизацию Китая посредством развития науки и критики традиционной культуры. В 1937 году в двух номерах китайского англоязычного либерального журнала «T'ïen Hsia Monthly» была опубликована статья «Ван Чун», в которой автор Ли Ши-и подробно рассказал о жизни и философском наследии Ван Чуна.

Для китайских либеральных интеллектуалов Ван Чун был «несомненно самым выдающимся мыслителем династии Восточная Хань» [2, с. 305], «революционером» [1, с. 162] и «нонконформистом своего времени» [1, с. 171]. Если других ханьских философов автор статьи критиковал за однообразие идей и высказывания, казавшимися нелепыми с позиции XX века, то Ван Чуна он называл «оазисом в пустыне», «самым желанным философом», который «стоял на голову выше своих современников» [1, с. 162].

Китайские либеральные интеллектуалы видели в Ван Чуне фигуру, которая оказала существенное противодействие догматизму, доминировавшему в течение долгого периода китайской культуры. Ли Ши подчеркивал, что взгляды Ван Чуна на историю и культуру удивительно созвучны современному научному подходу: его концепция исторического процесса была свободна от догматизма [1, с. 176–181]. Ван Чун выступал против слепого почитания прошлого и идеализации истории, что вызывало отклик у китайских либеральных интеллектуалов. Его активная борьба с предрассудками и противостояние схоластической интерпретации классики соответствовали духу времени, требовавшего критического пересмотра устоявшихся норм и ценностей.

Особое восхищение вызывал у китайских либеральных

интеллектуалов метод Ван Чуна, основанный на необходимости строгих доказательств [1, с. 171]. В отличие от большинства конфуцианских ученых, он отрицал познание истины путем интуиции. Ли Ши-и писал: «Как настоящий современный ученый, Ван Чун всегда готов отвергнуть все, что не соответствует фактам» [1, с. 172]. Критический скептицизм Ван Чуна воспринимался китайскими либеральными интеллектуалами как предтеча современного научного подхода. Ли Ши-и выражал сожаление по поводу того, что логическая аргументация и точные наблюдения редко встречались среди китайских ученых. Если бы эти качества были более распространены, развитие науки в Китае могло бы опередить Запад [1, с. 176].

Отдельно китайские либеральные интеллектуалы выделяли позицию Ван Чуна в отношении литературы и культуры. Он ценил индивидуальность и выступал против «рабского подражания» древности [2, с. 304], считал, что современность не уступает древности, а разговорный язык может быть использован в тексте наравне с классическим языком *вэньянь* [2, с. 303]. В период «Движения за новую культуру» (1910-е – 1920-е гг.) его идеи оказались полностью созвучны взглядам лидеров китайской литературной революции, которые предпочли разговорный язык *байхуа* классическому языку *вэньянь*.

В заключение статьи Ли Ши-и призвал к более глубокому изучению идей философа: «Сегодня к Ван Чуню относятся с особым уважением, и это неудивительно, ведь многие его взгляды удивительно современны. Он поистине ученый, достойный нашего внимания» [1, с. 307].

Таким образом, идеи Ван Чуна послужили важным источником вдохновения для китайских либеральных интеллектуалов периода Китайской Республики. Ван Чун стал символом философа, который, сохраняя связь с традицией, открыл путь к научно обоснованному пониманию культуры и истории, отказу от идеализации прошлого и критическому анализу исторических фактов, не останавливался перед вызовами времени, учил сомневаться и исследовать. Использование Ван Чуном разговорного языка для изложения философских идей усиливало его привлекательность для сторонников китайской языковой реформы.

Литература и источники

1. Li Shi-yi. Wang Chung / Li Shi-yi // T'ien Hsia Monthly. – 1937. – Vol. V, №. 2. – P. 162–184.
2. Li Shi-yi. Wang Chung / Li Shi-yi // T'ien Hsia Monthly. – 1937. – Vol. V, № 3. – P. 290–307.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КРИЗИСА И ВОЙНЫ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

А. А. Головач, Н. В. Медведев

В рамках социальной философии война и кризис традиционно рассматриваются как дискретные, хотя и зачастую взаимосвязанные феномены. При более глубоком системном анализе обнаруживается, что они представляют собой не просто события, но специфические состояния сложной социальной системы, характеризующиеся рядом общих фундаментальных черт. Их можно представить как форму «перехода», при котором система покидает состояние относительного равновесия и вступает в период высокой нестабильности, дисфункции и трансформации. Общность войны и кризиса проявляется на структурном, функциональном и коммуникативном уровнях.

Во-первых, и война, и кризис являются катализаторами системной дестабилизации и распада рутинных процессов. В обычном, «нормальном» состоянии социальная система (например, государство, экономика или международный порядок) функционирует на основе сложившихся институтов, правовых норм, экономических взаимосвязей и предсказуемых коммуникационных потоков. Кризис – это может быть экономический коллапс, пандемия или экологическая катастрофа, которая нарушает порядок. Точно так же война целенаправленно разрушает инфраструктуру, институты и саму ткань общественной жизни в любом обществе. Оба явления приводят к резкому возрастанию энтропии: информация теряет достоверность, материальные и человеческие ресурсы перераспределяются хаотично или принудительно, а будущее становится непредсказуемым.

Во-вторых, оба феномена служат точкой бифуркации, создающей условия для радикальной трансформации системы. В теории сложных систем точка бифуркации – это критический момент, когда малые воздействия могут привести к крупным и необратимым последствиям, а система оказывается перед несколькими возможными путями развития. Экономический кризис ломает устоявшиеся рыночные модели, вынуждая к созданию новых финансовых инструментов, изменению роли государства и пересмотру социальных контрактов. Война, будучи «мотором истории» по выражению ряда теоретиков [1; 2; 3], сметает устаревшие политические режимы, ускоряет технологические новации (примером может служить изобретение радара, ядерной энергии, интернета) и перекраивает геополитическую карту. И кризис, и война, уничтожая старое, создают «чистое поле» для строительства нового порядка, характер которого определяется победителем, наиболее адаптивными субъектами или случайным стечением обстоятельств.

В-третьих, общим является механизм мобилизации и централизации управления. Ответом на вызовы как войны, так и острого кризиса является свертывание демократических процедур и усиление вертикали власти. Государство может перейти в режим «чрезвычайного положения». Происходит концентрация ресурсов в руках узкой группы лиц для принятия быстрых, часто непопулярных решений. Экономика милитаризуется или подчиняется директивам центрального штаба. В доминирующем обществе становится актуальной темы солидарности перед лицом внешней или внутренней угрозы, подчинения индивидуальных интересов коллективным. Этот процесс можно рассматривать как адаптивную реакцию системы, стремящейся снизить хаос и повысить собственную выживаемость за счет отказа от избыточной сложности.

Война и кризис обладают общим коммуникационным измерением – они способны породить нарратив угрозы. В таком случае требуется мобилизация не только материальных, но и символических ресурсов. Консолидация общества достигается через идентификацию общего врага (внешнего агрессора, «спекулянтов», «несущих вирус»), создание образа экзистенциальной опасности и формирование картины мира, разделенной на «своих» и «чужих». Информационное пространство радикально поляризуется, сложность и многогранность проблем подменяются черно-белой риторикой выживания [4, с. 14].

Таким образом, несмотря на различную этиологию – где война часто является актом целенаправленной воли, а кризис может быть результатом кумулятивного стечения объективных факторов – их воздействие на социальную систему является в высокой степени изоморфными. Они выступают мощными деструктивно-созидательными силами, которые, разрушая существующий порядок, создают условия для его «пересборки» в новой, зачастую непредсказуемой конфигурации. Понимание этой общности позволяет анализировать эти экстремальные состояния не как абсолютный хаос, а как периоды интенсивной и болезненной трансформации, подчиняющиеся определенным системным закономерностям.

Литература и источники

1. Кант, И. К вечному миру / И. Кант // Сочинения : в 4 т. ; на немецком и русском языках / И. Кант. – М. : Издательская фирма АО «Ками», 1993. – Т. 1. – С. 353–477.
2. Клаузевиц, К. фон. Принципы ведения войны / К. фон Клаузевиц ; пер. с англ. Л. А. Игоревского. – М. : ЗАО Центролиграф, 2009. – 220 с.
3. Письмо З. Фрейда – Алберту Эйнштейну (09.1932) [Неизбежна ли война?] // Проект «Весь Фрейд». – URL: <https://freudproject.ru/?p=11773> (дата обращения: 02.09.2025).

4. Медведев, Н. В. Война как объект историко-философской рефлексии / Н. В. Медведев, А. А. Головач // Философия в современном мире : сб. статей X научных чтений Тамбовского регионального отделения Российского философского общества, 20 марта 2025 г. / Отв. ред. Н. В. Медведев ; М-во науки и высш. обр. РФ [и др.]. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2025. – С. 7–15.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА: ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕПОДАВАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ «СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ»

М. А. Гребенчук

В условиях глобальной цифровизации современная система образования сталкивается с рядом вызовов. В этом вопросе Республика Беларусь не стала исключением. Высокая динамичность политико-экономических процессов, необходимость адаптации традиционных учебных дисциплин к реалиям цифровой эпохи требуют внедрения в образовательных процесс новых инструментов и методов обучения.

Одним из стратегических приоритетов для Республики Беларусь является развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ). Этой сфере уделяется значительное внимание в ключевых государственных программных документах, определяющих направления социально-экономического и инновационного роста. Параллельно с формированием нормативной правовой базы активно развивается образовательная система: отечественные университеты внедряют специализированные учебные программы и курсы, ориентированные на использование различных аспектов ИИ.

Цель исследования – рассмотреть роль ИИ в образовании, выделить направления и перспективы использования его инструментов на примере преподавания дисциплины «Современная политэкономия», а также проанализировать вызовы и угрозы его внедрения.

С 1 сентября 2022 г. во всех вузах Республики Беларусь введена учебная дисциплина «Современная политэкономия». Данный курс относится к блоку социально-гуманитарных дисциплин и преподается в учреждениях высшего образования вне зависимости от профиля обучения. Его изучение призвано сформировать у студентов системное глобальное политико-экономическое мышление, практические навыки для решения проблем национальной и экономической безопасности с использованием современных механизмов выявления, нейтрализации и предотвращения угроз и рисков для общества и государства, развить способности критического анализа и комплексной оценки геополитической,

идеологической и социальной информации в ее взаимосвязи с экономическими процессами [1].

В современной политэкономии переплетаются социальные, экономические и философские аспекты. В этой связи цифровая трансформация образования становится неотъемлемой частью современной образовательной парадигмы, где ИИ выступает одним из инструментов данных изменений.

Согласно постановлению Совета Министров Республики Беларусь, от 21 апреля 2023 г. № 280 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136» под ИИ понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (в том числе самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека, и включающий в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» [2].

В Методических рекомендациях по использованию технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе учреждений общего среднего образования, утвержденных Министерством образования Республики Беларусь 2 июля 2025 г., содержатся как теоретические данные использования ИИ в образовании (принципы ответственного использования, ключевые направления применения, риски, этические и социальные аспекты и др.), так и практическое применение ИИ в образовательном процессе, что может быть использовано и в рамках преподавания курса «Современная политэкономия» в учреждениях высшего образования [3].

В данном случае мы можем рассматривать ИИ как *средство повышения эффективности процесса обучения*. Его внедрение основывается на научных исследованиях, практическая реализация которых позволяет не только оптимизировать учебные методики, но и соблюдать четкие требования информационной безопасности, а также психофизиологического благополучия всех участников образовательного процесса.

Преподавание современной политэкономии в вузах Беларуси представляет собой синтез классических экономических теорий, актуальной экономической политики и современных технологий. В рамках тематического плана изучаются историческое развитие дисциплины и ее место в системе экономических наук, базовые понятия, экономические законы и закономерности рыночных механизмов, измерение и оценка экономики через макроэкономические показатели и методы анализа экономической динамики.

Важное место занимает анализ общественно-экономических формаций, экономических систем и их исторических модификаций, социально-экономических моделей и роли государства, что подразумевает изучение социально-ориентированной и других моделей экономик и функций государства в их регулировании.

Современные вызовы также интегрированы в программу: курс включает анализ геополитики и геоэкономики, влияния санкций на экономическое развитие, антисанкционной политики и обеспечения устойчивости национальной экономики, а также рассматривает международные экономические отношения и экономическую безопасность в контексте глобализации, международной торговли и финансовых рынков [4].

Ввиду вышесказанного потенциал ИИ в совершенствовании преподавания современной политэкономии раскрывается через такие ключевые аспекты, как анализ значительных объемов данных и моделирование экономических процессов, индивидуализация обучения, автоматизация вспомогательных задач, формирование критического мышления. Студенты могут применять предложенные ИИ алгоритмы для анализа влияния политических решений на экономические показатели в Республике Беларусь, а технологии ИИ могут быть использованы для организации дискуссий, в ходе которых обучающиеся анализируют и подвергают сомнению позиции, сформированные ИИ, развивая навыки аргументации и критической оценки предложенных концепций.

Несмотря на значительные преимущества, интеграция ИИ в образование сопряжено с рядом вызовов и потенциальных угроз, требующих философского осмысления и нормативного регулирования: эпистемологический риск подмены критического анализа готовыми алгоритмическими решениями, что может привести к снижению ценности фундаментальных теоретических знаний; методологическая угроза упрощения сложных политэкономических концепций к формализуемым параметрам, игнорирующим социально-исторический контекст; этическая проблема цифрового неравенства и алгоритмической предвзятости, способной воспроизводить существующие социально-экономические диспропорции; педагогический риск дегуманизации образовательного процесса, где живой диалог уступает место технократическому управлению познанием.

Ввиду этого для минимизации рисков стоит разработать методологические стандарты использования ИИ, сохраняющие центральную роль преподавателя в формировании критического мышления; внедрить междисциплинарные модули, раскрывающие философские и этические аспекты цифровизации экономики; обеспечить нормативное закрепление требований к ИИ в образовании и др.

Перспектива интеграции ИИ в политэкономическое образование

должна развиваться в рамках парадигмы ответственного инновационного развития, где ИИ служит не заменой, а дополнением к фундаментальному гуманитарному знанию. При условии сохранения критической рефлексии над технологиями ИИ сможет стать катализатором образовательного прогресса, а не источником новых форм интеллектуальной зависимости.

Литература и источники

1. Современная политэкономию. Типовая учебная программа по учебной дисциплине для учреждений высшего образования // Республиканский портал проектов образовательных стандартов высшего образования. – URL: https://edustandart.by/media/k2/attachments/pr_sovremennaya-politekonomiya_180522_new.pdf (дата обращения: 12.09.2025).
2. О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 : постановление Совета Министров. Респ. Беларусь, 21 апр. 2023 г. № 280 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22300280> (дата обращения: 12.09.2025).
3. Методические рекомендации по использованию технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе учреждений общего среднего образования : утв. Министерством образования Республики Беларусь 2 июля 2025 г. // Национальный образовательный портал. – URL: https://adu.by/images/2025/07/09/1455_08_07_2025_IMP_II.pdf (дата обращения: 12.09.2025).
4. Современная политэкономию : учеб. пособие / В. Г. Гусаков [и др.] ; под ред. В. Г. Гусакова. – Минск : РИВШ, 2022. – 463 с.

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРОБЛЕМА ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА

Д. Г. Доброродный

Цифровое неравенство первоначально понималось как разрыв в доступе к цифровым технологиям и интернету, который накладывался на традиционное социальное неравенство и усиливал его. Причины этого разрыва многообразны:

- ограниченный физический доступ, обусловленный географией и уровнем развития инфраструктуры;
- финансовые барьеры, препятствующие приобретению технологий для малоимущих;
- возрастные особенности, затрудняющие освоение технологий пожилыми людьми;
- различные социокультурные факторы (национальные традиции, политические режимы, уровень образования, религиозность).

По мере все большего проникновения цифровых технологий в нашу жизнь, усложнения и повышения их функциональности, проблема

цифрового неравенства обретает новые очертания. Дискуссия о проблеме вышла на новый уровень с распространением технологий искусственного интеллекта (ИИ), которым делегируются отдельные функции социального управления: контроля, надзора, принятие решений. Наиболее ярким примером дискуссии в этом контексте является обсуждение систем социального рейтинга [1].

Социальная эпистемология расширяет понятие цифрового неравенства, раскрывая эпистемическое измерение проблемы – как цифровые технологии, особенно алгоритмы ИИ, создают или усугубляют несправедливость в производстве, распространении, признании и использовании знания определенных лиц и социальных групп как субъектов познания и знания («knowers»).

Концепция эпистемической несправедливости (ЭН) была разработана британским философом Мирандой Фрикер (Miranda Fricker) и представлена в работе «Эпистемическая несправедливость: власть и этика знания» [2]. ЭН возникает в ситуации, когда человек или группа оказываются ограничены в своих правах и возможностях как субъекты познания и знания. При этом речь идет не о единичном случае, а о системном явлении, основанном на идентичности (рас, пол, класс, возраст, сексуальность и т. д.) и подрывающем саму способность человека или группы участвовать в производстве, трансляции, получении и интерпретации знания. ЭН включает в себя предрассудки, предвзятость, замалчивание, систематическое искажение смысла, недооценку эпистемического статуса в социальной коммуникации, неоправданное недоверие.

М. Фрикер выделяет два основных типа ЭН:

1) Тестоминиальная (testimonial) – это несправедливость по отношению к человеку, когда он выступает в роли субъекта знания (свидетеля, рассказчика, эксперта), она выражается в занижении степени «достоверности» («credibility») информации исключительно из-за предубеждения «слушателя» относительно социальной группы «говорящего». Предубеждения влияют на восприятие информации на систематической основе, поскольку подкрепляются устойчивыми стереотипами. Например, свидетельство ребенка ставится под сомнение на основании стереотипного предубеждения о незрелости, неопытности и неспособности рационально мыслить и объективно оценивать. В схожей ситуации оказываются женщины в обществе с сильными патриархальными установками, им могут не верить из-за стереотипов об иррациональности, эмоциональности, легкомысленности женщин. М. Фрикер приводит в качестве классического примера «тестоминиальной несправедливости» случай из романа известной американской писательницы Н. Х. Ли «Убить пересмешника», когда показаниям чернокожего мужчины в провинциальном городке южного штата Алабамы априори не доверяют из-

за расовых предрассудков, несмотря на их истинность и важность. В результате, истинное знание не получает признания и даже не подвергается верификации, а человек не может принести своим знанием общественной пользы, подвергаясь ущемлению в правах и оскорблению своего достоинства.

2) Герменевтическая (Hermeneutical) несправедливость – это несправедливость, совершаемая по отношению к человеку, когда он пытается понять и осмыслить свой собственный опыт, но не может этого сделать адекватно из-за сложившихся коллективных представлений, средств и способов осмысления опыта (общепринятых понятий, концепций, нарративов), его опыт отрицается или искажается доминирующими интерпретациями. Это ситуация возникает в результате неравного распределения эпистемических статусов в обществе, когда отдельные социальные группы исключаются из процессов производства знаний, смыслов и значений, формирования устойчивых форм интерпретаций, лишены равного участия в формировании «общего понимания» (collective understanding) явлений и процессов общественной жизни. Когда члены этих маргинализированных групп сталкиваются с опытом, специфичным для их угнетенного положения, им буквально не хватает слов (понятий) или концептуальных оснований, чтобы его осмыслить, выразить и сделать понятным для других (и даже для себя). Опыт остается непонятым, неартикулированным, «невидимым», человек лишен возможности сформировать адекватное знание о своем собственном положении, при этом чувствует замешательство, изоляцию, беспомощность из-за неспособности понять, что с ним происходит. М. Фрикер использует в качестве примера случаи женщин, подвергавшихся сексуальным домогательствам на работе до того, как термин «сексуальные домогательства» вошел в широкий обиход. У них был опыт, но не было общепринятого понятия и средств интерпретации, чтобы его осмыслить как неправомерное действие определенного типа, а не как личную неудачу или невезение. Таким образом, тестоминиальная несправедливость ограничивает возможность быть услышанным, а герменевтическая – способность осмыслить и артикулировать собственный опыт.

Концептуальный аппарат эпистемической несправедливости оказывается релевантным для анализа новых форм цифрового неравенства, порождаемых ИИ. Работа современных алгоритмов ИИ, особенно основанных на машинном обучении (включая нейронные сети), зависит от огромных массивов данных, которые содержат «общепринятые» представления, а следовательно, воспроизводят устоявшиеся стереотипы и предрассудки. Алгоритмы ИИ выявляют статистические закономерности, которые могут совпадать с предрассудками. Например, статистически может быть обнаружена корреляция между почтовым

индексом в «неблагополучном» районе или занятостью в определенном секторе экономики и предполагаемой кредитоспособностью, но это будет предвзятым отношением к личной истории конкретного человека. Получается, что ИИ систематически недооценивает данные или характеристики, не соответствующие доминирующим в обучающей выборке паттернам. Это можно считать проявлением тестоминиальной несправедливости, поскольку речь идет об игнорировании сведений представителей маргинализированных групп.

Герменевтическая несправедливость при использовании ИИ выражается в недостаточной репрезентации данных об опыте маргинальных групп. Опыт таких групп и единичных субъектов будет плохо представлен или вовсе отсутствовать в обучающих данных, ИИ просто не узнает об этом опыте, не сможет его распознать, классифицировать или адекватно интерпретировать. Это будет проявляться в работе алгоритмов поиска, рекомендаций и ранжирования информации в социальных сетях, которые определяют, какая информация о социальных проблемах и группах становится видимой и в каком свете она подается, как будет формироваться коллективное понимание информации. Алгоритмы, оптимизированные под метрики вовлеченности, показывают контент, соответствующий существующим стереотипным представлениям, потому что он вызывает больше реакций, так стереотипы циклически укрепляются, а возможности для интерпретации и понимания уникального опыта снижаются.

Таким образом, ИИ способен усиливать эпистемическое и цифровое неравенство, хотя позиционируется как объективный и нейтральный инструмент обработки данных. Алгоритмы ИИ активно формируют контент и контекст, которые, в свою очередь, определяют, чьи свидетельства будут приняты (тестоминиальная несправедливость) и какие смыслы и интерпретации будут считаться валидными (герменевтическая несправедливость). Без целенаправленных усилий по выявлению и устранению предвзятости на всех этапах жизненного цикла ИИ (сбор и подготовка данных, разработка и обучение алгоритмов, валидация, обеспечение прозрачности и подотчетности, мониторинг) эти технологии рискуют институционализировать и масштабировать эпистемическую несправедливость. Это превращает их из инструментов прогресса в механизмы систематического угнетения, подрывающие сами основы справедливого эпистемического порядка в цифровую эпоху.

Литература и источники

1. Белокрылова, В. А. Конвергенция социальных и информационных технологий и проблема доверия в цифровом обществе / В. А. Белокрылова, Д. Г. Доброродный // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2022. – № 1. – С. 23–31.

2. Fricker, M. Epistemic Injustice. Power and the Ethics of Knowing / M. Fricker. – New York : Oxford University Press, 2007. – 188 p.

ТИПОЛОГИЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РАБОТАХ П. БУРДЬЕ

А. Ю. Дудчик

Будучи одним из наиболее известных и влиятельных французских социологов, П. Бурдьё предлагал социологический анализ науки и университетского образования. Изучал он и проблематику истории философии, например, в отдельном исследовании, посвященном анализу взглядов М. Хайдеггера [1]. Достаточно подробно история французской философии представлена и в его известной работе «*Homo academicus*» [2] – «Человек академический», предлагающей достаточно эвристическую программу изучения истории научного и философского знания.

Сам проект изучения «человека академического» П. Бурдьё является логичным следствием его установки на критическую рефлексивность социологического знания, предметом должна стать не только исследуемая социальная реальность, но и сам субъект ее изучения во всем многообразии своих связей с конкретными социальными условиями.

На основании анализа большого количества биографических данных французских интеллектуалов, Бурдьё выделяет ряд показателей, достаточно полно характеризующих положение индивидов в поле научной и университетской деятельности, представляющие разные формы капитала, некие ресурсы, позволяющие занимать определенные позиции, а также усиливать власть и влияние в рамках полей науки и образования. Эти показатели следующие:

1. Социальные факторы, оказывающие влияние на формирование соответствующего габитуса и в конечном счете оказывающие влияние на успех в области образования, в значительной степени наследуемые.

2. Образовательный капитал, являющийся производным или, словами самого исследователя, результатом перевода предыдущих форм капитала. В него входят: полученное образование (включая статус образовательного учреждения), образовательные успехи (формализованные в виде различного рода наград), полученные степени. В качестве дополнительного критерия он указывает возраст (поступления, прохождения по конкурсу, получения степени и т. д.).

3. Капитал университетской власти: занятие руководящих должностей, вхождение в состав различных комиссий, комитетов, жюри и т. д.

4. Капитал научной власти: руководство научными коллективами, научными изданиями, подготовка исследователей, членство в комиссиях и

советах по научным исследованиям и т. д.

5. Капитал научного престижа: научные награды, членство в академиях и почетные звания, участие в международных конгрессах, переводы на иностранные языки и т. д. При этом Бурдьё отмечает, что не учитывал в исследовании индексы цитирования, в силу их существенных расхождений для разных дисциплин и разных факультетов. Конечно, сегодня подобные наукометрические показатели играют существенную роль.

6. Капитал интеллектуальной известности: членство в Французской академии, упоминание в энциклопедических изданиях, выступления и сотрудничество со СМИ, публикации научно-популярных работ. Здесь нужно отметить специфику французской ситуации, о чем пишет и сам Бурдьё, и авторы критической литературы по теме. Для Франции характерна достаточно тесная связь гуманитарной науки и художественной литературы (полей науки и литературы в терминологии самого Бурдьё), более тесная связь науки с публичным пространством и т. д.

7. Капитал политической и экономической власти: политические и государственные должности, участие в государственных комиссиях по планированию, работа в учреждениях, занимающихся подготовкой администраторов («школах власти»), государственные награды.

8. Политические «диспозиции в широком смысле» [2, с. 86]: подписание публичных обращений, выступления с критикой (Бурдьё приводит примеры конгрессов в Каннах 1966 году и в Амьене в 1968 году, посвященных критическому осмыслению проблем системы образования).

Л. Вакан предлагает различать два основных типа капитала: академический, связанный с контролем над материальными, организационными и социальными инструментами воспроизводства факультетов, и интеллектуальный, связанный с научным престижем и признанием со стороны коллег. Противопоставление двух типов капитала, преобладающих в различных дисциплинах, также отражает противопоставление двух фракций доминирующего социального класса [3, с. 680]. Р. Дженкинс в издании своей книги о Бурдьё 2025 г., впрочем, отмечает, что подобное сложное сочетание социального и культурного капитала все же является специфическим для французской ситуации 1960–70-х гг. [4, с. 137].

Следует отметить, что часть этих показателей в большей степени связаны с конкретными институциональными позициями, которые могут меняться, часть – с конкретными индивидами (Бурдьё пишет о важности авторитета имени), будучи в меньшей степени отчуждаемыми от своего носителя. Анализируя соотношение различных показателей, Бурдьё фиксирует свойство накопления различных видов капитала (по отношению к научной деятельности известное как «Эффект Матфея» Р. Мертон).

Различная конфигурация этих показателей для разных сегментов

поля науки выражается в специфике различных дисциплин и порождает длящийся во времени «спор факультетов» (отсылка к известной работе Канта). Бурдье предлагает типологизировать научные дисциплины не по внутринаучным критериям, а по степени влияния на них политической власти и существующего социального порядка целом, что проявляется в преобладании собственно научного или социального капитала в них. Это позволяет ему выделить два противоположных полюса, на которых находятся естественнонаучные дисциплины («научный полюс»), ориентированные в большей степени на научные критерии признания заслуг, и правовые и медицинские дисциплины («светский полюс»), в которых нормативная составляющая преобладает над исследовательской и инновационной. Срединное положение в этой схеме занимают общественные науки. Данная оппозиция, по мнению Бурдье, также отчасти воспроизводится и на уровне отдельных дисциплин внутри соответствующих факультетов. Спор факультетов, считает исследователь, в конечном счете оказывается спором о преобладании различных способностей (фр. *faculte*) и различных «логик»: исследовательской и нормативной. Следствием этого также являются различные представления о том, насколько эти способности, равно как и присущие ученому добродетели, могут быть формализованы и исчислены. Последнее важно, поскольку в социальных способностей важную роль играют плохо формализуемые интуиция, такт, вкус, то, что Бурдье в целом определяет как «социальное чутье».

Учет бюджета времени и анализ времени (как одного из возможных видов капитала) важен для исследования Бурдье в целом. Использование бюджета времени и в целом инвестирование в те или иные виды научной деятельности для приобретения научного капитала также предполагает разнообразие стратегий и подходов, различающихся в зависимости от конкретных дисциплин. Бурдье вновь прибегает к использованию бинарных оппозиций, выделяя канонические и новые дисциплины. Канонические дисциплины в большей степени носят нормативный характер; они ориентированы на поддержании сложившегося статус-кво, представленного в виде канона подходов, идей, текстов; соответственно, в них в меньшей степени востребована принципиальная новизна, а риторический акцент при описании научных достижений делается на «серьезности», соответствии правилам и нормам, значимости и фундаментальности темы и т. п. Эти дисциплины в большей степени связаны с образовательной системой, механизмами воспроизводства посредством образования, а также формированием корпуса будущих преподавателей. «Правила игры» для канонических дисциплин более определены и эксплицитны, однако карьерный успех требует больших временных затрат. Напротив, новые дисциплины (иногда Бурдье называет их «еретическими») в большей степени ориентированы на новизну и

инновационность полученных результатов, что приводит их к критическому переосмыслению уже сложившихся представлений. Наиболее пригодны для подобных резких изменений оказываются не канонические дисциплины, а, напротив – дисциплины второстепенные, маргинальные (Бурдье приводит примеры региональных исследований: ассириологии, египтологии, индологии, исламских и берберских исследований и т. п.) и узкоспециализированные (история христианской философии), в силу их меньшей зависимости от принуждений, «налагаемых программой и многочисленной публикой, со всеми вытекающими обязанностями, а также престижем и властью» [2, с. 209]. Соответственно, в этих областях еще не устоялись рутинные карьерные траектории, что дает возможность быстрее достичь определенного академического успеха, однако вместе с тем и увеличивает риск карьерной неудачи. Из этого следуют и жанровые различия (диссертация / монография и статья соответственно) и временные и скоростные параметры (условные «медленная» и «быстрая» дисциплины).

Литература и источники

1. Бурдье, П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера / П. Бурдье ; пер. с фр. А. Т. Бикбова, Т. В. Анисимовой. – М. : Праксис, 2003. – 272 с.
2. Бурдье, П. Homo academicus / П. Бурдье ; пер. с фр. С. М. Гавриленко [и др.] ; под науч. ред. Е. В. Кочетыговой, Н. В. Савельевой. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. – 464 с.
3. Wacquant, L. Sociology as socioanalysis: Tales of Homo Academicus / L. Wacquant // Sociological Forum. – 1990. – Vol. 5, № 4. – P. 677–689.
4. Jenkins, R. Pierre Bourdieu / R. Jenkins. – Routledge, 2025. – 186 p.

АНТОНИО НЕГРИ: ФИЛОСОФИЯ КАК СПОСОБ ОСМЫСЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ СОВРЕМЕННОСТИ

И. А. Евдокимов

Итальянский философ Антонио Негри полагал, что роль философии, особенно в современности, может быть весьма многогранной, но опирался на необходимость ее построения на основе праксиса, поскольку это, по его мнению, позволяет менять общественные отношения, выходя за пределы теоретизирования. Делать это, согласно оценке Негри, философия должна через умение концептуализировать социальные отношения, тем самым зарождая или продвигая философскую мысль, давая читателю возможность обрести источник для размышлений.

Указанную выше идею Негри иллюстрировал через исследование трудов М. Фуко. С его точки зрения, в реальности невозможно узреть использовавшиеся М. Фуко понятия биовласти [2, р. 185–186] и

биополитики, но они имеют значимость для философии, поскольку обладают высокой конститутивной полезностью. По Негри, биовласть и биополитика Фуко являют собой имена, подробно отражающие то, что только лишь может представлять реальность, исходя из мироощущения тех, кто живет внутри этих понятий. Подобная концептуализация позволяет выявить определенные тенденции в общественных отношениях через творческое воображение, создавая теорию через практику и вновь возвращая ее к практике, тем самым делая диалектический переход от описания особенностей социального взаимодействия к пониманию способов их изменения.

В этом же контексте Негри опирался на Спинозу, полагая, что любая философия, «предпринимающая попытки выйти за пределы застенелой оболочки, запечатавшей бытие, в этот кратковременный момент становится спинозистской» [11, р. 1–2]. Для него было очевидно, что невозможно «засвидетельствовать надежду философии и бытия, если отказаться от признания себя спинозистами» [11, р. 3]. Поэтому и свой философский путь он называл «спинозистским» [10, р. 34], а себя – «непоколебимым спинозистом» [6, р. 40–41].

Негри считал Спинозу значимым для своей философии, поскольку, по его мнению, он дал ему возможность «адекватно узреть капиталистические процессы» [7, р. 206], поэтому и «спинозизм» стал для него условием для размышлений и средством для описания современных общественных движений. Используя понятие «множества», обнаруживающееся у самого Спинозы [1, с. 280], Негри предложил собственную интерпретацию этого термина, выработав через него авторский концептуальный аппарат. «Множество», по Негри, есть способ общественной кооперации «сингулярностей» [4, р. 99] – социальных субъектов, чьи индивидуальные черты не могут быть унифицированы, поскольку именно личностные характеристики играют значимую роль в динамике общественных преобразований. Объединяясь, «сингулярности» становятся «множеством», формируя полотно глубокой ассоциации, «переплетая трудно дающееся подсчету число видов деятельности» [8, р. 92].

Негри, будучи последователем Маркса, противопоставил понятие «множества» классическому марксистскому понятию «массы» и концепции «народа» Гоббса, поскольку считал, что «множество» не может быть однородным. В качестве примера такого «множества» он называл протестное движение «захвати Уолл-стрит», где, по его оценке, не было ни центра, ни авангарда, ни влияния партии. Негри также полагал, что примерно в то же время сформировались аналогичные движения, использовавшие горизонтальную форму общественной организации. «Они не занимались созданием штаб-квартир и формированием центральных комитетов, – писал Негри в соавторстве с Хардтом, – но они осуществляли

экспансию по подобию пчелиных роев, исполняя методы принятий решений, имеющих демократический характер, чтобы каждый мог участвовать в управлении» [3, p. 11–12].

Таким движениям, как считал Негри, не был нужен лидер, но возникла потребность в философе – интеллектуале, способном интегрировать свои мыслительные функции с функциями самого «множества», проявляющимися в конкретных действиях. Если для «массы» необходим лидер и теоретик, то у Негри он оказывается составной частью «множества», чья автономия построена на горизонтали, а не вертикали. Поэтому интеллектуал для него может быть или «сингулярностью множества», или «гостем» [3, p. 11–12].

Используя исторический подход, Негри указывал на то, что подобные события не являются уникальными. Он вспоминал, что в Италии 1968 года «борьбу возглавили не мыслители, а рабочие, решившие отказаться от компромиссов» [9, p. 34–35].

Наблюдая за такими событиями, философ, по мысли Негри, должен подвергнуть правильному описанию происходящие в обществе процессы, используя для этого авторский концептуальный аппарат, позволяющий лучше понять социальную структуру и ее динамику в пространственно-временном континууме. В этих условиях философия становится помощницей в осмыслении социальной онтологии, давая возможность интегрировать вопросы, лежащие в плоскостях экзистенциализма, аксиологии, антропологии, этики, гносеологии и иногда эстетики.

Следует также отметить, что философия, по Негри, не должна отказываться от идей прошлого, поскольку накопленные знания позволяют разработать тот самый концептуальный авторский аппарат, обеспечивающий адекватное описание общественных отношений современности. Но философия предыдущих исторических этапов должна сначала подробно изучаться в ее оригинальном виде, а после этого подвергаться адаптации с учетом изменений, наблюдаемых в формах и особенностях общественных отношений. Являясь философом марксизма, он полагал, что догматический марксизм не сможет раскрыть свой потенциал в настоящем, так как труд и капитал изменились по своей структуре. Следовательно, согласно его оценке, марксизм необходимо пересмотреть с учетом этих изменений, иначе он не сможет помочь разработать стратегию улучшения условий трудящихся.

Будучи интеллектуалом, Негри отводил себе достаточно скромную роль, указывая на то, «реальное выражает» [5, p. 52], тогда как философ занимается интерпретацией действительности. Но это не означает, что нужно отказываться от философии. Напротив, по его мнению, философия, если только она не оказывается в состоянии отрыва от окружающей действительности, способна оказать воздействие на прaxis. Философия может стать онтологическим решением, источником для размышлений о

сути бытия и инструментом [2, р. 231] изменения окружающей действительности. Но она может использоваться как на благо большинства, так и против него. По Негри, «гигантские философские аппараты все еще активно производятся и воспроизводятся в целях торможения уникальных и конструктивных направлений противодействия и надежды» [8, р. 190–191], поэтому он испытывал «чувство тоски и презрения» [11, р. 1–2] каждый раз, когда видел рецидивы буржуазной идеологии и сведение философии к апологии «рыночных нужд и рабства наемной формы труда» [11, р. 1–2].

Литература и источники

1. Спиноза, Б. Приложение, содержащее метафизические мысли / Б. Спиноза // Избранные произведения : в 2 т. / Б. Спиноза. – М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. – Т. 1. – С. 265–315.
2. Casarino, C. Elogio de lo común: Conversaciones sobre filosofía y política / C. Casarino, A. Negri. – Barcelona, Buenos Aires and Mexico : Paidós, 2006. – 364 p.
3. Hardt, M. Déclaration: Ceci n'est pas un manifeste / M. Hardt, A. Negri. – Paris : Raisons d'agir, 2013. – 137 p.
4. Hardt, M. Multitude: War and Democracy in the Age of Empire / M. Hardt, A. Negri. – New York : The Penguin Press, 2004. – 427 p.
5. Negri, A. A favor de Althusser. Notas sobre a evolução do pensamento do último Althusser / A. Negri // Lugar Comum. – Rio de Janeiro : Universidade Nômade, 2014. – № 41. – P. 51–69.
6. Negri, A. Art and Multitude / A. Negri. – Cambridge : Polity Press, 2011. – 123 p.
7. Negri, A. Books for Burning: Between Civil War and Democracy in 1970s Italy / A. Negri. – London and New York : Verso, 2005. – 299 p.
8. Negri, A. La fabrica de porcelana: Una nueva gramatica de la politica / A. Negri. – Barcelona, Buenos Aires and Mexico : Paidós, 2006. – 214 p.
9. Negri, A. Negri on Negri / A. Negri. – New York and London : Routledge, 2004. – 201 p.
10. Negri, A. Spinoza ayer y hoy: Ensayos 3 / A. Negri. – Ciudad Autónoma de Buenos Aires : Cactus, 2021. – 320 p.
11. Negri, A. Subversive Spinoza: (UN) Contemporary Variations / A. Negri. – Manchester and New York : Manchester University Press, 2004. – 125 p.

ЭКОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

А. И. Екадумов

Парадигмальным основанием для осмысления политической солидарности, унаследованным современной философией от учений, утверждавшихся с эпохи Просвещения, выступает представление о солидаризации индивидов ради защиты от иных индивидов или сообществ. Примерами теоретического воплощения подобной парадигмы служат политические учения Т. Гоббса [1] и К. Шмитта [2].

В учении Т. Гоббса политическая общность образуется ради обуздания неконтролируемого насилия и устранения угроз, исходящих от враждебных друг другу одиночек. В шмиттеанской перспективе группы индивидов образуют политическое единство перед лицом общего экзистенциального врага, чье существование несовместимо с их существованием.

Предлагая альтернативу интерпретации политического Т. Гоббсом, К. Шмитт, тем не менее, имплицитно проводит базовую гоббсианскую идею. Истоком политического сплочения, как и у Т. Гоббса, оказывается страх. Если у Т. Гоббса это страх каждого перед каждым, то у К. Шмитта это страх перед Другим, опознанным как враждебный чужой.

И у Т. Гоббса, и у К. Шмитта любая позитивность возможной общности целей оказывается фундирована негативностью индивидуальной цели устранения рисков. Исходным целеполаганием сплочения политической общности в обоих учениях является преодоление угроз персональному физическому существованию. В учении Т. Гоббса это устранение угроз эгоистичному одиночке со стороны таких же одиночек. В концепции К. Шмитта это борьба с угрозами индивиду, представляющему группу, экзистенциально враждебную иным группам.

Обе концепции политического выстроены в парадигме антропоцентрического представления об опасности. Индивид или общность подвергается неизбежной угрозе своему существованию и благополучию перед лицом других индивидов или общностей. Техника и природа как автономные от человека источники опасности в такой парадигме производства политического не принимаются в расчет. Угрозы безопасности локализуются антропосоциальным измерением. Такое прочтение угроз, и соответственно, политического как сферы их преодоления, соответствует специфической антропоприродной ситуации. Угрозы от враждебных индивидов или враждебных сообществ должны по своей актуальности превышать угрозы, обусловленные воздействием нечеловеческих, несоциальных факторов.

Идея политической консолидации в ответ на опасности, исходящие

от других сообществ или враждебных индивидов, в условиях современной, глобальной рискогенной ситуации, продуцируемой динамикой технобиосферы, требует переосмысления. Концептуальные основания для перепрочтения феномена политического обнаруживаются в теоретических разработках У. Бека, посвященных обществу риска [3].

По мере нарастания экологических проблем обезвреживание технобиосферных рисков становится все более актуальным основанием для политической консолидации. В глобальном мире нечеловеческая агентность сложных техноприродных комплексов оказывается фактором, способным инициировать процессы солидаризации в парадигме политического, отличной от гоббсианско-шмиттеанской парадигмы.

В новой, экоцентрической парадигме политическое состояние рассматривается не в контексте спасения от враждебных человеческих индивидов и групп, но в контексте совместного противостояния угрозам технобиосферной динамики. Глобальные вызовы безопасности, обусловленные негативными эффектами технического прогресса, разворачиваются в ситуации угроз без человеческого врага. При ее эскалации риски лишений и гибели, исходящие от человеческих агентов, перекрываются рисками техноприродных катастроф. Глобальный характер угроз, антропогенных по своей природе, но не исходящих непосредственно от человеческих агентов, задает вектор процессам политической консолидации в масштабах глобального человечества.

Литература и источники

1. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 2001. – 487 с.
2. Шмитт, К. Понятие политического / К. Шмитт // Вопросы социологии. – 1992. – № 1. – С. 37–67.
3. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТИ В ЭПОХУ ГЛУБОКОЙ МЕДИАТИЗАЦИИ

И. И. Екадумова

Современное общество характеризуется растущей интеграцией медиа во все сферы жизни. Одним из наиболее ярких проявлений этого процесса стала политическая сфера, в отношении которой термин «медиа́тизация» используется для обозначения проникновения медиа в политические процессы и узурпации ими функций политических институтов [1]. В контексте политики медиа́тизация связывается с глобализацией, популизмом и эпохой «пост-правды», а ее эффектом признается функционирование политики в соответствии с медиа́логикой

[2; 3]. В широком смысле медиатизация политики понимается как перемещение реальной политической жизни в символическое пространство средств массовой информации [4, с. 72].

Некоторые исследователи понимают медиатизацию более широко, включая в нее все проявления воздействия медиатехнологий на повседневную жизнь людей и социальные отношения. В этом смысле медиатизация представляется двойственным процессом: медиа формируют собственную логику как отдельный социальный институт, а другие социальные институты к этой логике приспосабливаются [5]. В данной интерпретации медиатизация охватывает общество и культуру в целом, представляя собой состояние, при котором медиа интегрированы в ткань социальной жизни и влияют на социальные взаимодействия, институты и культурные представления [6]. Медиатизация как тренд социодинамики современных обществ означает формирование общего информационного пространства через медиакоды, определяющие восприятие реальности [7]. Ключевая особенность этой долгосрочной трансформации состоит не в содержании сообщений или преобладании определенного типа медиа, а в изменении динамики взаимодействий между различными уровнями социальной реальности под влиянием развития медиа [8].

В условиях цифровой трансформации феномен медиатизации потребовал переосмысления с учетом опыта работы цифровых платформ. В своей книге «Медийное конструирование реальности» (2016) Н. Коулдри и А. Хепп развили концепцию глубокой медиатизации на основе ревизии классической феноменологии П. Бергера и Т. Лукмана. Глубокая медиатизация характеризуется растущей зависимостью социальной жизни от непрерывного функционирования цифровых систем и обеспечивающих их инфраструктур, контролируемых технологическими корпорациями. Кроме того, глубокая медиатизация усиливает рефлексивность акторов, которые осознают проблемы медиаэкспансии, но чаще надеются решить их с помощью новых, более совершенных технологий [9, с. 422].

Если медиатизация означает адаптацию социальных институтов к медиалогике, то глубокая медиатизация знаменует собой переход к принципиально новому принципу организации социальной реальности, где технологии медиакommunikации не просто опосредуют или воздействуют на социальное, а производят его. В условиях глубокой медиатизации технологии цифровой медиакommunikации становятся неотъемлемой частью любых социальных процессов. Тем самым они определяют возможности и границы социального действия.

В условиях глубокой медиатизации власть как асимметричное отношение между социальными субъектами эволюционирует от традиционных к новым формам, связанным с практиками, технологиями, организациями и институтами медиакommunikации. Согласно Коулдри и Хеппу, медиатизация проходит четыре волны: механизация (1450–1830 гг.,

печатные медиа), электрификация (1830–1950 гг., электронные медиа), дигитализация (с 1950-х годов, компьютеры, а позже и интернет) и датификация (XXI век, большие данные и интернет вещей). Последние две волны коррелируют с фазой глубокой медиатизации [9].

Каждая из этих волн не только меняет медиасреду, но и создает новые возможности для проявления властных отношений, причем переход к цифровым технологиям существенно трансформировал механизмы властвования. Если в доцифровую эпоху власть реализовывалась преимущественно через принуждение, убеждение или авторитет в отношениях между людьми, а медиа были всего лишь инструментом властных отношений, то сегодня власть все больше осуществляется через использование технологических возможностей цифровых платформ, алгоритмов и потоков данных. Новые технологические условия социальной коммуникации способствуют перераспределению власти от традиционных политических институтов и медиа к технологическим корпорациям, способным задавать определенные параметры социального взаимодействия и тем самым влиять на восприятие реальности миллиардами людей.

Таким образом, трансформация власти в эпоху глубокой медиатизации представляет собой качественный сдвиг, связанный с изменениями в механизмах властного воздействия. Медиа в этом процессе приобретают конституирующую функцию, обеспечивая возможности для возникновения и преобразования самих властных отношений.

Власть медиа при этом опирается на контроль над технологической инфраструктурой социального взаимодействия, что принципиально отличается от традиционных форм власти.

Эта тенденция требует переосмысления самого понятия власти не в категориях способности для одного субъекта добиваться от другого определенных действий, а в категориях конструирования реальности, в которой социальные субъекты реализуют свою способность создавать и интерпретировать символические формы, принимать решения и формировать свою идентичность.

Литература и источники

1. Mazzoleni, G. «Mediatization» of politics: A challenge for democracy? / G. Mazzoleni, W. Schulz // Political communication. – 1999. – Vol. 16, № 3. – P. 247–261.
2. Быков, И. А. Медиатизация политики в эпоху социальных медиа / И. А. Быков // Журнал политических исследований. – 2017. – Т. 1, № 4. – С. 15–38.
3. Пую, А. С. Медиатизация политики: в поиске новых исследовательских подходов / А. С. Пую // Меди@льманах. – 2023. – № 1. – С. 114.

4. Русакова, О. Ф. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики / О. Ф. Русакова, Е. Г. Грибовод // Антиномии. – 2014. – Т. 14, № 4. – С. 65–77.
5. Mediatization: Concept, Changes, Consequences / Knut Lundby. – Peter Lang, 2009. – 316 p.
6. Hjarvard S. The mediatization of culture and society / S. Hjarvard. – London : Routledge, 2013. – 192 p.
7. Анохина, В. В. Медиатизация как тренд социокультурной динамики современных обществ / В. В. Анохина // Судьбы классического университета: национальный контекст и мировые тренды : материалы XIII Респ. междисциплинар. науч.-теорет. семинара. – Минск : БГУ, 2019. – С. 11–30.
8. Hepp, A. Mediatized worlds: Understanding everyday mediatization / A. Hepp // Mediatized worlds : Culture and society in a media age / A. Hepp, F. Krotz (eds.). – London : Palgrave, 2014. – P. 1–15.
9. Ним, Е (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации / Е. Ним // Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16, № 3. – С. 409–427.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КУРСАНТОВ АКАДЕМИИ МВД РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН: ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

А. С. Кодиркулов

Современные вызовы, связанные с глобализацией, цифровизацией и культурной трансформацией общества, ставят перед образовательными учреждениями Министерства внутренних дел Республики Узбекистан задачу целенаправленного формирования у курсантов устойчивых ценностных ориентиров, отражающих идеалы служения Родине, верность долгу и ответственность перед гражданами. В этом контексте преподавание дисциплины «Патриотическое воспитание» приобретает не только образовательное, но и стратегическое значение, так как обеспечивает подготовку сотрудников органов внутренних дел как носителей государственной идеологии и защитников национальных интересов.

Патриотическое воспитание курсантов Академии МВД Республики Узбекистан направлено на формирование у них сознательного отношения к службе, готовности к выполнению профессиональных обязанностей в условиях риска и повышенной социальной ответственности. Эта дисциплина способствует интеграции правовых, культурных и моральных норм в профессиональное самосознание будущих сотрудников. Особое внимание уделяется формированию духовно-нравственных ценностей: уважению к Конституции и законам, национальной культуре, языку, традициям и истории. Тем самым патриотическое воспитание становится

фундаментом профессиональной идентичности, позволяя курсантам воспринимать свою службу как высшую форму служения государству и народу.

Патриотическое воспитание представляет собой одну из ключевых задач образовательного процесса в силовых структурах, включая Министерство внутренних дел Республики Узбекистан. Оно направлено на формирование у курсантов устойчивой гражданской позиции, высокой мотивации к службе Отечеству, верности долгу и готовности к самоотверженному выполнению профессиональных обязанностей. В условиях усиливающихся внешнеполитических вызовов, внутренних трансформаций и идеологической конкуренции, вопрос формирования патриотической идентичности будущих сотрудников МВД приобретает особую значимость [1].

Педагогическая практика показывает, что патриотизм – не врождённое чувство, а результат целенаправленного воспитательного влияния. В Академии МВД данное направление реализуется через отдельную учебную дисциплину, включающую лекционные, семинарские и практические занятия, а также через внеаудиторную работу, культурно-просветительские мероприятия и систему наставничества.

Цель данной статьи – проанализировать актуальные аспекты изучения дисциплины «Патриотическое воспитание» курсантами Академии МВД, выявить педагогические и психологические условия формирования устойчивых патриотических установок и определить пути повышения эффективности данного образовательного компонента.

В современной научной литературе патриотическое воспитание рассматривается как целенаправленный процесс формирования у личности высокого уровня гражданской ответственности, чувства национальной принадлежности, готовности к защите интересов Родины [2]. Оно включает следующие компоненты: когнитивный (знания о государстве, истории, культуре), эмоционально-ценностный (любовь к Родине, гордость за народ) и поведенческий (готовность к действию в интересах Отечества) [3].

Особенность патриотического воспитания в структуре подготовки сотрудников МВД заключается в его синтезе с профессиональной этикой, правосознанием, служебной дисциплиной и моральной устойчивостью. В этом контексте обучение должно носить междисциплинарный характер, объединяя элементы истории, права, социологии и психологии.

Важную роль играют примеры героизма сотрудников МВД, литературные и кинематографические образы защитников Родины, участие в акциях «Я – патриот», «Живая память», «Неделя героев» и др. Эти формы усиливают эмоциональное восприятие содержания дисциплины и способствуют личностному принятию патриотических ценностей [4].

Дисциплина «Патриотическое воспитание» выполняет важную

миссию в системе профессионального формирования курсантов Академии МВД Республики Узбекистан. Она способствует развитию гражданской ответственности, служебной мотивации и лояльности к государственным институтам. Однако результаты проведённого исследования указывают на необходимость методического обновления курса, усиления прикладной направленности и личностной вовлечённости.

Курс должен не только передавать знания о государственной символике, истории, законодательстве, но и стимулировать личностную рефлексию, развивать способность к морально-нравственному выбору, готовность к службе и самопожертвованию. Предлагается:

- расширить количество кейс-заданий, основанных на реальных событиях из деятельности МВД;
- интегрировать элементы диалоговой педагогики, групповых дискуссий;
- включить в оценку уровня усвоения не только тестирование, но и проектные формы;
- активнее привлекать ветеранов, сотрудников с полевым опытом к совместному обучению;
- внедрить междисциплинарные модули с участием преподавателей права, истории, социологии.

Таким образом, повышение эффективности патриотического воспитания курсантов требует комплексного подхода – синтеза содержания, методики и профессионального примера.

Литература и источники

1. Кодиров, Б. Т. Миллий ғоя: асосий тушунчалар ва тамойиллар / Б. Т. Қодиров. – Т. : Ўқитувчи, 2020.
2. Хидоят, Қ. Х. Миллий ғоя, маънавият асослари ва ҳуқуқий маданият / Қ. Х. Хидоят. – Т. : IV Akademiyasi, 2022.
3. Karimov, I. A. Vatan sajdagoh kabi muqaddasdir / I. A. Karimov. – Т. : O'zbekiston, 1996.
4. Бабаев, А. И. Воспитание курсантов на традициях и примерах мужества / А. И. Бабаев, И. А. Абдураззаков // Маънавият. – 2023. – № 1. – С. 14–19.

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ЭПОХУ МЕДИАТИЗАЦИИ: УНИВЕРСАЛИИ КУЛЬТУРЫ И «СИМВОЛИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ» В ПРОЦЕССАХ КОММУНИКАЦИИ

И. Н. Колядко

Общество как сложноорганизованная целостность в современной социальной философии и социально-гуманитарном знании осмысливается с различных теоретико-методологических позиций: от системно-деятельностной интерпретации его онтологических и социокультурных оснований до социально-феноменологических и фигуративных теорий. Предметом исследования все чаще становится особый вид социальной реальности, именуемый в современном научном дискурсе как «информационное общество», «цифровое общество», «сетевое общество» и т. д. При всех особенностях и реальных различиях указанных типов общества, одним из сущностных их атрибутом является наличие в структуре развитой *информационно-коммуникационной инфраструктуры*, квинтэссенцией которой выступают медийные технологии на основе «big data». Именно последние становятся фактором возможных социокультурных трансформаций оснований современного общества посредством реинтерпретации существующих или воспроизводства новых смыслов и ценностей, образующих содержание аксиосферы культуры.

Культура, в свою очередь, хранит, транслирует, генерирует программы деятельности, поведения и общения, составляющих совокупный социально-исторический опыт. Динамика культуры, возможные трансформации и кризисы в социокультурном развитии общества обусловлены появлением новых *надбиологических (символических) программ человеческой жизнедеятельности*, в качестве фундамента которых выступают *универсалии культуры* – особые категории и мировоззренческие паттерны, определяющие способ осмысления, понимания и переживания человеком мира. Опираясь на деятельностный подход к анализу культуры, обоснованный В. С. Степиным, изменение онтологических и социокультурных оснований общества, возникновение кризисных периодов в его развитии связано с «преобразованием базисных смыслов универсалий культуры» и знаменует трансформацию «не только образа человеческого мира, но и продуцируемых им типов личности, их отношения к действительности, их ценностных ориентаций» [1, с. 211]. Особенностью современного этапа развития информационного общества является то, что изменение базисных смыслов универсалий культуры осуществляется посредством динамично развивающейся информационно-коммуникационной инфраструктуры и не в последнюю очередь благодаря *медиатехнологиям*.

Новые информационно-коммуникационные и, в особенности, медиатехнологии оказывают непосредственное влияние на жизненный мир человека, в определенном смысле подчиняя его технологическим возможностям, особенно в сфере коммуникации. Как отмечает в этой связи М. Кастельс, «если фундаментальная битва за определение норм в обществе и применение этих норм в повседневной жизни происходят вокруг формирования человеческого сознания, то коммуникация является эпицентром этой битвы» [2, с. 20–21]. Технологии, в том числе и *новые технологии коммуникации*, из чисто вспомогательного средства, увеличивающего комфортность жизни людей, превращаются в доминирующий фактор трансформации культуры и фундаментальных оснований современного общества – политико-институциональных, социально-экономических, духовных. Возникает феномен, получивший название «*технологической сингулярности*», когда технологическое развитие, основанное на интеграции искусственного интеллекта в сознание человека, становится в принципе неуправляемым и необратимым, что порождает радикальные изменения характера человеческой цивилизации. Динамика культуры становится нелинейной, а воспроизводство ее фундаментальных *мировоззренческих структур* – универсалий культуры – все в большей степени зависимым от *медийно конструируемой событийности*. Реальность и, прежде всего, *социальная реальность*, понимаемая, как опосредованная *совместной деятельностью* надорганическая институциональная форма существования людей [3; 4; 5], формируется на основе смыслов и ценностей, сгенерированных в *процессах коммуникации* [6, с. 415]. Речь в данном случае идет о своего рода *конструировании* социальной реальности посредством технологий коммуникации, что выступает одной из радикальных форм медиатизации.

Социально-философское осмысление описанных процессов формирования информационно-коммуникационной инфраструктуры современного общества нашло свое отражение в работах А. Моля, П. Бергера, Т. Лукмана, М. Кастельса, П. Бурдьё, Н. Коулдри, А. Хеппа. В их концепциях внимание сосредоточено на выявлении роли информационно-коммуникационных технологий в генерации и воспроизводстве мировоззренческих универсалий, выступающих своеобразным «геномом социальной жизни» [1, с. 206], матрицей для развертывания разнообразных конкретных образцов деятельности, знаний, предписаний, норм, идеалов, регулирующих социальную жизнь в рамках определенного типа культуры. И, как отмечают ученые, роль их меняется по мере формирования информационно-коммуникационной инфраструктуры современного общества – от вспомогательной формы опосредования социальных взаимодействий до практически самостоятельной структуры, задающей способы организации социального пространства. Таким образом, именно социально-философский анализ

предлагает подлинно системный, ориентированный на экспликацию важнейших параметров и функционального статуса информационно-коммуникационных технологий в формировании социальной картины мира и конструировании социальной реальности, подход. Выявление онтологических и социокультурных оснований информационно-коммуникационной инфраструктуры современного общества позволяет не только зафиксировать особенности социальной динамики, но также определить преимущества и возможные риски, возникающие в процессе медиатизации.

В рамках *концепции социодинамики культуры* (А. Моль, 1967) последняя понимается в качестве особого интеллектуального «оснащения» и представляет собой структуру знаний, идей, смыслов и ценностей, присущих определенному типу общества. А. Моль обращает внимание на механизмы формирования определенной картины мира на основе усвоения человеком базисных смыслов мировоззренческих универсалий. При этом ученый, различая два типа культур – *традиционную гуманитарную и современную «мозаичную»* – отмечает, что важнейшим отличием последней является то, что «знания формируются в основном не системой образования, а *средствами массовой коммуникации*» [7, с. 45]. Таким образом, А. Моль фиксирует и, опираясь на конкретные фактологические данные, обосновывает идею, согласно которой формообразование восприятия и опосредующих его репрезентаций в современном обществе носит фрагментарный характер и осуществляется путем воздействия современных технологий коммуникации.

Продолжают исследования особенностей интеграции информационно-коммуникационной инфраструктуры в социальную практику П. Бергер и Т. Лукман, отмечая ключевую роль медиа в поддержании оснований *базовой реальности повседневности*: медиа выступают в качестве технологической основы легитимации институционального порядка, участвуют в производстве знаний и идентичности [8]. Выступая влиятельным агентом социализации и образования, технологии коммуникации и новые медиа прочно встроены в систему производства и распределения знаний, они являются не только средством приобщения к «*символическому универсуму*», определяющему способы социального упорядочения действительности, но и механизмом идентификации и проектирования идентичности в цифровой среде. Однако еще более глубокая интеграция новых коммуникационных и медиатехнологий в структуру современного общества – *медиатизация* (Н. Коулдри, А. Хепп) [9] – приводит к ситуации, когда установление норм социального взаимодействия и «*легитимное видение социальной реальности*» (П. Бурдье), то есть осуществление власти, как способа организации общества, становится прерогативой информационно-коммуникационной инфраструктуры. Таким образом реализуемая

«символическая власть», понимаемая как «борьба за формирование общественного сознания на символическом уровне» [10, с. 146], то есть на уровне смыслов и ценностей, нередко оборачивается *символическим информационным насилием* – бессознательным подчинением власти посредством системы знаний и иерархии ценностей, приобретающих само собой разумеющийся характер, и заставляющий признать их легитимными, одновременно скрывая силовые отношения, которые лежат в ее основе [11, с. 38].

Таким образом, следует отметить, что формирование и развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры оказало существенное влияние на способы организации социокультурного пространства современного общества, формы трансляции и воспроизводства мировоззренческих универсалий, процессы легитимации и идентификации. При этом указанные изменения, связанные с проникновением и воздействием медиатехнологий на все сферы жизни, несут серьезные трансформативные последствия для социальной реальности. Социокультурное пространство последней становится все в большей степени специально сконструированным – *особым символическим универсумом*, в котором смыслы формируются преимущественно *на основе технологий событийности и постправды*. Но именно такая организация социальной реальности усиливает *рефлексивность* субъектов социальных взаимодействий, препятствуя распространению практик манипулирования общественным сознанием и способствуя развитию информационного общества на подлинно гуманистических принципах.

Литература и источники

1. Стёпин, В. С. Философские основания науки / В. С. Стёпин // Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларуская навука, 2021. – С. 196–218.
2. Кастельс, М. Власть коммуникации : учеб. пособие / М. Кастельс ; под редакцией А. И. Черных ; перевод с английского А. А. Архиповой. – 4-е изд. – М. : Высшая школа экономики, 2023. – 591 с.
3. Момджян, К. Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Часть 1 / К. Х. Момджян. – М. : Изд-во Московского ун-та, 2013. – 400 с.
4. Момджян, К. Х. К вопросу о конструировании социальной реальности / К. Х. Момджян // Философский журнал. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 38–52.
5. Момджян, К. Х. Сознание как ключевой компонент родовой сущности человека / К. Х. Момджян // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2024. – Т. 49, № 1. – С. 73–93.
6. Ним, Е. Г. (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации / Е. Г. Ним // Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16, № 3. – С. 409–427.

7. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль ; пер. с фр. ; вступ. ст., ред. и примеч. Б. В. Бирюкова, Р. Х. Зарипова, С. Н. Плотникова. – 3-е изд. – М. : URSS: ЛКИ, 2008. – 404 с.
8. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. Е. Д. Руткевич. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
9. Couldry, N. The Mediated Construction of Reality / N. Couldry, A. Hepp. – Cambridge : Polity Press, 2017. – 290 p.
10. Бурдьё, П. Символическое пространство и символическая власть / П. Бурдьё // THESIS. – 1993. – Вып. 2. – С. 137–150.
11. Сидоренко, И. Н. Философия насилия: от метафоры к концепту / И. Н. Сидоренко. – Минск : БГУ, 2017. – 175 с.

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИОТЕХНИЧЕСКОГО ВОООБРАЖЕНИЯ: ХАРАКТЕРИСТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

А. Ю. Косенков

Концепцию социотехнического воображения Ш. Ясанофф можно по праву считать одной из наиболее обсуждаемых теоретических систем последних лет в рамках такого интеллектуального течения, как STS (Science and Technology Studies, с англ. – исследования науки и технологий). В данной работе предлагается дать ей характеристику, выявить эвристический потенциал и перспективы дальнейшего развития, в том числе, применительно к исследованию белорусского общества.

Под социотехническим воображением Ш. Ясанофф понимает «институционально стабилизированные и публично реализуемые образы желаемого будущего, вдохновленные общим пониманием форм общественной жизни и общественного порядка, которые реализуются и поддерживаются посредством достижений в области науки и технологий» [1, р. 4]. Такое определение автор дает в коллективном труде, где представлены примеры использования концепции: в работе исследователями выявляется взаимосвязь между проектами национального развития и инновационной политикой в Южной Корее [2], анализируются различные подходы к регулированию нанотехнологий в Германии и США [3], рассматривается технопессимизм австрийцев как элемент их национальной идентичности [4].

Концепция социотехнического воображения позволяет Ш. Ясанофф решить несколько теоретических задач. Прежде всего, автор обращает внимание на взаимосвязь между сложившимися в определенном социально-культурном контексте представлениями, в том числе, об «идеальном обществе», с осуществляемой политикой в области науки и технологий. Это позволяет выявить различные сценарии инновационного

развития в пределах глобальной системы, в реалиях, где тенденции появления новых технологических центров и достижения так называемого технологического суверенитета явно преобладают над тенденциями формирования универсальной модели развития (хотя авторами также рассматриваются социотехнические воображения, появившиеся в условиях глобализации [5]).

При этом в концепции социотехнического воображения Ш. Ясанофф указывает на то, что речь идет не об абстрактных («чистых») образах науки и технологий, которые определяют их развитие: по словам автора, важно рассмотреть представления в единстве с технологиями, социальными институтами и практиками, в которых они воплощаются и укореняются (чем и объясняется использование слова «социотехнический»). Это соответствует теоретическим принципам STS, в рамках которого наблюдается стремление как поставить под сомнение сложившийся в науке и философии язык, так и найти новые отправные точки для объяснения социальных объектов, явлений и процессов. В частности, по утверждению Ш. Ясанофф, концепция позволяет преодолеть проблему соотношения структуры и агентности – одну из ключевых в социально-гуманитарном дискурсе.

Кроме того, в рамках исследований социотехнических воображений далеко не всегда, как можно заключить из работ Ш. Ясанофф, необходимо изучать влияние представлений исключительно ученых, изобретателей и политиков на развитие науки и технологий. Социальная реальность в картине мира автора представляется как постоянно конструируемое пространство и сложная арена противостояния между широким спектром социальных субъектов, являющихся носителями конкурирующих образов прошлого, настоящего и будущего. В обществе есть силы, которые поддерживают исторически сложившиеся воображения, закрепляют их в практиках и институтах (не всегда задаваясь вопросом об их эффективности, адекватности и «соответствии времени»); и, с другой стороны, есть акторы, которые предлагают альтернативные воображения и стремятся их укоренить в социальном ландшафте. Именно отражение этой борьбы между субъектами в институциональном измерении становится одной из главных целей исследователей.

Способна ли концепция социотехнического воображения обогатить социально-гуманитарное знание? Ш. Ясанофф предлагает обратить внимание на вариативность развития науки и технологий в пределах глобальной системы, глубже рассмотреть обычно игнорируемое исследователями научно-технологическое измерение противостояния между социальными субъектами, выявить взаимосвязь между исторически сложившимися коллективными представлениями и проводимой на локальном уровне инновационной политикой. Концепция актуальна и в исследовании современного этапа компьютерной революции:

формирование новых технологических центров и различных моделей регулирования инноваций (интернета, искусственного интеллекта и пр.) действительно побуждают исследователей выявлять особенности социально-культурного контекста, в котором разрабатываются и внедряются цифровые технологии. Идеи автора также становятся ответом теоретикам и практикам, утверждающим об универсальности технологических процессов, что нередко воспринимается как попытка навязать конкретную модель модернизации «отстающим странам» (так критиками воспринимается, например, концепция четвертой промышленной революции К. Шваба).

Важно подчеркнуть, что концепция Ш. Ясанофф может дать импульс исследованиям взаимосвязи между социально-культурным контекстом и развитием науки и технологий. Полагаем, ее использование применительно к белорусской действительности может стимулировать появление оригинальных работ, в которых будут поставлены следующие вопросы. Определяет ли ориентация на создание преемственности развития между БССР и суверенной республикой меры по сохранению промышленного комплекса? Можно ли утверждать о том, что представления о БССР как «сборочном цехе» Советского Союза способствовали формированию белорусской идентичности? Как образ IT-страны влияет на внутривнутриполитические процессы и связан ли он с поисками места белорусов в глобальном мире? Помимо решения исследовательских задач, полагаем, концепция может способствовать разработке актуальных и адекватных действительности инновационных стратегий, что актуально в условиях тенденций деглобализации (явно «играющим на руку» идеям Ш. Ясанофф), ожидаемых политических и экономических сдвигов в восточноевропейском регионе.

Однако важно подчеркнуть, что идеи Ш. Ясанофф не являются безупречными. Вынося за скобки обсуждение типичных для социально-гуманитарных концепций критических замечаний, обратим внимание на следующее обстоятельство. Введение социотехнического воображения как отдельной смысловой единицы, безусловно, способно расширить представления о взаимосвязи между развитием науки, технологий и общества. Однако аналогичные задачи можно решать посредством уже традиционных концептов, например, нарративов и дискурсов. Изучение различных аспектов взаимовлияния культуры и технологий также не является новым направлением исследований [6]. Потому не все исследования социотехнического воображения, как можно заключить из их анализа, являются оригинальными и тем более революционными. Вместе с тем концепция позволяет решать традиционные проблемы, следуя «интеллектуальному духу времени» и опираясь на теории в STS (прежде всего, акторно-сетевую теорию). Возможно, именно работы Ш. Ясанофф и ее последователей станут «проверкой на прочность» для

новой плеяды авторов и продемонстрируют эвристические возможности предлагаемых ими новаторских концепций. Данное обстоятельство, следует полагать, также является поводом для дальнейшего осмысления идей Ш. Ясановф и пристального внимания к исследованиям социотехнических воображений.

Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г24МП-020 «Социально-философские и эпистемологические аспекты развития цифровых технологий: способы классификации и последствия внедрения».

Литература и источники

1. Jasanoff, S. Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power / S. Jasanoff, S.-H. Kim. – Chicago : The University of Chicago Press, 2015. – 360 p.
2. Kim, S-H. Social Movements and Contested Sociotechnical Imaginaries in South Korea / S-H. Kim // Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power / S. Jasanoff, S.-H. Kim. – Chicago : The University of Chicago Press, 2015. – P. 152–173.
3. Burri, R. V. Imaginaries of Science and Society: Framing Nanotechnology Governance in Germany and the United States / R. V. Burri // Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power / S. Jasanoff, S.-H. Kim. – Chicago : The University of Chicago Press, 2015. – P. 233–253.
4. Felt, U. Keeping Technologies Out: Sociotechnical Imaginaries and the Formation of Austria's Technopolitical Identity / U. Felt // Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power / S. Jasanoff, S.-H. Kim. – Chicago : The University of Chicago Press, 2015. – P. 103–125.
5. Miller, C. A. Globalizing Security: Science and the Transformation of Contemporary Political Imagination / C. A. Miller // Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power / S. Jasanoff, S.-H. Kim. – Chicago : The University of Chicago Press, 2015. – P. 277–299.
6. Gere, C. Digital Culture / C. Gere. – London : Reaktion Books, 2008. – 248 p.

ФИЛОСОФИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМА КОНСТИТУИРОВАНИЯ

В. А. Ксенофонов

В условиях геополитической турбулентности и нестабильности внешнеполитической обстановки, эскалации военного насилия в мире, усиления угроз национальной безопасности Беларуси со стороны западной коалиции под руководством США, особое значение приобретает сохранение мирных и безопасных в военном отношении условий развития личности, общества и государства, обеспечиваемое комплексным развитием военной сферы национальной безопасности (далее – ВС НБ).

Война является одной из форм социального бытия человечества, поэтому ВС НБ, приведенная в соответствие с вызовами и угрозами XXI века, служит гарантом сохранения государства.

Республика Беларусь находится в центре Восточно-Европейского региона на межцивилизационном разломе и на стыке силовых линий набирающей обороты военно-политической напряженности. Как отмечают военные аналитики: «Стремясь сохранить свою гегемонию, коллективный Запад, не считаясь с интересами других государств, пытается осуществлять контроль за ресурсами всей планеты. Это провоцирует острую конфронтацию в системе международных отношений и способствует разбалансированию существующих механизмов сдерживания и противовесов в военной сфере» [1, с. 187].

Постановка проблемы философии НБ обусловлена причинной зависимостью системы НБ от философии войны. Знание диалектики войны и НБ будет способствовать рациональному управлению социумом. Исторический опыт в борьбе противоположностей (война – НБ) свидетельствует, что часто «побеждает» противоположность «война». Поэтому, выявление сущностного содержания военного и других видов насилия является основой для формирования системы НБ. Знание философии современной войны – важнейшее условие разработки концептуальных документов в системе НБ. Функционирование ВС НБ обеспечивает достижение военной безопасности, что отражено в Военной доктрине Республики Беларусь [2].

В труде «Философия войны» А. Е. Снесарев отмечает: «...Война цепкими клещами впиалась в государственное начало, властвует над его народной жизнью и укладом, владеет церковью и школой, поглощает огромную долю народного труда...» [3, с. 37]. Он замечает, что «в основе причин ведения войны ныне остались суженные побуждения и цели народов, а именно экономические» [3, с. 38]. Сегодня среди комплекса противоречий, ведущих к войне, явно доминируют геополитические и геоэкономические.

Существуют различные концепции и технологии ведения войны, не имеющие рациональной философской базы. Это можно пояснить тем, что, во-первых, философия современной войны еще не «вызрела» в комплексный научный труд, а, во-вторых, война – это «путь обмана» (Сунь-Цзы). Для ясного восприятия философии войны А. Е. Снесарев находит понятие «военное мирозерцание» [3, с. 55], а исследуемому предмету дает определение: «философия войны есть научно переработанное (или проще обнаученное) военное мирозерцание» [3, с. 56]. Он заключает: «война, и притом оборонительная, является одной из существенных задач государства, основной целью ее существования» [3, с. 210].

Профессор О. А. Бельков отмечает, что объектом философии войны

является война. Ее предметом «является война как социальное явление, ее причины, сущность и смысл, свойства и значение в истории человечества и отдельных стран» [4, с. 120]. Академик А. А. Кокошин выделяет компоненты теории войны: война как продолжение политики; как состояние общества и состояние определенного сегмента системы мировой политики; как столкновение двух (или более) государственно-политических структур (или негосударственных структур, сил); как сфера неопределенного, недостоверного; как задача управления (политическое и военно-стратегическое руководство / управление) войной [5, с. 9]. Философская рефлексия современного военного насилия продолжается.

По нашему мнению, философия войны – это учение (теория), которое научно объясняет наиболее общие связи (отношения), касающиеся зарождения, ведения и завершения войны как социального феномена. Необходимо дальнейшее исследование диалектики войны и мира как состояний социума, войны и государства, войны и общества, войны и человека, а также выхода из войны и послевоенного устройства мира. Целесообразно издание комплексного научного труда. В настоящее время мир как состояние общества в «чистом» виде уже не существует и становится, как и война «гибридным», поэтому состояние социального бытия корректно характеризовать как «мировые отношения» [6]. В военно-политической практике западные стратеги активно используют гибридную и ментальную агрессию (войну) как способ управления противником. Война – это интеллектуальное противоборство, где одна из двух противоположностей стремится силой разума переиграть и овладеть другой.

Акцент в недопущении войны должен быть сделан на аналитику и интеллект, систему стратегического сдерживания агрессивных намерений потенциального противника. Этот тезис не отменяет необходимости наличия современной и достаточной военной силы. А. Е. Снесарев выработал шкалу оценки деятельности государства по отстаиванию национальных интересов: «простая победа в войне – лишь 3 (тройка); успех политики в войне – 4 (четверка); успех при избегании войны – 5 (пятерка); поражение в войне – 2 (двойка); утрата независимости, крах государства – 1 (единица)» [3, с. 149].

В военном насилии радикально возрастает роль науки и системы образования, являющихся в государстве важнейшим ресурсом для обеспечения функционирования ВС НБ, а для противника – мишенью в ментальной войне. Гибридная война диалектически связана с ментальным насилием. При этом ментальное насилие может выполнять и самостоятельную роль, решая геополитические задачи. Гибридная война содержит ментальную компоненту. В директивных документах США и НАТО ментальная война именуется как когнитивная. Как отмечают авторы монографии «Прологомены когнитивной безопасности», в основу

стратегии гибридной войны «положены философские принципы: истина есть не достоверное знание о действительности, а заключается в полезности и оправданности реализуемых целей (в духе американского прагматизма); "западные ценности" превалируют над ценностями других цивилизаций и не подвергаются какой-либо критике; мировоззренческий дискурс, нацеленный на предпочтение информационно-психологических и когнитивных методов борьбы с противником, нежели физических» [7, с. 322].

Важным элементом развития ВС НБ является прогнозирование перспективных моделей военных конфликтов, а также возможностей их эскалации и развязывания как элемента управленческой культуры [8].

Современное межгосударственное противоборство свидетельствует о трансформации философии войны, о явной тенденции широкого использования невоенных мер в военном противоборстве для достижения политических целей войны. Незавершенность философской теории современной войны отражается на обеспечении НБ. Назрела необходимость не только развития философии войны, но и выделения отдельного научного направления – философии НБ как теоретико-методологической основы деятельности в сфере управления государством [9]. Особое внимание в контексте НБ важно уделить системе подготовки кадров, в компетенцию которых входит управление общественными и государственными делами.

Литература и источники

1. Бузин, Н. Е. Военная доктрина – вершина науки и практики / Н. Е. Бузин, П. Н. Муравейко, В. А. Тумар. – Минск : ИВЦ Минфина, 2025. – 204 с.
2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Военная доктрина Республики Беларусь. – Минск : НЦПИ Респ. Беларусь, 2024. – С. 64–124.
3. Снесарев, А. Е. Философия войны / А. Е. Снесарев. – М. : Ломоносовъ, 2013. – 288 с.
4. Бельков, О. А. Философия войны: слова и смыслы / О. А. Бельков // Власть. – 2019. – № 2. – С. 119–127.
5. Кокошин, А. А. Вопросы прикладной теории войны / А. А. Кокошин. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2018. – 227 с.
6. Ксенофонов, В. А. Мирвоенные отношения как фактор социального бытия / В. А. Ксенофонов // Науч. тр. РИВШ. Философско-гуманитар. науки : сб. науч. ст. ; пред. редкол. В. А. Гайсенек. – Минск : РИВШ, 2024. – Вып. 23. – С. 57–66.
7. Прологомены когнитивной безопасности: коллект. моногр. ; под ред. И. Ф. Кефели. – СПб. : ИД «Петрополис», 2023. – 488 с.
8. Кокошин, А. А. Вопросы эскалации и деэскалации кризисных ситуаций, вооруженных конфликтов и войн / А. А. Кокошин [и др.]. – М. : ЛЕНАНД, 2021. – 88 с.

9. Ксенофонтов, В. А. Военная сфера национальной безопасности : моногр. / В. А. Ксенофонтов. – Минск : ВА РБ, 2024. – 365 с.

КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А. В. Кузнецов, В. В. Кузнецов

Проблематика устойчивого развития, так же, как и тесно связанная с ней проблематика глобализации, возникает в конце 1960-х гг. Возникновение этой проблематики было обусловлено, с нашей точки зрения, двумя факторами. С одной стороны, к началу 1960-х гг. послевоенный промышленный бум, как в странах Западной Европы и США, так и в странах Восточной Европы и СССР, привел, наряду с ростом благосостояния населения этих стран, к заметно ухудшающемуся состоянию окружающей среды.

С другой стороны, марксизм, который до начала 1970-х гг. был ведущей социально-политической теорией, как на Западе, так и на Востоке, утратил свое значение. Еще в 1968 году от Нью-Йорка до Пекина и от Парижа до Праги студенты (и не только студенты) выходили с протестами против капиталистического истеблишмента и социалистической бюрократии под лозунгами марксизма. Лозунг «Маркс, Мао, Маркузе» был популярен не только в Париже, но с некоторыми модификациями и в Нью-Йорке, и в Праге, и в Пекине.

Поражения этих движений, особенно подавление Пражской весны, дискредитировали марксизм как авангардную социально-политическую концепцию, способную определить дальнейшие пути общественного развития. Однако именно марксизм уже в XIX веке вскрыл социальные корни экологического кризиса, которые заключаются в отсутствии границ роста капитала в процессе капиталистического производства. Для капитализма природа, как и сам человек, являются лишь средством для накопления капитала. Но природа как таковая в отличие от рабочего класса не может за себя постоять. Поэтому в начале 1970-х гг. нещадная эксплуатация природы и привела к экологическому кризису. Западная социология в отличие от марксизма долгое время игнорировала проблематику взаимосвязи природы и человека. Как отмечает О. Н. Яницкий, «в западной социологии долгое время не было развернутых формулировок экологических парадигм, вероятно потому, что такая задача специально не ставилась» [1, с. 44]. В отличие от западной социологии в русской, а затем и в советской социально-философской мысли существовали традиции анализа взаимодействия общества и природы. Мы имеем в виду традиции русского космизма, начиная с Н. Ф. Фёдорова и продолженные К. Э. Циолковским, А. Л. Чижевским и В. И. Вернадским.

Нами уже была отмечена в ранее опубликованной статье близость

проективной философии Н. Ф. Фёдорова и концепции ноосферы В. И. Вернадского социально-философским идеям марксизма [2]. Поэтому для советской социально-философской мысли и советского политического руководства существовала возможность, опираясь на традиции русского космизма и социально философскую концепцию марксизма, выдвинуть свою собственную программу решения экологического кризиса. Эта программа предусматривала бы контроль мирового сообщества над развитием производства, планирование природосообразного производства, а, следовательно, ограничение права частной собственности на средства производства, выравнивание меры потребления в развитых и развивающихся странах, формирование ноосферного мышления у большинства населения планеты. Другими словами, предусматривала бы программу ноосферизации материального производства, социальных отношений, и духовной жизни общества. Однако бюрократизация социальной жизни и догматизация духовного творчества советского общества не позволили советским политическим деятелям и научной общественности выдвинуть такой план ноосферного преобразования общества.

В свою очередь, крупные бизнесмены ведущих западных компаний, западные политические деятели, обеспокоенные экологическим кризисом, создают в 1968 году так называемый Римский клуб, финансируют ряд исследовательских проектов, которые показывают последствия экологического кризиса. В ряду этих исследований наиболее яркую картину возможной экологической катастрофы показал первый доклад Римского клуба «Пределы роста», созданный группой учёных во главе с Д. Медоузом. Но, если доклад «Пределы роста» утверждал неизбежность экологической катастрофы, то последующие доклады, – «Стратегия выживания», «За пределами века расточительства», «Цели для человечества», «Маршруты, ведущие в будущее» и ряд других, – уже исходя из их названий, предлагают ряд решений глобальных проблем (и не только экологических). В этих докладах была сформулирована концепция «устойчивого развития» («Sustainable development»). Эта концепция после ряда конференций ООН по проблемам экологии стала общепринятой программой решения глобальных проблем человечества.

Однако, несмотря на гуманистическую риторику и яркие картины возможной экологической катастрофы, пробудившие широкие круги западной общественности от «сна потребительского рая», доклады, которые инициировал Римский клуб, в сущности, не ставили вопрос о вине именно западной капиталистической цивилизации в разворачивании экологического кризиса. Преодоление этого кризиса представители Римского клуба связывали с идеей конвергенции западного капитализма и восточного социализма в некое глобальное сообщество всего человечества. Тем не менее, поскольку советские политические деятели и представители

официальных обществоведческих дисциплин не смогли выдвинуть реальную программу преодоления экологического кризиса, они были вынуждены принимать ту программу, которую выдвинули деятели Римского клуба. Более того, хотя советские идеологи на словах и отвергали концепцию конвергенции, в реальности советская бюрократия пыталась интегрироваться в мировую элиту. Поэтому экологическая проблематика, носящая якобы внеклассовый и глобальный характер, камуфлировала конвергенцию интересов западной капиталистической элиты и определенной части советской бюрократической номенклатуры. Вхождение в состав Римского клуба ряда номенклатурных восточно-европейских и советских ученых закрепили этот негласный союз. Однако идея конвергенции капитализма и социализма являлась идеологической уловкой, маскирующей, по сути дела, отказ части советской политической элиты от идеи социализма и ее капитуляцию сначала идейную, а затем и социально-политическую перед доминированием западного империалистического капитализма.

В 1990-х – начале 2000-х гг. концепция устойчивого развития отражала факт поражения государственного социализма и распада СССР. Для большинства наблюдателей после 1991 года наступил «конец истории», то есть конец социально-классовой и политической борьбы как внутри отдельных государств, так и на международной арене. Этим наблюдателем казалось, что наступила эпоха устойчивого развития человечества без социальных катаклизмов и международных конфликтов.

Поскольку, как мы отмечали выше, концепции устойчивого развития исключали радикальные меры социального преобразования и включали в себя идеи сохранения частной собственности на средства производства, свободного рынка, конкуренцию, то, следовательно, в основе этих концепций самого начала имелись такие идеи, которые сводили усилия для достижения коэволюционного взаимодействия природы и общества к нулю.

Однако после финансово-экономического кризиса, после пандемии коронавируса и в особенности в современную эпоху, когда новые индустриальные страны Бразилия, Китай, Индия, Россия, Южная Африка (БРИКС) требуют своего участия в решении мировых экономических и политических проблем, Запад во главе США пытается сохранить свое доминирующее положение на мировой арене. Мир вступает в эпоху коренных и неожиданных изменений. В этих условиях, как отмечает К. С. Лосев, «можно утверждать, что глобальный проект "Sustainable development" полностью провалился, он оказался несовместимым с неолиберальной рыночной экономикой и столкнулся с непониманием устройства биосферы и её законов» [3, с. 156].

Альтернативным западному проекту глобализации, идеологическим прикрытием которого была концепция устойчивого развития, является

ноосферный проект социальных преобразований. Этот проект преобразований, на наш взгляд, должен быть основанием социальной политики Республики Беларусь.

Литература и источники

1. Яницкий, О. Н. Экологическая культура: очерки взаимодействия науки и практики / О. Н. Яницкий ; Ин-т социологии РАН. – М. : Наука, 2007. – 271 с.
2. Кузнецов, А. В. Формирование ноосферного проекта социальных преобразований / А. В. Кузнецов, В. В. Кузнецов // Вес. БДПУ. Сер. 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2023. – № 2. – С. 130–137.
3. Лосев, К. С. Мифы и заблуждения в экологии / К. С. Лосев. – М. : Научный мир, 2010. – 224 с.

ООН КАК ДРАЙВЕР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ: МЕЖСЕКТОРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Н. А. Кутузова

За последние десятилетия Организация Объединенных Наций (ООН) сыграла ключевую роль в стимулировании глобальных инноваций, направленных на решение социально-экономических проблем. Начиная с принятия Целей развития тысячелетия в 2000 году, утверждения Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года с 17 Целями устойчивого развития (ЦУР) в 2015 году, ООН выступает инициатором масштабных программ и партнерств, которые способствуют появлению и распространению инновационных решений. Эти решения охватывают различные сферы – от здравоохранения и технологий, включая цифровизацию, до экологии и социальных инноваций – и нацелены на преобразования в интересах людей и планеты, формируют образ будущего.

Ключевыми инновациями последних десятилетий, реализованных благодаря инициативам ООН, в социальной сфере являются следующие.

Во-первых, глобальные инициативы ООН в здравоохранении способствовали беспрецедентному прогрессу в борьбе с заболеваниями и улучшению доступа к медицинской помощи. Ярким примером является практически полная ликвидация полиомиелита: благодаря Глобальной инициативе по ликвидации полиомиелита под эгидой ВОЗ, ЮНИСЕФ и партнеров с 1988 года удалось привить более 2,5 млрд детей по всему миру, что снизило число случаев полиомиелита на 99% [1]. Данный успех стал возможен благодаря инновациям в сфере массовой иммунизации, мобильным бригадам вакцинации и глобальной координации усилий, инициированной ООН. Координирующая роль ООН через ВОЗ, ЮНИСЕФ

и партнеров в механизме COVAX позволила в сжатые сроки создать и доставить вакцины в десятки стран во время пандемии COVID-19. По данным ЮНИСЕФ, к концу 2023 года механизм COVAX поставил почти 2 млрд доз вакцин против COVID-19 в 146 стран и тем самым предотвратил по оценкам 2,7 млн случаев смерти [2]. Эта самая масштабная акция стала крупнейшей в истории системы ООН по поставке вакцин и продемонстрировала инновационные подходы – от совместной закупки и распределения вакцин до обучения персонала. Помимо борьбы с конкретными заболеваниями, ООН продвигает системные инновации в здравоохранении для достижения ЦУР 3 «Хорошее здоровье и благополучие». Программы ПРООН, ВОЗ и других агентств ООН способствуют внедрению цифровых технологий в здравоохранение и повышению устойчивости национальных систем здравоохранения. На практике это выражается во внедрении систем электронного управления поставками медицинских товаров, отслеживании лекарств и вакцин в режиме реального времени, использовании технологий «умной» инфраструктуры больниц и развитию телемедицины. Инновационные проекты в сфере здравоохранения реализуются при поддержке ООН в разных странах, в том числе в Беларуси. Например, в пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС районах Гомельской области при участии ПРООН начинается создание межрегионального центра специализированной медицинской помощи на базе Мозырской городской больницы – проект, который расширит доступ населения к высокотехнологичной медицине. В сфере здравоохранения инициативы ООН за последние десятилетия привели к существенным инновациям – от глобальной ликвидации заболеваний до цифровизации и модернизации национальных систем здравоохранения [3].

Во-вторых, ООН активно поддерживает развитие науки и технологий как движущей силы устойчивого развития (ЦУР 9 – «Индустриализация, инновации и инфраструктура»). В последние десятилетия созданы специальные механизмы и платформы для содействия научно-технологическому прогрессу, особенно в развивающихся странах. Так, в 2018 году начал работу Технологический банк ООН для наименее развитых стран. ООН соединяет инвестиции, частный сектор и научное сообщество, обеспечивая более широкий доступ к передовым достижениям науки и техники по всему миру. Одним из приоритетов стало создание условий для ускоренного обмена инновациями и масштабирования успешных решений. С этой целью ПРООН запустила глобальную сеть Accelerator Labs. Впервые открытые в 2019 году, эти лаборатории сегодня функционируют в 91 стране, образуя крупнейшую в мире экспериментальную сеть по поиску и распространению решений в сфере устойчивого развития [4]. Акселераторы ПРООН позволяют ускорить прогресс по целому ряду направлений – от борьбы с социальным

неравенством до климатически устойчивых технологий – за счет использования коллективного интеллекта, моделирования, быстрой апробации данных. Например, в рамках этой сети в разных странах поддержаны решения по эффективной утилизации отходов, новые методы обучения молодежи, цифровые платформы для аграриев и пр., которые затем были масштабированы на национальных уровнях. Другим примером является внедрение инноваций в деятельность Всемирной продовольственной программы ООН (ВПП), которая в 2016 году запустила Инновационный акселератор, цель которого – поддерживать молодых исследователей и специалистов в разработке новых технологических подходов для программ по борьбе с голодом. К 2023 году разработки Инновационного акселератора ВПП принесли пользу 144 тысячам человек в разных странах. Речь идет о таких решениях, как цифровые платформы для фермеров, инновационные методы хранения и обогащения пищевых продуктов и др. ВПП демонстрирует, что внедрение инноваций – неотъемлемая часть модернизации гуманитарной деятельности: меняются инструменты и подходы, но неизменной остается цель – достижение «нулевого голода» (ЦУР 2) в мире [5].

Стоит подчеркнуть, что международное сотрудничество в научно-технической сфере при координации ООН позволяет даже небольшим странам получать выгоду от глобального прогресса. Так, Беларусь, обладая значительным человеческим и научным потенциалом, через партнерство с ООН укрепляет свою технологическую базу. Эксперты ПРООН совместно с правительством Беларуси провели комплексную оценку цифровой и технологической готовности страны к экономике будущего. По итогам такой оценки формируется Стратегия цифрового развития Беларуси на 2026–2030 годы, которая станет нормативной и проектной основой для внедрения искусственного интеллекта, больших данных и тотальной цифровизации административных процессов [6]. При помощи ООН реализуются инициативы по поддержке стартапов, созданию технопарков, развитию STEM-образования, где партнером выступают агентства ООН, например, ЮНИСЕФ и ПРООН поддерживают обучение девушек IT-навыкам в рамках ЦУР 5. Благодаря инициативам ООН в технологической сфере, за последние десятилетия наблюдается рост инвестиций в науку, укрепление инновационных экосистем в развивающихся странах и внедрение передовых технологий в практику решения глобальных проблем. Это служит основой для устойчивого экономического роста и достижения многих ЦУР, поскольку инновации повышают конкурентоспособность экономик и эффективность социальных программ.

В-третьих, цифровизация рассматривается как фактор устойчивого развития. Международный союз электросвязи (МСЭ) совместно с ПРООН в 2023 году представил аналитический доклад, согласно которому цифровые технологии могут напрямую способствовать достижению около

70% задач ЦУР. В то же время подчеркнуто, что без достаточных инвестиций и сотрудничества цель «обеспечить всеобщий доступ к связям и цифровым сервисам к 2030 году» вероятно, не будет достигнута. Инициативы ООН нацелены на преодоление «цифрового разрыва» между странами и регионами. Данные показывают, что государства, добившиеся значительного прогресса в развитии цифровой инфраструктуры и обеспечении доступности интернета, успешнее реализуют ЦУР по сравнению со странами аналогичного уровня дохода, где цифровая база менее развита [7]. ООН стимулирует обмен передовым опытом, привлекает финансирование для развития телекоммуникаций в беднейших странах и продвигает идею цифровой инклюзивности.

В-четвертых, ООН активно способствует социальным инновациям – новым подходам в сфере социального развития, управления и прав человека. Они тесно связаны с достижением таких целей, как ликвидация нищеты (ЦУР 1), качественное образование (ЦУР 4), гендерное равенство (ЦУР 5), сокращение неравенства (ЦУР 10). За последние десятилетия под эгидой ООН получили развитие несколько важных направлений социальных инноваций. Одним из наиболее известных является развитие микрофинансирования для борьбы с бедностью. За разработку модели микрокредитования для бедных бангладешский экономист Мухаммад Юнус был удостоен Нобелевской премии мира в 2006 г. Микрофинансовые программы, часто ориентированные на поддержку женщин-предпринимателей, получили распространение от Южной Азии до Латинской Америки, повышая доходы семей, стимулируя самозанятость и укрепляя финансовую устойчивость. Идея, рожденная на местном уровне, превратилась при поддержке ООН в глобальную социальную инновацию, интегрированную в стратегии многих стран по снижению бедности. Еще одним направлением стало продвижение принципов справедливой торговли (Fair Trade) и социальной ответственности бизнеса. Это пример социальной инновации в глобальных цепочках поставок, когда новый стандарт взаимоотношений между производителем и потребителем приводит к позитивным социальным переменам. В сфере государственного управления ООН поощряет инновации, направленные на повышение прозрачности, подотчетности и участия граждан. Например, концепция «открытого правительства» (Open Government), включающая открытые данные, интерактивные платформы для диалога власти и общества, электронные петиции и бюджеты участия, продвигается в разных странах при методической поддержке ПРООН по населенным пунктам (ООН-Хабитат) и Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам. Эта практика позволяет гражданам активнее вовлекаться в принятие решений, контролировать деятельность властей, тем самым повышая эффективность управления и доверие в обществе – что соответствует ЦУР 16 («Мир, правосудие и

эффективные институты»). Социальные инновации в образовании и культуре также играют значительную роль. ЮНЕСКО продвигает новую педагогическую концепцию, ориентированную на образование для устойчивого развития, межкультурный диалог и творческое мышление. При поддержке ЮНИСЕФ запущена инициатива по вовлечению молодежи в достижение ЦУР через молодежные инновационные проекты, которые не только решают локальные проблемы, но и формируют новое поколение социальных новаторов. Особое внимание ООН уделяет социальной интеграции уязвимых групп – лиц с инвалидностью, женщин, молодежи, меньшинств. Эти инновации часто носят характер новых социальных услуг или бизнес-моделей. Например, концепция социального предпринимательства активно продвигается ПРООН и ЮНКТАД: она предполагает создание предприятий, имеющих социальную миссию при финансовой устойчивости. По всему миру ООН поддерживает инкубаторы социального предпринимательства, конкурсы социальных стартапов, обучения для социально ориентированных бизнес-лидеров.

В целом, социальные инновации, стимулируемые ООН, свидетельствуют о смещении парадигмы развития: от простой материальной помощи – к комплексным подходам, меняющим социальные системы и отношения в обществе. Предлагая новые способы вовлечения граждан, финансирования социальных проектов, партнерства государства, бизнеса, ООН способствует появлению более инклюзивных, справедливых и устойчивых сообществ. Примеры из разных стран, включая Беларусь, доказывают, что даже маломасштабные инициативы могут вырасти в значимые социальные изменения. ООН, со своей стороны, обеспечивает распространение лучших практик и масштабирование успешных идей, делая мир социально инновационным, создает условия, при которых инновации превращаются в общественные блага, которые широко тиражируются и приносят пользу миллионам людей во всем мире.

Литература и источники

1. WHO, UNICEF et al. Global Polio Eradication Initiative: History of Polio – Key Milestones & Global Eradication. – URL: <https://polioeradication.org/about-polio/history-of-polio/> (date of access: 06.10.2025).
2. UNICEF Supply Division. COVAX: Ensuring Global Equitable Access to COVID-19 Vaccines. – URL: <https://www.unicef.org/supply/covax-ensuring-global-equitable-access-covid-19-vaccines> (date of access: 12.10.2025).
3. UNDP in Belarus. Gomel Region's Strategic Pivot: Innovation, Inclusion and Environmental Sustainability. – URL: <https://www.undp.org/belarus/news/gomel-regions-strategic-pivot-innovation-inclusion-and-environmental-sustainability> (date of access: 12.10.2025).
4. Accelerator Lab Network. – URL: <https://www.undp.org/turkiye/projects/accelerator-lab-network#:~:text=In%20autumn%202019%2C%20UNDP%20built,talent%20into%20the%20development%20sector> (date of access: 12.10.2025).

5. WFP (ВПП ООН). Инновации – Официальный сайт WFP, раздел «Медиа и ресурсы». – URL: <https://ru.wfp.org/innovation> (дата обращения: 13.10.2025).
6. ПРООН в Беларуси. В Минске прошла партнерская сессия, посвященная цифровому развитию Беларуси. – Новость от 21 ноября 2024. – URL: <https://www.undp.org/ru/belarus/news/v-minske-proshla-partnerskaya-sessiya-posvyaschennaya-cifrovomu-razvitiyu-belarusi> (дата обращения: 10.10.2025).
7. МСЭ / ПРООН. Цифровые технологии напрямую содействуют выполнению 70% задач ЦУР // Пресс-релиз МСЭ, Нью-Йорк, 17 сентября 2023. – URL: <https://www.itu.int/ru/mediacentre/Pages/PR-2023-09-17-SDG-digital.aspx> (дата обращения: 18.10.2025).

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «БЕЗОПАСНОСТЬ» В ПЕРИОД АНТИЧНОСТИ

Г. Ф. Ласута, А. Б. Богданович, А. С. Щур

Потребность в безопасности является фундаментальным условием человеческого существования. Её удовлетворение детерминировано как уровнем развития общества и государства, их экономико-культурным состоянием, так и индивидуальным восприятием индивида, что обуславливает историческую и персональную вариативность самого понятия [1]. Античная философия сформировала комплексный, многогранный подход к безопасности, интегрировав её в системы этики, политики и медицины, что заложило фундамент для последующего развития данного понятия в философской мысли.

В домифологический и мифологический периоды безопасность носила сугубо практический, имплицитный характер. Человек, постоянно пребывающий в состоянии уязвимости, противостоял природным и биологическим угрозам через консолидацию сообщества, создание укрытий и орудий. Однако понятия «безопасности» как концепта в этот период ещё не существовало.

Зарождение первых цивилизаций и становление религии как системного мировоззрения позволили переосмыслить отношение к опасности. Кризисные ситуации (войны, эпидемии, стихийные бедствия) стали катализатором для формирования представлений о безопасности на уровне личности и полиса. Несмотря на это, в доклассический период термин «безопасность» отсутствовал в философском лексиконе.

Сократ одним из первых заложил антропоцентричные основания теории безопасности, интегрировав её в этическую систему. Он определял безопасность личности через триаду добродетелей: умеренность (сдерживание страстей), храбрость (преодоление опасности) и справедливость (соблюдение божественных и человеческих законов) [2]. Таким образом, безопасность стала производной от нравственного

совершенства индивида.

Платон осуществил переход от индивидуальной к социальной и государственной безопасности. В трактате «Государство» он обосновывает его возникновение как закономерный результат потребности человека в защите от внешних и внутренних угроз [3]. Платон утверждал, что государство – это воплощение справедливости, которая и является верховной гарантией безопасности для всех его членов. Нарушение законов и принципов справедливости, по его мнению, ведёт к деградации и угрозе для всей общественной системы. Таким образом, у Платона безопасность тождественна благу и порядку, а опасность – несправедливости и злу [3].

Аристотель, развивая идеи Платона, сместил акцент на практические аспекты обеспечения безопасности. Если цель государства – не просто выживание, но и достижение «эвдемонии» (благой жизни), то его устройство должно минимизировать внутренние конфликты. Наименее подверженной распрям Аристотель считал «политию» – правление большинства в интересах общего блага, – видя в ней большую безопасность, чем в олигархии или демократии [4]. Хотя безопасность государства для него первична, Аристотель также подчёркивал значимость личной ответственности и практической деятельности индивида в её обеспечении [4].

Параллельно с социально-политической мыслью, значительный вклад в концептуализацию безопасности внесла античная медицина. Гиппократ систематизировал внешние (климат, вода, воздух) и внутренние (образ жизни, питание) факторы угрозы здоровью [5]. Это понимание было поднято до философского уровня: забота о физической целостности стала частью добродетельного бытия. Демокрит прямо утверждал, что здоровье как основа безопасности находится в распоряжении самого человека через умеренность, гигиену и упражнения [6].

Понятие «безопасность» (греч. ἀσφάλεια, лат. securitas) в античности имело фундаментальное значение для формирования политической мысли. Оно эволюционировало от индивидуальной физической защиты и выживания полиса в сложной государственной доктрине в Римской империи, где стало пониматься как гарантия спокойствия и стабильности для граждан и государства перед лицом как внешних угроз, так и внутренних смут. Таким образом, безопасность стала центральным оправданием сильной власти, легитимности правителя и основой для знаменитого «римского мира». Античная философия рассмотрела безопасность в трёх взаимосвязанных аспектах: как этическую добродетель личности (Сократ), как принцип справедливого устройства государства (Платон) и как практическое условие достижения общественного блага (Аристотель), дополнила ее соматическим измерением (Гиппократ, Демокрит).

Литература и источники

1. Маслоу, А. Х. Мотивация и личность / А. Х. Маслоу. – СПб. : Питер, 2019. – 400 с.
2. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / Ксенофонт. – М. : Наука, 1993. – С. 86–92.
3. Платон. Государство / Платон // Собрание сочинений : в 4 т. / Платон. – М. : Мысль, 1994. – Т. 3. – 654 с.
4. Аристотель. Политика / Аристотель // Собрание сочинений : в 4 т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 375–548.
5. Гиппократ. Избранные книги / Гиппократ. – М. : Медгиз, 1936. – С. 45–78.
6. Фрагменты ранних греческих философов ; под ред. А. В. Лебедева. – М. : Наука, 1989. – Ч. I. – С. 107.

БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В КОНТЕКСТАХ ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА

А. А. Легчилин, В. С. Сайганова, С. В. Воробьева

В условиях перехода от однополярного к многополярному миру особое значение приобретают исследования белорусской государственности в контекстах глобальной истории [1; 2] и культурного трансфера [3; 4]. Такая эпистемология необходима, во-первых, для объективного понимания истории Беларуси через призму цивилизационного развития; во-вторых, для экспликации причин и последствий исторических процессов, влияющих на современный мир и белорусскую государственность; в-третьих, определять местоположение Беларуси в создаваемых межгосударственных культурных, политических и экономических пространствах. Исходя из данного проблемного поля, ставится цель: обосновать двойственность контекстов глобальной истории и культурного трансфера применительно к методологии исследования белорусской государственности.

Глобальная история, возникшая в конце XX века, акцентирует внимание на исследовании социальной и природной целостности человечества, выходящей за пределы национальных государств и регионов и которая сформировалась в результате установления взаимосвязей (экономических, политических, дипломатических и др.), миграций, колонизаций, культурных обменов. Поэтому глобальная история исследует условия и причины формирования такой целостности. Однако это не исключает из исследовательского поля национальные государства и национальные культуры. Напротив, они выступают значимыми географическими пространствами на различных исторических

«перекрестках», источником перемещений значений и смыслов (влияний, преемственности, рецепций, ассимиляций и др.), которые осуществлялись в контексте более широких мировых процессов. Это означает, что неотъемлемой частью глобальной истории является культурный трансфер.

Культурный трансфер следует интерпретировать, в одном ракурсе, как механизм распространения и трансформации культурных элементов в пространстве и времени (содержание исторического процесса), в другом – как методологию, в том числе методологию глобальной истории. Цель культурного трансфера как методологии заключается в выявлении различных объектов (идей, теорий, практик или др.), перемещающихся между культурными пространствами. Поэтому изучение в глобальной истории общих закономерностей и процессов на мировом уровне невозможно без методологии культурного трансфера.

Белорусская государственность в контексте глобальной истории метафорически можно обозначить как сеть отношений, описываемую посредством категорий центр / периферия. При этом в построении научной и политической аргументации важно учитывать, что выявление особенностей воздействия (влияния) периферии на центр не менее важно, чем воздействие (влияние) центра на периферию. Этот акцент особенно важен в осмыслении процессов построения Союзного государства.

К категориальной паре центр / периферия примыкают пары тождество / Другой, свои / чужие. С одной стороны, невозможно понять внутреннюю ситуацию, складывающуюся в государстве, без очертаний Другого, в зоне влияния которого оно оказывается, с другой, – концентрированное выражение Другого составляет основы идентичности становящегося государства. Что было Другим для формирующейся белорусской нации и ее государственности в исторические времена Полоцкого и Туровского княжеств, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой? Что повлияло на укрепление национальной идентичности в период вхождения белорусских земель в Российскую империю? Какие факторы стали значимыми в государственном самоопределении белорусов в составе СССР? Ответы на эти и другие вопросы лежат в двойственном контексте глобальной истории и культурного трансфера.

Сила государственной идентичности зависит от порога открытости сфере Другого, что актуализирует в культурном трансфере тему границы, которая отделяет свое от чужого. «Закрытая культура» цыган не смогла сформировать представлений о государственной самоорганизации общества, поскольку в ней радикально разделены свое и чужое. Государственное самоопределение формирует такую границу, которая выполняет функцию защиты, но допускает преодоление линии, где проходит эта защита. Такая граница – не физическая черта, а концептуальные рамки сосуществования и взаимодействия, в пределах которых оформляются различия, определяющие категории центра и

периферии, своего и другого (чужого или нечужого).

Тема границ в глобальной истории рассматривается через призму их создания, функций и влияния на развитие обществ и государств, включая концепцию фронта как зоны культурного и экономического взаимодействий. Фронт символизирует подвижность границ территорий, в пределах которых происходило становление государственной идентичности, что свойственно белорусской государственности. Поэтому в контексте глобальной истории белорусская государственность может быть репрезентирована через призму понимания и оценки ее включенности в разные границы, очерчивающие зоны взаимодействий, развития, суверенности / не суверенности, конфликтов и т. д.

В глобальной истории и культурном трансфере необходимо различать методологический реализм и номинализм. Методологический реализм как антипсихологическая тенденция в исследованиях исходит из возможности поиска сущности исторического процесса для любых иерархий человеческих сообществ, допускает общие высказывания (обобщения). Методологический номинализм как психологическая тенденция представляет собой прагматически ориентированные теории, не допускающие обобщений. Различение реализма и номинализма в культурном трансфере – это установление соотношений между объективными фактами и социальными структурами с одной стороны и языковыми конструкциями и культурными репрезентациями, определяющими восприятие этих фактов и структур, с другой.

Синкретизм реализма и номинализма в методологии глобальной истории и культурного трансфера опирается на интервальные значения истины, разрабатываемые в трансдисциплинарной методологии [5] и вполне применимые в изучении белорусской государственности [6; 7].

Таким образом, методологию исследования белорусской государственности следует разрабатывать в двойственном контексте глобальной истории культурного трансфера. Двойственность обеспечивает взаимное дополнение аспектов, которые при других обстоятельствах исключают друг друга. Это гарантирует точность методологического инструментария, объединяющего объективные исторические процессы и роль языка и мышления в формировании знаний о них.

Работа выполнена при поддержке ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» в рамках научного проекта № ГР 20212361.

Литература и источники

1. Чешков, М. А. Глобалистика: предмет, проблемы и перспективы / М. А. Чешков // Общественные науки и современность. – 1998. – № 2. – С. 128–137.

2. Чумаков, А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст / А. Н. Чумаков. – М. : Канон+, 2006. – 516 с.
3. Эспань, М. История цивилизаций как культурный трансфер / М. Эспань ; пер. с франц. ; под общ. редакцией Е. Е. Дмитриевой ; вступ. статья Е. Е. Дмитриевой. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 816 с.
4. Ионов, И. Н. Теория культурного трансфера М. Эспаня и трансдисциплинарный анализ цивилизационных представлений / И. Н. Ионов // Общественные науки и современность. – 2020. – № 1. – С. 148–163.
5. Киященко, Л. П. Культурный трансфер – тезаурус тематизации (проблематизация трансдисциплинарности) / Л. П. Киященко // Культура и искусство. – 2020. – № 12. – С. 124–137.
6. Легчилин, А. А. Интеллектуальная история белорусской государственности: методологические аспекты исследования / А. А. Легчилин, С. В. Воробьева, В. С. Сайганова // Интеллектуальная культура Беларуси: от Просвещения к Современности : матер. Восьмой междунар. науч. конф., Минск, 21–22 ноября 2024 г. : в 2 т. / Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск : Четыре четверти, 2024. – Т. 1. – С. 85–88.
7. Гигин, В. Ф. Методологические основы изучения современной белорусской государственности / В. Ф. Гигин // Образование в современном мире: горизонты и перспективы : сб. науч. ст. – Изд-во «ЮрСаПринт», 2018. – С. 180–188.

ФЕНОМЕН «СОЦИАЛЬНОЙ НЕВИДИМОСТИ» В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ПРИЗНАНИЯ А. ХОННЕТА

И. И. Лещинская

В условиях стремительного роста социальных конфликтов различного уровня и характера актуальность приобретает анализ феномена «невидимости», который был представлен немецким философом и социологом, продолжателем идей Франкфуртской школы А. Хоннетом. Развивая традицию критического исследования механизмов функционирования западного общества старшими представителями Франкфуртской школы, А. Хоннет убежден в необходимости модернизации современного общества. Последнее он характеризует как несправедливое и несоответствующее принципам разума. Одну из причин такого состояния современного общества он видит в неполноценности и частичности механизмов реализации взаимного признания личностей.

Сущность признания, по мнению философа, может быть раскрыта посредством анализа феномена «невидимости», его специфики и различных форм проявления. Рассмотрению проблемы взаимосвязи феномена невидимости и социально-культурных практик признания посвящена его известная работа «Невидимость. О моральной эпистемологии признания» [1]. Феномен невидимости Хоннет рассматривает в двух аспектах: буквальном (визуальная невидимость,

которая является следствием нарушения зрения или наличия оптических препятствий), и переносном (социальная невидимость как сознательная форма отказа от признания «интеллигибельных качеств» личности).

По мнению мыслителя, феноменология социальной невидимости весьма обширна по своему характеру. Она может проявляться в минимальной степени пренебрежительного отношения к человеку, возрастать в разнообразных видах эгоистического игнорирования и приобретать самые изощренные формы унижения. Философ полагал, что все эти проявления выступают в качестве преднамеренного способа превращения человека в невидимку. В силу этого социальная невидимость является демонстрацией искусственно создаваемой и сознательно поддерживаемой ущербности человека, в основу которой положено обесценивание его достоинства и экзистенциальных потребностей. По этому поводу Хоннет писал: «... это "Взгляд сквозь кого-то", "looking through": мы обладаем способностью показать присутствующим людям свое презрение таким образом, что мы ведем себя по отношению к ним так, будто их физически нет в помещении» [1, с. 80].

Философ считал, что различие между указанными формами невидимости позволяет зафиксировать разницу между познанием и признанием, прояснить условия перехода от акта узнавания человека к возможности акта его признания. Узнавание означает идентификацию личности как индивида в визуальном поле, его индивидуальную распознаваемость, в свою очередь, признание представляет экспрессивный акт, благодаря которому узнаванию придается позитивное значение одобрения. При этом социальная «невидимость» предполагает визуальную видимость как ее необходимое условие. «Ведь чтобы узнать о себе как о "невидимом" в переносном смысле, – разъяснял Хоннет, – субъект должен, наоборот, выдвинуть как раз предположение, что он был узнан как индивид в системе пространства и времени» [1, с. 82]. Социальная «невидимость» есть результат деформации способности человеческого восприятия. Но общеизвестным является факт, что все настройки «оптики» детерминируются ценностными установками, которыми индивидуально или коллективно руководствуются члены социума.

Социальная «видимость» возможна благодаря зафиксированным в культуре экспрессивным формам одобрения. «Делание личности видимой, – писал Хоннет, – выходит за пределы когнитивного акта индивидуальной идентификации именно тем, что соответствующими действиями, жестами и мимикой оно публично выражает факт, что с данным лицом одобрительным образом считаются...» [1, с. 83]. В силу этого, по мнению Хоннета, экспрессивный акт признания, представляет особое действие или «метадействие». Для обоснования данного тезиса Хоннет обращается к анализу определения «уважения», представленного И. Кантом в работе «Основоположения к метафизике нравов» [2]. Хоннет

писал: «Кантовская формулировка более отчетливо показывает, что следует подразумевать под той моральной стороной признания, которую я до сих пор обозначал понятиями "подтверждение", "одобрение" или "признание достойным уважения": в признающем субъекте происходит децентрирование, так как он наделяет ценностью другой субъект, который является источником легитимных притязаний, наносящих внезапный разрушительный ущерб его (то есть первого субъекта) самолюбию» [1, с. 87].

В акте уважения с необходимостью подавляются эгоцентрические устремления человека, так как одновременно с уважением он приобретает и мотивацию для отказа по отношению к уважаемому им субъекту от всех действий эгоцентрического характера. Акт признания означает моральный авторитет лица, ценность которого утверждается в этом акте. «Исследуя феноменологию признания, Хоннет отмечает, что в его основе лежит способность участников интеракций взаимно совершать моральное самоограничение. Более того, признание первично и предшествует когнитивной идентификации другого, но отказ от признания деформирует личность всех участников нарушенных интеракций и эквивалентен сознательному деланию невидимым какого-то субъекта» [3, с. 52].

Феноменология «невидимости» Хоннета явилась важным элементом не только критического анализа моделей социо-культурных и политических практик, существующих в современном западном обществе, но и концептуальной предпосылкой обоснования стратегии преодоления патологий его развития. Данная стратегия получила свое воплощение и завершение в его концепции социальной справедливости. Ее центральной идеей явилась идея целостной личности, онтология которой характеризуется реализацией признания на трех экзистенциальных уровнях: эмоциональном (телесный индивид), рефлексивном (как субъект социальных прав и обязанностей) и социальном (как конкретный индивид, реализующий свой личностный потенциал в системе социальных отношений).

Полноценное становление личности, формирование ее идентичности, ее позитивное отношение к себе неразрывно связаны с пережитым ею опытом признания. Согласно Хоннета, опыт любви и уважения в семье является условием уверенности личности в себе, опыт правового признания представляет собой условие самоуважения, и наконец, положительный опыт реализации человека в обществе – условие его самопризнания. Эти три модуса отношения человека к себе формируются в постоянном и напряженном процессе социального взаимодействия, когда «...человеческое в человеке раскрывается в смертельном противостоянии с Другим, посредством реализации острого желания быть признанным этим Другим» [4, с. 43].

Таким образом, А. Хоннет убедительно показал, что нарушение

механизмов признания на одном или одновременно на нескольких уровнях бытия человека определяют масштаб и глубину современных социальных конфликтов. Задачу коренной модернизации общества он видел в создании эффективных механизмов достижения личностью социального признания. Особое значение в решении этой задачи философ отводил мерам противодействия такой форме личной и социальной патологии как социальная невидимость во всем многообразии ее форм. Вместе с тем, философ отмечал, что процесс признания человека в обществе не является чем-то безусловным и безоговорочным, признание не может быть обеспечено по первому его требованию. Притязания человека на признание должны быть обоснованы и подкреплены его реальными действиями и их позитивными с точки зрения общего блага результатами.

Литература и источники

1. Хоннет, А. Невидимость. О моральной эпистемологии признания / А. Хоннет ; пер. с нем. А. Ю. Шачиной и С. В. Шачина // Кантовский сборник. – 2009. – № 1 (29). – С. 79–91.
2. Кант, И. Основоположения к метафизике нравов / И. Кант // Собрание сочинений : в 8 т. / И. Кант. – М., 1994. – Т. 4. – С. 153–246.
3. Шачин, С. В. Концепция общества социальной свободы Акселя Хоннета / С. В. Шачин, А. Ю. Шачина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2025. – № 1. – С. 52–69.
4. Пеннер, Р. В. Тема социального признания в работах А. Хоннета / Р. В. Пеннер // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Философия. – 2024. – № 1. – С. 40–45.

К. А. НЕВОЛИН О ПРАВСТВЕННЫХ ОСНОВАНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВА В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

А. Е. Михайлов, М. В. Михайлова

Более глубокое осмысление правовых аспектов современной социально-политической жизни предполагает обращение к творчеству отечественных мыслителей, внесших свой вклад в становление и развитие философии права. Основоположник российской философско-правовой школы Константин Алексеевич Неволин (1806–1855 гг.) исходил из положения: «закон по существу своему есть вообще правда... А существо правды может быть определено только в философии» [2, с. 33]. При рассмотрении проблематики совершенствования правоприменительной практики и теории права фундаментальным он считал вопрос «о предустановлении человека на земле» [1, с. 7].

Наибольший интерес для истории философии законодательства, по

мнению Неволина, представляет высокоразвитая философская культура античной Греции. У досократиков главной темой размышлений была природа и нравственность не занимала значительного места в их умозрительных рассуждениях, поскольку «она основывается на свободной воле; а эта сила в вещественном мире не известна» [1, с. 6]. Только к концу V века до нашей эры формируется различие «неписаного права» (*agrafos nomos*), к которому относились традиционные нравы и обычаи, и «писаного права» (*nomos gegrammenos*), то есть записанного в актах и постановлениях государственного права. «Неписанные» законы стали определяться как «природные» или «естественные» в противоположность тем законам, которые устанавливаются и изменяются людьми.

При детальном рассмотрении субъективистской диалектики софистов в политико-правовых вопросах Неволин характеризует её как искусство достижения отдельным человеком личной (частной) выгоды. Справедливость в трактовке софистов состоит в том, чтобы «лучший, т. е. сильнейший, имел во всем преимущество пред слабейшим, одним словом, в праве сильного» [1, с. 10]. Естественное право у софистов противопоставлено справедливости и отказ от естественного права они объясняли человеческой слабостью. Возникновению договорного права, согласно софистическому подходу, способствовало стремление избежать взаимного ущерба при взаимодействии друг с другом, а то, что считается законным и справедливым оказывается лишь выгодным в данной ситуации для наиболее сильных.

Отмечая порочность представленной софистами модели государственного устройства, Неволин признавал их реалистичность. По его мнению, «они – говоря правду – соединились только с духом своего времени...» [1, с. 102]. Но такой реализм еще не способствует нравственному совершенствованию. Следующий период в становлении античной философии права К. А. Неволин начинает с Сократа, стремившегося преодолеть одностороннюю субъективность софистов. Причиной истинного, прекрасного и доброго как таковых у Сократа является «Всеобщий Ум», а не субъективные представления о них того или иного человека. Сократовская вера в непреодолимую силу ума и добра над людьми предполагает законы не только писанные (человеческие), но и неписанные (божеские). Но в философии Сократа лишь была поставлена задача «представить в мире систему Божественных намерений» [1, с. 13]. Разработка данной проблематики была продолжена в текстах Платона и Аристотеля.

Неволин в понимании учения Платона о предметах Законодательства считал ключевой идею Правды, которая рассматривалась им через структуру человеческой души (мудрость, мужество и умеренность). Истоки человеческой нравственности Платон усматривал в пребывании в человеческих душах знающего добро Божественного Ума. Люди же,

«взирая на вечный Божественный порядок, только подражают Божеству, и в своем круге продолжают дело мироздания. Божественное или Доброе, проявляющееся таким образом в человеке, Платон называет Правдою» [1, с. 20–21]. Правда, существующая в каждой отдельной душе, есть то общее, что представлено в государстве или в целом роде человеческом, то есть Правда вообще. К. А. Неволин отмечал платоновскую характеристику государства как Единого, на основе единодушия и любви между гражданами. Поэтому законы в нем должны обеспечивать благо всех граждан, а не выгоду одного или нескольких лиц. Неволин указывал на изъяны такого единства, поскольку в нем не допускается равенство. Тех, кто занимался делами, которые служили удовлетворению физических потребностей, Платон относил к рабам. Модель идеального государства Платоном разрабатывалась только для греков, поскольку они «друзья и родные между собою», тогда как с варварами они «враги от природы». В укор Платону Неволин отмечает: «Он, кажется, забывает то общее правило, по которому один человек вообще не должен вредить другому» [1, с. 44]. В правлении под Законами Платон различал три вида, которые считал правильными и совместимыми с Правдой: власть царскую, аристократию и демократию. Неволин ценит возвышенность философских взглядов Платона на проявления совершенств Идеи Правды не только в государстве, но и в масштабе человечества. «Сила Ума», согласно Платону, властвует над Грецией, «сила парения» над северными народами, а «сила пожеланий» над Азией и Египтом.

В трактовке добродетели между Платоном и Аристотелем, по мнению Неволина, не было существенных расхождений. Добродетель во взаимоотношениях людей Аристотель называл правдой, являющейся основой дружелюбия в этих складывающихся отношениях [1, с. 57]. Правду он считал труднейшей и высочайшей добродетелью, в которой все добродетели человека обращаются на службу другим людям.

В исторической эволюции философии законодательства у древних народов Неволин особое внимание уделяет Цицерону, у которого впервые «находим истинные понятия о Правде между Народами». Из признания единства разума во всех людях Цицерон выводил утверждение о единстве правды между ними и необходимость уважения прав иностранцев, даже надлежащую регламентацию отношений между воюющими народами.

Неволин полагал, что с возрастанием зла в мире усиливалось в душах людей и стремление освободиться от него. У неоплатоников этот процесс достиг предельного выражения, когда они через внутреннее сосредоточение формируют воображаемое государство, как ряд ступеней в очищении своей души, и погружаются в жизнь внутреннюю и созерцание Божества.

В современных условиях трансформации мирового порядка подход К. А. Неволина в исследовании и разработке теоретико-методологических

проблем философии права сохраняет свою актуальность. Раскрытие нравственных оснований совершенствования права, его трансформации из права силы в силу права стало приоритетным в его трудах [3, 4]. В рамках такого подхода возможно совершенствование правового регулирования для преодоления негативных последствий мотивации, основанной на стремлении к частной выгоде, к превосходству и исключительности. Идея Правды становится ключевой в оценке изменений информационной среды с появлением изощренных технологий манипулирования человеческим сознанием, трансформирующих историческую память и поведение.

Литература и источники

1. Неволин, К. А. Рассуждение о философии законодательства у древних, сочиненное для получения степени д-ра законовещения Константином Неволным / К. А. Неволин. – СПб., 1835. – 107 с.
2. Неволин, К. А. Энциклопедия законовещения / К. А. Неволин. – СПб., 1997. – 400 с.
3. Михайлова, М. В. К. А. Неволин о становлении философии законодательства в античности: от права силы к силе права / М. В. Михайлова, А. Е. Михайлов / Право и практика. Научные труды института Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина в г. Кирове. – 2016. – № 1 (15). – С. 63–66.
4. Михайлов, А. Е. Правда как основание законодательства в философии права К. А. Неволлина / А. Е. Михайлов, М. В. Михайлова // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы IV Международной научной конференции, Донецк, 31 октября 2019 г. – 2019. – Т. 5. – С. 85–88.

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ю. Ф. Никитина

В условиях глобализации, социальных трансформаций, сопряженных с миграционными процессами, цифровизацией общественных отношений, политика идентичности приобретает особую значимость, становясь инструментом как консолидации общества, так и его фрагментации. Идентичность определяет не только индивидуальный уровень – индивидуальное самовосприятие, но и коллективные социально-политические практики, дискурсивные стратегии. Гражданские акторы, международные организации, государства достаточно активно прибегают к вопросам идентичности как ресурсу легитимации, инструменту социального управления. Однако проблема идентичности не всегда была предметом политического поля исследований.

Так, исследователь Школы социальной политики, социальной

работы и социальной справедливости Университетского колледжа Дублина М. Моран в своей статье «Идентичность и политика идентичности: культурно-материалистическая история» обращает внимание, что обзор популярных книг, деловой литературы, политических заявлений показал, что вплоть до 1950-х гг. к проблеме идентичности в ее нынешнем значении не обращались. Термин «идентичность», безусловно, использовался, но понимался как тождество сущности самой себе или как тождество двух отдельных сущностей [1]. Именно середина XX в. стала переломным моментом в истории понятия, после чего отмечается взрывной рост интереса к проблеме идентичности. В фокусе внимание как теоретический, так и практикоориентированный аспекты. Формирующиеся в этот период движения за гражданские права и права меньшинств, а позже процессы деколонизации потребовали нового языка для выражения своих идей. Для представителей группового активизма «важно было не упоминать и не подтверждать предполагаемые биологические или расовые недостатки, которые изначально и выделили их как группу, заслуживающую неравного отношения» [1]. В понятии «идентичность» они эксплицировали его социально-политический мобилизационный потенциал, а также коннотативно нейтральный инструмент конституирования дискурса на тему социальных различий. В результате к 1980–1990-м гг. вопрос об идентичности формируется в самостоятельную область исследования – политику идентичности. Сегодня вопросы политики идентичности активно изучаются в рамках исследований постколониализма, мультикультурализма, а также интерсекционализма.

В публикации «Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и теоретических стратегий» М. М. Мчедлова, Д. Б. Казаринова отмечают, что в западной литературе сформировалось достаточно устойчивое понимание термина «политика идентичности» как политики, основанной на общности людей по различным идентификационным факторам (религия, раса, класс и др.), образующих эксклюзивные социально-политические союзы, политически действующие исключительно на этом основании, в противовес широкой коалиционной политики, основанной на пересечении интересов различных групп [2].

Так, например, американский философ, политолог Ф. Фукуяма анализируя феномен политики идентичности, связывает ее истоки с кризисом универсализма. По мнению автора, либеральная демократия, обещавшая равенство и прогресс, не смогла в полной мере устранить исторические обиды (расизм, колониализм, гендерное неравенство и т. п.). В данном контексте Ф. Фукуяма прибегает к помощи термина, введенного в оборот Ф. Ницше, – *ressentiment*. Группы, столкнувшиеся с социальным унижением, преобразуют историческую травму в политическую мобилизацию. Ресентимент предстает как источник конфронтации, сопровождающийся отказом от диалога, борьбой за статус жертвы,

подавлением оппонента («титulyного большинства»). Идентичность становится важнее гражданской солидарности. Социальные институты теряют доверие, т. к. воспринимаются через призму групповых интересов. В связи с чем Ф. Фукуяма заключает: в случае, если политика идентичности останется борьбой за признание обид, а не поиском общего блага, авторитаризм и хаос – неизбежны [3].

Политика идентичности как социальная технология предстает как мощный инструмент конституирования социальной реальности, обладающий мобилизационным, интегративным, вместе с тем и разделительным потенциалом. В условиях глобальной нестабильности и цифровой трансформации она приобретает новые формы: от алгоритмического управления идентичностями, до государственных стратегий нациостроительства.

Литература и источники

1. Моран, М. Идентичности и политика идентичности: культурно-материалистическая история / М. Моран // Новое литературное обозрение. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/135_nz_1_2021/article/23386/ (дата обращения: 01.10.2025).
2. Мчедлова, М. М. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и теоретических стратегий / М. М. Мчедлова, Д. Б. Казаринова // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 13–35.
3. Фукуяма, Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия / Ф. Фукуяма. – М. : Альпина Пабlishер, 2019. – 254 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФАКТОР ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Т. Е. Новицкая

В связи с усиливающимися тенденциями медиатизации общества социальные сети Интернета могут быть рассмотрены в качестве фактора внешнеполитической коммуникации. Это предполагает как позитивные, так и негативные возможности их влияния. Можно говорить о двух основных модусах, с которыми связано воздействие социальных сетей на внешнеполитическую коммуникацию. С одной стороны, социальные сети используются как ее инструмент в информационных целях, как инновационное средство массовой коммуникации, эффективно применяемое субъектами политики для связей с общественностью. С другой стороны, согласно институциональному подходу к медиатизации политики, на сферу, подвергающуюся глубокому воздействию медиа, апплицируется медиалогика, происходит перенос норм и структур коммуникации из новых медиа в область политической коммуникации.

Таким образом, социальные медиа оказывают воздействие на ключевые характеристики политической коммуникации ввиду ее протекания в условиях социотехнологической архитектуры новых медиа и в соответствии с правилами их функционирования. Вследствие того, что модель организации социальных медиа является интерактивной, значительно расширяется число акторов данной коммуникации, актуализируется ее горизонтальное измерение. Кроме того, в ней могут быть задействованы не только фальшивые аккаунты, но и в целом коммуникаторы различной природы (и люди как интернет-пользователи, и чат-боты, реализующие специфические политические задачи, поставленные перед искусственным интеллектом). Последние могут использоваться для создания иллюзии общественного мнения по политически значимым вопросам, в том числе и в медиапространстве иностранных государств.

Воздействие социальных сетей на внешнеполитическую коммуникацию носит амбивалентный характер. Прежде всего, его позитивное значение связано с возможностями использования для информационного сопровождения внешнеполитической деятельности. Ресурсы социальных сетей могут эффективно применяться в целях публичной дипломатии, для формирования положительного имиджа страны за рубежом и оказания благоприятного влияния на общественное мнение в иностранных государствах. В условиях возрастающей персонализации политики в медиасреде соцсети становятся средством укрепления политического лидерства. Однако их влияние в двух вышеобозначенных модусах может реализовываться и посредством механизмов «острой силы» (тактики манипулирования и скрытого влияния для формирования общественного мнения в других странах с использованием несимметричных мер), выражаться в установлении выгодной тому или иному субъекту политики повестки дня, рекрутинге и координации деятельности деструктивных сообществ, распространении фейковых новостей, манипулятивном воздействии на ценности целевой аудитории и т. п.

В условиях медиатизации общества механизмами внешнеполитической коммуникации посредством социальных информационно-коммуникационных сетей выступают «острая сила» и стратегическая коммуникация. Острая сила основана на использовании таких методов воздействия на аудиторию других стран, как распространение дезинформации, манипуляция общественным мнением, вмешательство в политические процессы других государств, оказание влияния на принятие политических решений, подрыв политических систем и т. п. Стратегическая коммуникация нацелена на организацию эффективного диалога с аудиторией для создания благоприятного отношения к интересам, целям, имиджу страны, а также продвижения тех

или иных идей. При определенных условиях стратегическая коммуникация может становиться орудием «острой силы», в то время как в иных – они могут противоречить друг другу, либо становиться инструментами противостояния друг другу.

В любом случае такие характеристики медиаконтента внешнеполитической направленности как виральность (способность привлекать внимание пользователей, вызывать сильные эмоции и широкий отклик у аудитории посредством многочисленных репостов, комментариев, лайков в сети) и мемовизация, принципиально важны как для стратегической коммуникации, так и для «острой силы». В целях воздействия на политические процессы, участниками которых выступают иностранные пользователи, может применяться политическая реклама, как скрытая, так и открытая. В современной медиасреде эффективность ее воздействия может быть существенно повышена за счет обращения к анализу больших данных и последующему таргетированию контента по результатам исследования цифровых следов пользователей. При этом политический актор, совершающий такого рода заказ, остается непрозрачным. Также важно отметить, что в связи с распространением феномена постправды в новых медиа снижается значимость объективных фактов для формирования картины политической реальности, а эмоции и субъективные убеждения, напротив, приобретают силу, растут релятивистские настроения.

Медиааналитика не только способствует составлению портрета гражданина, избирателя, участника политического процесса внутри страны, она может быть применена и с целью влияния на предвыборные кампании из-за рубежа. В данной связи медиакорпорации могут приобретать особую роль, поскольку способны влиять на алгоритмы показа новостей и рекламы, на усиление политически ангажированных хэштегов и, как следствие, на общественное мнение. В особенности это касается медиакорпораций глобального уровня. В мировой политике есть прецеденты, когда, пользуясь своей монополией, они прибегали к блокировке аккаунтов политиков (например, блокировки Д. Трампа в соцсетях в 2021 г.). В то же время существует практика блокировки и закрытия доступа государствами к медиа, в случае если последние рассматриваются как опасные или недружественные. Цифровой и медиасуверинитет могут обеспечиваться и более радикальными мерами, связанными с кибербалканизацией и сплинтернетом, фрагментацией глобальной сети на национальных уровнях, а также с применением систем фильтрации интернет-трафика (например, проект «Золотой щит» в КНР).

Подводя итог, отметим, что наиболее важной задачей, связанной с социальными сетями как фактором внешнеполитической коммуникации и возникающими в этом отношении рисками, является распознавание дезинформации, реагирование и противодействие ей. Этому могут

способствовать следующие меры: совершенствование механизмов ее идентификации (включая и технологические); анализ внешних гибридных угроз; применение искусственного интеллекта для работы с Big Data, в том числе с инструментами для мониторинга и анализа публичного контента, выявления вирусного контента, отслеживания тенденций эффективности влиятельного контента, мониторинга дискуссий и наиболее популярных тематических публикаций, выявление онлайн-активности, стимулирующей широкие обсуждения. Кроме того, требование маркирования взаимодействия с ботами, будучи реализованным, могло бы существенно снизить угрозы внешнего деструктивного воздействия.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ: ПОИСКИ ПУТЕЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕГАТИВНЫХ ЭФФЕКТОВ КАПИТАЛИЗМА В ЛИБЕРАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

А. Ю. Опарин

В условиях очередного обострения противоречий капитализма, вызванных кризисом неолиберализма и деглобализацией, в мире замедляются процессы увеличения доли социальных расходов в бюджетах, роста доли национального дохода, распределяемого в пользу трудящихся; под нажимом общественности государственные власти идут разве что только на частичное разрешение экологических проблем, что носит отвлекающий характер. При этом они всё чаще заявляют об исчерпании принятых моделей социального государства, прежде всего, из-за падения бюджетных доходов, старения населения и т. п. Это вновь делает актуальным курс на поиск путей социализации и гуманизации капитализма, призванных поставить рыночную экономику на службу всему обществу или хотя бы смягчить для него последствия её функционирования.

Понятие «социализация капитализма» было введено проф. А. В. Бугалиным и его коллегами по Научно-образовательному центру современных марксистских исследований философского факультета МГУ. Как специально оговаривают теоретики, этот термин не социологический, а политэкономический. Он обозначает генезис и развитие в рамках рыночно-капиталистической системы элементов новых, переходных отношений, в рамках которых рынок и капитал ещё господствуют, но уже частично подорваны развитием альтернативных им явлений. Тем самым «процесс социализации с политэкономической точки зрения означает реформирование рынка и капитала в эко-социо-гуманистическом направлении» [1, с. 134].

Впрочем, если для школы Бузгалина в целом этот процесс носит естественный характер и соответствует Марксовой логике общественного развития, то для других теоретиков на данный момент эта проблема, напротив, имеет по преимуществу политико-правовое измерение. Она предполагает «переизобретение» государством используемых им базовых механизмов, которые могут улучшить положение наименее обеспеченных членов общества за счёт обеспечения более справедливого распределения возможностей и выгод от функционирования системы рыночных отношений. Одним из предлагаемых вариантов преодоления кризиса социального государства, сформировавшегося в послевоенный период в рамках социал-демократической традиции и основанного на перераспределительной (редистрибутивной) социально-экономической модели, является модель предварительного распределения (предистрибутивная социально-экономическая модель). Некоторые эксперты считают, что программа «предварительного распределения» необходима, потому что «в условиях растущего неравенства, снижения социальной мобильности и стагнации реальной заработной платы для людей со средним доходом возможности перераспределения ограничены» [3].

Термин «предварительное распределение» был предложен вниманию прогрессивно мыслящих либеральных политических теоретиков и политиков Дж. Хакером в статье 2011 г. «Институциональные основы демократии среднего класса». Для Хакера, который в этой статье обратил внимание на непрекращающийся рост неравенства в США, которое не решается обычными инструментами перераспределительной социально-экономической политики, особенно важно было «сосредоточиться на рыночных реформах, которые способствуют более равному распределению экономической власти и вознаграждений ещё до того, как правительство начнет собирать налоги или выплачивать пособия», включая эффективное регулирование финансовых рынков, поддержку прав профсоюзов и обеспечение соблюдения соответствующих правил корпоративного управления. Сосредоточение внимания на «способе, которым рынок в первую очередь распределяет свои выгоды», означает сосредоточение внимания на «предварительном распределении», в отличие от «перераспределения – государственных налогов и трансфертов, которые отнимают у одних и передают другим», что обычно приходит на ум, когда мы думаем о роли государства и участии правительства в формировании распределения доходов и богатства в обществе [3, с. 35–36]. Предварительное распределение связано с возможностью влияния на первичное распределение доходов таким образом, чтобы уменьшить потребность в серьёзном вмешательстве в виде более высоких налогов и льгот, и, таким образом, аналогично стратегиям профилактики, скажем, в области общественного здравоохранения, чтобы впоследствии уменьшить

потребность в дорогостоящих медицинских процедурах [4, с. 72].

В то же время важно понимать, что вмешательство государства не всегда приводит к положительным результатам в плане преодоления бедности и выравнивания доходов. Марксистская идея о том, что рынки порождают неравенство, и, следовательно, вмешательство государства является путём к более равномерному распределению, было не так давно снова подкреплено Т. Пикетти в его книге «Капитал XXI века», который в очередной раз представил неравенство как внутренний закон капитализма. Однако в альтернативной политэкономической литературе высказывается предположение, что распределение доходов и богатства происходит на рынках не только потому, что они являются в целом самоуправляемыми, подчинёнными своей собственной «невидимой руке». Правительственное вмешательство не обязательно является средством лечения, а скорее часто является самой причиной получения капиталистического дохода. Влиятельные экономические игроки всё чаще получают бухгалтерскую прибыль «политическим путём», то есть с помощью субсидий или установления правил, которые налагают дополнительное бремя как на существующих, так и на потенциальных конкурентов [5, р. 206–207]. Это особенно актуально для развивающихся экономик, где сильно влияние политических капиталистов – предпринимателей, добившихся режима экономического благоприятствования за счёт своей аффилированности с государственными структурами. Но это характерно и для ряда западных стран, например, США, где в последние годы тоже восторжествовал политический капитализм – режим функционирования экономики, в котором политическая власть в чистом виде, а не «производительные инвестиции», является «ключевым фактором, определяющим норму прибыли» [6, р. 5–6].

На данный момент дискуссия ведётся о конкретных принципиальных механизмах реализации предистрибутивной модели в капиталистических экономиках. В рамках либеральной традиции, прежде всего, речь идёт о том, что более справедливым кажется облагать налогом незаработанные блага, чем доходы и богатство, которые создаются благодаря затратам труда и капиталовложениям и которые, следовательно, в некотором смысле «заработаны» и «заслужены» теми, кому эти затраты могут быть приписаны. Например, налог на унаследованное имущество может быть признан более справедливым, чем подоходный налог – поскольку налогообложению подлежит то, что не заработано самим человеком. Справедливым и в то же время играющим роль инструмента предварительного распределения признаётся налог на стоимость земли. Последняя позиция связана с более широкой дискуссией, которая дополняет обсуждение неравенства и перераспределительного налогообложения «принципом выгоды для государственной политики». Этот принцип гласит, что определённые правила и институты приемлемы в

той мере, в какой они приносят пользу всем членам общества или, по крайней мере, не ухудшают ничьё положение. Этот принцип выступает против накопления богатства в той мере, в какой оно было создано путём поиска ренты – то есть дохода, не связанного с экономической производительностью и взаимовыгодными обменах [5, p. 188].

Литература и источники

1. Бузгалин, А. В. После «конца истории»: консервативный неолиберализм и рефеодализация? / А. В. Бузгалин // Социологические исследования. – 2023. – № 5. – С. 133–144.
2. Responsible capitalism is Labour's agenda / S. Wood // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/jan/09/responsible-capitalism-labour-david-cameron> (date of access: 14.09.2025).
3. Hacker, J. S. The institutional foundations of middle-class democracy / J. S. Hacker // Policy Network. – 2011. – № 6 (5). – P. 33–37.
4. Kerr, G. «Predistribution», property-owning democracy and land value taxation / G. Kerr // Politics, Philosophy & Economics. – 2015. – № 5 (1). – P. 67–91.
5. Delmotte, Ch. Predistribution against rent-seeking: the benefit principle's alternative to redistributive taxation / Ch. Delmotte // Social Philosophy and Policy. – 2022. – № 39 (1). – P. 188–207.
6. Riley, D. Seven Theses on American Politics / D. Riley, R. Brenner // New Left Review. – 2022. – № 6. – P. 5–27.

ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОГО ФАКТОРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УГРОЗ

О. А. Павловская

Актуальность исследования гуманитарной сферы национальной безопасности обусловлена кардинальными изменениями в жизни человека и общества под воздействием информационно-коммуникационной революции. Наряду с этим наблюдается резкое обострение социальных отношений, рост разрушительных тенденций на национально-государственном, региональном, международном уровнях. Сложившаяся критическая ситуация в социально-политической сфере наглядно проявляется в следующих тенденциях:

1. Происходящие качественные преобразования общественной жизни, детерминированные революционными по своей сути научно-технологическими процессами, подняли на поверхность огромный пласт насилия, агрессии, вражды в отношениях между людьми, народами и государствами.

2. Резко критическое обострение международной обстановки, связанное с агрессивными планами ряда национальных государств и

ростом конфликтов на социально-экономической, политической, этнической и религиозной почве, неминуемо сопровождается глобализацией угроз социокультурному развитию, расшатыванием традиционного уклада жизни, усилением экзистенциального кризиса в масштабах конкретного человека и определенных социальных групп.

3. Реалии первой четверти XXI века воочию демонстрируют эскалацию политического насилия и его крайней формы – войны. Наряду с сохранением и совершенствованием военно-политического противоборства «старого образца», появились новые виды военных конфликтов – гибридная война, информационно-психологическая война, прокси-война и др.

4. Научно-техническая революция естественно отразилась и на эволюции форм военного насилия и видов вооружений. Военный арсенал включает как методы и средства конвенционального характера, так и получившие заметное распространение террористические акты, кибератаки, информационные фейки, психологические манипуляции и др. В условиях военной эскалации возникает угроза применения тактического ядерного оружия (ТЯО). Революционный скачок на театре военных действий сегодня осуществляется посредством применения беспилотных устройств («война дронов»).

В целом, оценивая современную геополитическую обстановку, следует отметить, что отчетливо просматривается историческая закономерность: «Война доводит технику до уровня совершенства, и техника дает войне средства для ведения военных действий. Ускоренный износ этих средств не ослабляет позиций рационального мышления, которое управляет развитием техники. Напротив, это лишь подогревает его изобретательность, давая толчок к созданию новых чудовищных аппаратов» [1].

В этих условиях создание надежной и эффективно функционирующей системы национальной безопасности является первоочередной задачей государственной политики Республики Беларусь, направленной на защиту национальных интересов, сохранение мирных и безопасных условий жизни, социально-экономическое и духовно-культурное развитие личности и общества.

В системе национальной безопасности, наряду с такими ее видами, как экономическая, политическая, военная, экологическая, информационная, необходимо выделять и гуманитарную безопасность. «Гуманитарная безопасность – состояние защищенности жизни, здоровья и благополучия граждан государства, а также духовно-нравственных ценностей общества и интеллектуального потенциала страны от реальных и потенциальных угроз. Гуманитарная безопасность является, во-первых, целью и результатом безопасности других сфер жизнедеятельности страны, во-вторых, условием и средством национальной безопасности в

целом» [2, с. 427].

Сегодня возрастает значение морального фактора в качестве одного из важнейших способов консолидации общественных сил на основе общепринятых принципов и целей, народных традиций и цивилизационных парадигм. Это становится главным и решающим основанием для мобилизации духовных сил народа в условиях военных испытаний и острых политических конфликтов. В противном случае попрание общепринятых норм морали, пренебрежение честью и достоинством человека, манипуляция сознанием людей, фальсификация исторических событий служат «почвой» для усиления политической конфронтации и военных поражений. В социально-философском и социологическом плане важным является установление реального критического уровня состояния общественных нравов в конкретных политических обстоятельствах.

Отчетливо проявляется общая тенденция, характерная для современного общества – отчуждение морали как социокультурного феномена от развития новейших технологий, значительный разрыв между научно-техническим прогрессом и моральным прогрессом. Применительно к достижениям военно-технического производства, активному их использованию в ходе политических конфликтов, такое расхождение особенно опасно, т.к. сопряжено со значительным расширением негативных последствий не только политического, но и экзистенциального характера. Поэтому чрезвычайную актуальность приобретают проблемы этического измерения современной научно-технологической революции, переосмысления и освоения общечеловеческих и гуманистических ценностей в контексте происходящих военно-политических противодействий.

Негативные моральные последствия связаны с обострением кризиса демократии в современном западном обществе. Здесь воочию наблюдается девальвация демократических ценностей, социально-моральное разложение, ставшие возможными в результате деформирования собственно капиталистических отношений. В социально-политическом плане опасность представляет «слепое», упрощенное воспроизведение этнических представлений, зачастую сопровождающееся пробуждением сугубо националистических настроений, а в случае их целенаправленной политизации сопряженное с резким обострением межнациональных, межрелигиозных отношений, усилением гражданского противостояния, что сегодня можно наблюдать на примере украинских событий.

В контексте национальной безопасности особую значимость приобретает проблема формирования гражданского общества, нацеленного на достижение мира и согласия в отношениях между людьми. Гражданское общество является специальным социальным институтом, в рамках которого осуществляется взаимодействие граждан как частных лиц,

разных социальных групп и объединений, государства и его структур, а также особым пространством для урегулирования отношений между различными социальными субъектами, предотвращения конфликтов и сохранения гражданского мира. Сфера гражданско-правовых отношений не ограничивается только сферой права, а отражает многоуровневые социальные связи, в которых органически переплетаются и реализуются как общественные моральные предписания, правовые нормы, культурные традиции, административные установления, повседневные нравы, так и личностные и групповые интересы, взгляды, мотивы и действия конкретных людей как членов определенного гражданского сообщества. Специфика морального фактора в системе современных гражданско-правовых отношений наиболее наглядно выражается в феномене нравственно-правовой культуры, в которой интегрируются в единое целое: с одной стороны, законодательный потенциал права, обеспечивающий равные права для всех граждан, и, соответственно, выступающей своего рода гарантом общественной стабильности, с другой – духовно-нравственный потенциал личности, являющийся внутренним источником развития межличностных и гражданских отношений.

В социально-практическом плане решение актуальных проблем по стабилизации общественно-политической ситуации напрямую связано с усилением морального фактора в системе национальной безопасности.

1. В резко критических условиях жизни проявляется уникальная черта морали, обусловленная ее онтологической природой: естественным путем (хотя и очень медленно) могут запускаться механизмы самосохранения и воспроизведения человеческой жизни как таковой, а также усиливается потребность в оздоровлении общественных нравов, их согласовании с изменяющимися мировоззренческими установками и ценностными ориентациями людей.

2. В сфере общественных отношений раскрывается двуединая сущность морального фактора. С одной стороны, это социально-регулятивная роль морали, которая проявляется как стихийно в потоке народной жизни (посредством общественных нравов), так и целенаправленно в деятельности государства, иных общественных институтов, отдельных субъектов. Это комплексное воздействие образует духовно-нравственный потенциал общества, который составляет «ядро» его духовной культуры. С другой – это культуросозидательная роль морали, которая связана с жизнедеятельностью конкретного человека, процессом и уровнем его духовного развития, непосредственно проявляется в его личностной культуре. В структуре личностной культуры различные моральные компоненты в целостности составляют духовно-нравственный потенциал человека, который является своеобразным стержнем («ядром»), вокруг которого вращается и с которым взаимодействует весь «арсенал» ценностей, а также катализатором

ценностно-ориентационных, мотивационно-волевых и поведенческих структур человеческой деятельности.

3. Система национальной безопасности опирается на исторически сформированный и целенаправленно совершенствующийся духовно-нравственный потенциал общества: 1) культурное наследие народа, в исторической памяти которого сохранились как национальные традиции, так и общечеловеческие ценности, возвышающие и облагораживающие личность; 2) достижения в деле реализации социально-экономических программ и культурных проектов, нацеленных на улучшение жизни и духовное развитие людей, а следовательно, положительным образом воздействующих на морально-психологическую атмосферу; 3) духовно-культурное развитие личности, представителей различных поколений и социальных групп, в основе которого находятся гуманистические идеалы, устойчивые жизненные принципы и позитивные моральные качества.

Литература и источники

1. Юнгер, Ф. Г. Совершенство техники. Машина и собственность / Ф. Г. Юнгер. – СПб. : Центр гуманитарных технологий, 2002. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3152/3153> (дата обращения: 15.05.2010).
2. Национальная безопасность Республики Беларусь. Современное состояние и перспективы / М. В. Мясникович [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2003. – 562 с.

КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

И. М. Ратникова

Критическая теория, нацеленная на выявление фундаментальных принципов организации социально-культурной реальности и форм их легитимации, является одной из наиболее активно развивающихся исследовательских программ современной гуманитаристики. Сегодня это не просто интеллектуальная традиция, уходящая своими корнями в классическую философию, но, в первую очередь, «живой проект», представители которого, являясь нашими современниками, решают актуальные запросы современности, что вполне правомерно вызывает значительный интерес со стороны научного сообщества.

Так, ведущими университетами и научно-исследовательскими центрами мира организована работа институтов и школ, направленных на комплексное изучение концептуального каркаса критической теории, к примеру, Институт социальных исследований во Франкфурте-на-Майне и др. Периодически проводятся научные конференции, посвященные раскрытию ее эвристического потенциала, к наиболее значимой из

которых можно отнести ежегодную международную конференцию по критической теории в Риме («International Critical Theory Conference of Rome»). Регулярно издаются рецензируемые журналы, отличающиеся высокими академическими стандартами, на страницах которых обсуждаются различные аспекты критической теории, к числу которых можно отнести такие серьезные научные издания, как «Zeitschrift für Kritische Theorie», «Constellations» и др. [1, с. 55].

Вместе с тем, один из наиболее репрезентативных представителей критической теории А. Хоннет, размышляя об ее интеллектуальном наследии, отмечает серьезный разрыв поколений и утверждает, что классическая ее версия превращается сегодня скорее «в интеллектуальный артефакт» [2, с. 336]. По его мнению, современное поколение продолжает дело критической теории, не имея ничего, кроме ностальгических воспоминаний о западном марксизме. К трудам М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Г. Маркузе и других представителей классической критической теории обращаются все реже, а их великие философские идеи становятся окутанными атмосферой чего-то архаичного и грозят быть преданными забвению. Идея о том, что прогресс разума и эмансипация человека блокируются капиталистической организацией общества чужда современному поколению, выросшему с осознанием культурного плюрализма и конца метанарративов.

Мультикультурализм и опыт различных общественных движений значительно снизили ожидания относительно сущности и границ применения социальной критики. В современном интеллектуальном пространстве преобладает либеральная концепция справедливости, ограничивающаяся использованием критериев нормативного определения несправедливости и не стремящаяся к дальнейшему объяснению ее институциональных рамок как укорененных в определенном типе общества. Если же этого недостаточно, то, как правило, происходит апелляция к моделям социальной критики, построенным в духе генеалогического метода М. Фуко. Социальная критика здесь не понимается как рефлексивная форма рациональности, которая должна быть укоренена в самом историческом процессе.

Критическая теория же настаивает на единстве теории и практики, где историю развития общества следует понимать с практической точки зрения как процесс, патологическая деформация которого капитализмом может быть преодолена только посредством системного анализа принципов построения и форм легитимации социального порядка. В основе критической теории, как в позитивной форме в работах М. Хоркхаймера, Г. Маркузе и Ю. Хабермаса, так и в негативной в концепциях Т. Адорно и В. Бенямина, лежит следующая идея: социальные отношения, фундированные логикой господства-подчинения, искажают исторический процесс развития таким образом, что исправить

это можно лишь на практике.

Несмотря на многообразие разновидностей критической теории, именно такой «социальный негативизм» обеспечивает ее концептуальное единство. Как сотрудники Института социальных исследований, так и те критические теоретики, кто не имеют к нему непосредственного отношения, единодушно квалифицируют современную им социальную реальность как находящуюся в состоянии «негативности». Так, М. Хоркхаймер говорит об «иррациональной организации» общества, Т. Адорно об «управляемом мире», Г. Маркузе использует понятие «одномерное общество», Ю. Хабермас применяет формулировку «колонизация жизненного мира», Р. Форст прибегает к идее «репрессивной толерантности» в рамках концепции разрешения и т. д. Понятие «социальной негативности» не следует редуцировать к правонарушениям, совершенным против принципов социальной справедливости, а, скорее, стоит расширять посредством учета нарушений условий и предпосылок благополучной жизни. Такие формулировки предполагают существование социального устройства, в котором всем членам общества предоставляется возможность успешной самоактуализации. В целом, ключевые понятия, используемые представителями критической теории для исследования социально-культурной реальности, базируются на тезаурусе, основанном на различии между «патологическими» и «непатологическими» социальными отношениями.

Центральный тезис критической теории состоит в том, что причина патологий капиталистического общества кроется в дефиците социальной рациональности как результате неспособности общества должным образом выразить тот рациональный потенциал, который заложен в его институтах, практиках и повседневной практике. Оптимальная модель социальной организации возможна только благодаря поддержанию наиболее высокого стандарта рациональности. Социальные субъекты должны согласиться с тем, что вести успешную, благополучную, неискаженную логикой господства, совместную жизнь возможно только при условии, что все они будут ориентироваться в соответствии с принципами или институтами, которые они могут понимать как рациональные цели для самоактуализации, отклонение же, в свою очередь, от этого принципа неизбежно приведет к патологиям в социальном развитии. Таким образом, любая попытка сделать интеллектуальную традицию критической теории плодотворной в контексте вызовов современности, по мнению А. Хоннета, должна начинаться с актуализации этой концептуальной связи, раскрытой в трудах основоположников критической теории.

Литература и источники

1. Ратникова, И. М. Эволюция философской программы критической теории Франкфуртской школы / И. М. Ратникова // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2019. – № 1. – С. 55–63.
2. Honneth, A. A social pathology of reason: on the intellectual legacy of Critical Theory / A. Honneth // The Cambridge Companion to Critical Theory ; ed. by F. Rush. – Cambridge : Cambridge University, 2004. – P. 336–360.

СУБЪЕКТ КАК ПРОСТРАНСТВО НАДПИСЕЙ. О ПРЕИМУЩЕСТВЕ КОНЦЕПТА «СУБЪЕКТ» ДЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ АНАЛИТИКИ

Г. А. Русецкая

Понятие субъекта является актуальным для современной социальной философии, поскольку позволяет избежать непродуктивной демаркации между анализом «на уровне социальных институтов» и «на уровне индивида». Продуктивным направлением исследования социальных процессов видится движение от субъекта к субъективации. Иными словами, одна из задач современной социальной аналитики – теоретическое освоение форм производства субъекта.

После лингвистического поворота в философии XX века фактор языка является неустранимым в социальных науках. Языковая акцентуация пронизывает и теорию субъекта, разработанную структурным психоанализом. С опорой на указанные теоретические стратегии разработал свою концепцию субъекта постмарксист Эрнесто Лаклау [1, p. 61]. «Субъект как пространство надписей» – ключевая характеристика этой концепции.

Что имеется в виду под пространством надписей? Через субъекта проступает тот или иной тип дискурса, в том числе «об обществе», поэтому в упрощенном виде субъект и есть дискурс. В этом смысле концепция субъекта Лаклау вписывается в структуралистское представление о субъекте, лишенное психологизации и антропологизации.

Кроме того, представляет интерес разработанное Лаклау понятие артикуляции. Артикуляция связывает бесконечное разнообразие дискурсивных элементов в опознаваемую систему посредством точки пристрастия (понятие, заимствованное Лаклау у Лакана).

Выносимый на обсуждение тезис: продуктивная теоретическая сцепка между социальным и индивидуальным возможна благодаря понятию структурного изъяна. Под структурным изъяном следует понимать конститутивную для общества несоизмеримость. Разновидностей несоизмеримостей может быть много, но в основании

общества – чистая несоизмеримость, несоизмеримость как таковая, синонимичная чистому различию, – понятию, используемому С. Жижеком [2, с. 105].

В основании структурного изъяна социального порядка лежит «работа языка». Безличную систему языка субъект осваивает и интериоризирует, делает интимной и субъективной, в результате чего субъект становится носителем парадокса и неснимаемого противоречия: субъективные интенции выразимы с помощью безличной системы знаков.

Таким образом, субъект является эффектом структурного изъяна и вынужденным образом восполняет неполноту социального. Социальное несет в себе неполноту в том смысле, что всякая репрезентация социального устройства в дискурсе не соответствует ему как таковому, а как таковое оно не дано вне дискурса. Очевидным следствием этого является борьба разных дискурсов относительно общественного устройства.

Субъект – не просто прямой слепок того или иного социального порядка, он восполняет собой разрывы и изъяны социального. Это восполнение разворачивается в воображаемом или мифологическом режиме. Мифология здесь – это не нечто архаическое, а то, что является результатом репрезентации, то, что можно выразить в более-менее непротиворечивом послании. Цельная мифологическая рамка позволяет субъекту «справиться» с разорванным дисгармоничным социальным пространством, восполнив его до приемлемо объяснимого.

Всякое соотнесение субъекта и социальной объективности, существующей в недоступном субъекту измерении истины, антагонистичны в силу уже обозначенной несоизмеримости разорванного социального поля и необходимостью ориентации в нем отдельного индивида. В этом смысле субъект является метафорой отсутствующей полноты. Субъект вынужденно творит историю, порождая новые формы репрезентации. Антагонизм встроен в самого субъекта. Иными словами, субъект – и есть пространство, в рамках которого разворачивается общественный антагонизм.

Таким образом трактуемое понятие субъекта в социальной теории способствует производству новых метафор. Восполняя неполноту социального, субъект включается (осознанно или нет, вынужденно или нет) в эмансипационное измерение. Здесь важно понимать, что метафора пишется, но не может быть дана в виде окончательной надписи. Окончательная надпись невозможна в силу несоизмеримости между эмпирическим событием и притязанием субъекта на понимание истины события, подобно тому как полнота социального невозможна в силу несоизмеримости между притязанием на обозримость общественного целого и неудачей всякой его репрезентации.

Литература и источники

1. Laclau, E. New Reflections on The Revolution of Our Time / E. Laclau. – London ; N. Y. : Verso, 1990. – 263 p.
2. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. – М. : Художественный журнал, 1999. – 235 с.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ЗНАЧЕНИЯ ИННОВАЦИЙ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Акбар Саиткасимов

В современных условиях в мире набирают силу тенденции модернизации и инновационного развития. В XXI веке инновационные процессы выдвинулись в качестве основной движущей силы и будущих перспектив социального, экономического и культурного развития. В условиях стремительной глобализации экономических отношений в мире, обострения конкуренции и быстрых реформ потоки и масштабы нововведений все больше расширяются, оказывая существенное влияние на обеспечение благосостояния общества и человека. В международной практике развитие сфер общественной жизни на инновационной основе считается одним из главных критериев общественного развития, и известно, что этот процесс тесно связан с уровнем их потенциала и возможностей. Следует отметить, что в развитых странах 90 процентов валового внутреннего продукта приходится на новые знания и технологии.

Инновационные процессы приобретают всё большее значение в определении стратегии устойчивого развития стран, реализующих перспективные программы научно-технического развития во всех областях. Повышение уровня жизни населения и обеспечение приоритетности реформ в этой области обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования процессов развития. Перспективные программы модернизации и радикального реформирования общественной жизни, внедрение новых технологий в практику, системное осуществление важных позитивных изменений в общественной жизни являются необходимым фактором повышения благосостояния людей. В декларации ООН утверждается: «использовать преимущества существующих, новых и новейших технологий и добиваться снижения связанных с ними рисков посредством эффективного, инклюзивного и справедливого управления на всех уровнях, расширять сотрудничество для преодоления цифровых разрывов внутри развитых и развивающихся стран и между ними, активизировать усилия по наращиванию потенциала в области науки, техники и инноваций и содействовать передаче технологий на взаимно согласованных условиях» [1, с. 3].

Общество и человек для наиболее полного удовлетворения своих потребностей организуют инновационный процесс, основанный на творческой и инициативной деятельности. Такая деятельность также приобретает социальный статус, поскольку вытекает из жизненных потребностей, нужд и интересов общества и человека. Инновация проявляется в обществе как деятельность, имеющая социальный статус, а также как явление, приобретающее адаптивность к масштабу и динамике позитивных изменений. Инновация также является способом существования культурного бытия, которая рассматривается как важная основа общества. Поэтому инновационная деятельность, возникающая в этом процессе, является атрибутом общественного развития.

Мышление играет важную роль в познании постоянных потребностей и интересов общества и выполняет гносеологическую функцию в культурном бытии. Процесс инновационного развития экономической, социальной, политической и культурной сфер общественной жизни даёт импульс переходу этих систем в современную культурную форму. Существуют закономерности, связанные с внедрением нововведений и приданием сферам общества современного масштаба. Благодаря внедрению новшеств во все сферы общественной жизни в обществе создаются основы общественного развития, а этот процесс, в свою очередь, базируется на важных философских законах. Методологические идеи, выдвигаемые на основе этих философских законов, считаются координирующими в формировании инновационного мышления.

Философское объяснение инновационных процессов, их рассмотрение с научной и философской точки зрения – одна из важных перспектив социальной философии. Философская интерпретация инновационных процессов создаёт основу для рассмотрения их как важного движущего фактора во взаимоотношениях природы, общества и человека. В социальной философии научные взгляды и представления о человеческом факторе, его роли в социальных отношениях и благополучии являются важными вопросами. В обеспечении устойчивой основы отношений человека и общества нововведения во всех областях играют важную роль. И. Ардакшин пишет: «В этом отношении необходимость философского осмысления темы инноваций и инновационного развития позволяет осуществить обобщение изученного с целью определения роли обозначенных феноменов в жизни общества и человека. Эта потребность усиливается еще и потому, что возникают различные подходы в вопросе определения инноваций, обозначения их функций для социума» [2, с. 45].

По своим результатам, значимости и практическому применению в общественном развитии новшества вносят огромный вклад в развитие глобального мира. Инновации, в свою очередь, проявляются в последовательности создания новых знаний, их внедрении и выражении

уровня эффективности. Это, в свою очередь, служит созданию современных и благоприятных условий для жизни человека в новых условиях. По мнению Н. Шиндиной, «этот процесс не прекращается, так как по мере распространения нововведение совершенствуется, становится более эффективным, далее приобретает новые современные потребительские свойства, что дает возможность его применения в новых областях» [3, с. 1].

Инновационная деятельность – это создание научно-технической продукции, создаваемой в целях вывода на рынок завершенных научных исследований и разработок, усовершенствованных товаров. При этом нововведениями считаются новые и эффективные технологические процессы, используемые в практической деятельности, а также дополнительные меры, принимаемые в связи с этим в зависимости от необходимости. Также в результате инновационного процесса в обществе формируются новые традиции, ориентированные на будущее. В результате обеспечивается устойчивое развитие общества и определяются особенности будущего развития всех систем общественной жизни. Ж. Яхшиликов пишет: «Инновация – это внедрение новшеств в сферы общественной деятельности, то есть изобретательство. Она носит системный, целостный характер и в определённой практике конструирует новую систему человеческой деятельности, полностью обновляет её. Также достигаются новые качественные результаты в материальном и духовном производстве общества» [4, с. 550].

Таким образом, инновации способствуют всестороннему развитию общества, формированию в обществе различных социальных отношений на устойчивой, органичной и кооперативной основе. Они отражают передовые традиции, направленные на повышение качества развития общества в экономической, культурной, семейной, политической и управленческой сферах. Для реализации этих качественных показателей на практике необходим инновационный подход к общественному развитию, то есть этот процесс осуществляется посредством внедрения нововведений во все сферы жизни общества. Через инновационное развитие сфер общественной жизни, прежде всего, реализуются благосостояние и интересы человека.

Литература и источники

1. Декларация о будущих поколениях. Принята резолюцией 79 / 1 Генеральной Ассамблеи от 22 сентября 2024 г. // Организация объединенных наций. – URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-1-Annex-II> (дата обращения: 01.03.2025).
2. Ардакшин, И. Инновации и инновационное развитие: социально-философский подход / И. Ардакшин // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 422.

3. Шиндина, Н. Особенности инновационного развития в современном обществе: социологический аспект / Н. Шиндина // Концепт. – 2017. – № 4.

ИЗУЧЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

А. Я. Сарна

В современной ситуации повсеместного распространения и использования информационных технологий цифровизация становится важнейшим условием осуществления инновационной политики в экономических и социально-политических процессах. Программа социально-экономического развития Беларуси делает ставку на дигитализацию как на один из важнейших приоритетов и главный ориентир, определяющий дальнейшее развитие всех секторов национальной экономики и общественных институтов. В связи с этим необходимо выявить экономические, политические, социокультурные перспективы и риски развития процессов цифровизации в Беларуси в контексте построения IT-страны, что и является основной целью исследовательского проекта «Цифровая трансформация социокультурных практик в белорусском обществе» (руководитель – Сарна А. Я.), реализуемого в рамках ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» в 2021–2025 гг.

В результате осуществления первого этапа данного проекта в 2021 году была осуществлена теоретическая реконструкция и проведен комплексный анализ сущностных характеристик феномена дигитализации как атрибута информационной эпохи в развитии современного общества. Для достижения данной цели были рассмотрены и проанализированы возможности использования категорий цифрового кода, данных, информации и знания как основных элементов концептуализации представлений о процессах цифровой трансформации в современном обществе.

В следующем, 2022 году был осуществлен сбор, обработка и анализ эмпирического материала по цифровой трансформации экономики и промышленности Беларуси в качестве ключевых тем и вопросов для обсуждения в рамках ежегодного минского Форума «Цифровая экономика» – таких, как необходимость детального анализа итогов отраслевой цифровизации, проблем межотраслевого и межуровневого взаимодействия (на общегосударственном, отраслевом и региональном уровнях управления), определения приоритетов и плана действий путем анализа мирового опыта, выявления ключевых проблем и факторов успеха цифровой трансформации в Республике Беларусь [2]. Анализ текстов выступлений участников Форума и документов по реализации

мероприятий в рамках Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. [1] позволил наметить новые перспективы и точки роста по мере усиления роли дигитализации в стратегии развития Беларуси.

В 2023 году были зафиксированы ключевые параметры и основные направления цифровой трансформации белорусского общества (правовые, экономические, образовательные, социальные и культурные) для определения механизмов управления этими процессами при решении проблем и возможностей развития высокотехнологичных секторов промышленности и экономики. Были выявлены особенности использования таких цифровых инструментов, как «большие данные», «облачные технологии», «блокчейн», ERP-системы и NFT для повышения эффективности и управляемости бизнес-процессов.

В 2024 году был осуществлен общий обзор и комплексный анализ информационных процессов в белорусском обществе, что позволило выявить возможные риски и угрозы цифровизации для человека и общества, государства и культуры при решении гуманитарных проблем и возможностей развития социальной и культурной сферы в Республике Беларусь. Прежде всего были выделены и проанализированы коммуникационные инструменты, используемые современными организациями для взаимодействия с внутренней и внешней средой и оперативного реагирования на вызовы, риски и угрозы, с которыми они сталкиваются.

В 2025 году на основе полученных результатов за предыдущие годы выполнения данного проекта для устранения рисков и угроз, оптимизации и повышения эффективности процессов цифровой трансформации в Республике Беларусь были разработаны следующие рекомендации:

1) необходимо предусмотреть возможность устранения цифрового неравенства, связанного с неравномерным распределением информационных ресурсов, предоставив доступ к сети Интернет для разных социальных групп, не имеющих его в силу низких доходов, недостатка образования, положения в обществе, возможности трудоустройства и смены (повышения) квалификации, освоения новых информационно-коммуникационных технологий для их дальнейшего использования в трудовой деятельности и повседневной жизни. Для устранения этих негативных последствий важно ограничить монополизм компании «Белтелеком», создать условия для деятельности других интернет-провайдеров, поддерживая конкуренцию между ними для улучшения ценовой / тарифной политики и упрощения доступа к Сети, предоставления услуг населению в сфере цифровых коммуникаций (прежде всего – расширения спектра услуг онлайн-сервисов).

2) следует разработать меры по предотвращению социального расслоения, непосредственно связанного с цифровым неравенством как его

прямое следствие. Ввиду неравных возможностей при освоении новых ИКТ различные социальные группы в разной степени могут развивать свои навыки и умения на работе и в быту, так что их социальный статус и социальный капитал будут разными. Особенно уязвимыми становятся пенсионеры как представители старшего поколения, поскольку после ухода на пенсию и потери связи с сослуживцами они далеко не всегда могут компенсировать этот опыт общением в социальных сетях. Для них должны быть предусмотрены возможности для самообразования, обучающие курсы, программы развития или предоставление информации по важнейшим вопросам, связанным с удовлетворением потребностей населения в рамках информационной политики государства.

3) важно предпринять меры по преодолению международной изоляции в условиях санкционного давления со стороны западных стран посредством расширения взаимовыгодного сотрудничества в сегменте ИКТ с другими странами, для чего необходимо предусмотреть возможности обмена опытом ведущих специалистов в IT-сфере (командировки, стажировки, обучение без отрыва от производства, совместные проекты и контракты как с непосредственным посещением стран-партнеров, так и осуществлением коммуникации в Интернете, проведением видеоконференций в режиме онлайн-общения). Такие формы взаимодействия должны рассматриваться как приоритетные и осуществляться при контактах с ведущими странами-партнерами в сфере IT-производства – США и ЕС (при условии снятия санкций), КНР и участниками БРИКС, ШОС и другими, обладающими ресурсами и потенциалом развития. Приоритетным становится привлечение иностранных инвесторов, особенно в рамках процесса развития свободных экономических зон.

4) требуется устранить технологическое отставание от ведущих стран-разработчиков программного обеспечения, систем искусственного интеллекта и «умных сервисов», что является важнейшим условием достижения «технологического суверенитета» при невозможности получения новых технологических инноваций из-за рубежа или затрудненного доступа к ним – за счет аккумуляции и обобщения ресурсов, создания общего реестра и единой базы данных для обмена между белорусскими специалистами, создания совместных проектов и разработок, открытия предприятий, технопарков и бизнес-инкубаторов с предоставлением выгодных условий для развития (кредитов, налоговых льгот и прямых инвестиций в запускаемые стартапы и ИТ-компании, нуждающиеся в финансовой поддержке со стороны государства). При этом рекомендуется использование программных продуктов на основе белорусских разработок в рамках импортозамещения, позволяющих предложить отечественные аналоги зарубежных цифровых инструментов для реализации инновационного потенциала модели «смарт-индустрии» и

внедрения новых ИКТ в промышленности, экономике и повседневной жизни.

Литература и источники

1. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы. – URL: https://www.mpt.gov.by/sites/default/files/gos-programma_post-new.docx (дата обращения: 15.09.2025).
2. Форум «Цифровая экономика». – URL: <http://de.tibo.by> (дата обращения: 15.09.2025).

ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ БЕЛАРУСИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО МОНИТОРИНГА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ПРОГРЕССА

Ю. П. Середа

Социально-философское исследование безопасности задает особый перспективный вектор для системного анализа не только макрореалий и общечеловеческих универсалий, но и повседневности, её практик и структур. В активно меняющемся балансе мировых сил безопасность воспринимается как социальное благо, к которому недостаточно просто стремиться, но необходимо предпринимать действенные управленческие шаги в том числе в рамках социальной политики государства. Об этом отмечается в ежегодном Докладе о человеческом развитии Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). Так, речь идет о поиске новых стратегий взаимодействия в сферах, которые касаются каждого государства и региона мира: «Люди ищут ответы и способы решения. Этому могут способствовать общие амбиции, которые объединяют всех (не обязательно во всем) в неантагонистических сферах сотрудничества и основываются на кооперативных стратегиях и институтах, построенных на основе всеобщего доверия» [1, с. 5]. В этом отношении, одним из значимых и информативных для мониторинга ситуации по актуальным направлениям может быть рассмотрен инструментарий, нацеленный на анализ развития человеческого потенциала.

В целом, под базовой концепцией развития человека следует понимать, прежде всего, расширение возможностей выбора людей, и в этой связи, формирование соответствующих благоприятных и продуктивных условий, в которых граждане могут раскрыть свой потенциал, успешно реализовываться как личности и закрывать свои потребности и интересы [2, с. 118]. В соответствии с этой программой разработан комплексный Индекс человеческого развития (ИЧР), позволяющий осуществлять не только мониторинг прогресса в

достижении глобальных Целей устойчивого развития, но и получать профильные национальные данные с детализацией их специфики и в сравнительной перспективе с другими странами. Согласно получаемым баллам, страны ранжируются по своему значению и подробно описываются три компонента ИЧР: продолжительность жизни, образование и доход на душу населения.

Суммарные данные рейтинга ИЧР демонстрируют, что в социальной сфере Беларусь занимает устойчиво высокое положение (суммарный индекс ИЧР равен 0,801) и реализуемые в сфере государственного управления практики по укреплению высоких позиций приносят свои результаты. При этом, следует отметить, что общемировая динамика ИЧР после спада в 2020–2021 гг. выражено неравномерная и лишь частично положительная, и на данный момент характеризуется нисходящей траекторией после десятилетий прогресса. Как подчеркивают авторы доклада, «по прошествии 20 лет устойчивого развития неравенство между странами с самым высоким и самым низким ИЧР стало расти, начиная с 2020 года, и все больше увеличивается с каждым годом» [1, с. 4].

Обеспечение не только возможностей для развития человеческого потенциала, но и необходимого уровня социальной защищенности является одной из основных задач социальной политики государств. *В этой связи, особым потенциалом характеризуется международный Индекс социального прогресса (Social Progress Index), методология которого позволяет охватить суммарно 57 показателей по трем важнейшим параметрам – основные потребности человека (питание, медицина, доступность к воде, жилищные условия, безопасность личности), основы благополучия и возможности, выходящие за рамки экономических показателей, а именно социальная защищенность, права человека, инклюзивность, доступность к высшему образованию [3].* Согласно разработанной в рамках исследования методологии, 170 стран делятся на 6 уровней (Tiers): 1 – очень высокий, 2 – высокий, 3 – средний, 4 – низкий, 5 – очень низкий, 6 – самый низкий. На основе сопоставительного анализа мировых данных по данному индексу *отметим национальную специфику* и соотношение региональных трендов странового профиля Беларуси и ее «однотруппников» по рейтингу [4]. Так, из возможных 100 баллов, Беларусь суммарно получила 70,09 и заняла 61 место в общемировом рейтинге. Это третья группа стран (Tier 3) со средним уровнем социального развития. Лидирует в данной группе Таиланд (58-е место), с показателем 70,67, который является одной из 6 стран 3-го уровня, показавших ежегодное улучшение рейтинга. По суммарным показателям в 3-й уровень (Tier 3) также входят такие крупные развивающиеся экономики, как Бразилия, Китай, Колумбия, Индонезия, Мексика, Филиппины, Казахстан, Россия, Турция, Южная Африка, Саудовская Аравия. В целом по данной группе необходимо отметить, что по ряду

показателей намечается некоторое уменьшение значений индикатора социального развития. Более того, на основании результатов международных исследований в области глобальных рисков отмечается существенный спад в человеческом развитии и устойчивая связь между «снижением уровня доверия и чувством неуверенности. Люди с более высоким уровнем воспринимаемой человеческой незащищенности в три раза реже находят других заслуживающих доверия» [5, р. 96].

Следует обратить внимание на то, что в обобщенном виде наибольший рост и улучшение наблюдается в сферах, связанных с удовлетворением базовых потребностей человека: жилищные условия, доступ к питьевой воде и санитарные условия, в то время как по ряду показателей намечается некоторое уменьшение значений индикатора. Худшие показатели зафиксированы в области образования, повышения квалификации и охраны окружающей среды. Другими словами, сложившуюся картину социального прогресса можно описать так: «Если бы мир был страной, она была бы страной 4-го уровня по индексу социального прогресса, занимая место между Боливией и Азербайджаном с результатом 63,44» [3].

Исходя из профильно-аналитического рассмотрения актуальных показателей Индексов социального и человеческого развития (Social Progress Index, Human Development Index), можно сделать вывод, что общие меры по развитию человеческого потенциала и продвижению социально-ориентированного вектора не дают ожидаемых высоких результатов. Кроме того, на повестку дня выходит группа глобальных угроз, которые в последние годы стали более заметными, включая риски, связанные с цифровыми технологиями, экономическим и социальным неравенством, региональными кризисами и конфликтами, а также способностью систем национального здравоохранения решать новые проблемы (такие как, например, пандемия COVID-19). Вышеотмеченные показатели представляют собой маркеры как фактического, так и условно прогностического уровня оценки социальной системы, включая такие базовые ее параметры, как социальная структура общества (демографическая, конфессиональная, профессиональная, этно-национальная и т. д.), уровни и формы социальной защиты и социализации, особенности социальных связей, существующая социальная инфраструктура, социальное самочувствие и качество жизни (включая результаты индекса развития человеческого потенциала), социальная ответственность, интеллектуальный капитал общества.

Таким образом, как видно из полученных результатов, мониторинг и консенсусная оценка важнейших международных социально-экономических индексов позволяет эксплицировать проблемные параметры и факторы социального развития для комплексной оценки странового положения Беларуси и ее уровня в системе глобального

партнерства. Полученные показатели и основанные на них выводы в совокупности представляют собой важнейший методологический инструмент адаптации к глобальным переменам, а также для разработки стратегий успешного позиционирования национальных государств в международных процессах на разных уровнях их взаимодействия. С целью укрепления высоких позиций Беларуси в мировых рейтингах развития человеческого потенциала и, соответственно, при разработке программных документов в области планирования и прогнозирования странового позиционирования следует учитывать результирующие национальные показатели индекса человеческого развития как наиболее актуальные глобальные маркеры приоритизации общественной динамики, включая ее и национальный, и региональный уровень.

Литература и источники

1. Human Development Report 2023–24: Breaking the gridlock : Reimagining cooperation in a polarized world. New York. – URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2023–24> (date of access: 01.09.2025).
2. Доклад о человеческом развитии, 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех ; пер. с англ. ПРООН. – М. : Весь мир, 2011. – 188 с.
3. Social Progress Imperative. – URL: <https://www.socialprogress.org> (date of access: 01.09.2025).
4. Social Progress Index 2023. – URL: <https://www.socialprogress.org/social-progress-index> (date of access: 01.09.2025).
5. New Threats to Human Security in the Anthropocene: Demanding Greater Solidarity / Н. Tabia [et al.]. – New York : United Nations Development Programme (UNDP), 2022. – 188 p.

РОЛЬ ПРИНЦИПОВ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРОЦЕССАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И ЗАЩИТЫ ИНСТИТУТА СЕМЬИ

Д. В. Столяров

Понятие о культуре безопасного поведения представляет собой характерное отношение человека к себе и окружающему миру. Оно включает в себя комплекс установок, повышающих личную и общественную безопасность. Такой подход распространяется как на обыденную жизнь, так и на чрезвычайные ситуации. Его основа заключается в ценностном отношении как к своей личной жизни, так и жизни других, а также к окружающему миру. Культура безопасного поведения является частью нематериальной культуры. Функция познания,

формирующая представления о бытии заключена в системе культуры безопасного поведения. Следует отметить, что с понятием о культуре безопасного поведения неразрывно связана категория «образ жизни». Это одна из наиболее важных составляющих того или иного типа жизнедеятельности человека, она характерна для конкретных социальных отношений определённого исторического периода.

На формирование образа жизни влияют особенности социально-экономического развития, уровень и характер культуры населения, а также природные условия. Тем не менее, эти факторы нельзя интерпретировать просто как сумму обстоятельств. Образ жизни подразумевает под собой комбинацию из объективного, включающего в себя специфику совместной деятельности и общественных связей, и субъективного, предполагающего личные цели, мотивы, ценностные ориентиры. Совмещая в себе материальные и духовные стороны жизни общества, образ жизни выступает в качестве сложной системы, определяющей как общественное, так и индивидуальное развитие [1, с. 136].

Продуктивное общественное развитие невозможно без качественного образования молодёжи, поскольку уровень образования формирует во многом и особенности поведения. Культура безопасного поведения молодёжи – показатель, говорящий о будущих перспективах всего общества. Безопасное поведение как система установок затрагивает проблему здорового образа жизни, которая не ограничивается одной лишь физиологической составляющей. Правильные мировоззренческие основания, регулирующие социальные отношения, не менее важны для сохранения здоровья человека.

Для реализации проекта культуры безопасности поведения среди молодёжи необходим комплекс мер социально-экономического, организационного и воспитательного характера. Они как непосредственно влияют на проблемные ситуации, так и носить профилактический характер. Бережное отношение к здоровью, ответственный жизненный выбор, психологическая устойчивость к различного рода зависимостям – важные составляющие концепции безопасного поведения. Именно такие установки людей должны задавать ключевые векторы социального развития [2, с. 63].

Молодежь является центральным звеном в процессах реализации систем здорового образа жизни в качественном аспекте [1, с. 137]. Основы безопасного поведения и ответственного отношения к жизни формируются, прежде всего, в семье. Здесь необходимо учитывать два фактора, а именно: родительскую семью молодого человека и перспективы создания его собственной семьи. Ценность здоровья, жизни должны подчёркиваться как в рамках просветительских мероприятий, так и в родительской семье, закладывающей основы мировоззрения молодого человека. Это позволит ему в будущем при создании собственной семьи изначально заложить в основы её мировоззрения принципы безопасного

самосохранительного поведения и личной ответственности за свой выбор.

Благополучная, социально-активная и стабильная молодая семья формируется за счёт системного воспитания молодёжи и заблаговременной её подготовки к осознанному вступлению в брачно-семейные отношения. Данный подход должен быть в приоритете не только в обществе и государстве, но и, прежде всего, у родителей [3, с. 313].

Гармонизация индивидуально-личного и социального – важная функция образовательно-воспитательных учреждений по работе с молодёжью. Более того, необходимо осознание, что в процессе просветительской работы социальное и массовое выстраивается именно на базе индивидуально-личностного. Необходима выработка неких базовых точек соприкосновения и связующих звеньев между людьми, которые будут не подавлять индивидуальности, но органично увязывать их между собой, сглаживая конфликтные ситуации и дополняя противоположности. Одной из таких составляющих является культура взаимоуважения и безопасного поведения.

Здоровый образ жизни подразумевает поведение и деятельность человека, позволяющие сохранить и укрепить физическое и психическое состояние. Самосохранительное поведение – неотъемлемая часть концепции здорового образа жизни. Оно включает в себя следующие составляющие: рациональная оценка собственных физических и психологических возможностей как в обыденных, так и в критических ситуациях; личная ответственность за результаты своего выбора; отказ от токсичных мировоззренческих установок [1, с. 137].

Многими исследователями образ жизни определяется как довольно обширная категория, которая включает в себя комплекс составляющих. В него входят и специфика индивидуальных форм поведения, и уровень активности по реализации своего потенциала в трудовой, бытовой и культурной сферах. Также при анализе образа жизни активно фигурируют такие понятия как уклад жизни, стиль жизни и качество жизни. Уклад жизни включает в себя общественные процессы, быт, культуру, в условиях которых протекает жизнь людей. Стиль жизни подразумевает индивидуальные особенности поведения. Под качеством жизни понимается уровень комфорта, общее удовлетворение своим социальным положением и его особенностями [1, с. 136].

Культура безопасного поведения аккумулирует в себе принципы, затрагивающие самые разные сферы. Они определяют образ жизни человека, уровень его благополучия и счастья. Формирование культуры безопасного поведения среди молодёжи – важнейшая задача, стоящая на современном этапе для воспитательных и образовательных учреждений. Здесь важно не только популяризировать правила здорового образа жизни, но и подключить к ним проработанные стратегии безопасного поведения. Они включают в себя, в первую очередь, умение избежать неоправданных

рисков, умение выбрать оптимальные жизненные ориентиры и грамотно следовать им. Всё это невозможно без развития коммуникативных навыков, ответственности за свой выбор, культуры взаимоуважения, терпимости и рационального мировоззрения.

При осуществлении программ здорового и безопасного образа жизни нужно придерживаться позиции, при которой они ориентировались бы на потенциал аудитории. Это упростит процессы становления у неё ценностного отношения к здоровью и жизни, поскольку уровень аргументации и донесения материала будет близок уровню учащихся. Взаимодействие преподавателей и чиновников желательно осуществлять по такому же принципу, чтобы повысить эффективность коммуникации [4, с. 216].

Очевидна взаимосвязь между уровнем культуры безопасного поведения молодёжи и успешным общественным развитием. Образовательно-воспитательные социальные институты в сотрудничестве с институтом семьи во многом могут поспособствовать распространению культуры безопасного поведения. На сегодняшний день в молодёжной среде необходимо воспитывать критическое мышление по отношению к себе и окружающему миру, чтобы избежать повышения рисков для здоровья и благополучия, а также воспитывать ощущение личной ответственности за собственный выбор, влияющий на дальнейшую жизнь. Это определит продуктивное развитие всего общества и его институтов.

Литература и источники

1. Мартыненко, А. В. Здоровый образ жизни молодёжи / А. В. Мартыненко // Знание, понимание, умение : научный журнал. – 2004. – № 1. – С. 136–138.
2. Пылишева, И. А. Профилактика аддиктивного поведения как условие формирования здорового образа жизни молодёжи / И. А. Пылишева // Современные проблемы формирования здорового образа жизни у студенческой молодежи : материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф., Минск, 16–17 мая 2018 г. / Белор. гос. ун-т ; редкол. : И. В. Пантюк (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 62–66.
3. Асадуллина, Г. Р. Технологии формирования семейных ценностей и осознанного отношения к созданию семьи среди молодёжи / Г. Р. Асадуллина // Бюллетень науки и практики : научный журнал. – 2017. – № 6. – С. 311–315.
4. Уланова, С. А. Здоровьесбережение школьников в условиях современной образовательной среды: проблемы и перспективы / С. А. Уланова // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2014. – № 164. – С. 211–218.

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ – ПРОДУКТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, ПРООН И ЮНИДО

А. Ал. Успенский, Ал. А. Успенский

В условиях стремительной технологической трансформации мировой экономики и усиления роли инноваций в обеспечении устойчивого развития Республика Беларусь активно развивает инфраструктуру поддержки инновационной деятельности при участии ПРООН и ЮНИДО. Деятельность ЮНИДО (Организация Объединенных Наций по промышленному развитию) была направлена на поддержку технологического, экологического и социального развития, в том числе на продвижение технологического развития и инноваций, инклюзивного развития в плане обучения молодежи, женщин, людей с ограниченными возможностями современным техническим навыкам, «зеленую промышленность», поддерживая переход на энергоэффективные и низкоуглеродные технологии. ЮНИДО вносит стратегический вклад в технологическое развитие, которое взаимосвязано с социальным прогрессом, обеспечивая не просто рост производства, а качественное улучшение жизни людей, устойчивую экономику и защиту окружающей среды. Деятельность ЮНИДО играет ключевую роль в реализации ЦУР 9 («Индустриализация, инновации и инфраструктура») и ЦУР 12 («Ответственное потребление и производство»), помогая странам развиваться без ущерба для экологии.

Одним из ключевых элементов инновационной инфраструктуры стал Республиканский центр трансфера технологий (РЦТТ) – уникальная платформа, созданная в рамках международного партнерства между Правительством Республики Беларусь, Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) и Организацией Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО) [1]. РЦТТ был учрежден в 2003 году в рамках реализации Проекта ВУЕ / 00 / 004 «Совершенствование инфраструктуры поддержки инновационной деятельности в Республике Беларусь», который является успешным примером достижения хороших результатов в условиях ограниченных ресурсов благодаря консолидации усилий Правительства Республики Беларусь в лице Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь и Национальной академии наук Беларуси, ПРООН и ЮНИДО.

Основная цель РЦТТ – создание эффективной экосистемы трансфера и коммерциализации технологий, способной ускорять внедрение инноваций в реальный сектор экономики, повышать конкурентоспособность белорусских предприятий и способствовать достижению Целей устойчивого развития (ЦУР) [1]. Задачи РЦТТ состоят

в создании и поддержке информационных баз данных, обслуживающих участников трансфера технологий; обеспечении доступа клиентов РЦТТ к зарубежным сетям трансфера технологий; оказании помощи субъектам инновационной деятельности в разработке и продвижении инновационных и инвестиционных проектов; содействии подготовке кадров в сфере научно-инновационного предпринимательства; развитии сети РЦТТ; содействии международному научно-техническому сотрудничеству и обмену специалистами. В настоящее время РЦТТ – консорциум, в который входят головной офис в г. Минск; 5 отделений в регионах Республики Беларусь и 30 филиалов при научно-исследовательских организациях, высших учебных заведениях и предприятиях республики, представители в 80+ организациях НАН Беларуси; 2 зарубежные представительства в КНР.

РЦТТ подписаны соглашения о сотрудничестве в сфере трансфера технологий со 106 зарубежными организациями в 23 странах мира с широкой географией. РЦТТ сотрудничал со следующими зарубежными сетями трансфера технологий: UNIDO Exchange (2003); Российская сеть трансфера технологий RTTN (2004); сеть американского коммерческого центра трансфера технологий yet2.com (2005); сеть трансфера технологий Великобритании The Orchard Network (2005), с 2007 г. – The Business Across Borders Partnership Network; международная сеть трансфера технологий Великобритании DTI Global Watch Service (2006), с 2007 г. – Knowledge Transfer Networks; сеть Международного центра научно-технической информации (2009); сеть Ассоциации университетских менеджеров по трансферу технологий – AUTM (2012); сеть Автономной некоммерческой организации «Инновационный центр Кольцово» (2013); украинская национальная сеть трансфера технологий NTTN (2013); интернет-платформа коллективного пользования для торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между КНР и странами СНГ (2013); Европейская сеть поддержки трансфера технологий, развития предпринимательства и установления партнерств в области научных исследований EEN (2015); международная инновационная научная сеть для трансфера технологий, знаний и возможностей Innoget (2017); платформа трансфера технологий Фонда «Сколково» – Sk RnD Market (2023); цифровая платформа Национальной ассоциации трансфера технологий (Россия) – «Национальное окно открытых инноваций» (2023); сеть Китайского центра трансфера технологий государств – членов ШОС (2024).

По состоянию на октябрь 2025 г. интернет-портал РЦТТ содержит 1400+ предложений по сотрудничеству организаций НАН Беларуси на русском языке, 1300+ на английском языке; 45+ каталогов, представляющих услуги и продукцию организаций НАН Беларуси на русском, английском и китайском языке; информацию о 280+ выставочных, 50+ брокерских мероприятиях, 240+ вебинарах и мероприятиях в области

управления объектами интеллектуальной собственности (ОИС), трансфера и коммерциализации технологий в которых принимали и будут принимать участие организации НАН Беларуси в 2019–2025 гг.; 50+ методических руководств в области управления ОИС, трансфера и коммерциализации технологий.

По состоянию на октябрь 2025 г. Интернет-портал РЦТТ обеспечивает доступ к 1000+ запросам и предложениям по сотрудничеству российских организаций; 600+ запросам компании Huawei (КНР); 5700+ запросам и предложениям по сотрудничеству из 55 стран членов сети Enterprise Europe Network; 30000+ предложениям по сотрудничеству сети NASA (США).

В 2003–2025 гг. при поддержке РЦТТ повысили свою квалификацию в области трансфера технологий на 650+ национальных и международных мероприятиях (семинарах, конференциях, выставках) более 8500+ человек включая клиентов РЦТТ, сотрудников РЦТТ, его региональных отделений и филиалов. В этот же период РЦТТ принял участие в реализации 100+ международных проектах.

31 января 2022 г. на базе РЦТТ открыт Центр поддержки технологий и инноваций (ЦПТИ) Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). 23 сентября 2022 г. решением Экономического совета Содружества Независимых Государств Республиканскому центру трансфера технологий Национальной академии наук Беларуси придан статус центра коммерциализации инноваций государств-участников Межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2030 г.

Деятельность Республиканского центра трансфера технологий является ярким примером того, как национальные инициативы и международная экспертиза могут успешно сочетаться для решения стратегических задач экономического развития. Созданный благодаря партнерству Правительства Республики Беларусь, ПРООН и ЮНИДО, РЦТТ сегодня выступает важным звеном в цепочке «наука – технологии – производство – рынок», способствуя не только технологическому прогрессу, но и устойчивому, инклюзивному росту белорусской экономики.

Литература и источники

1. Республиканский центр трансфера технологий: 20 лет в национальной инновационной системе (история развития, структура, методология, деятельность, перспективы) / А. Ал. Успенский, В. В. Кузьмин, Ал. А. Успенский, М. С. Прибыльский, В. В. Земцов. – Минск: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, 2024. – 172 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ: ТРУДНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. А. Челядинский

Созданная в 1945 г. 51 государством мира, в том числе Беларусью, универсальная организация, исходя из уроков Второй мировой войны, а также своей предшественницы – Лиги Наций, как тогда казалось, видела свою основную задачу в сохранении мира и безопасности на планете с участием всех своих членов. Но сегодня все чаще аналитики отмечают необходимость глубокой трансформации ООН, которой исполняется 80 лет.

Создатели ООН в тогдашних условиях даже не задумывались о том, соответствует ли ее название реальности. Ведь объединились не нации, а государства. До сих пор это – межгосударственная организация, где каждый ее член отстаивает свои интересы, включая разное понимание суверенитета, свободы, независимости, права человека. Например, считается, что Устав ООН является основополагающим документом, в котором изложены основные принципы международного права. Но как тогда понимать противоречивость первой статьи Устава, где в пункте 2 записано право на самоопределение народов, а в пункте 4 речь идет о территориальной целостности государства [1]. Если учесть, что сегодня в мире только 15–18 государств, в том числе Беларусь, являются моноэтническими, то первую статью Устава можно трактовать по-разному и как нерушимость государственных границ, и как право народа на самоопределение.

Во время холодной войны трибуна ООН использовалась не как место решения проблем войны и мира, а как возможность лидеров биполярной системы – США и СССР – обвинять друг друга в нарушении мира и безопасности. США, пользуясь большинством своих союзников, использовали флаг ООН во время Корейской войны, а проблему безопасности заменяли проблемой прав человека в соответствующей декларации 1948 г.

Первая глобальная проблема для ООН возникла после 1960 г., краха колониальной системы некоторых стран Запада и образования новых членов организации, перед которыми остро встала не только конфликтность с соседями, особенно в Африке, но главным образом проблемы социально-экономического развития – бедность, нищета, голод, огромная смертность, инфекции [2, с. 267–336]. ООН оказалась не готовой к их решению, поскольку все упиралось в политику западных государств. Все документы и механизмы, принимаемые Генеральной Ассамблеей, блокировались их представителями, занявшими ключевые посты в структурных подразделениях ООН. С той мотивацией, что западные

страны определяют бюджет ООН: США вносят 22% в год, Япония – 10%, ФРГ – 7%, Франция – 5%. Доля Беларуси – 0,056% [3, с. 184]. Кроме развития молодых стран перед ООН стали не менее 6 глобальных проблем, с которыми ООН в ее нынешнем состоянии при наличии 50 тыс. сотрудников без поддержки большинства развитых государств не в состоянии даже смягчить. Среди них – экологическая, охрана здоровья, положение женщин, энерго-сырьевая, бедность, технологическая. Но под давлением стран Запада вместо реального поиска их решения были Совет по правам человека, Фонд демократии ООН, ставшие на практике структурами вмешательства во внутренние дела государств [4, с. 91].

В таких условиях усилились дискуссии о необходимости реформирования ООН, прежде всего Совета Безопасности. Сегодня очень популярен лозунг «Мир больше пяти», подразумевающий необходимость ограничения прав постоянных членов СБ и расширения его за счет новых центров силы в мире – Индии, Бразилии, ЮАР, Турции, Саудовской Аравии, Ирана и даже ФРГ и Японии. Много претензий к ООН и по поводу миротворчества, поскольку количество конфликтных ситуаций в мире не уменьшается. Голубые каски не наделены правом применять оружие, плохо финансируются. Создание Комиссии по миростроительству и Фонда миростроительства ООН с целью оперативного выделения ресурсов странам, выходящим из конфликта, не принесло успеха, поскольку США добились того, что эти структуры выступают только в качестве консультативных, несущих ответственность только перед СБ ООН, а не Генеральной Ассамблеей, на чем настаивают страны Востока и Юга. Фактически роль «миротворца» взяла на себя НАТО [5, с. 48].

Подводя краткий итог деятельности и проблемам реформирования ООН, надо иметь в виду, что она является не «мировым правительством», а международной организацией, бюрократизированной, наполненной противоречиями постоянной борьбы за влияние на других членов с целью продвижения своих интересов. В перспективе возможно будут созданы альтернативные ООН структуры, на основе ШОС, БРИКС и др. Но на сегодняшний день в мире нет такой структуры как ООН, где обсуждаются проблемы глобального характера и предпринимаются попытки найти механизмы их решения.

Литература и источники

1. Устав ООН (полный текст). – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text?ysclid=mh3ffe88bj580260845> (дата обращения: 23.10.2025).
2. Пан, Ги Мун. Объединение наций в разделенном мире: трудный путь к консенсусу / Пан Ги Мун ; пер. с англ. И. Д. Голыбиной. – М. : Изд-во АСТ, 2024. – 416 с.
3. Челядинский, А. А. Глобалистика / А. А. Челядинский. – Минск : Право и экономика, 2019. – 378 с.

4. Юрченко, М. М. ООН – 70: проблемы реформирования / М. М. Юрченко // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61, № 5. – С. 88–98.
5. Лебедева, О. Организация Объединенных Наций в процессе урегулирования международных конфликтов / О. Лебедева // Международная жизнь. – 2018. – № 2. – С. 46–61.

Круглый стол

СОЗНАНИЕ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ И КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ТРАДИЦИЯХ

О КОДЕКСАХ ЭТИКИ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Е. В. Беляева

Нравственные проблемы, связанные с достижениями научно-технического прогресса, человечество знает давно. Но если прежде нравственное осмысление их ощутимо запаздывало, то теперь этическое сопровождение научных исследований и технических разработок считается нормой. Поэтому, как только искусственный интеллект стал применяться во многих областях человеческой жизни и доступ к нему для множества людей стал широким, этические рекомендации по его применению не заставили себя долго ждать.

1. Флагманом в этих вопросах выступает ЮНЕСКО, которая в 2021 г. опубликовала «Рекомендацию об этических аспектах искусственного интеллекта» [4]. Документ не является кодексом, предписывающим конкретные нравственные действия, он содержит рамочное представление о спектре проблем, возникающих при применении ИИ в различных сферах человеческой жизни. Предлагаемые в качестве универсальных ценностные установки находятся в полном согласии с Целями устойчивого развития и концепцией прав человека. К ним относятся: уважение прав человека и человеческого достоинства, благополучие окружающей среды и экосистем, обеспечение разнообразия и инклюзивности, а также жизнь в мирных, справедливых и взаимосвязанных обществах.

Искусственный интеллект может, как укреплять эти ценностные ориентиры, так и усугублять имеющиеся нравственные проблемы. Поэтому для реализации ценностей предлагается следовать этическим принципам деятельности в сфере ИИ. Это непричинение вреда, безопасность, справедливость и отказ от дискриминации, право на неприкосновенность частной жизни и защита данных, подконтрольность человеку, прозрачность и объяснимость, ответственность и подотчетность.

Рекомендация адресована государствам-членам как субъектам связанной с ИИ деятельности, их органам власти, ответственным за ее нормативно-правовое регулирование.

2. Российский кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, созданный в 2021 году [1], не содержит прямых отсылок к международным документам, однако неизбежно затрагивает те же проблемы. Раздел Кодекса, содержащий принципы этики понимает их достаточно широко – как ценностные установки. Главным приоритетом развития ИИ провозглашается защита интересов и прав людей и отдельного человека. В отличие от документа ЮНЕСКО, здесь вводится категория интересов, а права понимаются не только как права отдельного человека, но и как права сообществ. Тезис о правах расшифровывается далее через чисто моральные установки: человеко-ориентированный и гуманистический подход, уважение автономии и свободы воли человека, оценку гуманитарного воздействия.

Российский кодекс утверждает необходимость осознавать ответственность при создании и использовании ИИ, что является базовым положением любого этического кодекса. Реализация ответственного отношения осуществляется благодаря риск-ориентированному подходу, предосторожности, стремлению к непричинению вреда, безопасности работы с данными, информационной безопасности. Таким образом, триада риск-безопасность-ответственность описывает устойчивый комплекс регулятивных идей.

До сих пор субъектом морали и социального действия признается только человек. Поэтому он всегда несет ответственность за последствия применения систем ИИ. Поднадзорность и прозрачность применения ИИ предполагает возможность отмены человеком социально и юридически значимых решений на любом этапе жизненного цикла ИИ. Акторы ИИ не должны допускать передачи ему своего нравственного выбора, не делегировать ответственность за последствия принятия решений.

Кодекс подчеркивает, что технологии нужно внедрять там, где это принесёт пользу людям. Не случайно и Рекомендация ЮНЕСКО перечисляет важнейшие сферы применения ИИ и наибольшей уязвимости человека в этих сферах.

Кодекс также провозглашает, что интересы развития технологий ИИ выше интересов конкуренции, т. е. рассматривает ИИ как общественное благо, для достижения которого нужно поощрять такие моральные установки как сотрудничество разработчиков, солидарность профессионалов, их стремление к повышению профессиональных компетенций.

Наконец, важна прозрачность и правдивость в информировании о технологиях ИИ, их возможностях и рисках. Это соответствует и общей моральной установке на честность, и известному в других видах

прикладной этики принципу прозрачности социальных и нравственных отношений, который способствует вовлечению всех людей в принятие нравственных решений.

3. Поскольку одной из наиболее разработанных прикладных этик является биомедицинская, то не удивительно, что на стыке с этикой искусственного интеллекта соответствующие этические кодексы стали возникать достаточно быстро.

В 2025 г. в России опубликованы два документа, созданных различными группами разработчиков. Кодекс I создан в Национальной комиссии по реализации кодекса этики в сфере искусственного интеллекта [2], а Кодекс II в Министерстве здравоохранения РФ [3], т. е. с одной стороны, значимость проблемы осознается самыми различными государственными организациями, а с другой – эти организации не взаимодействуют между собой. В то же время разнообразие подходов к структуре и содержанию кодексов отражает многоаспектность самих задач.

Кодекс I прямо объединяет три принципа биоэтики (не навреди, справедливость и уважение к пациенту) с тремя принципами этики технологий (ответственность разработчиков, прозрачность, конфиденциальность). Далее кодекс уделяет внимание конкретным способам использования ИИ в медицине, учит оценивать риски в клинической практике: недостаточные доказательства безопасности и эффективности ИИ, негативные последствия для психического здоровья человека от нарушения конфиденциальности и других обстоятельств, негативное влияние на выбор, который совершает врач, развитие беспокойства и стресса от постоянного использования ИИ, ошибки в интерпретации рекомендаций ИИ, в т. ч. при самолечении. Кодекс также подчеркивает, что клинические исследования с использованием ИИ должны подчиняться всем этическим правилам, которые существуют для обычных научных исследований, и, безусловно, включать добровольное информированное согласие пациента.

4. Кодекс II говорит на языке юридического документа, описывая решения моральных проблем в терминах прав и обязанностей физических и юридических лиц. Удивительно, что в документе Минздрава делается бóльший акцент на регуляцию технических параметров взаимодействия с ИИ, а разговор о пациентах, их здоровье и правах вставляются в этот контекст. Между тем и этот документ в качестве основных принципов отмечает те же важные пункты: необходимость ответственного контроля решений ИИ со стороны человека; прозрачность и объяснимость, конфиденциальность данных и безопасность пациентов, справедливость и равенство доступа к возможностям ИИ в медицине, широкое правдивое информирование.

Таким образом, этическое регулирование использования

искусственного интеллекта достаточно успешно осуществляется с помощью кодексов – традиционных институциональных инструментов прикладной этики. Между международными рекомендациями, национальными кодексами и кодексами для отдельных сфер деятельности существует содержательная преемственность. Она обусловлена, с одной стороны, тем, что существует обширный опыт этической кодификации других сфер деятельности человека, с другой – тем, что любое взаимодействие человека с ИИ создает некоторый универсальный пакет рисков и способов борьбы с ними. То, что провозглашаемые ценности и принципы оказываются общими у независимых разработчиков, косвенно свидетельствует о том, что человечество при столкновении с искусственным интеллектом, осознает свою человечность, фиксируя ее специфику с помощью моральных установок.

Литература и источники

1. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // Альянс в сфере искусственного интеллекта. – URL: <https://ethics.a-ai.ru> (дата обращения: 08.09.2025).
2. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта в медицине и здравоохранении // Альянс в сфере искусственного интеллекта. – URL: <https://ethics.a-ai.ru> (дата обращения: 08.09.2025).
3. Кодекс этики применения искусственного интеллекта в сфере охраны здоровья // МИАЦ. – URL: <https://spbmias.ru> (дата обращения: 08.09.2025).
4. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта // UNESDOC. Цифровая библиотека. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus (дата обращения: 08.09.2025).

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ КАК ФИЛОСОФСКИЙ БАЗИС ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

И. И. Ганчерёнок, Н. Н. Горбачёв

Концептуальные основы одной из важных сфер современных технологий – искусственного интеллекта (ИИ) – непосредственно связаны с фундаментальными проблемами о природе разума, сознания, информации, этики, познания и системности. При этом с чисто практических позиций технологии ИИ рассматриваются, как совокупность «больших данных» (включая трансформацию «данные – информация – знания»), информационных технологий (в том числе, идентификации, классификации, фильтрации, обработки информационных ресурсов (ИР), их хранения и накопления, поиска, интерпретации, представления и использования), а также информационных систем и пространств различных видов.

В 2019 году понятие ИИ было закреплено в Национальной стратегии России по развитию искусственного интеллекта на период до 2030 г. В ней ИИ представляет собой комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Этот комплекс включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [1, с. 2]. За последние десятилетия в результате развития экспертных и активных информационных систем появились автономные и сетевые решения, обеспечивающие взаимодействие с окружающей средой, обработку ИР, подготовку и принятие решений. При этом внедрение предсистем искусственного интеллекта было тесно связано с решением нормативно-правовых, этических и социальных проблем (включая управленческую проблематику), а также с развитием философских концепций.

Философский базис ИИ связан с ответами на фундаментальные вопросы о природе разума, сознания, информации, технологий, систем, этики и познания, которые проявляются в связи с развитием этого направления. В качестве ключевых вопросов рассматриваются: возможность компьютера мыслить, его способность к имитации человека, порождения себе подобных, формирование инфосферы и ноосферы, этические последствия создания ИИ, а также и экзистенциальная проблематика (поиск смысла существования, осознание свободы и ответственности и так далее). Выделяют концепции сильного ИИ-аналога, и ИИ-технологий, имитирующих умственные способности (генеративные, ассоциативные и интерпретационные) для подготовки решений конкретных практических задач.

Затрагивая разные области ИИ (этические проблемы, последствия технологических инноваций, конфиденциальности и защищенности личных данных в условиях цифровизации, сущность и потенциал ИИ, права и свободы человека в виртуальном пространстве, а также ряд других), философия вместе с тем недостаточно рассматривает такую сферу, как его информационный базис. Учитывая глубинные проработки этой проблематики ещё советской философской школой (А. Д. Урсул [2, с. 138], А. И. Уёмов [3, с. 75] и другие), необходимо их дальнейшее развитие, в том числе в рамках системных, ноосферных, технологических и управленческих исследований. Рассмотрение одного из ключевых вопросов познания ИИ: могут ли владеть автономные системы ИИ правами на самоидентификацию и свободу решений (действий), влечёт за собой значительную трансформацию кибернетической модели систем

управления [4, с. 10].

Философские основы информационных ресурсов лежат в области философии информации, изучающей её суть, роль в отображении, сознании и познании, а также влияние на общество и технологии. Важными аспектами являются эпистемология (как информация становится знанием), метафизика (что есть информация сама по себе), логика (как обрабатывать и структурировать информацию) и этика (ответственность за использование информации). Эти философские категории обеспечивают осмысление информационных ресурсов как ключевых в рамках информационного общества, определяющих, в том числе, развитие сути и развитие ИИ. Следует отметить, что философские исследования в информационной сфере базируются в основном на диалектическом методе познания (постижение противоположностей, используя анализ и синтез). При этом целесообразно рассматривать (ориентируясь на параметрическую теорию систем и тернарный язык их описания, реляционные модели баз данных, нечёткую математику и другой инструментарий) по крайней мере тернарное единство и триалектику.

Метод триалектического отражения и познания представляет собой прежде всего применение приёмов синтеза, то есть постижения целостности, причём не в динамике противоположных частей, а в рамках системы их целевого и функционального взаимодействия (единства связи декомпозиции и параметризации). При этом декомпозиция и анализ проявляется как частные, а синтез – как общая функции поддержания иерархии многоуровневой системы единого бытия и его отображения. В триалектике выявляются не существенные различия вещей (объектов), свойств и отношений, как в диалектике, а сущности связей, сохраняющих их единство для последующего познания этого единства в рамках единого информационного пространства.

Использование трёхмерных (многомерных) информационных пространств и многомерных логик (моделей) в рамках технологий ИИ позволяют вести речь о необходимости трансформации и технологических аспектов нейротехнологий, что далеко не всегда реализуемо и представимо для человека как их пользователя. Более того, триалектика как базис обучения и познания, как должна соответственно также и совершенствоваться в рамках формирования системного мышления (системная экономика, ноосфера и другие аспекты) и способов работы с небинарными противоречиями. Системное мышление [5, с. 43] должно включать элементы триалектики (физическое, социальное и информационное «метапространства»), многомерность расширенных форм трансценденции и геопланетарный баланс.

При этом процесс познания (и, соответственно, обучения) в триалектике должен выступать, как взаимодействие объективного, субъективного и трансцендентного потоков. В свою очередь сохранения и

изменения представляются в форме взаимодействия гомеостаза, развития и динамики, а процессы образования и воспитания дополняются игровыми. Диалектика формы и сущности трансформируется в целостность цели, структуры и состояния. Следует отметить, что технологии формирования концептуальных триад, регулирующих процесс познания ещё должен быть разработан.

Литература и источники

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/1f32224a00901db9cf44793e9a5e35567a4212c7/ (дата обращения 10.09.2025).
2. Урсул, А. Д. Природа информации: философский очерк / А. Д. Урсул ; Челяб. гос. акад. культуры и искусств ; Науч.-образоват. центр «Информационное общество» ; Рос. гос. торгово-эконом. ун-т ; Центр исслед. глоб. процессов и устойчивого развития. – 2-е изд. – Челябинск, 2010. – 231 с.
3. Уёмов, А. И. Системный подход и общая теория систем / А. И. Уёмов. – М. : «Мысль», 1978. – 272 с.
4. Гринберг, А. С. Документационное обеспечение управления : учебник для студ. вузов, обуч. по напр. «Экономика» и «Менеджмент» / А. С. Гринберг [и др.]. – М. : Юнити-Дана, 2013. – 391 с.
5. Ганчерёнок, И. И. Теория систем и системный анализ : учебное пособие. / И. И. Ганчерёнок, Н. М. Жабборов, Н. Н. Горбачёв. – Ташкент : Изд-во «Bookmany print», 2022. – 200 с.

ПРИРОДА СОЗНАНИЯ: ОТ ЕСТЕСТВЕННОГО К ИСКУССТВЕННОМУ

Н. В. Даниелян

Сложный вопрос о сознании человека вызывает сегодня, как и раньше, много споров как в философских кругах, так и среди ученых и инженеров. Как правило, в научной литературе сознание рассматривается в контексте мышления. Так, Г. Н. Рапопорт и А. Г. Герц отмечают: «Центральная гипотеза о природе сознания предполагает, что процессы мышления лучше всего описывать в терминах структур, реализующих процессы познания, и процедур их осуществляющих» [1, с. 15]. В связи с этим для понимания механизма функционирования сознания обратимся к кибернетике второго порядка Х. фон Ферстера.

В исследовании «О самоорганизующихся системах и их среде» фон Ферстер, опираясь на теорию информации, предпринял попытку продемонстрировать процесс возникновения организации из хаоса. Он выделил в кибернетике «кругообразность» явлений, обусловленную работой положительных и отрицательных обратных связей между

элементами системы. Согласно фон Ферстеру, важное значение отводится причинной замкнутости наблюдаемых явлений: каждое событие в настоящем имеет свою причину в прошлом. Если причинно-следственная связь нарушается в какой-то момент и ее причина оказывается в будущем, это позволяет опровергнуть утверждение, противоречащее данному наблюдению. Замкнутый причинный круг устраняет противоречие между активной причиной и конечной целью, объединяя побуждающий фактор и результат наблюдения.

Цикличность в данном контексте проявляется внутри системы, и идеи фон Ферстера находят отклик в механистическом подходе, в рамках которого он попытался смоделировать процессы человеческого мышления. В данном контексте фон Ферстер рассматривал задачу кибернетики как «аналитическую проблему», интерпретируя ее как «проблему идентификации механизмов». Такая задача считалась решенной только при условии успешного воспроизведения заданных явлений, включая синтезированный результат работы детерминистических механизмов [2].

В рамках своего учения фон Ферстер представил идеи, которые сделали кибернетику применимой к современным представлениям о сознании. Он описывает поведение искусственного устройства (машины) как процесс рекурсивного вычисления инвариантов без учета их значимости: «Нетривиальные машины являются следствием тех машин, работа которых при соответствующем соотношении ввода и вывода будет определена посредством опережающего срабатывания вывода машины. Такие машины детерминистичны, но непредсказуемы» [3, с. 221]. Таким образом, по мнению фон Ферстера, функционирование подобного устройства зависит от ее способности сохранять и воспроизводить собственные действия, что предполагает наличие элемента цикличности.

Подтверждение данных взглядов можно найти в вычислительной теории разума, согласно которой мозг – вид компьютера и ментальные процессы рассматриваются как вычислительные [4]. Возникает вопрос: следует ли понимать квалиа как субъективные отражения воспринимаемых нами сущностей внешнего мира или же их следует трактовать как некий механизм по идее фон Ферстера, имеющий определенную внутреннюю архитектуру? Если да, то квалиа возможно и у робота, обладающего искусственным интеллектом. В случае сильного ИИ, представляющего собой самообучающуюся систему, механизмы памяти, чувственной классификации рассуждений и принятия решений перестанут быть только характеристикой естественного субъекта.

По нашему мнению, процессы мышления не могут быть имитированы только посредством вычислительных процедур и алгоритмов. Необходимо учитывать влияние на субъект познания и его сознание не только внутреннего, но и внешнего мира, эмоций, интерсубъективного фактора и коммуникационных процессов, внешней

среды, а также, что представляется наиболее важным, отсутствия в процессе мышления естественного субъекта математических процедур.

При описании процессов познания, вместо того чтобы стремиться к объективности, исключаяющей влияние наблюдателя, внимание должно переключиться на концепцию «пост-объективности», в которой важную роль играют характеристики самого наблюдателя, проявляющиеся в его описании. Каждый наблюдатель создает свою уникальную реальность и остается когнитивно обособленным, воспринимая мир исключительно через призму собственных индивидуальных предпочтений и особенностей.

Следовательно, несмотря на замкнутый характер сознания, его индивидуальность для каждого субъекта несомненна, оно также интерсубъективно, так как формируется в процессе коммуникации, приобретая как индивидуальные, так и социальные характеристики. Так, Д. Деннетт предположил, что человеческое сознание следует характеризовать как «культурную» конструкцию, поскольку оно формируется и трансформируется в ходе культурной эволюции человека и общества [5].

Можно заключить, что в свете изложенного выше, любую искусственную интеллектуальную систему безусловно, следует отнести к разряду наблюдающих систем, конструирующих окружающий мир в силу заложенных или развитых ею когнитивных способностей и возможностей. Таким образом, кибернетика второго порядка и ее применимость и востребованность в современной философии приобретает особую значимость и актуальность.

Однако здесь возникает ряд смежных вопросов. Так как системы ИИ замещают интеллектуальный труд человека, однако являются (во всяком случае, пока) неотделимыми от его познавательного процесса, употребляются человеком в качестве полезных инструментов, появляется возможность формирования так называемого «совмещенного» познавательного процесса – «естественным», то есть человеком, и «искусственным», то есть системой ИИ. Таким образом, парадигма восприятия реальности и работы с поступающей извне информацией переходит в совершенно иную плоскость понимания сознания, так как оно перестанет носить исключительно естественный характер, что выдвигает множество вопросов, часть ответов на которые можно найти, пользуясь подходами кибернетики второго порядка Х. фон Ферстера.

Литература и источники

1. Рапопорт, Г. Н. Биологический и искусственный разум. Ч. 1 : Сознание, мышление и эмоции / Г. Н. Рапопорт, А. Г. Герц. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2025. – 184 с.
2. Foerster, H. von Sicht und Einsicht. Versuche zu einer operativen Erkenntnistheorie / H. von. Foerster. – Braunschweig, Wiesbaden : Vieweg, 1985. – 229 p.

3. Foerster, H. von Kybernetik / H. von. Foerster // Zeitschrift für systemische Therapie. – Dortmund, 1987. – № 5 (4). – P. 220–223.
4. Johnson-Laird, P. N. Mental Models. Towards a Cognitive Science of Language, Inference and Consciousness / P. N. Johnson-Laird. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1983. – 513 p.
5. Dennett, D. Julian Jaynes's software archeology / D. Dennett // Canadian Psychology. – 1986. – № 27 (2). – P. 149–154.

ТОЖДЕСТВО ЛИЧНОСТИ, МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И МЕНТАЛЬНАЯ СУБСТАНЦИЯ. ПОЧЕМУ РАЗГРАНИЧЕНИЯ МЕТАФИЗИКИ И ПРАКТИКИ КРИТИЧНЫ ДЛЯ ДУАЛИСТА

И. В. Девятко

Доклад защищает тезис, что для субстанциального дуализма принципиально важно развести (1) метафизику тождества личности и (2) теории моральной ответственности.

Субстанциальный дуализм в философии сознания – это тезис, что ментальная жизнь реализуется при помощи ментальной субстанции, отличающейся от любой физической субстанции [2]. Иными словами – есть нечто, что реализует сознательные феномены и при этом не тождественно телу. Из этого определения формально не следует, что ментальная субстанция каким-то образом однозначно определяет онтологию личности. Конечно, она в значительной степени будет участвовать в формировании критериев индивидуации такой вещи как «личность». Однако даже в случае если теория субстанциального дуализма признаёт ментальную субстанцию единственным субъектом сознательных состояний – нет метафизической необходимости в том, чтобы это был субъект моральной ответственности или субъект представляющий моральную ценность, или носитель того, что можно назвать психологическим профилем. Возможные альтернативы: утверждать, что личностью является комбинация тела и ментальной субстанции или что носителем психологического профиля является мозг, а ментальная субстанция – лишь субъект переживаний и так далее. Представить многообразие возможностей, доступных философам, попросту невозможно.

На практике же большинство субстанциальных дуалистов, ещё со времён Декарта, отождествляют личность, референт местоимения «Я», и ментальную субстанцию. Это приводит к трудностям в интерпретации их теорий, когда они касаются моральной ответственности и тождества личности. Особенно с учётом того, что последний вопрос напрямую связан с критериями индивидуации личности вообще.

Метафизические теории тождества личности отвечают на вопрос, что

сохраняет ту же самую личность во времени [5]. Так, анимализм – утверждение, что личность является той же самой, если в первый и второй момент времени имеется одно и то же тело или биологическая (а может быть и технологическая) преемственность этого тела [7]. Психологическая теория тождества – утверждение о сохранении и преемственности психологического профиля [5]. В свою очередь, теории моральной ответственности отвечают на свои собственные вопросы. Что значит заслуживать ответственность и когда уместно возлагать её на того, на кого вообще можно её возлагать [12].

Кажется, что если в первый момент времени личность совершила преступление, то во второй момент времени она заслуживает возложения на неё моральной ответственности. Однако это далеко не всегда уместно. Уместность может опираться на совсем иные, например, эпистемические соображения, не сводясь к метафизике «кто есть кто» в каждый момент времени [8].

Рассмотрим два случая.

А) Преступник после массового убийства спасается от преследования полиции. Он попадает в автокатастрофу. Приходит себя в больницу. У него нет никаких воспоминаний, другая мимика, он принимает другое имя, теперь он интересуется музыкой и ничего не помнит о своём прошлом. Психологическое профилирование и нейронаука подтверждают, что он не врёт – психологически это другой человек.

Б) Преступник после массового убийства спасается от преследования полиции и решает воспользоваться новейшей технологией, чтобы поставить общественную мораль в сложное положение. В отчаянном шаге, преступник сканирует совершенным сканером, способным сохранить информацию об относительном расположении каждого атома в теле. Затем он загружает файл с этой информацией в совершенный биологический 3D-принтер. После этого преступник убивает себя. Затем 3D-принтер создаёт совершенную копию преступника. У копии та же память, тот же полный психологический профиль, что и убившего себя преступника.

Здесь видно, что уместность возложения моральной ответственности не имеет зависимости от взглядов на тождество личности. Если бы анималист считал, что моральную ответственность несёт та же личность, то он оказался бы в затруднительном положении в обоих случаях [6]. Он бы считал, что нужно осуждать человека после автокатастрофы из случая (А) и не нужно осуждать копию из случая (Б).

Анимализм – это метафизическая теория личности, отвечающая на вопрос о том, что такое человеческая личность по своей природе, каковы критерии её индивидуации [6]. В то же время вопрос о моральной ответственности – это практический вопрос, и он решается на совершенно сторонних основаниях [1].

Как можно понять, для субстанциальных дуалистов эти вопросы

представляют собой серьёзнейший вызов. Возьмём два крайних случая.

Эмерджентный субстанциальный дуализм Э. Дж. Лоу утверждает, что психическая и телесная субстанции являются объектами разных автономных наук и существуют совершенно по-разному [2]. Собственно, критерием для отнесения индивидуальной субстанции к тому или иному виду по Лоу выступает именно критерий тождества [2]. У Лоу «личность» и «тело» – разные субстанции естественных видов с несводимыми условиями тождества; «человек» – структурное единство этих субстанций, скреплённое отношением воплощённого «обладания» [3]. Соответственно критерий тождества личности у Лоу – это критерий сохранения той же самой субстанции. Причём насколько можно сделать вывод, это остаётся принципиально непроверяемым эмпирически фактом. Тело *B* пришло в состояние *C* и с номологической необходимостью породило личность *S* [4]. Рассмотрим случай (А). Мы можем допустить, что в результате автокатастрофы тело и мозг изменились настолько, что психологическая субстанция *S* была уничтожена и возникла новая субстанция *Sm*. Однако мы никогда не сможем этого проверить, потому что сама субстанция – не фиксируется приборами, являясь не физической. С другой стороны, субстанция могла остаться той же субстанцией *S*, но просто модус её существования изменился из-за соответствующего каузального давления со стороны тела. Для случая (Б), однако, таких проблем нет – наиболее правдоподобно, что, выйдя из 3D-принтера, тело копии просто породило субстанцию *Sn* качественно, но не нумерически тождественную субстанции *S*.

Соответственно, несмотря на то, что теория Лоу специфицирует конкретную онтологию личности, она ничего не говорит о критериях моральной оценки. В случае (А) радикальная амнезия подрывает уместность возложения ответственности из-за нового психологического профиля, а в (Б) полное качественное тождество психологического профиля поддерживает возложение вины. Носитель личности – психическая субстанция; психологический профиль – критерий практической моральной адресации [2].

И действительно, подавляющее большинство теорий моральной ответственности не требуют сохранения тождества личности. Обычно требуется лишь выполнение критериев для возложения ответственности [5]. Этим критерием может быть особое отношение между тем, кто совершил действие и тем, на кого возлагается ответственность, или психологическая связность, или единство вневременного абстрактного объекта – истории личности, или чего-то другого.

Короче говоря, эмерджентный субстанциальный дуализм на примере теории Лоу может вообще игнорировать вопрос о носителе моральной оценки и ценности.

Совершенно иная ситуация – картезианский субстанциальный

дуализм Р. Суинбёрна. Во-первых, важно отметить, что теория Суинбёрна, по сути дела, не отвечает на вопрос о том откуда взялась ментальная субстанция, причинно связанная с телом [10]. Однако по контексту его философии, можно с уверенностью сказать, что имеет место креационизм. Бог или, более мягко, закон вселенной творит ментальную субстанцию и присоединяет её к телу на том или ином этапе онтогенеза [9]. Во-вторых, возможность существования ментальной субстанции без тела, по Суинбёрну влечёт утверждение о том, что она является существенной для сохранения личности, в то время как тело – нет [10]. То есть, несмотря на то, что тело нужно для того, чтобы «Я» действовало в мире и ощущало его, личность может сохраниться и после разрушения тела.

Всё это приводит к тому, что атрибуция действия именно этой конкретной душе делает заслуженность моральной ответственности принципиально неснимаемой [11]. Даже если речь идёт о полном изменении психологического профиля. В случае (А) преступник будет тем же самым, потому что у него останется та же самая душа. Смена психологического профиля не является «извиняющим обстоятельством» на уровне моральной ответственности [11]. В случае (Б) носитель оригинальной души погиб, а у копии будет либо новая душа, либо души не будет вовсе. Парадоксально, но такой религиозно мотивированный субстанциальный дуализм оказывается более ригидной моделью, чем анимализм.

Дуалисту следует строго развести метафизику тождества и практики возложения моральной ответственности. Субстанция обеспечивает носителя «Я», но уместность осуждения и вида санкций определяется, главным образом, психологической связностью или общим представлением об устройстве мира и его моральной структуре, а не самим критерием тождества.

Литература и источники

1. Fischer, J. M. Responsibility and Control: A Theory of Moral Responsibility / J. M. Fischer, M. Ravizza. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – 277 p.
2. Lowe, E. J. Subjects of Experience / E. J. Lowe. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – 209 p
3. Lowe, E. J. Non-Cartesian Substance Dualism and the Problem of Mental Causation / E. J. Lowe // Erkenntnis. – 2006. – Vol. 65, № 1. – P. 5–23.
4. Lowe, E. J. Personal Agency: The Metaphysics of Mind and Action / E. J. Lowe. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 242 p.
5. Parfit, D. Reasons and Persons / D. Parfit. – Oxford : Clarendon Press, 1984. – 543 p.
6. Olson, E. T. The Human Animal: Personal Identity without Psychology / E. T. Olson. – Oxford : Oxford University Press, 1997. – 210 p.

7. Olson, E. T. What Are We? A Study in Personal Ontology / E. T. Olson. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 264 p.
8. Strawson, P. F. Freedom and Resentment / P. F. Strawson // Proceedings of the British Academy. – 1963. – Vol. 48. – P. 187–211.
9. Swinburne, R. The Evolution of the Soul / R. Swinburne. – 2nd ed. – Oxford : Clarendon Press, 1997. – 360 p.
10. Swinburne, R. Mind, Brain, and Free Will / R. Swinburne. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – 252 p.
11. Swinburne, R. Responsibility and Atonement / R. Swinburne. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – 213 p.
12. Zimmerman, M. J. An Essay on Moral Responsibility / M. J. Zimmerman. – Lanham : Rowman & Littlefield, 1988. – 256 p.

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ И КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ

А. О. Карасевич

Когнитивная психотерапия со времени своего основания (вторая половина XX века) непрерывно развивается и использует для проверки своей эффективности научные методы. За это время у когнитивной и когнитивно-поведенческой терапии (КПТ) появилось много подвидов и относительно автономных ответвлений, но суть осталась прежней, а именно: мышление клиента определяет его эмоции и поведение, при этом особенности (стили), структура и динамика мышления видоизменяются в процессе жизни и могут носить дезадаптивный, но при этом модифицируемый характер. Задача психолога и психотерапевта – войти с клиентом в психотерапевтический альянс и научить его критично рассматривать свое мышление и его содержание, находить в нем иррациональные, нелогичные и дезадаптивные компоненты и заменять их реалистичными. Психотерапевт дает клиенту знания, как мышление влияет на его эмоции и поведение, а закрепление полученной информации происходит посредством домашних заданий, которые настраивают клиента на последующее самообучение, рефлекссию и самопомощь. Психотерапевт и клиент вместе включены в процесс улучшения жизни клиента, от стараний и мотивации которого во многом зависит эффективность терапии.

Основателем когнитивной психотерапии является Аарон Бек. Вот как описывает его дочь Джудит Бек суть данного направления: «В начале 1960-х годов Аарон Бек разработал форму психотерапии, которую сначала назвал когнитивной терапией. Сегодня большинство специалистов считают когнитивную терапию синонимом когнитивно-поведенческой терапии... Бек разработал четко структурированную, краткосрочную

психотерапию для депрессивных расстройств, направленную на решение текущих проблем и изменение дисфункционального (ошибочного и / или непродуктивного) мышления и поведения. С тех самых пор он и другие специалисты успешно адаптировали этот терапевтический подход для работы с поразительно широким спектром расстройств и проблем. Изменения коснулись общего фокуса терапии, применяемых техник и продолжительности лечения, однако теоретические основы подхода остались прежними. Во всех формах когнитивно-поведенческой терапии, возникших из модели Бека, лечение основывается на когнитивных формулировках, убеждениях и поведенческих стратегиях, специфичных для определенных расстройств... Терапевт ищет разные способы достижения когнитивных изменений – модификации системы мышления и поведения пациента, – которые позволят подтолкнуть его к продолжительным эмоциональным и поведенческим изменениям» [1, с. 18].

По мнению А. Бека, когнитивная терапия – это активный, директивный, структурированный подход, используемый при лечении различных психиатрических расстройств (депрессии, тревоги, фобии и др.) и в своей практической реализации не являющийся долгосрочным [2]. Согласно этому подходу, эмоции и поведение человека в значительной степени детерминированы тем, как он ментально структурирует мир и окружающую реальность, а представления человека определяются его установками и когнитивными схемами, сформированными в результате прошлого опыта [2]. А. Бек начал работу в психотерапии, используя психоаналитический подход, однако довольно скоро увидел его практические и теоретические ограничения. А. Бек пишет: «клинические наблюдения, экспериментальные и корреляционные исследования, а также непрекращающиеся попытки объяснения данных, противоречивших психоаналитической теории, привели меня к полному переосмыслению психопатологии депрессии и других невротических расстройств. Обнаружив, что депрессивные пациенты не имеют потребности в страдании, я начал искать иные объяснения их поведению, которое только "выглядело" как потребность в страдании. Я задался вопросом: как еще можно объяснить их неустанное самобичевание, их устойчиво негативное восприятие действительности и то, что как будто бы говорило о наличии аутовраждебности, а именно их суицидальные желания?... Прислушавшись к тому, как пациенты описывают себя и свой опыт, я заметил, что они систематически перетолковывают факты в худшую сторону. Эти истолкования, сходные с образным рядом их сновидений, навели меня на мысль, что депрессивному пациенту присуще искаженное восприятие реальности» [2].

А. Бек в своих дальнейших работах подробно обосновал на большом эмпирическом материале свою концепцию, заключающуюся в том, что

мысли и мышление человека, его установки и когнитивные схемы определяют его эмоции и поведение. Работая с иррациональными, негативными, не соответствующими реальности убеждениями клиента, психотерапевт останавливает патологические «цепные реакции» в его психике (например, мрачные мысли → негативные эмоции → деструктивное поведение) и учит его самостоятельно отслеживать подобные иррациональные мысли и их влияние на эмоции и поведение.

Концепция контекстуального реализма (КР) может быть успешно использована в развитии методологии когнитивной психотерапии. Мы видим *два основных вектора* методологического сближения данного направления терапии и контекстуального реализма. *Первый вектор* заключается в близости объекта исследования методологий КР и КПТ. Основной задачей когнитивного психолога является приведение мыслей клиента, его когнитивных схем в соответствие с реальностью, что улучшает ориентацию клиента в ситуации (контексте) и повышает его адаптационный потенциал. Однако в когнитивной психологии не уделяется должного внимания вопросу, что такое реальность и каковы методологические основы ее постижения. Этот методологический «пробел» может быть успешно заполнен теорией контекстуального реализма, что даст методологическую опору всему направлению когнитивной психотерапии. *Второй вектор* заключается в том, что в ходе когнитивной психотерапии большое внимание уделяется взаимосвязи онтологического контекста и мыслей, эмоций, поведения клиента. Эта ориентация на контекст методологически сближает КР и КПТ.

Когнитивная терапия борется с когнитивными искажениями, чтобы привести мышление клиента в соответствие с реальностью. Подобная направленность сближает этот подход с контекстуальным реализмом, цель которого – показать предмет таким, как он есть, как он реально существует. И. Е. Прись пишет: «Контекстуальный реализм, как мы его понимаем, основывается на двух постулатах. Первый постулат даёт единственно возможное определение концепта реальности – выявляет его логику ("грамматику"). Реальность – это то, что есть; она такова, какова она есть. Второй постулат устанавливает категориальное различие между реальным и идеальным. К категории реального относятся сами реальные вещи, а также первичный (непосредственный, неконцептуализированный) опыт, "ощущаемое" (фр. *le sensible*), между которым и реальностью нет никакой дистанции. "Ощущаемое" как часть реальности мы понимаем в самом широком смысле. В этом смысле существует не только чувственный опыт (чувственное ощущаемое, перцепция), но и социальное ощущаемое, математическое ощущаемое, ощущаемое в физике высоких энергий и так далее. Ощущаемое не субъективно, а просто реально. Различие между субъективным и объективным вторично. К категории идеального относятся, в частности, нормы, правила, концепты. Идеальное не реально;

это нечто вроде "движения" в реальности, реальном» [3, с. 510–511]. Когнитивная терапия стремится привести мысли клиента в соответствие с реальностью, при этом «реальность такова, какова есть».

Таким образом, контекстуальный реализм весьма близок к методологии когнитивной психотерапии и может быть использован в укреплении теоретических оснований данного направления.

Работа выполнена в рамках проекта БРФФИ № Г24МС-002 «Квантово-подобное моделирование социогуманитарных систем и философия контекстуального реализма».

Литература и источники

1. Бек, Дж. Когнитивно-поведенческая терапия. От основ к направлениям / Джудит Бек. – СПб. : Питер, 2018. – 416 с.
2. Бек, А. Когнитивная терапия депрессии / А. Бек, А. Раш, Б. Шо, Г. Эмери. – СПб. : Питер, 2003. – 304 с.
3. Прись, И. Е. Знание в контексте / И. Е. Прись. – СПб. : Алетейя, 2022. – 720 с.

АВТОНОМИЯ ЗНАНИЯ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

А. М. Кардаш

Сегодня мы часто можем выбирать, как разрешить когнитивную задачу – автономно, то есть используя ресурсы исключительно своего ума, или же с помощью технологий. Посчитать траты в уме или с помощью калькулятора? Поискать информацию самому или делегировать эту задачу большой языковой модели?

Такие решение принимаются на основании множества факторов, включая *эпистемические*, то есть связанные с тем, как наличие или отсутствие автономии влияет на знание. В книге «Autonomous knowledge: radical enhancement, autonomy, and the future of knowing» Джей Адам Картер отстаивает позицию, согласно которой знание с необходимостью подразумевает автономию [1].

Чтобы указать на недостаток его работы, нам нужно лучше определить само понятие автономии. Мы считаем, что стоит разделять позитивную и негативную автономию. Позитивная автономия подразумевает самостоятельность действия, что необязательно означает, что человек свободен от каких-либо манипуляций на уровне своей диспозиции к действию. Например, в этом смысле мы называем автономными работников, которые способны исполнять свои задачи без руководства и помощи со стороны коллег. Негативная автономия подразумевает самостоятельность диспозиции, из которой необязательно следует, что человек свободен в своих действиях. В этом смысле мы говорим, что человек автономен в своих суждениях, если его суждения

свободны от влияния авторитетов, но он всё ещё в своих суждениях следует законам логики. На наш взгляд, эти виды автономии в достаточной степени независимы, чтобы не считать их обязательно взаимосвязанными, как и не утверждать, что подлинная автономия представляется только конъюнкцией позитивной и негативной.

Разделение на негативную и позитивную автономию позволяет обозначить, что автономия предполагает степени, а граница между её степенями неоднозначна. Можно лишь отметить, что в целом автономия предполагает либо превалирование самостоятельности над несамостоятельностью, либо совершение ключевого автономного действия. Маловероятной кажется абсолютная позитивная или негативная автономия — в более широких контекстах даже самая очевидная самостоятельность действия или диспозиции предполагает опору на то, что субъект непосредственно не совершает или на то, что он только перенимает.

Теперь же можно уточнить и понятие эпистемической автономии. Позитивная эпистемическая автономия состоит в способности узнавать нечто или решать некоторые познавательные задачи самостоятельно. Негативная эпистемическая автономия состоит в способности самостоятельно удерживать или поддерживать состояние знания или значимую познавательную информацию. Следовательно, эпистемическая автономия подразумевает самостоятельность в познании, которая проявляется либо в возможности индивидуально разрешать когнитивные задачи, либо удерживать эпистемически значимую информацию.

Картер рассматривает мысленный эксперимент, в котором человеку вживляют имплант, который фиксирует температуру вокруг и посылает информацию о ней в мозг человека. Носитель импланта, таким образом, может формировать точные убеждения о температуре без каких-либо интеллектуальных усилий. Картер исходит из того, что большинство эпистемологов считают, что человек с имплантом *не знает* температуру вокруг, хотя и получает истинные убеждения посредством импланта. При этом Картер полагает, что философы неправильно объясняют причины незнания носителя импланта. С его точки зрения, проблема в том, что такое «знание» неавтономно и зависит от технологии. Однако неавтономность знания здесь следует из неавтономности убеждения.

Согласно Картеру, для редуктивного анализа знания требуется условие, при котором знание в целом не могло бы быть совместимо с формированием убеждений, которые полностью обходят манифестацию когнитивных способностей. Он предлагает два нормативных требования — автономным является лишь то убеждение, которое (1) связано с нашим стремлением к достижению истин (и избеганию ошибок) и (2) свободно от определенных форм влияния, связанных с манипуляцией и навязыванием содержания убеждения агенту. Данные нормативные требования являются

фактически требованием негативной автономии, однако именно ему случай носителя импланта соответствует, а поэтому Картер в лучшем случае лишь частично прав в своем понимании эпистемической автономии и того, для чего именно она нужна.

В статье «On the Autonomy of (Some). Knowledge» Курт Сильван критикует подход Картера к автономии знания, хотя и воспринимает идею эпистемической автономии позитивно [2]. Довод состоит в том, что убеждение, вызванное и поддерживаемое эпистемически иррелевантными факторами (пропагандой, воспитанием, манипуляциями, идеологией, ангажированными источниками информации и т. д.), необязательно исключает знание или рациональность убеждения. Наиболее удачен пример Сильвана с жителем Северной Кореи, который является патриотом и узнает о событиях из государственного телевидения, которое в рамках данного примера понимается как источник манипуляций, приводящий зрителей к неавтономным убеждениям. Например, получив из такого источника сведения о местной погоде, такой гражданин действительно будет знать её, а его убеждение можно счесть рациональным (хотя и неавтономным) несмотря на то, что по идеологическим причинам он верит всему, что транслируется на телевидении. Поскольку Картер считает, что автономия убеждения является необходимым условием знания, то Сильван опровергает это положение, указывая на случай знания без автономии.

На чуть более глубоком уровне Сильван показывает возможный конфликт между условием автономного убеждения Картера и представлением о доксистическом обосновании, смысл которого в том, что пропозиция доксистически обоснована, если у субъекта есть рациональная причина быть убежденным в пропозиции. Судить о погоде в некоей местности на основании данных локального телеканала вполне себе разумно, даже если эта рациональность является частью более широкого мировоззрения, которое по тем или иным причинам является нерациональным до той степени, что оно лишает субъекта автономии в познании.

Стоит заметить, что Сильван фактически рассматривает ситуации манипуляции иначе, чем Картер. Если Картер говорит о сочетании позитивной неавтономии с негативной автономией, то Сильван говорит о сочетании позитивной автономии (в его примерах субъекты самостоятельно составляют убеждения, например, исходя из своих воззрений в целом) с негативной неавтономией (они несамостоятельны в вопросе о том, почему они удерживают свои убеждения или используют ту или иную информацию). Следовательно, они на самом деле говорят о разных сторонах эпистемической (не)автономии. Действительная разница состоит лишь в том, какой вид неавтономии они считают более значимым.

На наш взгляд, для того чтобы знание или убеждение были автономны хотя бы в каком-то смысле, достаточен лишь один вид

автономии. Автономия в сильном смысле (как позитивная, так и негативная) не создает проблемы, но и не является необходимой.

Исследование проводилось при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект № Г24МП-020 «Социально-философские и эпистемологические аспекты развития цифровых технологий: способы классификации и последствия внедрения»).

Литература и источники

1. Carter, J. A. Autonomous Knowledge: Radical Enhancement, Autonomy, and the Future of Knowing / J. A. Carter – Oxford : Oxford University Press, 2022. – 176 p.
2. Sylvan, K. On the Autonomy of (Some). Knowledge / K. Sylvan // Analysis – 2022. – Vol. 83, iss. 4. – P. 849–856.

МОЖЕТ ЛИ МАШИНА ПОНИМАТЬ?

П. М. Колычев

Введение. Постановка проблемы А. Тьюрингом: 1. «Могут ли машины мыслить?»; 2. «... нужно ... определить смысл терминов "машина" и "мыслить"»; 3. «Вместо того чтобы пытаться дать такое определение, я заменю наш вопрос другим ... Будет ли в этом случае задающий вопросы ошибаться столь же часто, как и в игре, где участниками являются только люди?». Его исследования привели к рождению статистического метода.

Коррекция данной постановки проблемы. Могут ли машины понимать смысл текста? Нужно определить термины «машина» и «смысл». Машина (компьютер) – электромагнитное устройство способное оперировать числами. Поставленная проблема имеет положительное решение в том случае, если удастся выразить смысл текста числом. При этом необходимо отличать смысл текста от символов (буквы, слоги, слова, предложения, двоичные символы), которыми он записывается.

1. Онтологическое обоснование релятивного метода. Онтология есть такое знание о мире в целом, которое исходит из решения проблемы бытия. Что значит существовать? Быть – значит различаться. Релятивная онтология может быть представлена математическим способом. Любое различие можно записать как онтологическое вычитание. Онтологическое вычитание позволяет построить онтологическую математику, отличающуюся от спекулятивной математики лишь непосредственной связью с практикой.

Онтологическое вычитание является онтологическим обоснованием ключевого момента релятивного метода. Различение всегда можно записать через операцию вычитания.

$$m_\alpha \neq m_\gamma (1)$$

$$m_\gamma - m_\alpha = r,$$

например,

$$\text{Текст } m_\gamma - \text{Текст } m_\alpha = r.$$

2. *Теория релятивного метода.* Пусть имеется множество текстов. Выберем тексты, описывающие один и тот же вид объектов с одним и тем же атрибутом «m». Различие значений одного атрибута. Выберем тексты, описывающие один и тот же вид объектов с одним атрибутом «m», значение которого отличны друг от друга:

$$m_i \neq m_k (1)$$

$$i, k = \alpha, \beta, \gamma, \delta, \varepsilon$$

$$i \neq k.$$

Различающиеся значения атрибута всегда можно упорядочить:

$$m_i \neq m_k (1)$$

$$i, k = \alpha, \beta, \gamma, \delta, \varepsilon$$

$$i \neq k$$

$$m_\alpha < m_\gamma < m_\beta < m_\delta < m_\varepsilon (2)$$

Различение (1) всегда можно записать через операцию вычитания.

$$m_\alpha \neq m_\gamma (1)$$

$$m_\gamma - m_\alpha = r (3)$$

Упорядочивание (2) можно записать с помощью вычитаний подобных (3).

$$m_\alpha < m_\gamma < m_\beta < m_\delta < m_\varepsilon (2)$$

$$m_\gamma - m_\alpha = r, \quad (4)$$

$$m_\beta - m_\alpha = r + r, \quad (5)$$

$$m_\delta - m_\alpha = r + r + r, \quad (6)$$

$$m_\varepsilon - m_\alpha = r + r + r + r. \quad (7)$$

Результаты вычитаний (4–7) можно записать с помощью онтологических чисел.

$$m_\gamma - m_\alpha = r, \quad (4)$$

$$m_\beta - m_\alpha = r + r, \quad (5)$$

$$m_\delta - m_\alpha = r + r + r, \quad (6)$$

$$m_\varepsilon - m_\alpha = r + r + r + r. \quad (7)$$

$$1 = m_\alpha, \quad (8)$$

$$2 = r + m_\alpha, \quad (9)$$

$$3 = r + r + m_\alpha, \quad (10)$$

$$4 = r + r + r + m_\alpha, \quad (11)$$

$$5 = r + r + r + r + m_\alpha. \quad (12)$$

$$m_\alpha = 1 \text{ m}, \quad (13)$$

$$m_\gamma = 2 \text{ m}, \quad (14)$$

$$m_\beta = 3 \text{ m}, \quad (15)$$

$$m_\delta = 4 \text{ m}, \quad (16)$$

$$m_\varepsilon = 5 \text{ m}. \quad (17)$$

Любой текст можно записать онтологическим числом (с размерностью).

Текст $m_\alpha = 1 \text{ м}$, (13)

Текст $m_\gamma = 2 \text{ м}$, (14)

Текст $m_\beta = 3 \text{ м}$, (15)

Текст $m_\delta = 4 \text{ м}$, (16)

Текст $m_\epsilon = 5 \text{ м}$. (17)

Например, пусть атрибут «м» – человеческие отношения, а его значениями будут: дружба, равнодушие, любовь, ненависть, вражда. Тогда этим значениям можно приписать следующие онтологические числа:

Вражда (текст m_α) = 1 м, (13)

Ненависть (текст m_γ) = 2 м, (14)

Равнодушие (текст m_β) = 3 м, (15)

Дружба (текст m_δ) = 4 м, (16)

Любовь (текст m_ϵ) = 5 м. (17)

Смысл значения атрибута есть его место в упорядоченном ряду других значений этого атрибута, например,

Текст m_α (один) < Текст m_γ (два) < Текст m_β (три) < Текст m_δ (четыре) < Текст m_ϵ (пять).

Другой пример, смысл числа 4 в том, что оно меньше чем числа 5, больше которого ничего нет, и больше числа 3, меньше которого есть число 2, меньше которого есть число 1, меньше которого ничего нет. Например, смысл текста «дружба» (текст m_δ – четыре) в том, что он меньше смысла текста «любовь» (текст m_ϵ – пять), больше которого ничего нет, и больше смысла текста «равнодушие» (текст m_β – три), меньше которого есть смысл текста «ненависть» (текст m_γ – два), меньше которого есть смысл текста «вражда» (текст m_α – один), меньше которого ничего нет.

На основании сказанного можно построить когнитивное пространство. Когнитивное пространство (одномерное) – упорядоченный ряд значений атрибута можно представить как одномерное пространство. Когнитивное пространство (двухмерное) – пусть есть текст описания однородных объектов, имеющих два атрибута. Проведем упорядочивание значений по обоим атрибутам (n, m) релятивным методом:

Текст m_α (один) < Текст m_γ (два) < Текст m_β (три) < Текст m_δ (четыре) < Текст m_ϵ (пять);

Текст n_γ (один) < Текст n_α (два) < Текст n_β (три) = Текст m_δ (четыре) = Текст m_ϵ (пять).

Тогда результат упорядочивания можно представить в виде

двухмерного когнитивного пространства. Когнитивное пространство (многомерное) – любой текст описания объекта, имеющего p атрибутов, можно описать координатами точки в p -мерном когнитивном пространстве, где каждому атрибуту соответствует одна ось, на которой представлены упорядоченные значения этого атрибута.

Все операции с текстами являются операциями в когнитивном пространстве (онтоинформатика). Правила таких операций определяются спецификой описываемых объектов. Например, результатом деления на два пяти воздушных шариков является 2 и 3 шарика. Операции в многомерном пространстве можно проводить посредством компьютера. Онтоинформатикой можно решать следующие задачи: 1. Вычислить расстояние (степень различия) между смыслами двух текстов. 2. Вычислить новый смысл. 3. Установить количественную зависимость между смыслами разных атрибутов.

Заключение. Результаты релятивного метода можно сравнить с результатами статистического метода при решении той же самой задачи. Релятивный метод соотносится с статистическим методом как внутреннее и внешнее понимание объекта. При внешнем понимании нам неизвестно внутреннее устройство объекта. Внутреннее понимание основано на знании внутреннего устройства объекта. Релятивный метод и статистический методы должны дополнять друг друга. Преимущество релятивного метода состоит в том, что, если в статистическом методе необходимо большое количество данных, то для реализации релятивного метода, в принципе, достаточен всего один экземпляр данных. Если в статистическом методе точность результата зависит от статистики, то релятивный метод точен в рамках представленных данных. Только релятивный метод позволяет построить индивидуальное когнитивное пространство. Другое преимущество в его универсальности, так как релятивный метод не зависит от природы данных. Им можно обрабатывать не только текстовые данные, но и визуальные, акустические и данные другой природы.

КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ И БИОЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

И. Г. Красникова

Континентальная философия сознания представляет собой исследование феномена сознания в европейской философской традиции (преимущественно в феноменологии и экзистенциализме (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, М. Мерло-Понти)). В отличие от аналитической философии

сознания (Д. Деннет, Д. Чалмерс), которая акцентирует внимание на логических, ментальных состояниях сознания, изучает феномен квалиа, выясняет возможность моделирования сознания системами ИИ, опираясь на мысленные эксперименты, континентальная философия сознания обращает внимание на присутствие сознания в мире, переживание и понимание собственной субъективности и Другого, конституирование сознанием смысла бытия, подчеркивает тесную связь сознания с телесным опытом. Согласно континентальной философии, сознание не просто обрабатывает информацию о мире, оно вовлечено в мир (бытие-в-мире). В этом смысле актуальным становится вопрос: может ли ИИ быть-в-мире как человек? ИИ лишен историчности, живой чувствующей телесности, социального контекста, в котором рождается человеческое понимание мира и своей субъективности, он оперирует данными, но не переживает мир. Это ставит под сомнение возможность создания «сильного» ИИ, так как он может имитировать заботу, эмпатию, но он не может испытывать весь спектр человеческих чувств и эмоций, поскольку у него нет тела, способного страдать, радоваться, печалиться и др. ИИ может следовать логике в своих действиях и ответах на вопросы, но при этом понимание и целеполагание будет отсутствовать. Вместе с тем ИИ рассматривается континентальной философией как инструмент, который начинает так глубоко встраиваться в бытие-в-мире, что меняет саму его ткань.

Связь между континентальной философией и биоэтикой, которая исследует этические, социальные и правовые вопросы, возникающие в связи с прогрессом медицины и биотехнологий, в том числе созданием и использованием систем ИИ в медицине, является фундаментальной, так как позволяет очертить круг проблем, связанных с рефлексией над свободой, ответственностью, смыслом и самой природой человеческого существования, опасностях и рисках, которые сопряжены с использованием ИИ.

Во-первых, ИИ трансформирует человеческие отношения. Нейросети и алгоритмы рекомендаций не являются нейтральными инструментами. Они активно формируют наше восприятие реальности, наши желания, политические взгляды и экономические предпочтения, представления о здоровье и болезни, и затрагивают непосредственно автономию личности, которая является важнейшей ценностью в биоэтике. Например, ИИ может определить диагноз порой быстрее и точнее врача. Но диагноз – это не просто данные. Это герменевтический акт – интерпретация, встроенная в диалог между врачом и пациентом, который предполагает эмоциональную связь – сочувствие, заботу, эмпатию, надежду. Замена этого акта на вывод алгоритма – это не просто техническое улучшение, это фундаментальное изменение природы медицинской заботы. Биоэтика не только должна нормативно определить этические принципы использования ИИ в медицине (сохранение

автономии личности, конфиденциальности, обеспечение безопасности и справедливости и др.) [1], но и ответить на вопрос: как использование ИИ в медицине может изменить отношения между врачом и пациентом?

Во-вторых, континентальная философия исходит из идеи о том, что любая технология воплощает определенные ценности и властные отношения. ИИ обучается на данных, созданных людьми, он впитывает все культурные установки, предубеждения, стереотипы. Биоэтика призвана оценить те ценности, которые мы неявно встраиваем в системы, принимающие решения в области медицины и которые могут стать основанием для уязвимости как врача, так и пациента, привести к дискриминации, ограничить доступ некоторых групп населения к медицинским благам и ресурсам, властно трансформировать человеческую телесность.

В-третьих, возникают этические вопросы, связанные с отношением человека к ИИ. Если человек создает человекоподобные сущности и затем начинает их эксплуатировать или уничтожать, не дегуманизирует ли подобное отношение к ИИ самого человека?

Таким образом, континентальная философия сознания предоставляет глубокий концептуальный аппарат для критического осмысления последствий создания и разработки ИИ для человеческого бытия, а биоэтика призвана перевести эти философские размышления в практические рамки –разработать принципы, нормы, защищающие автономию человека, его достоинство с учетом специфики медицинской практики и ее гуманитарной составляющей и ответить на фундаментальные вопросы: как сохранить человеческие отношения в медицине, основанные на эмоциональной связи врача и пациента и не допустить, чтобы технологии, которые должны служить человечеству, переопределили сущность человека без его согласия?

Литература и источники

1. Этические принципы и использование искусственного интеллекта в здравоохранении: руководство ВОЗ. – URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/350567/9789240037465-rus.pdf> (дата обращения: 14.09.2025).

ТРАНСФОРМАЦИИ СОЗНАНИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ИИ

Т. Г. Лешкевич

Проблема соотношения сознания и ИИ имеет в качестве своей подосновы вопрос: может ли ИИ обладать сознанием и каковы надежные признаки, свидетельствующие об обнаружении сознания у ИИ? В иной формулировке этот вопрос касается возможности существования сознания

отдельно от его носителя – человека; о переносе мозга с белкового носителя на электронный. Подчеркнем, что устоявшееся понимание сознания включает в себя указание на высокоорганизованную материю, обладающую субъектностью, где «значимы рефлексия и контроль за рефлексивом, умение фиксировать свидетельства сознания другого, ценностно целевые установки, нарративные практики самоописания и квалиа как переживание и словесный отчет о своем субъективном состоянии» [1, с. 40]. Заметим, что проблема квалиа (qualia), или «трудная проблема сознания», остается нерешенной и по сей день. В качестве симптомов второго ряда указывается на минимальную телесную активность, моторный контроль, адекватный отклик на внешние стимулы, возможность переключения внимания, фиксация объективных проявлений (свидетельств) сознания другого, рассуждение, память.

Основная компетенция человеческого сознания связывается со значением личностного и индивидуального субъективного опыта. Рефлексия на тему: что я чувствую, знаю и переживаю, что я могу рассказать о себе, на что надеюсь, что ценю и какие цели ставлю, включает смысловое измерение и сопровождается эмоциональной окраской когнитивных и ментальных состояний. Здесь важно понимать естественную способность человека, при которой наблюдение внешних изменений одновременно влияет и на его внутренние состояния. И когда речь ведется о гипотетическом признании сознания у ИИ, это означает признание за ним суверенной системы действий, свободу от вложенных моделей и алгоритмов, основанных на Больших данных. Но поскольку невозможно с достоверностью утверждать о сознании ИИ на основе экспериментальных и эмпирических подтверждений, в этом сегменте фиксируется зона неопределенности. Причем в случае гипотетического предположения о денатурализации носителя, т. е. о переносе с белкового носителя на небиологический, остро встает проблема игнорирования созревающих в ходе эволюции нервных субстратов носителей сознания.

Вместе с тем существует точка зрения, сводящая все содержание сознания к внутренне интегрированной информации. Например, французский нейролог С. Деан утверждает, что «сознание – это трансляция единого информационного потока в коре головного мозга: основой этого процесса является нейронная сеть, смысл существования которой сводится к активной передаче актуальной информации в пределах мозга» [2, с. 22]. В этом случае, возможно заключение, что подобным потенциалом внутренней интеграции информации, свидетельствующей о сознании, обладает и ИИ. Тем не менее возражения состоят в том, что для установления факта человеческого сознания важны именно отчеты о сознательных переживаниях от имени первого лица – от имени Я.

Имеющая место в объяснении природы сознания «компьютерная метафора» надолго задержала ученых. Так, известный философ Х. Патнэм,

говоря о некоем тождестве сознания и мозга, брал за основу компьютерную аналогию. Он исходил из того, что психические состояния – это своего рода программное обеспечение компьютера-мозга, и «наша психология должна быть описана как программное обеспечение этого компьютера – как его "функциональная организация"» [3, с. 32].

Представления о том, что для сознания характерна определенная мера внезапности, то, что В. Налимов именовал спонтанностью сознания, послужили формированию установок на изучение квантового уровня сознания. Оформилось и такое направление как квантовая психология, сосредоточенное на проблеме: как импульс того или иного нервного сигнала дает возможность генерирования образ восприятия объекта или состояния. Акцент перенесен на связь импульса и образа восприятия, который потенциально может инициировать последующие действия. Исследователи, изучающие квантовый подход к сознанию, как правило, берут за основу позицию Р. Пенроуза, отождествляющего мозг с мощным квантовым компьютером [4]. Однако, согласно выводам исследователей, «идеи о квантовых эффектах в головном мозге не проходят проверку скептиков» [5, с. 283].

Эффект онтологической неприсвоенности тела также работает против искусственного сознания. Следует обратить внимание на значимость такой детерминанты сознания как телесный опыт и то, что потребности тела не могут быть элиминированы из анализа когнитивных процессов. Вместе с тем тема феноменологии кожи как перцептивной поверхности и особенно феномена касания как доминирующего слоя чувственности в конституировании телесности для ИИ пребывают в статусе запрещенных. Атрибутами цифровой телесности выступают бесконтактность и дотационность. Отсутствуют: осязание, обоняние, вкус, имеют место только визуальное восприятие и звуковое сопровождение, в рамках алгоритмически запрограммированных опций. Можно сказать, что речь идет о некоей метарепрезентативности телесности и о некоем бестелесном опыте, поставляемом цифровыми технологиями. Исследователи бьют тревогу, так как замещение реальных телесно-физических контактов цифровыми грозит «эпидемией цифрового аутизма» [6]. Бестелесное восприятие порождает метаприсутствие, а метателесность может генерировать различные киборгизованные формы, где побочной проблемой может стать сфера соприкосновения с кибер-другим, т. е. с существующими цифровыми агентами по типу аватаров, ботов, дипфейков, цифровых ассистентов.

Резюмируя сказанное, отметим, необратимый сдвиг цифрового мира фиксирует существенные трансформации человеческого сознания, демонстрируя тренд сращенности с интеллектуальными устройствами и зависимости о них. Забавный пример, когда ребенок, чтобы картинка за окном была четче, пытается пальчиками «раздвинуть» вид из окна, словно

оконное стекло – экран гаджета, демонстрирует очевидную «сращенность» с цифровой средой и разрыв с топографическим мышлением. Как правило, человек в реалиях повседневности, последовательно выполняя совокупность функций, предписываемых ему ИИ и обеспечивающих ориентацию в цифровом мире, довольствуется своей ролью актанта. ИИ сегодня незаменим в роли инструмента и ассистента, сопровождающего ту или иную деятельность, освобождающего от рутинных процессов. Однако руководящие и доминирующие позиции по-прежнему должны оставаться в компетенции сугубо человеческого сознания.

Литература и источники

1. Лешкевич, Т. Г. Субъектоподобные качества ИИ: «стыковка» humans и non-humans / Т. Г. Лешкевич // Вопросы философии. – 2025. – № 4. – С. 39–47.
2. Деан, С. Сознание и мозг. Как мозг кодирует мысли / С. Деан ; пер. с англ. И. Ющенко. – М. : Карьера-Пресс. 2018.
3. Putnam, H. Representation and Reality / H. Putnam. – Cambridge (Mass.) : MIT Press, 1989.
4. Penrose, R. Shadows of the Mind: A Search for the Missing Science of Consciousness / R. Penrose. – Oxford : Oxford University Press, 1994.
5. Поликарпов, В. А. Три концепции сознания в квантовой психологии / В. А. Поликарпов // Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. статей. – Минск : РИВШ, 2020. – Вып. 20, ч. 3. – С. 280–285.
6. Kirby, A. Digimodernism: How New Technologies Dismantle Postmodern and Reconfigure Our Culture / A. Kirby. – New York, London : Continuum, 2006.

ПРИМЕНЕНИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ТЕХНОЛОГИЯХ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

А. И. Лойко

Аналитическая философия после разработки собственной категориальной структуры и тематики на фундаментальном уровне обратилась к разработке собственной прикладной версии философии сознания с тем, чтобы расширить тематику математической логики в модификациях слабого искусственного интеллекта. Расширение возможностей математической логики виделось С. Крипке в создании аппарата нечётких логик совместимых с категориальными структурами естественного языка. Это позволило создать технологии искусственного интеллекта, работающие в диалоговом режиме. Широкое применение получили чат-боты. Многие компании стали пользоваться чат-ботами в бизнес-администрировании и консультировании.

Однако по мере использования машинного обучения и глубокого машинного обучения агенты искусственного интеллекта стали

демонстрировать предвзятость в ряде важных профессиональных сферах. В первую очередь издержки проявились в сфере отбора людей на вакантные должности. Появились случаи жалоб людей на дискриминацию. В результате компании вынуждены были объясняться, что влияло на их имидж [1].

Анализ причин предвзятости агентов ИИ показал, что её источником являются разработчики, которые неявно переносят свойственную им предвзятость в семантику агентов ИИ. Вследствие этого программисты получили задачу минимизировать влияние человеческого фактора в семантике ИИ. В результате аналитическая философия вернулась к истокам. В своё время эта философия отводила основную роль логическому анализу языка. Затем последовал лингвистический анализ языка. Но эти анализы не были совмещены в прикладном решении.

Одним из решений стала разработка онтологии данных. Эта онтология позволяет через категоризацию систематизировать данные и исключить их случайную вариативность, к которой могут прибегать агенты ИИ [2]. Подобный ракурс потребовал также психологического исследования.

Растущая роль агентов ИИ породила вопросы этики и философии права. Эти вопросы касаются определения статуса агента ИИ. Также возникают вопросы в области прикладной этики. Долгое время она была ориентирована только на человека. Теперь же возникает вопрос о её применимости к агентам ИИ [3].

Литература и источники

1. Лойко, А. И. Интеллектуальная система человека / А. И. Лойко // Инновационное развитие регионов: потенциал науки и современного образования: материалы VIII Национальной науч.-практ. конф. с международным участием, приуроченной ко Дню российской науки, Астрахань, 10 февраля 2025 г. / Под общ. ред. С. П. Стрелкова. – Астрахань: Астраханский гос. архитектурно-строительный ун-т, 2025. – С. 615–619. – 1 CD-ROM.
2. Loiko, A. I. Cognitive functions of Artificial Intelligence Technologies / A. I. Loiko // Инновационное развитие регионов: потенциал науки и современного образования: материалы VIII Национальной науч.-практ. конф. с международным участием, приуроченной ко Дню российской науки, Астрахань, 10 февраля 2025 г. / Под общ. ред. С. П. Стрелкова. – Астрахань: Астраханский гос. архитектурно-строительный ун-т, 2025. – Р. 619–622. – 1 CD-ROM.
3. Loiko, A. I. Communication, Identity and Artificial Intelligence / A. I. Loiko // Современные тенденции кросс-культурных коммуникаций: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 22 мая 2025 г. / Кубанский гос. технологический ун-т. – Краснодар: ФГБОУ ВО «КубГТУ», 2025. – Р. 112–116.

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛОГИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ КОНЦЕПЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Г. И. Мальныхина, В. И. Чуешов

Обращаясь в наши дни к истории концепции искусственного интеллекта, мы нередко сталкиваемся с ситуацией, когда те или иные идеи и теории, которые вчера еще казались архаичными и не заслуживающими внимания, приобретают актуальность и оказываются связанными с новейшими разработками в сфере науки и технологий. В этом смысле, новое прочтение классиков логики под углом зрения востребованности их научных результатов также не потеряло своего значения. Не потеряло прежде всего потому, что позволяет заново переосмыслить и оценить потенциал забытых, но еще не утративших своей актуальности научных идей о путях развития искусственного интеллекта и его логико-математических оснований.

С этой точки зрения процесс формирования логико-математических предпосылок концепции слабого и сильного искусственного интеллекта не может не вызывать заслуженного интереса. Даже, если понимать данный процесс в первом приближении, то сегодня мы не должны абстрагироваться, например, от философских и логико-математических оснований концепции *Ars magnum* испанского логика Р. Луллия, от философско-методологических представлений Г. Лейбница, ответственно соединявшего, вслед за Р. Декартом, логику с математикой. Как известно, идея о необходимости союза логики и математики достаточно рано вызрела в голове немецкого ученого, задумавшегося о принципиальной возможности «найти известный алфавит человеческих мыслей», комбинируя буквы которого и далее, анализируя составленные из них слова, можно было бы «все вывести и обсудить».

Двигаясь в этом направлении, Лейбниц построил первые варианты исчислений высказываний и классов (аналога узкого исчисления одноместных предикатов). Используя принципы достаточного основания, противоречия, тождества, максимума и минимума, непрерывности и т. п., он воплотил в жизнь свою юношескую мечту в форме теории всеобщей характеристики, как своеобразного аналога, если и не мирового языка, то универсального логического языка.

Если по современным меркам лейбницеvские исчисление высказываний и предикатов ограничены, то его представления о мировом языке вполне конгениальны современным трактовкам слабого и сильного искусственного интеллекта. Это означает, что, оценивая заново в наши дни казалось бы уже известные идеи (*Ars magnum* Р. Луллия и всеобщей характеристики Г. Лейбница), важно не упустить из вида их продолжение

и дальнейшее развитие в работах логиков уже XIX в. В этом контексте выделяются подзабытые даже специалистами идеи Р. Грассмана об особенностях создания строго научного языка.

Обратим внимание на то, что, если идеи Луллия и Лейбница так или иначе в контексте искусственного интеллекта уже обсуждались исследователями, то об особенностях концепции универсального языка Р. Грассмана даже в истории логики, в лучшем случае, можно найти только упоминание В. В. Бобынина, оценивавшего логическое учение Р. Грассмана как «вполне оригинальную и совершенно независимую от рассмотренных работ Буля обработку одного и того же предмета» [1, с. 30].

Сам Роберт Грассман (так же, как Луллий и Лейбниц) был представителем редкого типа мыслителя энциклопедического склада. Созданная им сложная система «Здания знаний» включала философию и математику, логику, естественные науки, политическое учение, этику и теологию, выстроенные по единому плану и в соответствии с особенностями «строго научного подхода», «точного формального метода». Особый интерес в контексте грассмановского наукоучения представляет его работа «Учение о величинах». В ней представлена формальная концепция, в которой логика рассматривается как одним из разделов математики.

Обратим внимание на то, что в истории логики созданное Р. Грассманом учение о величинах обычно оценивалось с точки зрения представлений современной абстрактной алгебры и конструктивной математики. При этом в тени оставалось то существенное обстоятельство, что грассмановское «Здание знаний» было построено в соответствии с метафизическими принципами жесткой классификации отраслей научного знания, а научный метод трактовался им в виде триады, состоящей из опытного источника знаний, математических вычислений и *критического философского анализа* выдвигаемых научных положений.

Понять сущность его взглядов на логику и логические основы науки можно лишь в более широком, философском контексте его наукоучения. Р. Грассман полагал, что различные проекты подобных «зданий» предполагают критическую оценку теоретико-познавательных позиций скептицизма, агностицизма, критику спекулятивных философских представлений вообще, и априоризма И. Канта в вопросе о формах существования внешнего мира, в особенности. Сам Р. Грассман, как бы реализуя идеи универсальной характеристики Лейбница, акцентировал внимание исследователей на особенностях методологии искусственных языков, построив, например, дистрибутивную алгебраическую структуру, которая, согласно его замыслу, могла бы лежать в основе общей теории формальных систем. Сегодня, поэтому, в истории логики и математики важно обращать внимание не только на новации Р. Грассмана в

математической логике: усовершенствование алгебро-логического формализма Дж. Буля, устранение из логики обратных операций (например, вычитания), но и на продолжение в его работах программы построения с помощью искусственного языка формального математического метода, включающего в себя двадцать шесть определений и шестьдесят теорем, критическая оценка которых существенно расширяет наше понимание исторических логико-математических предпосылок концепции слабого и сильного искусственного интеллекта.

Историческая заслуга Р. Грассмана состоит прежде всего в том, что он предпринял попытку построения одной из «пробных» систем математической логики. Все прочие изложения логики, по мнению Р. Грассмана, имели общий недостаток: они были лишены научного метода доказательства. Выдвигая в своих системах многочисленные положения, ученые просто утверждали их правильность, не доказывали их научным путем. Таким образом, эти положения должны были приниматься на веру. Поэтому, отходя от существовавшей до него традиции, Р. Грассман продолжает идеи тех своих предшественников, которые высказывались за необходимость математического выражения логических операций с целью обеспечения строгости научного мышления. Р. Грассман предпринимает попытку практической реализации этих идей посредством введения нового метода построения своей логической системы. Этот новый метод, поясняет он, представляет собой математическое изложение логики.

Первой работой, посвященной этим проблемам, является, как уже было отмечено, «Учение о формах или математике» [2]. Она начинается с установления строгого научного языка, который исключал бы трудности, связанные с употреблением естественного языка. Исходя из того, что понятия, вещи, а также возможные отношения и связи вещей и понятий в ходе исторического развития могут менять свои значения или иметь одновременно несколько значений, а величины и их связи, представленные в учении о формах, должны иметь одно и не более значение, Р. Грассман делает следующий вывод: «Строгое учение о формах, в котором каждая величина должна иметь только одно и не более одного значения, не имеет дела ни с этими меняющимися вещами и понятиями, ни со словами, которые всегда имеют несколько значений... Учение о формах, скорее всего, должно само производить все без исключения величины, которые оно хочет связывать, должно также устанавливать законы их связи и так точно определять, чтобы каждая (величина) обладала только одним значением ... и должно, наконец, для каждой величины и для каждой связи установить собственный знак, который также должен обладать лишь одним значением» [2, с. 6–7].

Вследствие этого Р. Грассман заключает: «...чтобы научно

обосновать "Учение о понятии или логику", мы должны идти по новому и даже по чисто формальному пути и все доказательства давать в уравнениях, которые преобразуются по законам учения о величинах» [2, с. 6–7].

Литература и источники

1. Бобынин, В. В. Опыты математического изложения логики (Работы Буля. Сочинение Роберта Грассмана) / В. В. Бобынин. – М., 1886. – Вып. 1. – С. 30–49.
2. Grassmann, R. Die Formenlehre oder Mathematik / R. Grassmann. – Stettin, 1972. – Bd. 1.

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕДИЦИНЕ И ЗДРАВООХРАНЕНИИ

А. Е. Михайлов, М. В. Михайлова, И. А. Окатьев

Системы искусственного интеллекта (ИИ) кардинально трансформируют различные сферы жизни современного общества, включая медицину и здравоохранение. Открывающиеся при этом новые возможности их развития сопровождаются рисками и угрозами, которые нужно прогнозировать и предотвращать. Предсказуемость результатов внедряемых технологий, предотвращение или нейтрализация негативных последствий, обеспечение контроля становятся приоритетными задачами [1].

В настоящее время в сфере здравоохранения цифровые технологии с использованием искусственного интеллекта эффективно внедряются по многим направлениям. Оценка и мониторинг текущего состояния пациента, пренатальная и генетическая диагностика плода, создание новых фармацевтических препаратов, построение стратегии персонализированной фармакотерапии с учётом индивидуальных особенностей пациента, а также постановка диагноза на основе результатов биомедицинских исследований – это лишь часть компетенций, которыми обладают современные ИИ-системы в здравоохранении. Модификация некоторых врачебных функций при внедрении таких технологий требует переосмысления традиционных деонтологических норм в медицине и разрешения возникающих при этом этических проблем с учетом философских теоретико-методологических исследований в этой области.

В. А. Лекторский отмечает появление нового направления – культурной когнитивной нейронауки, «исходящей из того, что человеческий мозг – не просто биологическое, но и культурное образование: биоартефакт» [2, с. 15]. Ограничиваясь рамками только естествознания невозможно раскрыть природу человеческого сознания.

«То, что делает человека человеком, не есть действия по технологизируемым правилам: свободный выбор, понимание другого, признание, взаимная помощь, сострадание, самопожертвование. Моральные предписания (возлюби ближнего, относись к другому не как к средству) не указывают правила их выполнения. Но и в тех случаях, когда есть правила достижения той или иной цели (и в этой связи возможность использовать определённые технологии), сама постановка цели зависит от принимаемых человеком ценностей: от того, что он считает хорошим и плохим, достойным и недостойным, желательным и нежелательным и т. д. А ценности – не набор правил и не сумма технологий. Но ведь именно ценности лежат в основе той или иной культуры и определяют характер социальных институтов» [2, с. 17].

При расширении применения ИИ-технологий в биомедицине и здравоохранении важно обеспечить соответствие этого процесса фундаментальным нормам современной биоэтики. Один из её принципов – «не навреди», в соответствии с которым разработчиками ИИ-систем должна гарантироваться безопасность пациента при контакте с искусственным интеллектом: как физическая, так и моральная, если речь идёт о консультативных медицинских чат-ботах. Субъектом ответственности в таком случае становится именно разработчик данной системы, поскольку безопасность и эффективность лечения напрямую зависит от качества тех данных, которые были заложены и представлены искусственному интеллекту в качестве базы для формирования алгоритмов. Кроме того, ИИ как цифровая технология не может обладать правосубъектностью.

Работа ИИ сводится к манипулированию символами по некоторым алгоритмам, но возможность постановки правильного диагноза ещё не делает ИИ врачом, поскольку не обладает всей целокупностью множества его личностных психоэмоциональных переживаний, ценностных мировоззренческих убеждений и ориентиров. Врач в своей диагностической и лечебной практике обращает внимание не только на результаты объективных исследований, но и на большое количество социокультурных аспектов, не формализуемых для включения в технологии ИИ.

Принцип «не навреди» с необходимостью дополняется другим принципом биоэтики – «делай благо», в соответствии с которым конечной целью использования систем ИИ должно быть благополучие пациента: максимум пользы и минимум вреда. Согласно принципу «автономии», должны уважаться права пациента на самостоятельное принятие решений относительно собственного здоровья, что включает в себя право на получении всей информации в доступной форме, а также право на отказ от лечения с помощью ИИ, если пациент опасается за конфиденциальность своих данных или желает получить медицинскую помощь от живого

человека, сохранив обязательное условие медицинской помощи – отношения «человек-человек». Это в полной мере способствует принятию пациентом осознанного решения, опирающегося на интенциональность, самостоятельность (свободу от давления чужой воли) и понимание, что позволяет сделать медицину партисипативной, т. е. перевести пациента из статуса пассивного объекта в осознанного участника. Кроме того, принцип автономии в условиях внедрения большого многообразия ИИ-систем должен распространяться и на врачей, которые, выступая «контролёрами» за работой искусственного интеллекта, должны иметь право оспорить и отменить решение ИИ, если оно представляется им неправильным и может нанести вред пациенту или оказаться безрезультатным.

Важным ориентиром при внедрении инновационных ИИ-технологий в медицине и здравоохранении является этический принцип «справедливости», при соблюдении которого не должна допускаться дискриминация людей по какому-либо признаку. Об актуальности этой задачи свидетельствует исследование (Z. Obermeyer [et al.], 2019), в котором показано, что ИИ-технологии так же, как и человек, способны к предвзятости алгоритмов, в частности, по расовому признаку. Было выявлено, что темнокожие пациенты с меньшим приоритетом относились ИИ в кластер пациентов со сложными медицинскими потребностями, поскольку искусственный интеллект исходил из данных, согласно которым «на темнокожих больных с таким же, как и у светлокожих уровнем потребностей тратится меньше денег» [3, с. 447–453].

Таким образом, при внедрении технологий ИИ в медицину и здравоохранение, необходимо уделять внимание не только новым возможностям, но и вызовам, которые ставит перед человечеством набирающая обороты цифровизация. Биоэтическая экспертиза инновационных процессов с использованием ИИ систем в этой сфере способствует её совершенствованию, позволяет выявить оптимальные решения возникающих проблем, купируя риски и негативные последствия.

Литература и источники

1. Pause Giant AI Experiments, 2023 – Pause Giant AI Experiments: An Open Letter // Future of Life Institute, 22 March 2023. – URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (date of access: 02.09.2025).
2. Человек и системы искусственного интеллекта : монография / В. А. Лекторский, С. Н. Васильев, В. Л. Макаров [и др.]; под редакцией В. А. Лекторского. – СПб. : Юридический центр, 2022. – 328 с.
3. Obermeyer, Z. Dissecting Racial Bias in an Algorithm Used to Manage the Health of Populations / Z. Obermeyer [et al.] // Science. – 2019. – № 366. – P. 447–453.

КРИТИКА АРГУМЕНТА СЛУЧАЙНЫХ ДВОЙНИКОВ В. В. ВАСИЛЬЕВА

К. Е. Морозов

Вадим Валерьевич Васильев заслуженно считается одним из наиболее выдающихся философов сознания на всём постсоветском пространстве. Его авторству принадлежит оригинальная философская теория сознания – локальный интеракционизм, который является формой эмерджентного дуализма свойств. Основным аргументом в пользу локального интеракционизма является т. н. *аргумент случайных двойников*, который также называют *аргументом каузальных траекторий*. Впервые этот аргумент был представлен Васильевым в работе «Трудная проблема сознания» [1], но более полное и обстоятельное изложение получил в книге «Сознание и вещи» [2].

Ожидаемо аргумент Васильева получил массу критических откликов. С критикой аргумента случайных двойников выступили, например, Диана Гаспарян [3], Александр Мишура [4], Дмитрий Волков [5], Эрик Олсон, Дэниэл Столджар, Колин Макгинн, Кит Франкиш и Дэниэл Деннет [6]. Конечно, нашлись и те авторы, которым аргумент Васильева показался убедительным, вроде Антона Кузнецова [7] и Евгения Логинова [8]. Моя цель – внести вклад в эту литературу об аргументе Васильева, предложив новое возражение против него. Схожее возражение ранее уже обсуждалось Волковым [5, с. 171–173], но моя версия будет отличаться и, как я полагаю, против неё не будет работать тот ответ, который Васильев использует против критики Волкова [6, с. 8].

Аргумент случайных двойников опирается на две посылки, которые, как считает Васильев, претендуют на самоочевидность [6, с. 6]. Первая посылка – тезис о множественности причин. Согласно ему, любое физическое событие может произойти в результате более чем одной физической причины. Например, бильярдный шар мог бы прокатиться по определённой траектории на столе в результате либо удара кием, либо броска рукой, либо сильного дуновения ветра и т. д. Васильев предполагает, что возможность, о которой здесь идёт речь, является номологический, а не просто логической. Иначе говоря, мы не просто можем непротиворечиво помыслить такие множественные причины, но мы можем реально наблюдать факт такой множественной причинности в нашем мире.

Вторая посылка аргумента – это тезис о том, что наша эпизодическая память отражает наше прошлое. Под эпизодической памятью здесь подразумевается способность мысленно воспроизводить события, произошедшие с нами в прошлом. Для аргумента важно допущение, что у этих воспоминаний есть приватный *феноменальный* характер – они

определённым образом субъективно переживаются. Васильев признаёт, что эпизодическая память не даёт нам на 100% точной картины прошлых событий, но для аргумента достаточно того, что, как правило, эпизодическая память примерно отражает наше прошлое.

При соединении этих посылок мы получим следующее рассуждение. Если тезис множественности причин верен, то мой двойник или однояйцевый близнец мог бы оказаться в состоянии полного физического тождества со мной в результате каузальной траектории, отличающейся от моей. Скажем, возможно, что в момент t_2 я и мой полный физический дубликат оказываемся в одинаковом положении вплоть до расположения атомов наших тел, хотя в предшествующий этому момент t_1 со мной и моим двойником происходили разные события. Но наши каузальные траектории отражаются в нашей эпизодической памяти. Таким образом, хотя я и мой двойник будем в одинаковых физических состояниях, у нас будут различные феноменальные состояния (разные приватные воспоминания).

Этот аргумент имеет два основных следствия. С одной стороны, он направлен на опровержение эпифеноменализма – точки зрения, согласно которой феноменальные состояния никак не воздействуют на физический мир (в частности, через наше поведение). Поскольку мы с моим двойником имеем одинаковые физические состояния и разное поведение, причиной этой разницы в поведении должна быть разница наших феноменальных состояний. С другой стороны, аргумент призван опровергнуть тезис супервентности ментального на физическом. Согласно ему, любые физические различия подразумевают феноменальные различия, и наоборот. Опять же, Васильев пытается показать, что у меня и моего двойника может быть одно физическое состояние, но разный субъективный опыт. Хотя я согласен с Васильевым в его отвержении эпифеноменализма, я не думаю, что у нас есть хорошие основания отвергать супервентность ментального на физическом.

Моё возражение против аргумента Васильева состоит в следующем: тезис множественности причин ложен, потому что в нашей реальной практике мы никогда не имеем дело с событиями, которые могли произойти более чем по одной причине. Здесь нам необходимо вспомнить различие типов и токенов [9, с. 102]. Тип – это абстрактная сущность, а токен – конкретная реализация этой сущности. Один тип может быть реализован множествами токенов. Например, книга «Сознание и вещи» как определённая последовательность букв, составляющая некоторый связный текст, – это тип. А конкретная бумажная копия книги «Сознание и вещи», отпечатанная на типографии издательства «ЛИБРОКОМ», – это токен, реализующий данный тип.

Проблема аргумента Васильева в том, что он смешивает типы и токены событий. Тип события «Бильярдный шар катится по определённой

траектории» действительно может быть вызван различными предшествующими причинами. Но мы никак не взаимодействуем с типами событий в нашей повседневной практике, они являются лишь абстрагированием от конкретных событий, которые всегда имеют только одну реальную причину. Иначе говоря, в реальной практике мы имеем дело лишь с токенами событий, но мы не можем говорить о токенах, что они могут быть вызваны разными причинами, потому что токен – это конкретное событие, которое вызвано конкретными причинами. Если бы у него были другие причины, это был бы просто другой токен данного события.

Путаница между типами и токенами событий делает *prima facie* представимой ситуацию, когда одно и то же событие происходит в результате разных причин. Если устранить эту путаницу, аргумент случайных двойников распадается, поскольку обыденный опыт никак не может подкрепить утверждение множественности причин для токенов событий. А утверждение множественности причин для типов не наносит никакого урона тезису супервентности ментального на физическом, потому как типы являются абстрактными (нефизическими) сущностями.

Как может показаться, Васильев заведомо опровергает данное возражение, говоря, что конкретизация событий до токенов потребует полного описания всего мира, тогда как Васильев говорит лишь о локальных событиях [6, с. 8]. Но этот ответ не опровергает моё возражение. Я также говорю лишь о локальных событиях. Нет необходимости уточнять весь внутримировой контекст, чтобы утверждать, что, согласно обыденному опыту, ни у какого токена локального события нет множественности причин. Таким образом, поскольку первая посылка аргумента Васильева ложна, этот аргумент не может обосновать вывод об отсутствии супервентности ментального на физическом.

Литература и источники

1. Васильев, В. В. Трудная проблема сознания / В. В. Васильев. – М. : URSS, 2009. – 272 с.
2. Васильев, В. В. Сознание и вещи : Очерк феноменалистической онтологии / В. В. Васильев. – М. : ЛИБРОКОМ, 2014. – 240 с.
3. Гаспарян, Д. Э. Можно ли нейтрализовать эпифеноменализм и обойти натурализм? Проблемы каузальности и феноменальности в книге В. В. Васильева «Сознание и вещи» / Д. Э. Гаспарян // Vox. Философский журнал. – 2014. – № 16. – С. 214–222.
4. Мишура А. С. Здравый смысл наносит ответный удар / А. С. Мишура // Логос. – 2014. – № 1 (97). – С. 242–247.
5. Волков, Д. Б. Опровергает ли аргумент каузальных траекторий локальную супервентность ментального над физическим? / Д. Б. Волков // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. 44, № 2. – С. 166–182.

6. Дискуссия. Локальная естественная супервентность и причинность / В. В. Васильев [и др.] // Финиковый Компот. – 2021. – № 16. – С. 2–27.
7. Кузнецов, А. В. Локальный интеракционизм. Новое решение проблемы ментальной причинности / А. В. Кузнецов // Вопросы философии. – 2016. – № 1. – С. 148–161.
8. Логинов, Е. В. Бонхёфферовский физикализм Дмитрия Волкова / Е. В. Логинов // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – Т. 3, № 3. – С. 329–340.
9. Мерцалов, А. В. В защиту стандартной психологической теории: может ли личность быть типом? / А. В. Мерцалов // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. – 2023. – Т. 8, № 4. – С. 99–115.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ (ИИ) И РАСШИРЕННЫЙ РАЗУМ

И. Е. Прись

Prima facie, концепты «интеллект», «понимание», «ментальное состояние», «сознание», «действие», «этика» и другие применимы к человеку, а не к искусственному интеллекту (ИИ). Поскольку между человеком и ИИ есть определённое сходство, природа которого ещё должна быть установлена, антропоцентричные концепты можно и нужно попытаться распространить на новую область реальности – область ИИ. Мы рассматриваем некоторые возможности такого распространения, например, концепта понимания. Понимает ли ИИ наши вопросы, промпты, и если да, то в каком смысле? Действительно ли он общается с нами?

Можно при помощи абстрагирования попытаться выделить в исходном концепте «понимает» то, что было бы применимо и к ИИ. Современный ИИ проходит, например, тест Тьюринга. Следовательно, он понимает* нас, общается с нами в бихевиористском / функционалистском смысле. Сходство между естественным интеллектом (ЕИ) и ИИ в этом случае поверхностное. Это скорее понимание* в условном смысле, имитация подлинного понимания. Новая реальность ИИ по сути в расчёт не принимается.

Более перспективным нам представляется подход, основанный на глубоком исследовании самой природы ИИ как новой реальности и её связи с природой человека, что предполагает обобщение понятий, первоначально применимых лишь к человеку, на область ИИ – обобщение не в смысле формального абстрагирования, а в смысле введения новых понятий, имеющих семейное сходство с исходными человеческими понятиями, а также переформулировкой последних в терминах обобщённых понятий, применимых как к человеку, так и к ИИ. Это позволит лучше понять не только ИИ, но и самого человека.

В основании этого второго подхода лежит витгенштейновская проблема следования правилу (применения нормы, концепта) в своей радикальной постановке, предполагающей нахождение корректных радикально новых применений исходного правила, сопровождающихся переходом к новому и более общему правилу (норме, концепту) при сохранении более или менее удалённого семейного сходства с исходным правилом. Именно наличие семейного сходства, то есть некоторого общего имплицитного супер-правила, позволяет говорить, что обобщённое понятие понимания (убеждения, желания (этического) действия и другие) не является условным или формально-абстрактным обобщением, а отражает природу ИИ, человека и связь между ними.

В формально-логическом подходе новые понятия предопределены, а выводы относительно ИИ могут быть сделаны в рамках уже существующих теоретических, концептуальных и эмпирических знаний. Напротив, подход, основанный на семейном сходстве, сталкивается с радикальной непредопределённостью результата исследований, предполагает ответственное принятие решений, введение новых конвенций, принятие новых так называемых петлевых обязательств, что требует глубоких предварительных теоретических, концептуальных и эмпирических исследований. В рамках такого подхода расширенный концепт (правило), благодаря которому устанавливается семейное сходство между ЕИ и ИИ, является более содержательным и фундаментальным, поскольку он укоренён в своих реализациях, относящихся к более широкой области реальности. В этом случае есть больше оснований говорить, что в известном смысле ИИ действительно интеллект, понимает, осмысленно отвечает на вопросы и так далее.

Эти два подхода можно соотнести с концепцией расширенного познания (разума, сознания) [1, р. 8]. Естественно предположить, что при определённых условиях взаимодействия человека и ИИ последний может трактоваться как расширение интеллекта (сознания) человека. В этом случае ИИ играет роль ментального инструмента, не имеющего самостоятельного (безотносительно к человеку) значения. Мыслит и понимает не ИИ, а человек при помощи ИИ. Лишь благодаря правильному употреблению ИИ человеком, ИИ так сказать одухотворяется. При этом «интеллект» самого ИИ тоже может быть расширен – это так называемая генерация, дополненная поиском.

Подход к ИИ, основанный на семейном сходстве, предлагает исследовать не просто расширенное познание / сознание человека, поскольку допускает определённую автономию ИИ. ИИ действительно понимает*, хотя и в смысле, имеющим более или менее удалённое семейное сходство с пониманием человека. Сходство это может оказаться всего лишь имитацией понимания человека, но может оказаться и чем-то большим.

Близкие идеи можно найти в работе Х. Каппелена и Дж. Дивера, хотя они и не прибегают к витгенштейновским понятиям [2, р. 156]. В другой работе эти же авторы уже утверждают, что большие языковые модели (БЯМ) – полноценные лингвистические и когнитивные агенты [3]. Они понимают нас, осмысленно отвечают на наши вопросы, верят, желают, планируют и так далее. Это их тезис «на полную катушку» (Going Whole Hog). В недавней статье мы утверждали, что этот тезис и его обоснование основаны на ложных или двусмысленных посылках [4].

Стратегии расширенного разума и семейного сходства – радикально экстерналистские. Наиболее адекватной их философской рамкой является наш контекстуальный реализм (КР) [5]. КР также объясняет и обосновывает гиперэкстерналистский подход к ИИ, предлагаемый Каппеленом и Дивером [6]. Согласно гиперэкстернализму, метасемантика, «сами принципы, определяющие, как фиксируется смысл, могут меняться» [6, р. 18]. КР признаёт вариабельность метасемантики: сами правила, нормы, законы, принципы не предопределены, чувствительны к контексту, имеют реальные условия своего существования и применения. То есть КР может рассматриваться как мета-метатеоретический подход. В то же время КР – это, скорее, подход «снизу-вверх», а не «сверху-вниз»; он позволяет остановить бесконечный регресс метауровней, благодаря понятию контекста как имеющего нормативное измерение. Смысл, контекст и нормативное движение в реальности идут рука об руку. Фокус внимания, таким образом, смещается на нормативные практики, в которые интегрирован ИИ. Обращаясь к экстерналистской стратегии, адаптированной к ИИ, Каппелен и Дивер пишут: «Смысл не в весах. Перестаньте искать содержание исключительно "под капотом" (under the hood). Репрезентация основана на внешних факторах (externally) – истории, функции и взаимодействии, а не только на внутренней архитектуре» [6, р. 18]. К этому КР добавляет: смысл и не «вне капота». Следует отказаться от дихотомии внутреннего и внешнего. Расширяя, адаптируя и проверяя экстерналистские подходы в контексте БЯМ, Каппелен и Дивер ставят задачу усовершенствовать и переосмыслить сам экстернализм [6, р. 18]. Но эта задача может быть решена только если, как это и делает КР, отказаться от предпосылок философии модерна.

Мы сами создаём и развиваем ИИ, вносим вклад в формирование его семантики и метасемантики, но не всегда способны контролировать этот процесс. Семантика и метасемантика ИИ могут оказаться радикально отличными от человеческих. Тексты ИИ могут оказаться непонятными для нас либо, наоборот, вводить нас в заблуждение своей кажущейся понятностью, то есть иметь не тот смысл, который мы им приписываем.

Вместо того, чтобы начать с теоретического рассмотрения некоторой гипотетической мета-метаструктуры, КР начинает с анализа простейших достоверностей и языковых игр (смыслов), постепенно продвигаясь в

неизведанную область, расширяя область осмысленного, эксплицируя правила (нормы, метасемантические механизмы) и в случае необходимости постепенно переходя на метауровень, проясняя как семантику, так и метасемантику текста, генерируемого ИИ. КР даёт ответ на вопрос, есть ли у генерируемых ИИ текстов семантический смысл, действительно ли некоторый механизм относится к метасемантике, какая связь между семантикой и метасемантикой человека и ИИ.

В ряде статей мы утверждали, что ИИ не интеллект и никогда им не будет [7–9]. Это было необходимо, чтобы избежать антропоморфизации ИИ. Понятие сильного ИИ по образу и подобию человеческого ИИ бессмысленно. Но это не значит, что ИИ не может быть интеллектом в некотором обобщённом смысле [10]. Каппелен и Дивер пишут: «Наши теории смысла антропоцентричны. Чтобы понять ИИ, мы должны радикально деантропоцентрировать метасемантику посредством абстракции» [6, р. 17]. Мы согласны, что проблеме ИИ необходимо не только деантропоморфизировать, но и деантропоцентрировать. Однако, не только посредством абстракции.

Работа выполнена при частичной поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г24МС-002.

Литература и источники

1. Clark, A. The Extended Mind / A. Clark, D. Chalmers // Analysis. – 1998. – Vol. 58, № 1. – P. 7–19.
2. Cappelen, H. Making AI Intelligible. Philosophical Foundations / H. Cappelen, J. Dever. – Oxford UP, 2021. – 184 p.
3. Cappelen, H. Going Whole Hog. A Philosophical Defense of AI Cognition / H. Cappelen, J. Dever. – 2025. – URL: <https://arxiv.org/abs/2504.13988> (date of access: 12.07.2025).
4. Прись, И. Е. Являются ли большие языковые модели полноценными лингвистическими и когнитивными агентами? О тезисе Г. Каппелена и Дж. Девера «Идти до конца» / И. Е. Прись. – В печати.
5. Прись, И. Е. Трансцендентализм и контекстуальный реализм / И. Е. Прись // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Информационно-аналитический журнал. Серия 3. Философия. – 2025. – № 1. – С. 46–57.
6. Cappelen, H. A Hyper-externalist manifesto for LLMs / H. Cappelen, J. Dever // Communicating with AI: Philosophical perspectives. – Oxford UP, 2025. – Forthcoming.
7. Прись, И. Е. Искусственный интеллект не интеллект и никогда им не будет / И. Е. Прись // Наука и инновации. – 2024. – № 9 (259). – С. 26–29.
8. Прись, И. Е. Искусственный интеллект: о «новой этике» М. Габриэля / И. Е. Прись // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2025. – Т. 12, № 2, – С. 137–145.

9. Pris, I. E. On a new ethics of AI and moral progress / I. E. Pris // London Journal of Research in Humanities & Social Science. – 2025. – Vol. 25, № 2. – P. 117–122. – URL: <https://journalspress.com/on-a-new-ethics-of-ai-and-moral-progress/> (date of access: 12.07.2025).

10. Прись, И. Е. Осмысленны ли генерируемые искусственным интеллектом (ИИ) тексты / И. Е. Прись // Философия в XXI веке: традиции и инновации : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Зеленоград, 11 апреля 2025 г. : в 2 ч. / Под общ. ред. Н. В. Даниелян. – М. : МИЭТ, 2025. – Ч. 2. – С. 75–82.

ЭМЕРДЖЕНТНОЕ СОЗНАНИЕ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС И КАУЗАЛЬНАЯ ДИЛЕММА

И. Н. Сидоренко

Проблема природы сознания остается одной из самых интригующих и фундаментальных в современной философии. На фоне успехов нейронаук вопрос о том, как субъективный опыт, наши «квалиа», возникают из объективных процессов в мозге, приобретает особую остроту и актуальность. Именно здесь эмерджентизм предлагает привлекательный путь, позиционируя себя как нон-редуктивный натурализм, стремящийся избежать крайностей как грубого физикализма, так и субстанциального дуализма. Эмерджентизм утверждает, что сложные системы обладают качественно новыми, высокоуровневыми свойствами, не сводимыми к свойствам их отдельных компонентов и не предсказуемыми на их основе. Эти свойства возникают исключительно в результате специфической структурной организации элементов нижнего уровня. Применительно к сознанию, эмерджентизм рассматривает феноменальные качества опыта как эмерджентное свойство высокоорганизованных биологических систем, прежде всего головного мозга и центральной нервной системы человека. Ключевое отличие эмерджентизма от элиминативных стратегий заключается в признании реальности сознания.

Исторические корни подобных идей можно проследить еще у Аристотеля, который в трактате «О душе» описывал душу как форму естественного тела. Однако доминирование механицизма со времен Р. Декарта и установки ранней аналитической философии надолго сместили фокус в сторону редукционизма и скептицизма в отношении ментального. Реабилитация метафизики в аналитической традиции к середине XX в., признание проблемы сознания действительной, а не псевдопроблемой, наряду с синтетической теорией эволюции, создали основу для возрождения эмерджентистских объяснений. Сознание стало рассматриваться как эмерджентное свойство, возникшее на определенной стадии биологической эволюции сложных организмов. Примером этого

подхода в современной философии является «биологический натурализм» Дж. Серла. Отталкиваясь от научных фактов – каузальной порождаемости сознания мозгом и его субъективной данности «от первого лица» – Дж. Серл определяет сознание как высокоуровневое, системное свойство мозга, подобное текучести воды, возникающей из свойств и взаимодействий ее молекул [1].

В русскоязычной философской традиции эмерджентистскую теорию развил Д. И. Дубровский. Его информационный подход трактует сознание как высшую форму информационных процессов. Ключевым становится понятие «информационной причинности»: информация, неотделимая от своего материального носителя, тем не менее играет управляющую роль в самоорганизующихся системах [2]. Теория Д. И. Дубровского представляет собой пример сильного эмерджентизма, так как она открыто допускает каузальную значимость информационных (ментальных) факторов, не сводимых к чисто физическим причинам. Именно вопрос о каузальной роли сознания становится центральным водоразделом внутри самого эмерджентизма, порождая его слабую и сильную версии.

Слабая версия строго придерживается принципа каузальной замкнутости физического мира: все причинные взаимодействия происходят на физическом уровне. Сознание в этом случае – реальный, но эпифеномен, лишенный собственной каузальной силы. Это обеспечивает онтологическую простоту и максимальное соответствие естественнонаучному взгляду на мир. Сильная версия, напротив, допускает, что эмерджентное сознание обладает каузальной эффективностью и определенной автономией, оказывая воздействие «сверху вниз» на процессы в базовой системе. Именно сильный эмерджентизм находит концептуальное отражение в современных нейробиологических теориях сознания, для которых он служит базовым философским каркасом.

Теория глобального рабочего пространства Б. Баарса связывает сознание с механизмом глобального доступа к информации. Сознание – это процесс попадания наиболее ценной для выживания информации в фокус внимания («глобальное рабочее пространство»), что позволяет оптимально распределить ресурсы мозга для принятия решений [3]. Теория интегрированной информации (ИИ) Дж. Тонони предлагает математически формализовать уровень сознания как меру интегрированности информации в системе: способности системы порождать опыт, одновременно дифференцированный (множество возможных состояний) и единый. ИИ претендует на эмпирическую проверяемость (например, оценка сознания у пациентов с нарушениями сознания) и открывает перспективы для искусственного интеллекта. Однако ее критикуют за сложность, спекулятивность математического аппарата и неожиданные следствия: склонность к панпсихизму

(минимальное сознание у простых систем) и, что особенно важно в контексте нашей темы, явное нарушение каузальной замкнутости физического. Дж. Тонони утверждает, что сознание (интегрированная информация) обладает собственной каузальной силой, что ставит его теорию в ряд с сильным эмерджентизмом [4].

Актуальность проблемы каузальной дилеммы сегодня высока. Именно она создает основное концептуальное напряжение для эмерджентизма. Слабая версия (эпифеноменализм), несмотря на свою элегантность и научность, вступает в конфликт с интуицией здравого смысла: убежденностью в том, что наши мысли, желания и ощущения являются подлинными причинами наших действий. Тем более, что отрицание этого ведет к краху нашего обыденного понимания себя и мира. Это делает слабый эмерджентизм контринтуитивным и подрывает одно из его главных преимуществ перед элиминативизмом.

Сильная версия, сохраняя соответствие здравому смыслу в отношении каузальности сознания, сталкивается с серьезными философскими вызовами. Главный из них – проблема сверхдетерминации: как избежать вывода, что одно и то же событие (например, движение руки) имеет две независимые и достаточные причины – физическую (нейронную) и ментальную (желание почесаться)? Попытки строго развести сферы действия физических и ментальных причин грозят возвратом к дуалистической онтологии, которую эмерджентизм изначально стремился преодолеть. Именно неспособность эмерджентизма предложить общепринятое решение этой каузальной дилеммы является одной из ключевых причин возрождения интереса к субстанциальным подходам, включая различные формы дуализма, в современных философских дискуссиях о сознании.

Таким образом, эмерджентизм остается влиятельной и перспективной парадигмой, особенно в междисциплинарных исследованиях сознания, где он обеспечивает мост между философией и нейронауками. Однако его будущее и состоятельность как натуралистической альтернативы напрямую зависят от возможности разрешить фундаментальный вопрос о природе и возможности эмерджентной причинности. Поиск удовлетворительного ответа на этот вызов требует не только дальнейшей философской проработки концепции каузальности в сложных системах, но и внимательного учета новых эмпирических данных о нейронных механизмах, лежащих в основе субъективного опыта. Проблема каузальной роли эмерджентного сознания, уходящая корнями в античность, сегодня стоит как никогда остро, определяя один из самых динамичных фронтов современной философии сознания. Итак, эмерджентизм – это натуралистический подход, доказавший свою эффективность в выстраивании моста между физическим мозгом и ментальным опытом, но его каузальная головоломка указывает

на «трещину» в научно-философской картине мира. Он не столько ошибочен, сколько неполон, и его разрешение, вероятно, потребует радикального переосмысления связи между физическим и ментальным, возможно, в рамках более общей теории сложности или информации.

Литература и источники

1. Searle, J. R. *Mind, Language and Society* / John R. Searle. – New York : Basic Books, 1998. – 175 p.
2. Дубровский, Д. И. Проблема идеального / Д. И. Дубровский. – М. : Мысль, 1983. – 228 с.
3. Баарс, Б. Мозг. Познание. Разум. Введение в когнитивные нейронауки / Б. Баарс, Н. Гейдж. – М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. – 552 с.
4. Tononi, G. An information integration theory of consciousness / G. Tononi // *BMC Neuroscience*. – 2004. – Vol. 5:42. – P. 1–22.

МЫСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ «ДВА СОЛДАТА»

И. Р. Скиба

Представляем авторский мысленный эксперимент «Два солдата». Общий смысл этого представления заключается в том, чтобы продемонстрировать, как именно происходит машинное обучение, и что оно собой представляет [1]. Примечания и пояснения содержатся в приложении 1.

«Два солдата»

Представим себе солдата по имени Weight. Вот у него берцы блестящие, камуфляж, автомат, молодежавый вид. Ему сейчас идти на полигон и стрелять по мишеням. Есть нюанс – наш Weight совершенно не умеет стрелять и даже не представляет, что это вообще за деятельность – «стрелять». Также он до назойливости исполнителен, не отличается развитым интеллектом (хотя и с отличной памятью), очень хорошо, прямо по-чемпионски развит физически. В каком-то смысле Weight – идеальный солдат, вот только умел бы стрелять ещё...

Итак, Weight идёт на полигон. Зачем он вообще туда идёт при таком раскладе? А всё потому, что Weight любимый племянник начальника штаба Гиперпараметров – генерала Hypervisor-а Гребенщикова, который, при следующей инспекции воинской части, хочет проверить навыки стрельбы Weight-а.

Соответственно, понимая всю безнадёжность ситуации, но будучи вынужден как-то реагировать, командир части – Architect, выделяет Weight-у соответствующую помощь: двух сержантов, мастеров спорта по тяжёлой атлетике: SGD и ADAM – братья Ивановы. Всё, что умеют SGD и

ADAM, так это тянуть на себя или толкать от себя что-нибудь тяжёлое – как раз наш случай. Причём SGD – средневес, а ADAM – тяжеловес. Также им в помощь добавлен специально обученный прапорщик – Criterium Шматко, мастер спорта по кёрлингу – старший сержант Regulator и ефрейтор Attention. Ещё Architect по ходу дела подписывает какие-то секретные бумаги и тихо отдаёт несколько распоряжений, которые трудно расслышать.

Итак, ансамбль пришёл на полигон. Criterium одевает бронежилет и прочую защиту и становится поблизости от мишени. Weight-у приказано взять автомат в руки, передёрнуть затвор, снять оружие с предохранителя, направить дуло автомата куда-нибудь в сторону, напрячься и застыть в этой позе. SGD и ADAM хватают его руками: один слева, а второй справа. И вот Weight нажимает на спусковой крючок...

Далее Criterium оценивает успешность выстрела, измеряет расстояние от центра мишени до фактического попадания, а потом кричит SGD и ADAM-у чтобы те, до следующего выстрела, дёргали Weight-а из стороны в сторону, по типу: «Левее!», «Правее!», «Лево низ!» и так далее. Причём, чем больше расстояние от центра мишени до фактического попадания, тем сильнее орёт прапорщик.

Выполняя приказ, братья Ивановы начинают дёргать и толкать Weight-а из стороны в сторону. Причём сначала в основном тянет и толкает тяжеловес ADAM (усилия средневеса на его фоне всё равно не особо заметны). И он постоянно порывается начать дёргать быстро и амплитудно, как будто старается поскорее разделаться с заданием. Однако ADAM старается учитывать предыдущие дёргания и в наиболее частом направлении дёргает сильнее – чтобы два раза не дёргать. Его усилия могут быстро привести к неплохому результату. Далее, для повышения точности начинает тянуть и толкать уже средневес SGD, дёргая несколько компульсивно, но в целом точно в нужную сторону и стараясь доработать мелкие детали позиции Weight-а.

Ефрейтор Attention в это время прыгает вокруг и орёт: «Вон там же мишень! В этой вот стороне! На меня смотрите!». Regular, в свою очередь, старается корректировать грубоватые движения SGD и ADAM-а так, чтобы они как можно точнее соответствовали тому направлению, о котором кричит Criterium.

Если со стороны сразу заметно, что братья Ивановы передёргали Weight-а в совсем уже неверную сторону, то из-за ближайшей берёзки выбегает младший лейтенант Петька Dropout и за счёт соответствующего удара указывает в сторону уменьшения расхождений идеального с реальным.

По итогу совокупных поддёргиваний и прочих истязаний Weight осуществляет следующий выстрел и так далее – столько, сколько необходимо.

Поначалу он, само собой, постоянно промахивается. По этому поводу Criterium за каждый промах лишает Weight-а некоторой части дозы военной овсянки.

Если опять начинает получаться не очень, то из кустов может выбежать резервный старшина BathNorm Петрович и заорать Weight-у на ухо: «Лучше старайся!».

Если же наоборот всё идёт к улучшению, то из уютной полигонной бытовки начинает вещать в громкоговоритель замполит Reinforcement Илларионович, приговаривая: «Молодец, солдат! Мы ещё из тебя настоящего мужчину сделаем!».

Когда точность стрельбы Weight-а приближается к желаемой Architect-ом, Weight-у приказывается стоять, не шевелясь вообще, и только по команде жать на спусковой крючок, ловя момент между ударами сердца, а Criterium, Regulator, BathNorm, Attention, Reinforcement и SGD с ADAM-ом – уходят с полигона.

После этого приходит назначенный секретным указом капитан FineTuning. Он подходит к Weight-у и руками поднимает ему вверх и так фиксирует уголки рта, чтобы солдат при исполнении боевого задания выглядел счастливым, как по уставу и положено. Опять же и проверка скоро...

Итог. У нас стоит на полигоне и идеально стреляет радостный солдат. Стреляет? Стреляет. Идеально? Идеально. Быстро? Быстро. Умеет он целиться, стрелять, знает ли он куда стреляет, да и хотя бы что такое «стрелять»? Вообще ни разу – даже ни минимально, да ещё и счастлив при этом.

Конечно, если наши SGD и ADAM «мастера спорта на всю голову», то кто-нибудь из них может несколько «передёргать» Weight-а, передавив ему какую-нибудь мышцу так, что со временем его стрельба станет несколько смещаться в какую-либо из сторон – медленно и почти незаметно, но всё же будет. В этом случае Weight получится немного «передёрганным», но Architect, само собой, старается этого не допустить. Также если, например, налетит ветер или польёт дождь, то прицел может всё же чуть сбиться, но наш Weight силен и вынослив – как-нибудь да выдержит.

И вот далее на этот же полигон приходит обычный солдат – Leather. Стрелять он умеет, знает, как нужно целиться, понимает, что такое «поразить мишень» и так далее. Leather этому учился, много времени посвятил тренировкам, неоднократно стрелял в тире и на полигонах, он прекрасно знаком с теорией. И у него очень даже получается, в основном не по-чемпионски, но всё же неплохо и выше среднего. Leather становится к соседней по отношению к Weight-у мишени и тоже начинает стрелять. Каждый раз, прикладывая волевые усилия, целится; принимает решения о выстреле именно в определённой точке сочетания прицела с мишенью;

осуществляет самостоятельную оценку успешности выстрела и проводит корректировку перед следующим и так далее – в общем, комплексно «понимает» процесс. По итогу, порой попадает идеально, иногда хорошо, бывает, что не очень, а может случиться так, что и совсем промазывает (ну, не идёт сегодня, хоть ты тресни).

Стреляет? Стреляет. Идеально? Нет. Быстро? Средне. Умеет он стрелять? Да, умеет и неплохо умеет, но вот – как получается. Да ещё и несколько расстроен случающимися промахами.

Если посмотреть на это стрельбище со стороны, то получится, что просто стреляют два солдата: один идеально, второй неплохо, но не стабильно и не идеально.

На самом же деле один из них стрелять вообще не умеет и даже не старается, но стреляет лучше, чем тот, который хорошо умеет это делать и старается.

Собственно, так и получается, что Weight (LLM) стреляет идеально (хоть и могут быть нюансы), даже не целясь и стрелять вообще не умея, а Leather (человек) – и целится, и стрелять умеет, но не всегда идеально попадает. А наблюдателю со стороны совершенно не заметна специфика внутренних различий.

В случае с данным мысленным экспериментом проводится аналогия выстрела с токеном: всё, что делает любая модель ИИ – генерирует следующий токен в последовательности; всё, что делает наш «солдат» – производит следующий выстрел. В общем-то – это одно и то же.

Примерно так, в общем и целом, функционирует машинное обучение – моделирование и оптимизация параметров, и по итогу всё [2].

Заметим также, что приведённая в форме мысленного эксперимента метафора обладает вполне транспарентным потенциалом для масштабирования на любую деятельность вообще – сколь бы сложной, детализированной и многофакторной она ни была.

Приложение 1

- Weight (Вес). ML-аналог: параметры модели (weights) – числовые значения, которые модель настраивает в процессе обучения. В ML модель – это просто набор чисел (весов), которые не «понимают» данные, но оптимизируются для выполнения задачи.

- Architect (Архитектор). ML-аналог: архитектура модели (например, Transformer в GPT). В ML: архитектор решает, сколько слоёв будет в сети, какие механизмы внимания использовать и т. д.

- Hypervisor (Гиперпараметры). ML-аналог: гиперпараметры модели (learning rate, batch size, количество эпох и т. д.). В ML: гиперпараметры не обучаются, а задаются вручную или через поиск (как GridSearch).

- SGD и ADAM – Оптимизаторы. ML-аналог: SGD (Stochastic Gradient Descent) – стохастический градиентный спуск. SGD обновляет

веса по градиенту loss-функции, но без адаптации (может «дёргаться» вокруг оптимума); ADAM (Adaptive Moment Estimation) – адаптивный метод оптимизации. Adam учитывает моменты (momentum) градиента, чтобы быстрее сходиться и меньше колебаться.

- Criterium (Критерий/Loss Function). ML-аналог: функция потерь (Loss Function). В ML: для классификации – Cross-Entropy Loss; для регрессии – MSE (Mean Squared Error).

- Regulator (Регуляризация). ML-аналог: L1/обучениобучение L2-регуляризация. В ML: L1 (Lasso) – обнуляет неважные веса; L2 (Ridge) – штрафует за большие веса.

- Attention (Механизм внимания). ML-аналог: attention layers в Transformer. В ML: механизм внимания определяет, какие части входных данных (например, слова в предложении) наиболее важны для предсказания.

- Dropout (Дропаут). ML-аналог: Dropout – метод борьбы с переобучением. В ML: dropout случайно «отключает» часть нейронов, заставляя модель учиться более устойчиво.

- BathNorm (Batch Normalization). ML-аналог: Batch Normalization. В ML: BatchNorm стабилизирует обучение, приводя активации к единому масштабу (среднее 0, дисперсия 1).

- Reinforcement (Обучение с подкреплением). ML-аналог: Reinforcement Learning (RL). В ML: RL использует feedback от среды (как RLHF – Reinforcement Learning from Human Feedback в ChatGPT).

- FineTuning (Тонкая настройка). ML-аналог: Fine-tuning – дообучение модели на специфичных данных. В ML: после предобучения (pretraining) модель дообучают на узком наборе данных (например, ChatGPT под конкретный диалог).

Резюме: Weight – модель, Criterium – loss function, SGD/Adam – оптимизаторы. Regulator и Dropout – борются с переобучением. Attention – фокусирует модель на важном. FineTuning – делает модель «счастливой» (готовой к работе).

Литература и источники

1. Это база машинного обучения // Habr. – URL: https://habr.com/ru/companies/sibur_official/articles/813179/ (дата обращения: 29.09.2025).
2. Скиба, И. Р. Сильный искусственный интеллект и объектно-ориентированное программирование: синтез парадигм / И. Р. Скиба. – Минск : Беларус. навука, 2025. – 279 с.

ПРИРОДА ФЕНОМЕНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ В КОНЦЕПЦИЯХ СОЗНАТЕЛЬНОГО РЕАЛИЗМА, АНАЛИТИЧЕСКОГО ИДЕАЛИЗМА И КВАНТОВОЙ МОНАДОЛОГИИ

А. Н. Спасков

Большинство современных теорий происхождения жизни и сознания основаны на физикалистской концепции, согласно которой пространство-время, а также материальные частицы и физические поля, составляют фундаментальный базис реальности. Согласно этой концепции, около 13,8 млрд лет назад во время Большого взрыва из космологической сингулярности возникли пространство и время. Затем возникла материя, состоящая из различных элементарных частиц и физических полей. В течение миллиардов лет во Вселенной происходила космологическая и химическая эволюция, приведшая к возникновению биологической жизни на Земле. И лишь недавно зародилось сознание и у живых существ появились сознательные переживания.

Но именно объяснение сознательного опыта, стало камнем преткновения для физикализма, в чем и заключается трудная проблема сознания [1]. По мнению Д. Хоффмана «Все научные теории о сознательном опыте, появившиеся за последние 20–30 лет, такие как теория интегрированной информации, теория глобального рабочего пространства нейронов и теория организованного коллапса микротрубочек, не могут объяснить ни одного конкретного примера сознательного переживания» [2, с. 468].

Таким образом, мы не можем объяснить феноменальное сознание на основе физикалистского подхода, который основан на декартовском представлении об объективно существующих физических сущностях, независимых от нашего субъективного сознания, но, тем не менее, воспринимаемых в сознании в виде их идеальных копий, а именно – феноменов, презентующих в феноменальном опыте реально существующие объекты материального мира. Такой подход предполагает существование двух независимых субстанций – материи и мышления. Но если в существовании материальных феноменов, а значит и самой материи, о которой мы судим по наличию феноменов в сознании, мы можем сомневаться, то в существовании самого сознания, о наличии которого мы судим именно по способности к сомнению, мы не имеем никаких оснований сомневаться.

Другими словами, мы не можем объяснить собственное феноменальное сознание на основе объективных феноменов, представленных в нем, т. к. именно сознание является субстанциальным основанием любого феноменального опыта. Во времена Декарта и в последующий период развития классической науки дуалистическая

концепция психофизического параллелизма была эффективным методологическим приемом, позволяющим изучать внешний физический мир, основываясь на изучении первичных качеств, которые присущи самим вещам, не зависят от наблюдателя и могут быть количественно измерены с помощью физических эталонов и приборов. Все же остальные качества, такие как «цвет, звук, вкус или запах, – это лишь субъективные проекции разума, и их надо исключить из сферы науки» [3, с. 27].

В результате такой редукционистской методологии, основанной на механистической метафизике, было утрачено целостное представление мира, свойственное органистическому мировоззрению и возникли непреодолимые препятствия для понимания феноменов жизни и сознания: «Господство картезианской науки, сосредоточенной лишь на количественных оценках и исключавшей из рассмотрения цвета, звуки, вкусы, тактильные ощущения и запахи, не говоря уже о более сложных категориях красоты, здоровья или морального чувства, в течении нескольких веков препятствовало пониманию многих существенных сторон жизни» [3, с. 27].

Но, начиная с середины XX века, в науке начинает формироваться новая парадигма, основанная на холистическом мировоззрении. Метафизическое обоснование этой парадигмы было заложено еще в работах Г. Лейбница. Он впервые осознал, что восприятие невозможно объяснить механическими причинами и лишь в простой и не имеющей частей субстанции, которую он назвал монадой, можно найти восприятия и их изменения при переходе от одного внутреннего состояния к другому.

Вместо мертвого механистического мира, состоящего из отдельных атомов, движущихся в пустом пространстве, в монадологии Г. Лейбница была представлена Вселенная, населенная монадами, образующими живую и иерархически организованную систему мира, и в каждой из которых, как в «живом зеркале», отражается весь Универсум [4]. В работах Н. Лосского эти идеи получили дальнейшее развитие. В его концепции мир был представлен как органическое целое, а монады получили название субстанциальных деятелей, формирующих само пространство и время и эволюционирующих в процессе взаимодействия и сотрудничества [5].

Мы полагаем, что на современном этапе развития науки требуется критическое переосмысление механистического мировоззрения, господствующего еще в умах многих исследователей, и возрождение на новых метафизических, экспериментальных и теоретических основаниях концепции органической целостности. Именно такое целостное представление характерно для системного взгляда на жизнь: «Для смены парадигмы в науке необходимо, чтобы наше мироощущение изменилось на самом глубоком уровне и центральное место в нем вместо физики заняли бы науки о жизни» [3, с. 34].

В качестве такой синтезирующей парадигмы нами была предложена

концепция квантовой монадологии [6]. Сущность концепции заключается в том, что мы строим метафизическую картину мира, который эволюционирует, начиная с первичной космологической сингулярности. Возникновение Вселенной мы рассматриваем как результат первичного квантового наблюдения, при котором одновременно возникает множество квантовых монад, обладающих элементарным восприятием и элементарным физическим телом. Предпосылки такого представления уже имеются, по нашему мнению, «в математическом формализме квантовой механики, где волновую функцию можно интерпретировать как прототип сознания квантовой монады, а наблюдаемые физические величины – как прототип физического тела, данного в феноменальном опыте монады» [6, с. 304].

Мы рассматриваем пространство-время как производную реальность, которая возникает на основе феноменального сознания квантовых монад в результате их согласованного взаимодействия. Эти монады образуют локальную пространственно-временную сетевую структуру на планковских масштабах, что эквивалентно возникновению первичного реляционного физического пространства-времени. И, в то же время, они нелокально и комплементарно связаны в единое целое, что эквивалентно существованию субстанциального базиса пространства-времени, трансцендентного по отношению к физическому миру. Аналогичную концепцию пространства-времени, основанную на сознательном опыте, развивает Д. Хоффман: «Что делать, если у нас есть обширная социальная сеть, в которой очень сложно разобраться? Тогда мы используем инструменты визуализации, и хороший VR-комплект просто необходим, иначе я буду совершенно перегружен социальными данными. Вот что такое пространство-время и физические объекты: просто VR-комплект, позволяющий нам взаимодействовать с другими субъектами сознания» [2, с. 470]. Таким образом понятие квантовой монады в нашей концепции соответствует понятию сознательного агента в концепции сознательного реализма Д. Хоффмана.

Один из видных представителей современной, аналитической трактовки метафизического идеализма и автор концепции аналитического идеализма Б. Каструп также полагает фундаментальной основой реальности феноменальное сознание. А всё остальное, воспринимаемое нами как внешний физический мир, может быть сведено, по его мнению, к проявлениям сознания, принимающим различные конфигурации в виде различных паттернов персональной и трансперсональной ментальной активности; «С моей точки зрения, то, что мы называем материей, – это всего лишь внешнее представление внутренней феноменальности при наблюдении через диссоциативную границу» [7, с. 133].

В концепции Б. Каструпа «физические качества – это результат взаимодействия наших и трансперсональных мыслительных процессов»

[7, с. 133]. Мы полагаем, что такое объяснение возникновения физических качеств в результате взаимодействия персонального и трансперсонального сознания, соответствует пониманию кванта в квантовой монадологии как состояния индивидуального протосознания монады, возникающее при взаимодействии с другими монадами, которые идентифицируются как внешние трансперсональные объекты.

Таким образом, мы можем интерпретировать квантовое наблюдение, как акт материализации собственного физического тела в феноменальном опыте квантовой монады. Так возникает материальное тело монады и его восприятие в сознании. То есть материальный объект (тело) и воспринимающий его субъект (психика) возникают одновременно в едином субстанциальном акте.

Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г24МС-002.

Литература и источники

1. Чалмерс, Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / Д. Чалмерс. – М. : УРСС : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 512 с.
2. Хоффман, Д. Д. Сознательный реализм / Д. Д. Хоффман // МЕТОД : Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр перспект. методологий социал. и гуманит. исслед. – 2021. – Вып. 11. – С. 465–472.
3. Капра, Ф. Системный взгляд на жизнь: Целостное представление / Ф. Капра, П. Л. Луизи. – М. : УРСС : ЛЕНАНД, 2020. – 512 с.
4. Лейбниц, Г. В. Монадология / Г. В. Лейбниц // Сочинения : в 4 т. / Г. В. Лейбниц. – М. : Мысль, 1982. – Т. 1. – С. 413–429.
5. Лосский, Н. О. Мир как органическое целое / Н. О. Лосский. – М. : Издание Г. А. Лемана и С. И. Сахорова, 1917. – 170 с.
6. Спасков, А. Н. Квантовая онтология «элементарного интеллекта» / А. Н. Спасков // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2024. – Вып. 3. – С. 299–309.
7. Каструп, Б. Аналитический идеализм: краткое введение и основные положения / Б. Катstrup // МЕТОД : Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр перспект. методологий социал. и гуманит. исслед. – 2020. – Вып. 10. – С. 130–136.

ОГРАНИЧЕНИЯ АЛГОРИТМИЧЕСКОГО ПОДХОДА К РАЦИОНАЛЬНОСТИ

И. К. Ставровский

Долгое время идеалом рациональности считалось алгоритмическое мышление, т. е. такое, которое подчиняется строгим правилам и формальным процедурам. В явном виде эта концепция была сформулирована Г. В. Лейбницем как «философское исчисление», «исчисление рассуждений», «универсальная наука» и т. п. По его мнению, необходимо выработать универсальную процедуру доказательства теорий, после чего любой спорный вопрос будет разрешаться так же просто, как самое обычное вычисление [1]. Таким образом, снималась бы необходимость в пространных философских спорах.

В наши дни похожую точку зрения на рациональность разделяет немалое число специалистов в области искусственного интеллекта. Ярким примером подобного является интернет-блог LessWrong за авторством Э. Ш. Юдковского, обозначающего свою цель как «улучшение человеческого мышления и способности принятия решений» [2]. Под рациональностью же автор подразумевает «когнитивные алгоритмы, которые систематически повышают соответствие между картой и территорией или помогают достижению целей» [3]. Одним из наиболее предпочтительных для Юдковского «когнитивных алгоритмов» является теорема Байеса, которую он предлагает использовать в качестве основы для эпистемологии.

Подобные воззрения могут чрезмерно повышать доверие к любым процедурам формализации и алгоритмизации, независимо от их фактической эффективности. В частности, это можно наблюдать на примере риторики некоторых технооптимистов, видящих в ИИ потенциальный (или даже актуальный) способ решения любых проблем, включая чисто интеллектуальные задачи.

Не останавливаясь на подробном анализе, выделим ключевую проблему, лежащую в основе любого алгоритмического подхода к рациональности. Ей является игнорирование того факта, что ни одна концепция или метод (например, теорема Байеса) не являются для нас изначально данными. Они сами были выработаны конкретными людьми в конкретный момент времени. Более того, для их создания использовались не те методы, коими они являются сами. Это было бы так же парадоксально, как если бы для создания некоего инструмента нам потребовался бы тот самый инструмент, который мы пытаемся создать.

Также не очевидно, как именно мы могли бы формально определить, что нечто улучшает мышление, повышает качество решений, помогает достигать целей и т. п. Подобная оценка возможна только на основе

стандартов в рамках уже заранее принятой парадигмы мышления. Но мы не можем требовать принять какую-либо парадигму без аргументов. Аргументы же в пользу выбора парадигмы не могут быть сформулированы в ее границах, потому нам требуется подняться на метатеоретический уровень. Сам это шаг доказывает, что существует некий более высокий уровень рациональности по отношению к алгоритмическому.

Таким образом, алгоритмический подход может считаться лишь одной из форм рациональности, но никак не рациональностью *per se*. Последняя оказывается гораздо более широкой, гибкой и сложной. Это, по нашему мнению, является причиной, по которой любая система (например, на базе ИИ), претендующая на воспроизведение человеческого мышления, должна выходить за пределы алгоритмической рациональности. В противном случае она, несмотря на все преимущества, будет оставаться лишь инструментом в руках субъекта, обладающего рациональностью более высокого порядка.

Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г25ИИ М-014.

Литература и источники

1. Лейбниц, Г. В. Сочинения : в 4 т. / Г. В. Лейбниц. – М. : АН СССР. Ин-т философии (Мысль), 1982–1989. – Т. 3. – 1984. – 734 с.
2. Welcome to LessWrong! – URL: <https://www.lesswrong.com/about> (date of access: 11.09.2025).
3. Rationality: Appreciating Cognitive Algorithms. – URL: <https://www.lesswrong.com/posts/HcCpvYLoSFP4iAqSz/rationality-appreciating-cognitive-algorithms> (date of access: 11.09.2025).

Круглый стол БЕЛОРУССКО-ТУРЕЦКОЕ ЭКСПЕРТНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ: ТОЧКИ РОСТА И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ

DISTANT NEIGHBOR, CLOSE FRIEND: THE HISTORICAL AND CURRENT DYNAMICS OF BELARUS-TÜRKIYE RELATIONS

Emrah Dokuzlu

Belarus and Türkiye are two countries with strong historical, cultural, and economic ties, despite their geographical distance. The expression «Distant Neighbor, Close Friend» stands out as a powerful metaphor reflecting the essence of the friendly relations between these two nations. Belarus, located in the center of Eastern Europe, draws attention with its rich historical heritage and natural resources, while Türkiye, in its strategic Eurasian position, is a regional power with its dynamic economy and deep-rooted cultural accumulation. Following Belarus's independence in 1991 with the dissolution of the Soviet Union, Türkiye became the first country to recognize this new state, and this early recognition formed the cornerstone of the friendship between the two countries [1]. Diplomatic relations were officially established on March 25, 1992, and these ties have strengthened across a wide spectrum, ranging from political dialogue to economic cooperation, and from cultural exchanges to partnerships in the security field [2]. This article aims to examine the historical development of Belarus-Türkiye relations, current areas of cooperation, and future potential, analyzing how the two countries became «close friends».

Historical Background and the Establishment of Diplomatic Relations

Relations between Türkiye and Belarus have a deep-rooted history. Although the beginning of relations between the two countries is officially dated to 1991, setting aside official history, the relations between the two nations date back much further. Available sources indicate that Turks came and resided in this geography for various reasons starting from the Ottoman Empire era. On the other hand, communities of Belarusian origin living in Ottoman lands, especially the Crimean and Lipka Tatars, formed a bridge of cultural interaction. The

Tatars in Belarus, with a six-century history, are one of the common references between the two countries.

However, relations in the modern sense began to take shape in the late 20th century. Türkiye became the first country to recognize Belarus, which declared its independence with the dissolution of the Soviet Union, on December 16, 1991. This step was a reflection of Türkiye's effort to pursue a policy of rapid integration with the newly independent Eastern European states. With the establishment of diplomatic relations in 1992, the Turkish Embassy was opened in Minsk, followed by Belarus establishing an embassy in Ankara and a consulate in Istanbul, completing the diplomatic infrastructure [3].

The 1990s were a period when relations gained momentum. The official visit of Belarusian President Aleksandr Lukashenko to Türkiye in 1996 was crowned by the signing of the Treaty of Friendship and Cooperation [4]. This treaty laid the foundation for cooperation in political, economic, and cultural fields and established a solid ground between the two countries. In the 2000s, Belarus's close ties with Russia became an important factor shaping its relations with Türkiye; however, Türkiye managed to conduct these relations independently and in a balanced manner [5]. Indeed, no political disagreements have occurred between the two countries; on the contrary, a constructive dialogue has been maintained [6]. Events organized on the occasion of the 25th anniversary of diplomatic relations in 2017, and the 30th anniversary in 2022, demonstrated the depth of this friendship [3]. Belarus's membership in the Eurasian Economic Union (EAEU) has supported Türkiye's efforts to strengthen economic ties with this region and ensured the relations adopted a multidimensional character [7].

The relations between the two countries have always progressed, gaining momentum with a positive agenda, and the countries have been friends not only in good times but also in difficult times.

Cooperation in Education and Science

Cooperation in the fields of Education and Science is one of the fundamental elements constituting the goodwill and functionality of Belarus-Türkiye relations. Especially in the field of education, student exchange programs have gained significant momentum. While students studying Turkish at universities in Belarus can continue their education for a semester at a university in Türkiye within the framework of bilateral inter-university agreements, similarly, students from Russian Language and Literature departments at Turkish universities can study for a semester at Belarusian universities to develop their language skills [8]. Additionally, Belarusian students have the opportunity to study in Türkiye at the undergraduate, graduate, and doctoral levels under the «Türkiye Scholarships» program, supported by the Presidency for Turks Abroad and Related Communities [9].

Furthermore, the Belarus-Türkiye Research Center, established within the

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (NASB), performs an important function aimed at increasing and developing academic cooperation between the two countries. The Center, which conducts studies on researching and sharing the common history, culture, and academic heritage of the two countries, also offers Turkish language learning opportunities for Belarusian academics.

The National Academy of Sciences of Belarus is also taking steps to increase cooperation and working areas with the Turkish Academy of Sciences (TÜBA) and the Scientific and Technological Research Council of Türkiye (TÜBİTAK).

Collaborations between national libraries also contribute to the sharing of knowledge between the two countries.

Future Vision

The visa-free travel regime between the two countries has invigorated tourism; the interest of Belarusian tourists in Türkiye and Turkish tourists in Belarus has increased. These cultural interactions have strengthened the friendship between the peoples and contributed to the embodiment of the «close friend» concept.

Belarus-Türkiye relations have the potential to develop from an even broader perspective in the future. In the face of global economic and political challenges, the two countries will focus on developing joint security and economic initiatives. Increasing the trade volume and diversifying investment opportunities are among the priority goals. Belarus's membership in the Eurasian Economic Union can serve as a bridge facilitating Türkiye's access to this market. In the fields of Education and Science, new activities; digital collaborations, and joint projects are expected. Academic research will undoubtedly contribute to Belarus becoming better known in Türkiye. The potential of the relations is progressing towards results-oriented cooperation with a friendship-based approach.

Conclusion

One of the most important factors in the positive dynamics of Belarus-Türkiye relations is that these relations have always been free from ideological constraints and built solely on a pragmatic and functional basis. Belarus and Türkiye, with the motto «Distant Neighbor, Close Friend» are crowning their friendly relations with cooperation in political, economic, education and science fields. This relationship, nurtured by historical ties, is built on mutual trust and common interests. Political dialogue, economic growth, and cultural richness are elements that unite the two countries not only at a bilateral level but also in terms of regional stability. The Belarus-Türkiye friendship, as a model that has succeeded in developing its unique partnerships despite geographical distances, will continue to contribute to regional and global peace in the future.

References

1. Belarus–Turkey relations // Wikipedia. – 2024. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Belarus%E2%80%93Turkey_relations (date of access: 20.10.2025).
2. Relations between Türkiye and Belarus // Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. – 2022. – URL: <https://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkiye-and-belarus.en.mfa> (date of access: 20.10.2025).
3. Политические отношения = Political Relations // Посольство Республики Беларусь в Турецкой Республике. – 2024. – URL: https://turkey.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/political/relations/ (дата обращения: 20.10.2025).
4. Беларусь и Турция – 10 лет дипломатических отношений // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – 27 марта 2002 г. – URL: https://mfa.gov.by/ru/press/news_mfa/c44ee0481ac540ce.html (дата обращения: 20.10.2025).
5. Yıldırım, M. History of the Turkish-Belarusian Relations and the Russian Factor / M. Yıldırım // History Studies. – 2021. – С. 1–15. – URL: <https://www.historystudies.net/dergi/history-of-the-turkish-belarusian-relations-and-the-russian-factor20210673b6d42.pdf> (date of access: 20.10.2025).
6. Türkiye's Political Relations With Belarus // Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. – 2023. – URL: https://www.mfa.gov.tr/turkey_s-political-relations-with-belarus.en.mfa (date of access: 20.10.2025).
7. Foreign relations of Belarus. // Wikipedia. – 2024. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Foreign_relations_of_Belarus (date of access: 20.10.2025).
8. Turkey Belarus seek to enhance bilateral ties. // Anadolu Ajansı. – 14 февраля 2018 г. – URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/turkey-belarus-seek-to-enhance-bilateral-ties/1063352> (date of access: 20.10.2025).
9. Гючлю, Ч. И. Турция и Беларусь сосредотачиваются на позитивной повестке дня [Видеозапись] : интервью посла Турции Ч. И. Гючлю / Ч. И. Гючлю // Radio International Belarus. – 2 июля 2025 г. – URL: https://youtu.be/yZDYbbkZosU?si=mHmsutLUyIXj2Z_j (дата обращения: 20.10.2025).

REPRESENTATIONS OF NOBLE WOMEN IN TURKISH AND BELARUSIAN FOLK NARRATIVES

A. Kara

Folk narratives have long served as a means of orally transmitting a community's values, lifestyle, and social roles from one generation to the next. Within these narratives, representations of women play a crucial role in shaping both individual and collective identity.

The purpose of this article is to examine, through a comparative lens, the social roles of female characters in Turkish and Belarusian folk narratives. The study focuses on noble women depicted in the Book of Dede Korkut – the earliest known epic tales of the Oghuz Turks, which offer valuable insights into pre-Islamic beliefs, social structures, and moral values – and in several

Belarusian narratives. The Turkish examples include Selcen Hatun, Banu Çiçek, Burla Hatun, and the wife of Deli Dumrul, while the Belarusian corpus features Princess Rogneda, Princess Svitsyaz, Marya Morevna, and Princess Grajina. Selcen Hatun, Banu Çiçek, and Burla Hatun exemplify archetypes of brave, valiant, and strong women – mothers, wives, and lovers who command respect. These women are influential not only within the domestic sphere but also in social and political contexts. They assume active roles in the stories, sometimes as helpers of heroes, sometimes as pivotal agents shaping the course of events. The comparative discussion between the noble women of Dede Korkut and those of Belarusian narratives takes into account the socio-cultural context – historical background, social structure, and belief systems. Women's spatial and social mobility, their fulfillment of communal duties, and their responses in moments of crisis serve as key axes of comparison.

In folk literature, female characters are not merely participants in the plot but also carriers of social ideals, fears, and cultural codes surrounding womanhood. As Simone de Beauvoir writes, «One is not born, but rather becomes, a woman. One is born female or male as a biological fact, but 'womanhood'—that is, being emotional, gentle, filled with maternal instinct, and positioned as the object of man—is a role imposed by society throughout history» [1, p. 31]. In folk tales, the various types of women often embody these cultural expectations; virtues such as courage, fidelity, wisdom, chastity, and post-marital devotion are reinforced and, at times, challenged through narrative. A woman's role varies depending on her marital status, religion, social class, and the structure of her society. While women confined to palaces, manors, or castles possess limited freedom of movement, those living in nomadic societies enjoy a broader range of agency.

A. Noble Women in Turkish Folk Narratives

In Turkish culture, the woman is the most vital figure within the family, for she carries the additional duty of raising children – a task beyond the man's share. The woman ensures the continuation of lineage; she is the one who makes a house a home and nurtures the next generation. In the Book of Dede Korkut, women are portrayed as self-sacrificing, loyal, virtuous, courageous, and devoted to *töre* (custom and moral code). They perform all that men do, including archery and swordsmanship. At the council (*kurultay*), the *hatun* sits beside her husband, the *bey*, and takes part in political affairs. Women thus play a significant role in maintaining social order. Depending on the situation, female characters display different behaviors—at times brave and self-decisive, at times patient and obedient. Their speech and address toward men remain respectful. In the Book of Dede Korkut, women often assume not only the expected social roles but also those traditionally attributed to men. For example, in the tale of Bamsı Beyrek, Banu Çiçek – a bold, active, and discerning female character – embodies both the warrior (*alp*) type and the faithful wife. A skilled

horsewoman, archer, and wrestler, she is an intelligent figure who guides her husband. Though she receives no news of Beyrek for sixteen years, she never loses hope and continues to await his return. Burla Hatun (the powerful defender of her home) and Selcen Hatun are also alp-type women. All three take up their swords and mount their horses to fight in defense of their families and honor. In the story of The Plundering of Salur Kazan's House, Burla Hatun, though captured and imprisoned, refuses to reveal her identity or bring shame upon her husband's name, preserving her chastity even at the cost of losing her son. In another tale, Kazan's Son Uruz is Taken Prisoner, she embodies both the warrior and maternal archetypes. When Kazan and Uruz are attacked by the Tekfur (Byzantine lord), and Kazan is delayed in rescuing his son, Burla Hatun cannot remain idle. She mounts her horse, taking with her forty slender-waisted maidens as guards, and rides to the battlefield. Fighting alongside her husband, she and the Oghuz warriors defeat the enemy. In Dede Korkut, women remain ever loyal to their husbands—loving and honoring them even beyond death. In The Tale of Deli Dumrul, Son of Duha Koca, Dumrul challenges Azrael, the Angel of Death, and is told he must find another to die in his place. His parents refuse, but his wife willingly offers her own life: «May my soul be sacrificed for yours!». She epitomizes the virtuous woman of the «Ayşe-Fatma lineage», mentioned in the prologue of Dede Korkut, and stands as the most self-sacrificing among all female figures. In The Tale of Kanlı Koca's Son Kan Turalı, Kan Turalı wins the hand of Selcen Hatun by slaying a fierce bull, lion, and camel. When enemies attack as Kan Turalı sleeps, Selcen Hatun mounts her horse fearlessly and fights beside him until they prevail.

B. Noble Women in Belarusian Folk Narratives

In Belarusian lore, historical princesses such as Sofia Slutsk and Euphrosyne of Polotsk are remembered as noble women whose piety, education, and charitable deeds benefited their communities. Alongside them stands Princess Rogneda of Polotsk – tragic and proud – and, from the realm of poetic imagination, figures like Princess Grajina, Marya Morevna, and Princess Svitsyaz. *Princess Grajina*, idealized in literature, corresponds to the Turkish alp woman type – a symbol of patriotic courage and moral strength. Marya Morevna, the warrior queen, is the beautiful bride of Ivan Tsarevich. When Marya departs to wage war, Ivan opens the forbidden closet she has warned him against and releases Koschei the Deathless (Koşey Bessmertny). Koschei abducts Marya, and Ivan embarks on a perilous quest to rescue her, aided by his brothers-in-law. After Koschei kills him, Ivan is revived by the Waters of Life and Death, steals a magical horse from Baba Yaga, defeats Koschei, and lives happily with Marya. Yet Marya, though kidnapped, is not a wholly passive victim: she secretly aids Ivan by revealing critical information about Koschei's weakness. Still, paradoxically, despite being a warrior, she never confronts Koschei in battle herself. *Princess Svitsyaz*, on the other hand, is a sanctified

figure who chooses death over dishonor. In one of Belarus and Lithuania's most poignant legends, when the city of Svitsyaz is besieged, the princess prays to God to spare her people from captivity. Her prayer is answered: the city sinks beneath the earth to become Lake Svitsyaz, and its inhabitants' souls turn into water lilies. Svitsyaz thus represents sacred femininity – self-sacrifice, purity, and unity with nature. *Rogneda*, Princess of Polotsk, is taken by Prince Vladimir of Kiev, who kills her family and forces her into marriage. Though she bears his children, she cannot love her conqueror. After attempting to kill him and failing, she retreats to a monastery, where she lives in repentance. Proud, humiliated, and transformed into a saintly figure, *Rogneda* embodies suffering dignity. Another Belarusian noblewoman, Solomeya Rusetskaya, is remembered as a learned physician and pharmacist said to have served in the Ottoman palace during the reign of Suleiman the Magnificent. Some scholars associate her with the character «Rusiecki» in Henryk Sienkiewicz's historical novel *Pan Wołodźjowski* (The Little Knight). Such women became legendary for their wisdom and intellect.

C. Comparative Analysis

Grajina, the heroine of Adam Mickiewicz's romantic poem, represents an ideal drawn from the spirit of the nation – a manifestation of the noble feminine archetype already latent within the people. Marya Morevna, though a warrior, does not fight Koschei directly; instead, through charm and cleverness, she learns the secret of the horses and aids Ivan indirectly. She is thus the object fought for, rather than the combatant herself. Princess Svitsyaz, both victim and leader, symbolizes honor and sacrifice. When her father, Prince Tugan (a name possibly of Turkic origin), is away, she assumes leadership, deciding her people's fate. Her prayer – «Let the grave receive us alive» – reveals the extremity of her moral conviction. She becomes an emblem of spiritual victory over physical defeat – a fusion of honor, sacrifice, and feminine courage. *Rogneda*, the Polotsk princess forced into marriage with Prince Vladimir, is a proud yet tragic woman – humiliated, unloving, and eventually sanctified through suffering. In contrast, the women of Dede Korkut actively engage in battle and confrontation. They display both physical and intellectual agency. Selcen Hatun and Banu Çiçek are equal to their husbands in status and spirit; their strength lies in willpower and martial skill. Banu Çiçek accepts Bamsı Beyrek only after he proves his worth by defeating her, making her a hero in her own right. These women – daughters of beys – marry out of love and equality, forming happy unions. While Turkish hatuns ride to war, gather armies, govern regions, and speak in councils, Belarusian heroines are often contemplative, patient, and spiritually elevated figures who attain virtue through endurance or isolation. *Rogneda* lives on in solitude and sorrow. In Turkish narratives, women are dynamic figures – physically and mentally active, entering battlefields, making decisions, and managing crises. At times they advise their husbands, as

in Boğaç Han; at others, they ride into combat for love or sacrifice their lives, as in Deli Dumrul. Though several female archetypes appear in Dede Korkut, the dominant ones are the alp (warrior woman), the ideal wife, and the devoted mother. In contrast, Belarusian women are often palace – bound, passive princesses whose power is limited to their symbolic or moral influence. Whereas in nomadic Turkish states the Hatun title signified real political authority, Belarusian noblewomen, though revered, remained largely confined to the inner world of piety and virtue.

References

1. Beauvoir, S. de. The Second Sex / S. de Beauvoir. – Paris : Gallimard, 1949.
2. Russian Folk Tales with Female Archetypes: Baba Yaga, Marya Morevna, Vasilisa the Wise, and Other Heroines / Склад. : А. Н. Афанасьев. – М. : Манн, Іванаў і Фербер, 2023.
3. Арцыбашев, Н. С. Рогнеда, или Разорение Полоцка / Н. С. Арцыбашев. – СПб. : Типография В. Плавильщикова, 1818. – 263 с.
4. Ergin, M. Dede Korkut Kitabı / Muharrem Ergin. – Ankara : Türk Dil Kurumu, 2009. – 244 s.

ТУРЭЦКАЯ «ПРЫСУТНАСЦЬ» У ЖЫЦЦІ БЕЛАРУСКІХ ТАТАРАЎ

Р. А. Александровіч-Туфкрэо

Дадзены матэрыял грунтуецца на крыніцах, якія змяшчаюць звесткі аб гістарычных падзеях (XVI-пачатак XX стст.), а таксама на асабістым досведзе аўтара (2-я палова XX – 1-я чвэрць XXI стст.). Заўважым, што тэрмін «беларускія татары» самы малады і найбольш звязаны з перыядам незалежнай Рэспублікі Беларусь. Ад назвы дзяржаваў – Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай – утварыліся і гістарычна замацаваліся тэрміны «літоўскія», «польска-літоўскія», «польскія» татары. Апошнім часам гісторыкамі ўсё часцей ужываюцца тэрмін «татары-ліпкі», этымалогію звязваюць са скажонай у турэцкай мове назвай Літвы. Аднак мы падзяляем меркаванне Максата Авезава, які звяртаецца да тлумачальнага слоўніка «Люгат-і-Рэмзі», згодна з якім асманскае слова *libk* азначае «разумны, умелы, ветлівы» [3, с. 65].

Польска-літоўскія татары на працягу не аднога стагоддзя падтрымлівалі зносіны з турэцкім султанатам. У 1591 годзе султан Мурад III у лісце да караля Жыгімонта III прасіў не перашкаджаць «... у справе свабоднага будаўніцтва мячэцяў у калоніях татарскіх на Літве» [2, с. 46].

Здаралася, што Турцыя становілася для татараў месцам прытулка. Доктар славянскай філалогіі і гісторыі Янка Станкевіч у сваёй працы выказаў шкадаванне адносна апісаных Уладзіславам Сыракомлям

выпадкаў рабаўнічых нападаў польскай шляхты на татараў: «Рэзультатам падобных нападаў было тое, што сёлы мусульманскія асталіся без насялення. Татары за часы Жыгімонта IV перасяліліся ў Крым і Турцыю (Дабруджа, правінцыя Хелевенгар у ваколіцах Брусы, у Малой Азіі ля вусця ракі Кызыл-Ірмак)» [4, с. 10].

Вядомы як «Бунт ліпкаў» пераход у 1672 годзе на турэцкую службу татарскіх харугваў на чале з ротмістрам Аляксандрам Крычынскім у адказ на парушэнне іх правоў польскімі уладамі. Ужо ў 1673 годзе польскія ўлады замацавалі і пашырылі льготы татар прывілеямі Яна III Сабескага і сеймавай канстытуцыяй [1, с. 86–87]. Янка Станкевіч зазначаў: «Але таму што з туркамі, акрамя супольнай веры іх нічога не лучыла, згадзіліся ў 1683 г. ваяваць супраць туркаў і татараў на баку Сабескага» [4, с. 10].

Аднак эміграцыя татараў у Турцыю мела месца і далей. Так сталася, што прадстаўнікі рода Сабалеўскіх (Конкірант-Мурза-) герба «Месяц», якія з XVI ст. валодалі ў Лідскім павеце Сабаянцамі (адкуль і пайшло прозвішча), ад караля Аўгуста II атрымалі 9.09.1720 г. прывілей на зямельны надзел у ваколіцы Сорак Татар Троцкага павета, што раней належаў выехаўшым у Турцыю татарам [7, с. 76]. Былі і іншыя выпадкі эміграцыі.

Сярод рукапісных тэкстаў беларускіх татараў асаблівай увагі заслугоўвае Турэцка-беларускі слоўнік-размоўнік 1836 года. Прызначаўся слоўнік хутчэй за ўсё для татараў-эмігрантаў ці падарожнікаў у Асманскую імперыю. Аўтарства належыць жыхару Слоніма Мустафе Шэгідзевічу. У міжваенны перыяд размоўнік знаходзіўся пры Муфціяце (Вільня). Апошнім часам рукапіс захоўваецца ў Нацыянальным Музеі Літоўскай Рэспублікі. Галіна Александровіч-Мішкінене і Сяргей Шупа падрыхтавалі асобнае выданне, прысвечанае размоўніку [5]. Немагчыма не звярнуць увагу на такую цікавую з'яву як выкарыстанне ў беларускім варыянце цюркізма: пайду до иншаго мемлекету (*тур. memleket ad араб. – краіна, край, раён – Р. А-Т.*). У дапамогу падарожніку прыводзіліся нескладаныя выразы, якія ў беларускамоўным варыянце гучалі наступным чынам: хоц ў немазе, хоц ў ду'ай, до ахшаму прыйедзем. Не забываліся аб ветлівасці: бўвай здоров (*Allah smarladik*).

Шмат дапаўненняў у рэлігійныя кнігі беларускіх татар уносілі туркі, якія апынуліся ў палоне пасля вайны 1877–1878 гг. Узаемаадносіны паміж дзяржавамі вымушалі татараў, якія знаходзіліся на службе ў арміі Расійскай імперыі, выступаць на процілеглым Турцыі баку. У Навагрудку і ваколіцах існуе паданне пра татарына Яна Мурзіча з Харавіч – ён прывёз у свой маёнтак некалькі палонных туркаў-юнакоў, якія перакладалі тэксты мусульманскіх духоўных кніг, пісаных па-арабску. У Турцыі ведалі арабскую мову, а мясцовыя татары, якія мелі адпаведную адукацыю ці наведвалі Турцыю, разумелі турэцкую мову.

У сакральнай мове беларускіх татар-мусульман замацаваліся

турэцкія словы (некаторыя запазычаны ў турэцкую мову з арабскай), якія не патрабуюць перакладу: азан (тур. *ezan*) – заклік да намазу; намаз (*namaz*) – штодзённы малітоўны пяціразовы цыкл; сабах (*sabah namazı*) – ранішня малітва, ахшам (*akşam namazı*) – вячэрняя малітва; муэдзін, мязім, мязін (*müezzin*) – чалавек, які заклікае на малітву (спявае азан); мінарэт (*minare*) – вежа мячэці, з якой муэдзін спевамі абвешчае азан; мінбар, мубер (*minber*) – кафедра, узвышэнне з невялікім навесам-балдахінам, куды па прыступках узыходзіць імам, ганаровыя госці пад час урачыстасцяў дзеля абвешчэння важных дакументаў ці хутбэ (*hutbe*) – малітвы за здароўе; міхраб (*mihrap*) – зрубная ніша ў будынку мячэці, накіраваная ў бок Каабы; умма, умет (*ümmet*) – мусульманская абшчына, як і джамаат ад джума (*cuma*) – пятніца; джамія (*cami*) – мячэць; таксама добра зразумелыя: муфцій (*müftü*), імам (*imam*), мула (*mulla*), байрам (*bayram*).

Выкарыстанне на надмагільных помніках турэцкіх формул у пісанай арабскай графікай спавядальнай частцы – яшчэ адзін знак прысутнасці ў духоўнай традыцыі татараў Так, на Асмолаўскім мізары (Нясвіжскі раён Мінскай вобласці) «...турэцкія формулы *Allah rahmet eyleye* (Няхай Бог змільуецца) або *Allāh rahmet eyle* (Божа, памілуй; Божа, змільуйся); сустракаюцца некалькі разоў ужо ў пачатку XIX ст. Ад 2-й паловы XIX ст. – у варыянце *Allah rahmet eylesin* (Няхай Бог мілуе); гэтая формула, скарачаная да турэцкай фразы *Allah rahmet* (Божая міласэрнасць) выкарыстоўвалася як завяршэнне эпітафіі» [6, с. 79].

З асабістага досведу, які захаваўся з дзяцінства, праз бабулю Халіму і тое, што акаляла наш побыт, добра памятаецца невялікага памеру падушачка, якую клалі мне пад галаву, і яе чароўная назва «ясік» (*ad tur. yastık*), а таксама бабуліныя святочныя хусткі ў «турэцкія агуркі».

Асобныя турэцкія лексемы ўжываюцца ў кантэксце беларускай мовы. У хатняй бібліятэцы сям’і Якубоўскіх нам давялося бачыць кнігу з дарчым надпісам гісторыка Ібрагіма Барысавіча Канапацкага галоўнаму рэдактару часопіса «Байрам» Якубу Адамавічу Якубоўскаму. Пасля традыцыйнага «Бісмільхі..», выканага па-арабску, ідзе па-беларуску: «Дарагому Якубу-кардашу (*ad tur. kardeş, брат – Р. А.-Т.*) на добры ўспамін і з найлепшымі пажаданнямі здароўя і плённай работы ў Новым 1994 годзе. Шчыра Ібрагім. 2.01.1994 г.».

Стасункі з Турэцкай рэспублікай ярка праяўляюцца ў сучаснай Рэспубліцы Беларусь. У 1997 годзе пад час святкавання 600-годдзя асідніцтва татараў на землях Беларусі, Літвы і Польшчы будынак Навагрудскай мячэці, пераабсталяваны пад жылы дом, быў вернуты татарскай супольнасці. Нам давялося назіраць, што сярод прадстаўнікоў замежных місій адной з першых, хто наведаў мячэць, была пасол Турэцкай Рэспублікі Фатма Шуле Сойсал. Таксама прадстаўнікі турэцкага пасольства прысутнічалі ў 2002 годзе на адкрыцці адрэстаўраванай мячэці

ў Лоўчыцах пад Навагрудкам (Гродзенская вобласць). Упраўленне на справах рэлігій Турцыі (Diyanet) з удзелам забудоўшчыка Акына Озая спрыяла завяршэнню работ па ўзвядзенні Мінскай Саборнай мячэці. На ўрачыстым адкрыцці 11 лістапада 2016 года прысутнічалі прэзідэнты абедзвюх краін – Аляксандр Лукашэнка і Рэджеп Эрдаган. Праз год у лістападаўскія дні залатой восені споўніцца 10-годдзе Мінскай мячэць. Маём спадзяванне, што прыхаджане і жадаючыя змогуць аднавіць невялікі мізар з захаванымі са старога мізара помнікамі (у тым ліку і турэцкім падданым), а таксама помнікам падпольшчыку Хасану Александровічу ў скверы на месцы былога мізара.

Літаратура і крыніцы

1. Думін, С. У. Беларускія татары: Минулае і сучаснасць / С. У. Думін, І. Б. Канапацкі. – Мінск : Полымя, 1993.
2. Лакотка, А. І. Бераг вандраванняў ці адкуль у Беларусі мячэці / А. І. Лакотка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1994.
3. Овезов, М. Об этимологии этнонима «липка» / М. Овезов // Байрам. Татары на зямлі Беларусі. – Мінск, 2023. – Вып. 49. – С. 63–66.
4. Станкевіч, Я. Беларускіе мусульмане і беларуская літаратура арабскім пісьмом / Я. Станкевіч. – Вільня : Друкарня Я. Левіна, 1933.
5. Турэцка-беларускі размоўнік 1836 г. / Прадмова, транслітарацыя, падрыхтоўка тэксту, публікацыя і камэнтары : Г. Александровіч-Мішкінене, С. Шупа. – Нью-Ёрк, 1995.
6. Drozd, A. Inskrypcje na tatarskim cmentarzu w Osmoławie / A. Drozd // Przegląd Orientalistyczny – 2016. – № 1–2. – S. 73–86.
7. Dumin, St. Herbarz rodzin tatarskich Wielkiego Księstwa Litewskiego / St. Dumin // Związek Tatarów Polskich Oddział w Gdańsku. – Gdańsk, 1999.

БЕЛАРУСКАЯ МУСУЛЬМАНСКАЯ ТРАДЫЦЫЯ Ў НАЦЫЯНАЛЬнай КУЛЬТУРнай ПРАСТОры

К. І. Жук

Уздзеянне традыцыі беларускіх мусульман на нацыянальную культурную прастору можна разглядаць праз той уплыў, што аказалі прадстаўнікі гэтай традыцыі на беларускую культуру, гісторыю і навуку. Найбольш прадстаўнічай у гэтым сэнсе гістарычна з’яўляецца супольнасць беларускіх татар-мусульман, уплыў якой таксама важна аналізаваць у некалькіх праекцыях. Па-першае, гэта праекцыя фарміравання ідэнтычнасці прадстаўнікоў дадзенай традыцыі менавіта як беларускіх татар (ці беларускіх мусульман). Па-другое – з пункту гледжання інтэграцыі, адаптацыі і трансфармацыі ідэнтычнасці, звязанай менавіта з рэлігійна-этнічнай прыналежнасцю. Па-трэцяе – з боку праяваў уздзеяння

татара-мусульманскай традыцыі на прастору беларускай культуры. Варта таксама адзначыць, што і канкрэтныя праявы ўзаемадзеяння беларускай татара-мусульманскай традыцыі з беларускай культурнай прасторай маюць некалькі напрамкаў, бо яны звязаны з дзейнасцю канкрэтных гістарычных асоб, якія, у сваю чаргу, маглі альбо паспяхова захоўваць сваю татара-мусульманскую ідэнтычнасць, альбо свядома падкрэсліваць сваю прыналежнасць татара-мусульманскай традыцыі, робячы яе часткай сваёй прафесійнай дзейнасці, альбо нават асімілявацца ў грамадстве і рабіць унёсак у яго культуру без свядомага звароту да сваіх каранёў.

У беларускай культурнай прасторы, суадносна з тым, як гістарычна развівалася супольнасць беларускіх татар, ёсць як цэлая плеяда прафесійных даследчыкаў беларускай татара-мусульманскай традыцыі, так і тыя ўплывовыя дзеячы беларускай культуры, чыё татарскае паходжанне вядомае шырокім колам нашмат менш за іх уласна беларускую ідэнтычнасць. Можна пералічыць значную колькасць беларускіх шляхецкіх родаў татарскага паходжання, а таксама прадставіць гістарычных асобаў, вядомых у галіне вайскавай справы, навукі ці мастацтва, якія паходзяць з беларускіх татар. Сваё пачэснае месца займаюць вядомыя прадстаўнікі супольнасці, чые жыццё і дзейнасць цесна звязаны з ідэнтычнасцю менавіта беларускіх татар-мусульман – да гэтай плеяды адносяцца як вядомыя рэлігійныя дзеячы, так і навукоўцы-даследчыкі татара-мусульманскай традыцыі. Урэшце, важна падкрэсліваць паходжанне і тых нашчадкаў традыцыі, якія сталіся найвядомейшымі дзеячамі менавіта беларускай культурнай прасторы – да іх адносяцца, напрыклад, такія значныя прадстаўнікі нацыянальнай літаратуры, як Францішак Багушэвіч і Максім Багдановіч.

Да таго ж, падобныя даследванні варта скіроўваць і на непрамыя праявы ўздзеяння татара-мусульманскай традыцыі на беларускую прастору: згадкі дадзенай традыцыі ў культурных артэфактах, створаных па-за супольнасцю, і праз мікраўзроўні (спецыфіку і ўзаемапраанікненне кулінарных традыцый, асаблівасцяў адзення, выхавання дзяцей і г. д.). Першы пункт дазваляе ацаніць узровень прадстаўленасці і разумення лакальнай традыцыі, праблемы і пазітыўныя аспекты ўзаемадзеяння, а другі – пашырыць веды аб ўзаемаўплывах і паглыбіць паразуменне ў мультыкультурным грамадстве, у чым і палягае перспектывнасць падобных даследванняў. Уяўляецца, што пры іх актуалізацыі магчымае выбудоўванне культурнага кода беларускага народа як наратыва, які павінен базіравацца на паліфанічным зліцці традыцый і выкарыстоўваць гістарычна абумоўленую полісемантычнасць беларускай культурнай прасторы як прывілей [1]. Між тым, праблема цалкам гарманічнага ўзаемадзеяння культурных традыцый часткова палягае ў тым, што прадстаўнікі канкрэтнай супольнасці – напрыклад, беларускіх татар – часта застаюцца недастаткова рэпрэзентаванымі ў сучаснай культурнай

прасторы ў якасці нашчадкаў менавіта сваёй традыцыі. Любая грамадская сістэма праходзіць праз стадыі, калі яна імкнецца альбо цалкам адасобіць кагосьці ў якасці Іншага ці нават Чужога, альбо робіць высілки па поўнай асіміляцыі гэтага Іншага ажно да суцэльнай страты яго ўнікальнасці. Пытанне гарманізацыі полісемантычныя культурнай прасторы, у сваю чаргу, заключаецца ў магчымасці пазітыўнага вектара ўспрымання Іншага [2].

З практыка-арыентаванага пункту гледжання, варта спадзявацца на пашырэнне прасторы папулярнай веды аб гістарычна цеснай сувязі беларускай мусульманскай супольнасці з беларускай нацыянальнай культурай. У тым ліку, гэта тычыцца высілкаў па ўшанаванні памяці асобаў татара-мусульманскага паходжання, што мелі карані на беларускіх землях і гралі значную культурную ролю на беларускай ці міжнароднай арэне. Уяўляецца, што дыялагічна-арыентаваны падыход, уважлівы да паліфанічнай ідэнтычнасці і ўзаемапранікнення традыцый, уласцівы беларускай культурнай прасторы і можа адначасова спрыяць як гарманічнаму ўмацаванню паліфанічнага складніка нашай культуры, так і трансляванню пазітыўнага іміджа вонкі. Што тычыцца далейшай тэарэтычнай перспектывы даследванняў у дадзенай галіне, яна бачыцца не толькі ў больш фокусным вывучэнні ўзаемаўплыву канкрэтных прадстаўнікоў супольнасці, але і ў пераключэнні даследчай оптыкі таксама і на мікраўзровень узаемапранікнення традыцый, што дазволіў бы прааналізаваць узаемаўплывы побытавай культуры, асаблівасці ўзаемаўспрымання, спецыфіку артэфактаў, створаных у мультыкультурным грамадстве. На такога рода даследванні, у пэўнай ступені, ужо скіраваны высілки беларускіх гісторыкаў, навукоўцаў з усходазнаўчых устаноў, супрацоўнікаў бібліятэк і архіваў. Хочацца спадзявацца таксама і на далейшае пашырэнне міждысцыплінарнага дыялогу па дадзеным напрамку.

Літаратура і крыніцы

1. Жук, Е. И. Диалогичность национальной культурной традиции / Е. И. Жук // Материалы XXI Межд. науч. конф. молодых ученых «Молодежь в науке – 2024», Минск, 29–31 окт. 2024 г. / Совет молодых ученых НАН Беларуси. – Минск, 2024. – С. 588–591.
2. Жук, К. І. Татары як Іншы? (у помніках беларускай прававой культуры) / К. І. Жук // Материалы XXI Межд. науч. конф. молодых ученых «Молодежь в науке – 2024», Минск, 29–31 окт. 2024 г. / Совет молодых ученых НАН Беларуси. – Минск, 2024. – С. 591–593.

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ВОСПРИЯТИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОГО ОПЫТА

С. Г. Карасёва, Е. В. Реут

Способность восприятия, или отражения, реальности является свойством всех живых организмов, усложняясь по мере усложнения их структуры и функций. Восприятие представляет собой способность и процесс *отражения реальности в символических – чувственных* (ощущение, образ, представление), *абстрактных* (понятие, суждение, умозаключение) и *синтетических* (идея) – формах. Все, что с человеком происходит – от телесных, или физических, ощущений, от произвольных реакций, а затем эмоций и мыслей до простых актов и сложных программ произвольного поведения – все является содержанием его *психики*. Такая трактовка психики соответствует широкому пониманию *восприятия* – как способности и процесса активного отражения реальности – и совпадает с широкой трактовкой *сознания*, которая отличается от узкой, означающей ясное и отчетливое восприятие реальности. Под *реальностью* здесь понимается все существующее – актуально и потенциально, материально и идеально; объективно и субъективно.

Итак, восприятие структурировано по планам (физическому, психическому, синтетическому) и формам (от ощущения до идеи). Но кроме того, оно функционирует в разных режимах активности, обусловленных способностями *памяти, воображения и внимания*. И если память (способность хранить все воспринятое содержание) и воображение (способность рекомбинировать воспринятое) оперируют всем объемом воспринимаемого, то внимание охватывает лишь ту его часть, которая доступна ясному и отчетливому восприятию, или сознанию в узком смысле этого слова.

Будучи сфокусированным восприятием, внимание определяет *сознаваемую* часть психики. То, что за пределами сфокусированного внимания, или *сознаваемой* части психики, – определяется как *бессознательное*. Некоторый объем бессознательного легко доступен запросу внимания и может быть осознан, – как правило, тот, который был воспринят на периферии фокуса внимания более или менее отчетливо. Но весь остальной его объем (бесконечный, по некоторым представлениям) труднодоступен вниманию, т. е. осознанию. Этот объем бессознательного формируется следующим образом:

– накапливается произвольно – в силу тотальности и непрерывности восприятия и, как следствие, вбирает в себя вообще все, что воспринимается человеком как само собой разумеющееся – в силу безусловного доверия к собственному опыту;

– становится произвольным, то есть автоматическим, – в

результате привыкания;

– непроизвольно, автоматически вытесняется из сознания как нежелательный, недопустимый – под давлением нормативных запретов [1; 2].

Бессознательное характеризуется как часть психики, неподконтрольно и ощутимо влияющая на жизнь человека, на его чувства, мысли и волю. Это связано с витальной заряженностью содержаний бессознательного – с силой безотчетно пережитых впечатлений; с энергией привычных установок; с напряжением вытесненных стремлений. Именно в этой сфере укореняются религиозные убеждения, определенным образом мотивирующие жизненное поведение человека. Они складываются в основном двумя путями – через проживание экстраординарного опыта или интериоризацию выражающих этот опыт истин и предписаний, принимаемых с безусловным доверием.

В обоих случаях религиозная позиция приобретает отчасти иррациональный, то есть бессознательно обусловленный характер.

Являясь ответом на вопрос о смысле жизни, религиозная идея определяет предельный горизонт существования человека и реорганизует соответствующим образом структуру его личности, то есть систему его ценностей и, как следствие, мотиваций.

Структура психики вообще, и особенно различие и связь сознательной и бессознательной ее сфер, влияет не только на факт вовлеченности человека в религию, но и на ее характер.

В общих чертах это может быть представлено следующим образом. Опыт – весь объем воспринятого, то есть испытанного, человеком – хранится в его памяти, как в сознаваемой (незначительный объем), так и в бессознательной (не подлежащий установлению объем). В силу активности восприятия, проявляющейся в деятельности воображения, содержания памяти, особенно бессознательной ее части, перекомпоновываются под давлением постоянно действующих (не)сознаваемых потребностей. Так что внимание может обнаруживать в бессознательной и уже обработанной воображением памяти трансформированные, ирреальные образы и сюжеты. Постфактум внимание начинает сознательно конструировать рациональные объяснения обнаруженных ирреальных композиций. Рациональное обоснование иррациональных продуктов воображения имеет место и при построении религиозных картин мира. Важно, что доверие людей к продуктам собственного воображения безусловно, поскольку эти продукты обладают субъективной очевидностью. Однако конфликт субъективной очевидности с объективным и тоже очевидным положением дел приводит к необходимости выбирать одну из очевидных реальностей либо как единственную, либо как первоначальную. Степень доверия к воображаемой реальности по сравнению с данной определяет характер вовлеченности человека в идею и образ жизни религии [3].

Восприятие религиозного человека определяется экзистенциальным запросом на смысл, который мог бы противостоять конечности жизни, который бы оправдывал конечную жизнь перед лицом смерти. Другими словами, это запрос на бессмертие. Поскольку в физическом мире это невозможно, психика религиозного человека кардинально переориентируется с опоры на очевидный опыт в направлении неочевидных идей, содержание которых безусловно принимает за истину.

Основой принятия служит решение – акт (бес)сознательной воли, – который служит механизмом обращения человека в религию. Подробнее феномен и процесс религиозного обращения можно представить как композицию факторов, обуславливающих глубокую мировоззренческую трансформацию личности, а именно:

- острый экзистенциальный кризис, требующий именно абсолютного разрешения;

- активный, настойчивый поиск выхода из кризиса;

- переворотный акт обретения трансцендентного смысла.

Религиозное обращение – это событие, которое превращает религию (любую другую смысловую систему) из безразличного для человека содержания в его личное смысловое поле, – неважно, становится оно единственным или остается одним из многих.

Религиозное обращение может быть:

- быстрым и интенсивным, радикально преобразующим личность, а значит, – полным, по крайней мере, глубоким;

- поступательным и спокойным, медленно изменяющим смысловой горизонт личности, а значит, – частичным, поверхностным.

Таким образом, в структуру религиозного обращения входят:

- 1) потребность личности в предельном (религиозном) смысле, которая проявляется через экзистенциальный кризис;

- 2) активность человека в направлении поисков выхода из кризиса;

- 3) чувствительность его именно к религиозному смыслу и готовность принять этот смысл;

- 4) ключевое событие или фигура, выполняющие для индивида функцию «проводника» в сферу религии.

В социологии этот процесс называют также конверсией, или радикальным изменением модели мира индивида и интеграцией его в сообщество, следующее принятой модели.

В психологии этот процесс может рассматриваться как самоактуализация, или качественные (структурные) изменения личности и ее экзистенциальной ориентации под влиянием новой определяющей идеи [4].

Литература и источники

1. Фрейд, З. Основные психологические теории в психоанализе / З. Фрейд. – М. : АСТ, 2006. – 400 с.
2. Психоаналитические термины и понятия : словарь. – М. : Класс, 2000. – 304 с.
3. Олпорт, Г. Личность в психологии / Г. Олпорт. – М. : КСП+ ; СПб. : Ювента, 1998. – 345 с.
4. Stark, R. A Theory of Religion / R. Stark, W. S. Bainbridge. – Bern : P. Lang, 1987. – 386 p.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В ФИЛОСОФИИ ИСЛАМА И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭКСПЕРТОВ БЕЛАРУСИ И ТУРЦИИ

Н. А. Кутузова

Философия ислама – значимая область гуманитарного знания, которая помогает осмыслить место религии в жизни общества, вопросы веры и разума, диалог культур и религий. В последние десятилетия Турция стала одним из центров исламско-философского дискурса, объединяя богатое османско-исламское интеллектуальное наследие с вызовами модерности. Турецкие исследователи активно развивают новые подходы – от рационалистической теологии до политической философии ислама. Благодаря этому Турция играет заметную роль в мусульманском интеллектуальном мире, предлагая свой опыт сочетания секулярной государственности с исламским наследием.

Одной из ключевых тенденций в современной турецкой исламской мысли является возрождение рационализма. В 1990-е годы в турецкой академической среде оформился так называемый «историко-герменевтический поворот»: Mustafa Öztürk, İlhami Güler и Ömer Özsoy стали авторами нового подхода к Корану, трактуя его через призму исторического контекста и рационального анализа. Группа турецких теологов и философов (Hüseyin Atay, Yasar Nuri Öztürk, M. Hayri Kirbasoglu, İlhami Güler, R. İhsan Eliaçık, Ömer Özsoy, Mustafa Öztürk, İsmail Balci, and Mehmet Azimli), часто называемая «рационалистами» апеллирует к разуму и историческому контексту священных текстов. Эти ученые считают, что многие проблемы современного мусульманского общества коренятся в некритичном следовании традиционной суннитской теологии. Вместо этого они предлагают «историцизм» – учет эволюции исторического контекста при толковании Корана и Сунны – и утверждают необходимость гармонии между разумом (‘aql) и откровением (wahy), которые являются центральными понятиями в исламской философии, особенно в вопросах интерпретации религиозного знания и границ

рационального мышления. Таким образом, рационалистическое направление в философии ислама в Турции сегодня активно развивается, способствуя обновлению традиционной теологии и сближению религиозного сознания с современными научно-гуманитарными подходами [1].

Другим важным направлением исследований является политическая философия ислама в контексте турецкого опыта сочетания исламской традиции с секулярным государством. В академическом дискурсе турецкие авторы (например, Ahmet Davutoğlu, Ali Bulaş и др.) рассматривали вопросы соотношения религии и государства, лаицизма (laiklik) и роли ислама в общественной жизни. Турецкий опыт – от строгого кемалистского секуляризма до более видимой роли ислама – породил богатый материал для философского осмысления: обсуждаются границы адаптации шариата в светском правовом поле, концепции «гражданского ислама», участие религиозных акторов в демократических процессах. Турецкие философы также обратились к осмыслению османского наследия – идеи многонационального и многоконфессионального общества – в поисках моделей для современности. Таким образом, современная политическая философия ислама в Турции сейчас охватывает как критический анализ собственной «турецкой модели», так и более широкие сравнительные исследования исламской политической мысли [2].

Диалог религий – еще одно актуальное поле исследований, непосредственно связанное с философией религии. Будучи исторически мостом между Востоком и Западом, Турция в конце XX – начале XXI вв. стала ареной активных инициатив по межконфессиональному диалогу [3].

Философия культуры и идентичности в исламе также популярна. Основная тема исследований связана с выявлением связи исламского мировоззрения и самоидентификации личности и нации, особенно в условиях секулярного государства. Философия ислама в Турции затрагивает вопросы культуры, истории и идентичности, стремясь консолидировать многовековое исламское наследие с современным концептом национальной идеи [4].

Помимо вышеперечисленных направлений, в Турции набирают силу и новые области исламско-философских исследований. Одна из них – философия науки в исламе, где изучается соотношение религиозного мировоззрения и современной науки. Турецкие специалисты пытаются создать мост между исламской теологией и философией науки XXI века. Другая актуальная область – исламская экологическая этика (экоэтика). С ростом глобальных экологических проблем турецкие ученые и активисты обратились к исламским ценностям в поисках устойчив бережного отношения к природе. Так, профессор İbrahim Özdemir, один из известных исламских экологов Турции, подчеркивает, что и Коран, и предания призывают мусульман быть хранителями окружающей среды. Он и

единомышленники убеждены, что ислам способен вдохновить экологическое движение, ведь защита творения – это часть религиозного долга человека. С 2019 г. в Турции обсуждается «Исламская декларация по изменению климата», активно действуют эколого-просветительские проекты на основе исламской этики [5].

Наконец, все более заметным становится дискурс исламского феминизма. В последнее десятилетие появляется новое поколение мусульманских мыслительниц и активисток, переосмысливающих гендерные вопросы внутри исламской парадигмы. Турецкие исследовательницы проводят герменевтический анализ Корана с феминистских позиций, стремясь показать совместимость гендерного равенства с исламскими ценностями [6]. Таким образом, философия ислама в Турции постепенно охватывает и новые сферы – от науки до экологии и гендера, что свидетельствует о динамичности и широте этой исследовательской традиции.

Турция накопила значительный академический потенциал в области философии ислама. Исследовательские центры и университеты формируют новое поколение исламоведов, способных вести диалог как с традицией, так и с современностью. Для Беларуси турецкий опыт полезен в контексте изучения межконфессионального мира, академического исламоведения, философского осмысления идентичности и формирования культуры диалога. Турецкие исследования показывают, как исламское самосознание может сосуществовать с светской гражданской идентичностью. Для Беларуси, имеющей собственное мусульманское сообщество, подобные работы помогут лучше понять процессы интеграции мусульман в современное общество, осмыслить вклад татаро-мусульманской общины в культуру страны. Турецкие наработки в философии диалога, включая методические рекомендации и анализ ошибок прошлого, могут стать ценным ресурсом. Опыт турецких теологов, выработавших принципы «здорового диалога» на основе уважения и понимания, поможет белорусским экспертам развивать платформы для общения между мусульманами, христианами и иудеями внутри страны. Турецко-белорусское сотрудничество в сфере гуманитарных исследований само по себе служит «мягкой силой» и формой культурной дипломатии. Изучение и популяризация исламской философии могут стать мостом для диалога с мусульманскими странами и сообществами.

Литература и источники

1. Gokhan Bacik. Contemporary Rationalist Islam in Turkey: Religious Opposition to Sunni Revival / Gokhan Bacik. – I. B. Tauris, 2021. – 248 p. ; Gokhan Bacik. Hermeneutics in Contemporary Turkey: An Analysis of Turkish Historicists / Gokhan Bacik // Religions. – Vol. 12, iss. 11. – URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/12/11/1027> (date of access: 13.09.2025).

2. Davutoğlu, A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu [Strategic Depth : Turkey's International Position] / A. Davutoğlu. – Ankara : Küre Yayınları, 2001. – 559 p.
3. Çatalbaş, R. Interreligious dialogue in the views of Turkish historians of religions / R. Çatalbaş, K. Çetinkaya // *Hervormde Teologiese Studies*. – 2015. – Vol. 71, № 3. – P. 1–9.
4. Zubaida, S. Turkish Islam and National Identity / S. Zubaida // *Middle East Report*. – 1996. – № 199. – P. 10–15.
5. The New Arab. İbrahim Özdemir: Islamic approach to environmentalism. 14.07.2019. – URL: <https://www.newarab.com/opinion/ibrahim-ozdemir-islamic-approach-environmentalism> (date of access: 13.09.2025).
6. Burak-Adli, F. Islamic Feminism in Turkey / F. Burak-Adli // *Oxford Handbook of Religion in Turkey*. – Oxford : Oxford University Press, 2024. – P. 354–368.

ВИРТУАЛЬНАЯ СРЕДА КАК ПЛАТФОРМА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В КОНТЕКСТЕ БЕЛОРУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ

Е. В. Ревт

Развитие информационно-коммуникационных технологий инициировало фундаментальный пересмотр и трансформацию устоявшихся парадигм социального взаимодействия и коммуникационных каналов, спровоцировав переход от традиционных линейных моделей коммуникации к нелинейным сетевым структурам [1, с. 410–426]. Виртуальное пространство стало не просто дополнением к физической реальности, а самостоятельной средой формирования новых социальных практик и идентичностей.

Однако данная трансформация сопряжена с существенной социотехнической амбивалентностью. Несмотря на признанный трансформационный потенциал цифровизации, ее социальные эффекты не могут быть охарактеризованы как универсально позитивные. Эмпирические исследования фиксируют возникновение целого ряда проблематичных последствий, включая различного рода нарушения, распространение чувства социальной изоляции, депрессии, а также страх потери социального капитала [2, с. 1–38; 3, с. 1069–1072; 4].

Виртуальное человеческое взаимодействие стало центральной областью исследований для экспертов по развитию человеческих ресурсов, где технологии играют ключевую роль, поскольку модели такого взаимодействия непрерывно эволюционируют вместе с технологическим прогрессом [5, с. 299–308; 6, с. 632–647]. В этом контексте важно подчеркнуть конструктивную роль технологий в модификации

человеческой коммуникации, что находит подтверждение в различных областях научного знания, связанных с изучением человеческого развития [7, с. 133–142]. Данный парадокс четко демонстрирует имманентно присущую технологическому развитию двойственность: являясь инструментом расширения социальных возможностей и формирования нового типа социальности – цифровой социальности, цифровизация одновременно генерирует новые зоны уязвимости в социальной структуре, создавая тем самым поле для регуляторных и ценностных дилемм современности.

Наглядной иллюстрацией этой трансформации и порождаемой ею амбивалентности служит стремительное распространение виртуальных платформ в таких сферах, как образование и социальное взаимодействие [8, с. 2220]. В области обучения виртуальная среда утвердилась не просто как инструмент, а как новая парадигма, предлагающая экономическую эффективность и беспрецедентную легкость доступа к знаниям [9, с. 601–615; 10, с. 1413–1421]. Политические аналитики выделяют именно экономическое и инклюзивное измерения данной модели, видя в ней потенциал для снижения издержек и демократизации образования [11, с. 369–376]. Аналогичным образом, виртуальные сообщества эволюционируют в развитую форму открытого общества, где происходит фундаментальное преобразование моделей социальных связей [12]. Широкое распространение сетевых форм общения приводит к количественному росту и качественному усложнению социальных сетей, способствуя как поддержанию существующих отношений, так и формированию новых, основанных на интересах, а не территориальной близости [13, с. 526–531].

В контексте глобализации и цифровой трансформации виртуальные сообщества выступают в качестве новых «социальных лифтов» и генераторов доверия, формируя уникальную форму транснационального социального капитала. Особую актуальность данный феномен приобретает в сфере экономического и образовательного сотрудничества между странами, подобными Беларуси и Турции, где неформальные связи исторически дополняют или предваряют формальные контрактные отношения. Виртуальные среды, будучи платформами для спонтанного и неиерархического взаимодействия, являются естественным пространством для зарождения таких связей. Ключевыми вопросами при этом остаются механизмы генезиса доверия в условиях цифровой анонимности и последующей конвертации виртуального капитала в реальные карьерные, образовательные активы.

Данный парадокс находит свое разрешение в теории «дорогостоящих сигналов» (*costly signaling*) [14, с. 1–18]. Как отмечает американский доктор философии Р. Рейманн, анонимная среда, где «слова дешевы», объективно облегчает обман [15, с. 669–673]. Однако именно это условие

формирует конкурентное поле, в котором подлинное доверие строится исключительно через последовательные и ресурсозатратные действия, служащие надежными сигналами. В виртуальных профессиональных и образовательных сообществах такими сигналами выступают не декларации, а демонстрация экспертизы, долгосрочная и последовательная вовлеченность, а также готовность к безвозмездной помощи и кооперации при решении сложных задач. Таким образом, анонимность не нивелирует доверие, а трансформирует его механику, создавая новую, доказательную основу для конвертации виртуального социального капитала в реальные карьерные и образовательные активы.

Этот процесс конвертации виртуального капитала в реальный представляет собой практическое преодоление феномена, известного как «онлайн-иллюзии понимания» (In «Online Illusions of Understanding», Jeroen de Ridder). Данный когнитивный феномен заключается в том, что легкий доступ к фрагментарной информации и взаимосвязанная структура цифровой среды формируют у индивидов ложное ощущение глубины понимания партнера и контекста взаимодействия. Таким образом, подлинная конвертация начинается в момент перехода от этой иллюзии к стадии практического сотрудничества, которая подвергает сформировавшееся в сети доверие эмпирической проверке.

Ключевым механизмом такой проверки выступает трансформация общих интересов и дискуссий в конкретные, ориентированные на результат проекты – будь то запуск совместного стартапа, разработка образовательного курса или проведение прикладного исследования. Именно на этом этапе «дорогостоящие сигналы» экспертизы и вовлеченности находят свое окончательное подтверждение. Совместное преодоление реальных проблем, будь то полностью в виртуальном пространстве или в гибридном формате, служит финальным верификатором компетенций и надежности партнеров.

Следовательно, виртуальный социальный капитал материализуется не посредством перевода контактов из цифровой среды в офлайн, а через их опосредование сложной, совместной деятельностью. Этот процесс можно охарактеризовать как «деятельностную верификацию» изначально анонимных связей, в ходе которой иллюзорный капитал, основанный на впечатлении, отфильтровывается, а подлинный – аккумулируется и получает конкретное воплощение в виде карьерных достижений, образовательных результатов или успешных бизнес-инициатив.

Ключевую роль в реализации этого процесса «деятельностной верификации» играют «цифровые аборигены» – поколение, которое сформировалось в условиях перманентной интернет-коммуникации. Для данной когорты виртуальные сообщества представляют собой не дополнительную социальную сферу, а естественную среду обитания, где стирание границ между онлайн- и офлайн-взаимодействием

воспринимается как органичная норма. Именно эта генерация выступает основным агентом и катализатором формирования транснационального социального капитала, функционируя в качестве живых мостов между различными культурно-экономическими контекстами как это происходит в случае Беларуси и Турции.

Их врожденная компетенция заключается в способности выстраивать доверительные отношения поверх географических и административных барьеров, создавая основу для устойчивого партнерства. Эти партнерства основаны не на формальных соглашениях, а на реально разделяемых ценностях и коллективных практиках, прошедших проверку совместной проектной деятельностью. Следовательно, «цифровые аборигены» операционализируют теоретический потенциал цифровой социальности, превращая его в работающий механизм международного сотрудничества, где доверие, изначально рожденное из «дорогостоящих сигналов» в анонимной среде, легитимируется через практическую кооперацию и верифицируется достижением конкретных результатов.

Таким образом, виртуальные сообщества функционируют как сложные социальные институты, где под влиянием анонимности и децентрализованности вырабатываются более строгие, по сравнению со традиционными, механизмы селекции и сигналинга. Формирующийся в них транснациональный социальный капитал проходит двойную проверку – сначала на уровне «дорогостоящих демонстраций» в цифровой среде, а затем в процессе верификации практическим сотрудничеством. Это делает его высоколиквидным активом, способным трансформироваться в конкретные карьерные возможности, образовательные инициативы и устойчивые бизнес-альянсы, внося вклад в развитие экономического сотрудничества между странами на принципиально новой, неформальной и потому более гибкой и устойчивой основе.

Литература и источники

1. Belvedere, V. A quantitative investigation of the role of information and communication technologies in the implementation of a product-service system / V. Belvedere, A. Grando, P. A. Bielli // *International Journal of Production Research*. – 2013. – Vol. 51. – P. 410–426.
2. Stone, W. Measuring social capital / W. Stone // *Australian Institute of Family Studies, Research Paper*. – 2001. – P. 1–38.
3. Ali, H. Coverage of educational issues in Pakistan by Daily Dawn and the news: September 2015 – December 2015 / H. Ali, T. Hussain, S. Ali [et al.] // *Science International*. – 2017. – Vol. 29 (5). – P. 1069–1072.
4. Facer, K. *Learning futures: Education, technology and social change* / K. Facer. – London : Taylor & Francis, 2011. – 192 p.

5. Danowski, J. A. Group attitude uniformity and connectivity of organizational communication networks for production, innovation, and maintenance content / J. A. Danowski // *Human Communication Research*. – 1980. – Vol. 6. – P. 299–308.
6. Bennett, E. E. The ecology of virtual human resource development / E. E. Bennett, L. L. Bierema // *Advances in Developing Human Resources*. – 2010. – Vol. 12. – P. 632–647.
7. Xiao, Y. Human virtual human interaction by upper body gesture understanding / Y. Xiao, J. Yuan, D. Thalmann // *Proceedings of the 19th ACM symposium on virtual reality software and technology*. – 2013. – P. 133–142.
8. Hussain, T. What factors influence the sustainable tour process in social media usage? Examining a rural mountain region in Pakistan / T. Hussain, B. Li, D. Wang // *Sustainability*. – 2018. – Vol. 10 (7). – P. 2220.
9. Burke, K. Acknowledging another face in the virtual crowd: Reimagining the online experience in higher education through an online pedagogy of care / K. Burke, S. Larmar // *Journal of Further and Higher Education*. – 2021. – Vol. 45. – P. 601–615.
10. Cho, M.-J. The emergence of virtual education during the COVID-19 pandemic: The past, present, and future of the plastic surgery education / M.-J. Cho, J. P. Hong // *Journal of Plastic, Reconstructive & Aesthetic Surgery*. – 2021. – Vol. 74. – P. 1413–1421.
11. Verlenden, J. V. Association of children's mode of school instruction with child and parent experiences and well-being during the COVID-19 pandemic – COVID Experiences Survey, United States, October 8 November 13, 2020 / J. V. Verlenden, S. Pampati, C. N. Rasberry [et al.] // *MMWR. Morbidity and Mortality Weekly Report*. – 2021. – Vol. 70. – P. 369–376.
12. Stefanoudis, P. V. Correction to 'Moving conferences online: lessons learned from an international virtual meeting' / P. V. Stefanoudis, L. M. Biancani, S. Cambronero-Solano [et al.] // *Proceedings of the Royal Society B*. – 2022. – Vol. 289. – 20211769.
13. Moore, E. J. Association of Virtual Surgical Planning with external incisions in complex maxillectomy reconstruction / E. J. Moore, D. L. Price, K. M. Van Abel [et al.] // *JAMA Otolaryngology – Head and Neck Surgery*. – 2021. – Vol 147. – P. 526–531.
14. Ritsaart, W. P. R. Costly Displays in a Digital World: Signalling Trustworthiness on Social Media / W. P. R. Ritsaart // *Social Epistemology*. – 2022. – Vol. 38 (1790). – P. 1–18.
15. Alfano, M. Trust in a Social and Digital World / M. Alfano, C. Klein // *Social Epistemology*. – 2024. – Vol. 38 (6). – P. 669–673.

ОБ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКО-ТУРЕЦКИХ СВЯЗЕЙ В КОНТЕКСТЕ ПРИСУТСТВИЯ ТУРЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Е. А. Рупакова

Исторически, несмотря на географическую отдаленность и военные конфликты, Речь Посполитая, Российская империя, а в дальнейшем и БССР осуществляли взаимодействие с Османской империей. После очередной войны часть турецких подданных остались на территории современной Беларуси, тем самым привнеся свою культуру и традиции.

Рассматриваемая тема в Беларуси до настоящего времени не изучалась. Во-первых, белорусская востоковедческая школа только начинает формироваться и большинство научных исследований проводилось в контексте советской. Во-вторых, снижение интереса к востоковедческой тематике в БССР после Великой Отечественной войны, отсутствие профильных специалистов со знанием восточных языков привело к частичной ликвидации профильных академических институтов [1]. В-третьих, недостаточно сохранилась база источников и архивных материалов по данной проблематике ввиду того, что на территории Беларуси периодически осуществлялись военные действия. Среди белорусских ученых советского времени, исследующих тему русско-турецких войн, можно отметить И. К. Скворцова, Г. Г. Сергееву. Тема турецких военнопленных описана в работах российского исследователя В. В. Познахирева и белорусского ученого А. Максимчика.

Противостояние Речи Посполитой и Османской империи начинается в XVII веке. Однако, материалов, указывающих на проживание турецкоподданных или каких-либо пленных из Османской империи на территории Беларуси в этом историческом периоде нет. Турецкие военнопленные появились на территории Беларуси в результате Крымской войны (1853–1856 гг.), Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) и Первой мировой войны (1914–1918 гг.).

Территории современной Беларуси в результате трех разделов Речи Посполитой перешли в состав Российской империи (1772 – к Российской империи отошли Полоцк, Витебск, Могилев, Гомель, Орша, Мстиславль, Рогачев, Чечерск.; 1793 – центральная часть Беларуси; 1795 г. – Вильно, Гродно, Слоним). К началу Крымской войны территория Беларуси являлась западным форпостом Российской империи. С учетом обострения отношений Российской империи с Австрией и Пруссией и размещения их войск в Галиции и Польши, территория Беларуси находилась под прямой угрозой и могла служить «дорогой» на Москву. Поэтому Николаем I было принято решение о размещении вдоль р. Неман военные подразделения. С 1854 по 1856 гг. основными центрами дислокации подразделений 1-й и 2-й

пехотной, а также 1-й и 2-й кавалерийской дивизий российской гвардии с артиллерийскими и саперными подразделениями являлись Гродненская, Виленская и Минская губернии [2]. Именно этот факт является ключевым, с учетом того, что турецкие военнопленные размещались в тех же губерниях, где и дислоцировалась армия. Точное количество оставшихся пленным после Крымской войны на территории Беларуси установить не представляется возможным, однако по архивным документам фигурируют факты нахождения турецких подданных в белорусских губерниях. Стоит учитывать и то, что ввиду близких расстояний между белорусскими городами, оставшиеся после окончания войны пленные, могли передвигаться по стране.

В войне 1877–1878 гг. русской армией было взято плен наибольшее количество турецких подданных за все время. На территорию Беларуси, как на крайние участки империи отправляли военнопленных из разных областей России по железной дороге. Турецкие пленные должны были быть зарегистрированы в соответствии с законодательством с составлением именных списков, воинского звания, воинской части, места проживания и места пленения. Однако, на практике, допускались ошибки и опiski либо не полная регистрация данных, а низшие чины указывались в основном общим количеством [3]. Кроме того, точно сказать о том, что все военнопленные были солдатами также сложно: т. к. в плен попадали и гражданские (моряки, торговцы, рыбаки и др.), также среди пленных были женщины и дети-сироты (их рекомендовано было оставлять в турецких поселениях, но иногда русские военные забирали их с собой). На территории Виленского военного округа турецкие пленные были распределены по следующим белорусским городам: Лида, Витебск, Брест, Волковыск, Гродно, Кобрин, Пружаны, Бобруйск, Минск, Новогрудок, Пинск, Свислочь, Быхов, Гомель, Климовичи, Могилев, Рогачев, Чериков [3]. Контроль осуществляла «Подвижная комиссия о турецких военнопленных», сформированная 1 февраля 1878 г. К 1914 г. в Российской империи вырабатывается нормативно-правовая база в отношении иностранных военнопленных и процедур их интернирования.

Таким образом, территория современной Беларуси была непосредственно задействована в размещении турецких военнопленных. После окончания военных действий часть пленных осталась на территории страны, заключались межнациональные браки, однако сильного фактора распространения ислама не было, турецкоподданные старались интегрироваться в действующую славянскую культуру малых городов.

Литература и источники

1. Острога, В. А. История Турции в белорусской историографии / В. А. Острога // Беларусь – Турция: пути сотрудничества : материалы второй междунар. науч.-

практ. конф., Минск, 25 февр. 2011 г. – Минск : Четыре четверти, 2011. – С. 160–164.

2. Арлукевич, А. Б. Сосредоточение войск Российской Империи в Беларуси в период Крымской войны и преддверии восстания 1863–1864 гг. / А. Б. Арлукевич // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. – 2020. – № 9. – С. 2–15.

3. Познахирев, В. В. Оттоманские военнопленные в России в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. / В. В. Познахирев. – СПб. : Нестор-история, 2017. – 320 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫХ МЕНЬШИНСТВ В БЕЛАРУСИ И ТУРЦИИ: ОБЩИЕ ЧЕРТЫ

А. С. Цмыг

Отношение к религии и религиозным институтам в обществе сильно изменилось. Религия может оказывать как консолидирующее воздействие, так и наоборот, приводить к противоречиям и розням. Оставаясь, по большей части, объединяющим началом и располагая сложной системой горизонтальных связей и институциональных отношений, религия может служить эффективным инструментом регуляции межнациональных и межгосударственных отношений.

Республика Беларусь является светским государством, в котором, в соответствии с законом «О свободе совести и религиозных организациях», создаются все условия для удовлетворения религиозных потребностей верующих, возникновения новых религиозных учреждений, роста числа религиозных изданий. В условиях поликонфессионального общества идет постоянный взаимный поиск точек соприкосновения, механизмов сотрудничества между государственными органами власти и религиозными организациями. Развиваются межконфессиональные отношения, которые способствуют стабилизации социальных отношений. При этом под межконфессиональными отношениями в социокультурном пространстве республики понимается комплекс разнообразных взаимоотношений и взаимосвязей между проживающими в ней представителями различных конфессий (как на межличностном, так и на межобщинном уровне) и между соответствующими религиозными объединениями, группами и организациями [1, с. 181].

Турецкая Республика, в соответствии с Конституцией, является демократическим, светским и социальным государством. Конституция гарантирует свободу вероисповедания и совести, а также запрещает дискриминацию на основе религиозных убеждений. Что касается религиозного состава, то Турция также является поликонфессиональным государством, с преобладанием одной религии – ислама. Однако, при этом,

культура турецкой нации в большинстве своем – светская. Находящиеся у власти политики осуждают экстремизм и религиозный фанатизм.

Беларусь и Турция строят свою современную идентичность вокруг доминирующей религии, тесно связанной с государственностью. В Беларуси православие выступает не только духовным, но и идеологическим маркером национальной идентичности, поддерживаемым на уровне официальной риторики и символической политики. Аналогично в Турции ислам, хотя формально отделен от государства по принципу кемалистского секуляризма, фактически является основным элементом национального самосознания и легитимации власти. В обоих случаях религиозные меньшинства включаются в систему «управляемой толерантности»: государство признает их существование и даже демонстрирует внешнее уважение к их культурной специфике, но при этом сохраняет контроль над их институциональной деятельностью.

В Турции интересно проанализировать исследования, которые касаются православной церкви. Турецкие исследователи активно изучают различные аспекты православия, особенно в контексте истории и современного положения в Турции. Их работы охватывают широкий спектр тем – от роли православных общин в Османской империи до современного положения Константинопольского патриархата. Можно выделить таких исследователей, как Элиф Байрактар Теллан [2], которая занимается историей православной церкви во времена Османской империи. Также интересны работы современных турецких авторов, которые занимаются положением немусульманских меньшинств в Турции, их роль и влияние на современную политическую и культурную жизнь Турции.

Исследования религиозных меньшинств в Беларуси и Турции открывают уникальную возможность для сравнительного анализа. Эти два кейса представляют собой зеркальные конфессиональные ситуации: в Беларуси ислам существует как историческое меньшинство в православной стране, а в Турции православие сохраняется как малое сообщество в мусульманском окружении. Несмотря на различие в масштабе, контексте и исторических траекториях, оба примера демонстрируют сходные механизмы взаимодействия религиозной и государственной идентичности, а также формы регулирования религиозного разнообразия.

Ислам в Беларуси и православие в Турции – это не новые мигрантские явления, а глубоко исторические традиции. Обе группы пережили периоды утраты институтов, эмиграции и демографического давления. В результате они стали своеобразными «реликтовыми меньшинствами» – хранителями памяти о многоэтничной и многоконфессиональной истории.

Правовое положение этих меньшинств в обеих странах

свидетельствует о сходных принципах государственного контроля над религией. Религиозные меньшинства также играют роль в дипломатическом позиционировании. В Турции тема православия связана с отношениями с Грецией, ЕС и Россией; она одновременно является источником международной критики и каналом мягкой силы. В Беларуси ислам, напротив, используется как элемент культурной дипломатии на Восток – через контакты с мусульманскими странами и сотрудничество с татарской диаспорой. Таким образом, религиозное меньшинство может становиться ресурсом международного символического капитала.

Культурные стратегии выживания религиозных меньшинств демонстрируют минимизацию конфронтации с большинством; акцент на культурно-историческом наследии (музеи, праздники, памятные даты); стремление к возрождению через образование и наследие (греческие школы на Гёкчеаде, духовный центр белорусских мусульман – мечеть в Ивье и др.). Оба кейса можно рассматривать в рамках концепций: управляемого плюрализма (*managed pluralism*); постимперской идентичности (*post-imperial identity*); мягкой секулярности (*soft secularism*), когда государство допускает религию, но определяет ее социальные функции.

Сравнение ислама в Беларуси и православия в Турции показывает, что религиозные меньшинства в современных постимперских государствах выполняют двойную функцию: они являются свидетельством исторической многоконфессиональности и одновременно инструментом самоопределения государства. Через отношение к этим меньшинствам можно понять, как формируется этнорелигиозная и государственная идентичность, где проходит граница между «традицией» и «чужим», и каким образом власть управляет разнообразием, не разрушая собственный идеологический монолит.

Литература и источники

1. Шкурова, Е. В. Межконфессиональное взаимодействие и государственно-конфессиональные отношения в Республике Беларусь / Е. В. Шкурова // Проблемы управления. – 2007. – № 2 (23). – С. 180–185.
2. Elif Bayraktar Tellan. The Orthodox Church as an Ottoman Institution: A Study of Early Modern Patriarchal Berats // Academia. – URL: https://www.academia.edu/38509062/The_Orthodox_Church_as_an_Ottoman_Institution_A_Study_of_Early_Modern_Patriarchal_Berats (date of access: 07.07.2025).

Научное издание

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ**

в глобальных и региональных контекстах

**Материалы Девятой международной научной конференции
(20–21 ноября 2025 г., г. Минск)**

В двух томах

Том 1

На русском, белорусском и английском языках

*Статьи публикуются
в авторской редакции*

Ответственный за выпуск
А. Ю. Дудчик

Подписано в печать 12.11.2025.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 16,74. Уч.-изд. л. 17,64.

Тираж 50 экз. Заказ 1229.

Издатель и полиграфическое исполнение:

ОДО «Издательство “Четыре четверти”».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя и распространителя печатных изданий

№ 1/139 от 08.01.2014, № 3/219 от 21.12.2013.

Ул. Б. Хмельницкого, 8-215, 220013, г. Минск.

Тел./факс: +375 17 350 25 42. E-mail: info@4-4.by